

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 2 / 2016
МАРТ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит

благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсочинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

Юрий Тотыш. Светлая роса на чёрной броне. Повесть	3
Леонид Иванов. Последнее утро. Рассказ	56
Ольга Логачёва. Письмо. Рассказ	59
Анатолий Кандауров. Возвращались домой мужики. Рассказ	63
Сергей Козлов. То не вечер. Рассказ	73
Юрий Дубатов. Два рассказа	80
Александр Мауров. Сапоги первого срока. Рассказ	83
Михаил Казанцев. Ожидание неизвестности. Рассказ	88
Михаил Кривошеин. Держись, Родион, держись! Рассказ	95

ПОЭЗИЯ

Галина Золотаина. Стихи разных лет	52
Ольга Ожгибесова. Вознесеньев день	67
Владислав Корнилов. Жизни слайды скоротечные	69
Любовь Анохина. Как будто нет войны	71
Дмитрий Мурзин. Сударь-сударь, что болит?	78
Василий Киселёв. Дядя Ваня	86
Александр Юдельсон. Как сердце, трепещет снегирь	93

КНИГА ПАМЯТИ

Евгений Чириков. В фашистской неволе. О черк	98
«Солдат войны» – защитник мира на земле Михаил Гущеваров. Подготовила Н. Мирская	107
«Батальон Славы». Из воспоминаний фронтовика. Подготовил В. Маурин	114
Дневник солдата великой войны. Подготовил В. Плющев	117

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Аксиос! Хабемус Папа! Вива, Куба! Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла	125
Вера Лаврина. Крым православный: Южный Афон	129

РУССКАЯ ШКОЛА

Вячеслав Елатов. Зажечь светильник	138
--	-----

ЭССЕ

Александр Ярошук. Куда пропала мумия фараона Сехемхета? Эссе - исследование	148
Маргарита Дубынина. Ф. М. Достоевский в моей жизни и в учительской судьбе	155

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. Художники о войне	157
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марина Цыпкайкина. Летописец судеб человеческих, судеб земляков. О героях книг Антонины Некрасовой.	162
Виктор Арнаутов. Берёзовские мелодии	164
Александр Мухарев. Война как генератор литературы. О книге «Непридуманные рассказы о войне»	164

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Война не закончена, пока не похоронен последний солдат. Подготовила А. Рыжова	166
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	169
--	-----

ВИКТОРУ ЛИХОНОСОВУ – 80 ЛЕТ

Виктор Иванович Лихоносов родился 30 апреля 1936 года на станции Топки Кемеровской области. Отец погиб на фронте в 1943 году. Мать – малограмотная крестьянка. Детство провел с матерью под Новосибирском.

В 1961 году Лихоносов окончил Краснодарский педагогический институт, после чего учительствовал на Кубани.

Первый свой рассказ «Брянские» он опубликовал в «Новом мире» в 1963 году. «Проза у него светится, как у Бунина», – писал Александр Твардовский.

В 1967 году опубликован сборник рассказов «Голоса в тишине», с предисловием Юрия Казакова: «Все, что он написал, написано свежо, музыкально, очень точно, и все проникнуто острой, даже какой-то восторженно-печальной любовью к человеку».

В 1969 году в «Новом русском слове» были напечатаны повесть Лихоносова «На долгую память» и статья о нем лучшего критика русской эмиграции Г. Адамовича. А в 1973 году выходит книга «Чистые глаза», с предисловием Виктора Астафьева. Опубликовал цикл повестей-путешествий по есенинским, лермонтовским и пушкинским местам: «Люблю тебя светло», «Осень в Тамани» и «Элегия».

Лихоносов десять лет работал над своим главным романом – о судьбе русского казачества «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» (1986 г.). Лауреат Госпремии России, Международной премии имени М. Шолохова. На Толстовских встречах получил первую премию «Ясная Поляна».

Виктор Иванович живет в Краснодаре и редактирует литературно-исторический журнал «Родная Кубань».

В журнале «Огни Кузбасса» в 2006 году впервые были опубликованы его «Записки перед сном». Дневниковые записи с комментариями.

Поздравляем дорогого, знаменитого, любимого земляка с юбилеем! Храни Вас Бог.

Юрий
ТОТЫШ

СВЕТЛАЯ РОСА НА ЧЁРНОЙ БРОНЕ

Повесть

ВАСИЛИСА

Записки медсестры

По себе знаю, жизнь заботится о равновесии. Если случается перекося, она старается его выправить. Первый раз меня перекосяло на свадьбе.

По дуруости, а скорее всего по глупости, я влетела в печальную семейную жизнь. Не знаю почему, но с детства мне нравились военные. Недалеко от дома, в котором жила, находилось артиллерийское училище с большой спортивной площадкой и металлическим забором, через который были видны курсанты, крепкие, сильные и красивые. Они в трусах и майках бегали, крутили «солнце» на турнике, лазили по шведской лестнице. Я смотрела на ребят и думала: «Вырасту – обязательно выйду замуж за военного».

В двадцать лет мне подвернулся Сергей Колесов. Он был выше среднего роста, спортивный. Чтобы показать свою силу, вставал на руки и отжимался. Ещё он рассказывал, как участвовал в венгерских событиях. Вместе с группой десантников обезвреживал снайперов, которые с крыш стреляли по нашим солдатам. Говорил так убедительно и красочно, что невозможно было не поверить. Потом оказалось, что он даже в армии не служил. За какой-то физический изъян его забраковала призывная комиссия. Рассказы

о венгерских событиях услышал от своего дружка по работе, который в самом деле был там и серьёзно воевал. Его истории без зазрения совести Колесов присвоил себе. Я, ослеплённая ими, согласилась выйти за него замуж.

На свадьбе Сергей не сдержался, вывернулся наизнанку. Так упился, что почувствовал себя барбосом в конуре. Забрался под стол, языком слизывал из тарелки пюре с кусочками печени. Когда его попробовали вытащить оттуда, натурально залаял.

Подруги из хирургического отделения, где я работала медсестрой, тихонько ушли со свадьбы. Потом одна из них сказала:

– Василиса, где были твои глаза, когда ты выходила за него замуж?

В ответ я только дёрнула плечом. Известно, что зрение влюблённой девушки меняется. Она видит совсем не то, что есть на самом деле, а потом расплачивается за свою романтическую слепоту.

Чем дольше я жила с Сергеем, тем больше он разочаровывал меня. Муж не задерживался подолгу на одном рабочем месте. Его выгоняли за постоянное пьянство. Тогда он переходил на моё иждивение. Я как медсестра получала сто двадцать рублей в месяц. Денег у нас вечно не хватало. Страсть к вину, естественно, у него не проходила. При отсутствии собственных дохо-

ТОТЫШ Юрий Софронович родился 15 ноября 1936 года в городе Обдорске Омской области. Работал заместителем редактора газеты «Кузбасс», директором областного радио, редактором газеты «Земляки». Ныне директор редакционно-издательской фирмы «Весть». Автор шести книг прозы. Печатался в журналах «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Сова». Живёт в Кемерове.

дов он преспокойненько залезал в мой кошелёк и выгребал всё до последней копейки.

Я сопротивлялась грабежам как могла. Тогда он стал распускать руки. Поводом использовал ревность. Чуть задержишься на работе – пристаёт с ножом к горлу: «У хахалы была?». Для убедительности добавлял удары кулаком в голову. Когда у меня мозги встряхивались до потемнения в глазах, хватал сумочку, вырывал кошелёк. С добычей убегал из дома, чтобы с приятелями под забором напиться.

Мне такая супружеская жизнь вскоре стала поперёк горла.

Правильно говорят: «Сколько ниточка не вьётся, всё равно порвётся».

Первого мая я дежурила в операционной областной больницы. После автомобильной катастрофы привезли пострадавшего – секретаря обкома партии. Рано утром он торопился из санатория, где лечился, в город, на демонстрацию, чтобы занять место на трибуне.

В деревне Скоково из переулка на трассу выскочил трактор «Беларусь». И надо же было так случиться – в трёх метрах перед «Волгой» чиновника. Водителя с места происшествия увезли в морг, а пассажира в больницу, где прямо в одежде привезли на каталке в зал. Когда укладывали на стол, он вдруг соскочил и бросился к двери, но споткнулся, упал. Кровь хлынула изо рта. Хирург, анестезиолог, реаниматолог с трудом вернули его на место.

Родиону Павловичу пришлось пять часов копаться во внутренностях пациента. Когда он наконец зашил кожу, довольно поднял вверх онемевшие руки в перчатках: ему удалось спасти тяжёлого пациента! Тело отправили в реанимационную палату, бригада пошла к праздничному столу, чтобы отметить солидарность трудящихся всего мира, заодно – приход весны.

Выпивая бокал вина, я вспомнила о муже. Сейчас он, наверное, дома мечется в поисках бутылки?

Теперь я мечтала только об одном – избавиться от мужа-тирана.

Когда шла домой, так приятно светило солнце. Деревья покрывались клейкими листочками. От них шёл обалденный запах – весны. В квартиру заходить не хотелось.

Я присела на скамейку возле нашего пятиэтажного панельного дома, расстегнула плащ и стала наслаждаться весенней природой. Не заметила, как подсели две старушки и заговорили

о какой-то Марии Тимофеевне, которой привезли сына с войны в цинковом гробу. Военные уговаривали мать похоронить сына, не вскрывая гроб, чтобы не травмировать себя растерзанным телом. Но мать не согласилась: «Хочу взглянуть на сына!» Пришлось открывать крышку. Открыли и увидели, что там лежит какой-то узбек, смуглый, заросший чёрными волосами. Это был чужой покойник. Свидетелями подмены стала вся улица, которая хорошо знала сына Марии Тимофеевны. Пришлось военным с извинениями увозить гроб.

Я заинтересовалась:

– А с сыном как?

– Нет его. До сих пор ищут. Мать надеется: вдруг окажется живым. Во время войны с фашистами часто такое случалось. И похоронку вышлют, даже место укажут, где погиб солдат, а он вдруг после Победы является живым.

Пока судачила с бабушками о трагедии Марии Тимофеевны, откуда-то появился Сергей. Он явно уже поднабрался. Выскочил из-за угла дома и боком, опираясь ладонями о стену, бросился к подъезду. Широко распахнул дверь и нырнул внутрь.

Одна из старушек была учителем русского языка. Провожая взглядом Сергея, она вдруг стала цитировать Толковый словарь Даля:

– Задротыш, михрютка, плюгавец, задохлик, лохопендрик, заморыш, мозгляк, хилляк, замухрышка, бухарик! Тебе, милая, надо сломя голову бежать от этого мужика. Он не твой, твоя жизнь с ним не кончится добром.

Мне стало жутко от такого пророчества. Вскочила и рванула в подъезд за мужем. На верхних этажах услышала мощные удары. Поняла, Сергей бьётся в квартиру, думая, что я там. Откуда только крылья взялись. Минута – и оказалась на площадке четвёртого этажа. Супруг наваливался грудью на двери и, подняв руки, колотил кулаками коричневую филёнку.

– Ты с ума сошёл! Весь дом поставишь на уши! – не помня себя, взревела я.

Он отшатнулся, опустил руки. Передо мной блеснули безумные глаза. В голове заворочалась боль.

Я очнулась на полу бетонной площадки. Рядом валялась пивная бутылка. Сергея не было. Он выпотрошил мой кошелёк и сбежал за водой. Открытая сумочка валялась рядом. Протянула к ней руку. Перебрала пальцами женские предметы – пудреницу, тубик губной помады,

платки, — пока на самом дне в уголке не нащупала ключи от квартиры. На душе стало чуть легче. Хоть это он не забрал. Сейчас поднимусь и открою дверь.

Оказалось, подняться было не так просто. Голова налилась свинцом, кружилась, норовила свернуться на бок. В таких случаях лучше полежать, пока организм сам не вернётся к равновесию, отрегулирует кровяное давление.

Пол на площадке был грязным, заплёванным. Противно на нём лежать. Я стала подниматься, опрокинулась на спину. Вытянула руки вдоль тела, зажмурилась.

Рядом раздался шорох, и встревоженный голос спросил:

— Вам плохо?

— Очень! — призналась я и открыла глаза. Над мной стояла старушка, которая десять минут назад советовала расстаться с мужем. Она страдальчески смотрела сверху на меня.

— Давай помогу!

Я протянула ей руку. Хватка у пожилой женщины оказалась необыкновенно сильной. Она легко поставила меня на ноги. Я даже удивилась:

— Вы штангой занимались в молодости?

— Штангой! Штангой! Как муж придёт подвыпивши, хватаю его за пояс и бросаю через забор. Так и отучила от водки. К старости не брал капли в рот.

— А нельзя было лёгким способом лечить?

— Моего нельзя. В пьянстве он был страшным. Дрался, мог изувечить. А как проспится за забором, шёлковым становится. Спрашивает: «Ты снова меня заставляла летать?» Отвечаю: «Заставляла». Так мы большую часть жизни прожили в полётах, пока он не потерял всякий интерес к спиртному. Твой Сергей из той же породы извергов.

Разговаривая мы с бабушкой прошли в квартиру. Я напоила гостью чаем. Когда та уходила, на самом пороге вдруг спросила:

— Ты не возражаешь, если вечером я ещё раз загляну к тебе?

— Конечно! Конечно! — обрадовалась я. Подумала: «Если Сергей снова явится в непотребном виде, при чужом человеке не посмеет распускать кулаки».

После ухода гости я забралась в ванную, хорошо вымылась и улеглась в постель. Навалилась такая усталость, что уснула как мёртвая.

Проснулась, в комнате было темно. По стене плыли полосы света от фар машин. Доносились

гулкие звуки моторов. Я задумалась о своей жизни, которая теперь мне казалась бестолковой, лишённой смысла. Мечтала о любви, получила шиш пьяный. Стала готовиться к вступительным экзаменам в институт. Но разве Сергей даст возможность учиться? Суицид показался единственным выходом из тупика. Темнота сгустилась в комнате. Даже автомобили стали реже ездить по улице.

Только транзисторный радиоприемник на тумбочке бормотал новости. США за сто двадцать один год вторгались сто тридцать раз в пятьдесят стран. В Кабуле смертник подорвал себя на мотоцикле. Три человека убиты, десять ранены.

Мой мозг будто закрылся плотно шторкой и стал вырабатывать трагическое желание. Я достала из коробочки успокоительные пилюли, рассыпала на столе перед собой и увлеклась их поглощением.

Медленно-медленно приходило состояние блаженного покоя. Казалось, что я погружаюсь в чёрный водоворот. Никогда прежде не было так хорошо. Хотелось уплыть вниз и рассеяться на атомы.

Вдруг рядом раздался грубый, низкий, как гром небесный, голос:

— Ты, чёрт, девка, одурела? Рано запросилась на тот свет!

Я попала в какой-то ужасный сон, в котором мельтешили люди в халатах, ощущался запах бензина, шум автомобильного мотора. Белые стены, кафель. Между тем настойчивый голос требовал:

— Глотай! Глотай!

И чернота. А потом слабый утренний свет и стойка капельницы.

Возвращение было медленным, трудным, словно я мучительно выдиралась на поверхность из толщи воды. Вынырнула, и мир стал понятным для зрения.

Я лежала в большой палате с четырьмя кроватями. Пятая у правой стенки была моя. На каждой — контуры тел, прикрытых одеялами, и женские головы на подушках. Только у окна лежал кто-то под простынёю. Не успела я угадать, кто, как две санитарки втащили каталку и поставили рядом с кроватью у окна.

Санитарки действовали профессионально. Одна стащила с покойницы простынь и взялась за ноги. Вторая завела руки под мышки. Дружным усилием легко перенесли тело на каталку и

снова накрыли простынёю. Так же деловито, без лишних слов, увезли каталку снова в коридор, закрыли за собой створки двери.

Все женщины во время процедуры приняли вертикальное положение. Кто стоял, скрестив на груди руки. Кто сидел на кровати, открыв рот. Провожали печальными взглядами каталку. Блондинка в цветастом байковом халате перекрестила лоб и тяжело вздохнула:

– Отмаялась Дормидоновна!

Посидела минут пять, потом осторожно соскользнула с кровати и, переваливаясь на кривых венозных ногах, пошла в туалет, придерживая рукой распахивающиеся полы.

Вторая женщина, молодая шатенка со скорбным лицом и опущенными плечами, злобно проворчала:

– И почему мы, бабы, такие дуры? Из-за мужиков вешаемся, режемся, травимся. Не стоят они того.

– А что с Дормидоновной? – осторожно полюбопытствовала я.

– Муж изменил. Как узнала, флакон уксусной эссенции глотнула. Желудок и кишки выжгла. Всю ночь спасали. К утру в великих мучениях преставилась, как святая.

Я не поняла, в чём святость погибшей женщины. Может, в том, что сама забралась на Голгофу и прибила свои руки к смертельному кресту?

Моя голова казалась свинцовой от тяжести. Приподняла и не могла удержать, уронила на подушку и закрыла глаза. Полежала, отдышалась и подумала. Кто же вчера спас меня? Потом вспомнила бабушку, которая бросала своего пьяного мужа через забор. Решила, наверное, она – и ошиблась.

После обеда явилась в палату младшая сестра моей мамы, тётя Галя. В больнице тётку одели в просторный белый халат. В нём она была похожа на Диану – охотницу Рубенса. Такие же большие плечи, грудь восьмого размера, золотистые пушистые волосы, зачёсанные к затылку и собранные в большой тугий узел.

Я уважала свою тётку и слегка побаивалась. Она напоминала танк. Столько в ней было сокрушительной энергии! На свадьбе именно она извлекла Сергея за шиворот из-под стола и обмыла в ванной от блевотины. Потом говорила:

– Ты натягиваешь его на себя, как детские трусики на свою зрелую попу. У него нет даже семилетнего образования, а ты готовишься по-

ступать в институт. У вас мозги разные. Вы понять не сможете друг друга.

Когда я увидела тётку у своей кровати, то сразу подумала, что та пришла, как обычно, угораздить разойтись с мужем, и решила согласиться. Теперь в больнице поняла, что моё сожительство с ним не имеет смысла во всех отношениях. Я даже рожать от него не хотела. В семье Сергея все пили: отец, брат, даже малолетний племянник. Кто даст гарантию, что ребёнок, рождённый от алкоголика, не станет алкоголиком? Вот только как освободиться от него?

Удивительно, но тётка даже не вспомнила Сергея. Рассказала, что вчера её будто кто-то вынес из дома, заставил через весь город бежать ко мне. Не помня себя, очутилась на проспекте Октябрьском. Дверь моей квартиры оказалась открытой. Заскочила, увидела меня за столом в одной ночнушке с горстью таблеток в руке. Таблетки вырвала, бросила на пол и вызвала скорую помощь. Вот, оказывается, чей голос я услышала, но почему он показался мне грубым, металлическим, гренадёрским, как будто с того света?

За неделю меня привели в чувство, выписали из больницы. Я не захотела возвращаться домой. Поехала к тёте Гале, чтобы отдохнуть душой и телом, а главное, успокоить нервы.

Родственница жила со вторым мужем Никанором. Он работал шофёром на азотно-туковом заводе. Когда-то у него была своя большая семья. Жена и две дочери. С женой оказалось не всё в порядке. Она влюбилась, бросила малолетних дочерей и с новым мужиком уехала на Дальний Восток. Там отсекала головы у рыб на конвейере и за это получала большие деньги.

Несколько лет Никанор бедовал один с девчонками. Потом он познакомился с Галиной. Случай, достойный пера Шекспира. Мою тётку пригласила подруга к себе на дачу, далеко за городом. Дескать, подышим свежим воздухом, соберём клубнику. Тётка без задних мыслей согласилась. В субботу поехала. В домике, кроме подруги, встретила ещё двоих мужчин. В первый момент кольнуло подозрение. Они что делают тут? В то время Галина не была готова к новым сексуальным отношениям. Ещё не зажила травма от своего развода. Подруге она доверяла как себе. Познакомилась с гостями. Вроде ничего, нормальные люди. Откуда-то появились бутылки водки и вина. Выпили. Подруга вдруг куда-то исчезла, а мужчины взялись за Галину. Она

вспоминала потом. Опыянения не было, а руки, ноги вдруг отключились, стали неуправляемые. Мужчины расстегнули у неё кофточку, потом взялись за юбку. Когда дошло до трусиков, у Галины вдруг проснулась сила. Она оттолкнула от себя мужиков, выскочила из домика и через кусты ломанулась к дороге, которая была в метрах двухстах от дачи. Споткнулась о какую-то коряжину, упала. Мужики бегали вокруг. Но алкоголь затуманил им мозги. Они не смогли найти беглянку.

Когда стемнело, Галина выбралась на дорогу, остановила жигулёнок. Рассказала водителю, что с ней случилось, и попросила довезти до дома. Тот включил скорость и завернул в какой-то лесок. Вид полуобнажённой женщины возбудил его до невероятности. Он попытался овладеть ею, но получил такой боковой удар в челюсть! Тётка в юности занималась спортом, мышцы у неё были, как у доброго мужика.

Свалив третьего насильника, она стащила куртку с него, натянула на себя и рванула дальше по дороге. Вскоре попала в грузовая машина с гравием. Она стала умолять водителя отвезти её домой. Тот согласился, но при условии, что вначале выгрузит гравий на складе. После этого он довёз женщину до дома. Там она в благодарности пригласила его в квартиру выпить чаю.

Никанор согласился. Теперь он десять лет пьёт чай из рук Галины. За это время они вырастили девочек, выдали замуж, а сыну тётки дали среднее образование. После школы он пошёл дальше, в военное училище, а затем потерялся в гарнизонах. Теперь супруги живут вдвоём. О своём первом муже Галина никогда не вспоминала. Только однажды сказала о нём, как сплунула: «Сволочь!»

Мне нравился Никанор. Внешне он не выглядел красавцем. Белобрысый, с водянистыми серыми глазами, небольшого роста, бесцветный какой-то, к тому же рядом с Галиной он выглядел карликом. Но в нём было столько доброжелательности, готовности помочь людям, что к нему сразу тянулась душа. Ещё он был интересным человеком: собирал марки, монеты, открытки. Когда я появилась в квартире тётки после больницы, он обнял меня, увёл в спальню, там достал из книжного шкафа толстый коричневый альбом:

– Моя новая коллекция. Заметки о войне в Афганистане.

Я открыла обложку и на первой странице увидела крохотные газетные вырезки. Одна гласила:

«24 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская (Саурская) революция, в результате чего к власти пришла народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), провозгласившая страну Демократической Республикой Афганистан. Попытки руководства страны провести новые реформы, которые позволили бы преодолеть отставание Афганистана, натолкнулись на сопротивление исламской оппозиции. В Афганистане началась гражданская война». Я перелистнула другие страницы. Они пестрели заметками о подрывах смертников, свержении Амина, боях моджахедов. Это были нарывы на теле страны, которые говорили о серьёзном заболевании. Я не интересовалась в то время политикой. Равнодушно полистала альбом, вернула Никанору. Через минуту уже не думала о стране, где разгоралась гражданская война. Пошла на кухню, чтобы помочь тётке с обедом.

В тот же день явился Сергей. Когда Никанор открыл ему дверь, он встал на колени и быстро-быстро пошёл ко мне. Не успела опомниться, как супруг обхватил мои ноги и, заглядывая снизу в глаза, стал просить о прощении. Встреча закончилась на кухне. Никанор захотел испытать Сергея, поставил на стол бутылку водки.

– Нет! Нет! – замахал тот руками. – Белоголовая и так принесла много бед. Я со вчерашнего дня завязал!

Я хорошо знала, как «завязывают» пьяницы. Они, когда захотят, могут быть очень убедительными, пока снова не загорится у них душа желанием напиться. Проявила слабость. Поддалась уговорам, вернулась домой. Там был настоящий бедлам! Сергей приводил в квартиру собутыльников. Они пили, закусывали. Обеды валялись даже под кроватью. Перевернутый стул ножками вверх торчал посреди комнаты. А сколько пыли на подоконнике, на полках книжного шкафа!

– Ты бы хоть веником разок махнул! – вырвалось у меня.

Стащила с себя сапожки, набросила синий рабочий халат на плечи и взялась за уборку. Сергей виновато пыхтел рядом, возил по полу тряпкой.

Его трезвости хватило ровно на неделю. Когда в пятницу я вернулась с дежурства, дверь была взломана. Я вошла в квартиру и не обнаружила своих книг по медицине, которыми очень дорожила и которые помогали мне в работе. Сомнений не было, какой вор здесь постарался.

Позвонила в букинистический магазин. Продавец сказала, что эти книги сдал молодой человек, описала внешность Сергея. Я попросила оставить книги: «Сейчас подойду и выкуплю»...

Ночь проспала при открытых дверях. В первом часу приполз супруг. Стараясь не шуметь, улёгся на полу, захрапел.

Утром сказала ему:

– Разведёмся.

– Разводись! – буркнул он и ушёл на кухню.

Самым сильным местом у него в организме был желудок. Если туда забросить гвозди, переварит.

На суд Сергей не явился. Развели без него.

А вот покидать мою квартиру он не захотел. Я посоветовалась с юристами. Они сказали: если он проживёт полгода и вещи его останутся в квартире, то и жильё сохранится за ним. Если я уеду в командировку, то квартира будет за мной. Через определённое время можно обратиться в суд, выписать его. Это решило вопрос о командировке. Ничего не оставалось, как уехать в командировку, но куда?

Пришла подсказка от Никанора.

– Завербуйся в армию. Военным нужны вольнонаёмные медики, педагоги, повара. Хочешь, я познакомлю тебя с Карповым? Он капитан, занимается кадрами в военкомате. Я поставил ему «москвич» на колёса и деньги не взял. Думаю, в благодарность он отыщет тёплое местечко для моей родственницы где-нибудь в Германии или Чехословакии.

Никанор записал адрес капитана на листочке. С запиской я пошла в четвёртый отдел Центрального военкомата. Карпов оказался приятным молодым черноволосым мужчиной. Когда узнал, от кого я, бережно усадил за стол, угостил чаем с шоколадными конфетами. Внимательно выслушал. Потом достал блокнот, записал имя-отчество, возраст, образование, место работы, адрес. Сказал, что теперь надо ждать, пока не придёт заявка. Когда я спросила, сколько ждать, Карпов обаятельно улыбнулся и дипломатично ответил:

– Сколько положено!

Прошло ещё полгода. За это время я с мужем мирилась, снова расходилась. Душа от него окончательно отвернулась. Я не знала, как освободиться от Сергея. Когда уже совсем не стало мочи, позвонил Карпов и пригласил в военкомат.

У меня как раз наступало дежурство. Я договорилась о подмене и на крыльях полетела на

встречу своей новой судьбе. Рядом с кабинетом Карпова в коридоре топтались двое солдат. Они дружно и заинтересованно уставились на меня. Я робко спросила, кто из них последний в очереди.

– Тут последних нет. Все первые! – пошутили солдаты и добавили: – Если вы в четвёртый, то проходите. Мы в другой отдел. А здесь просто болтаемся, ждём, когда нас пригласит военком.

Я открыла дверь.

Карпов сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. На скрип поднял голову, увидел меня и громко пригласил:

– Проходите и присаживайтесь.

Сердце так сильно забилося, что пришлось глубоко вдохнуть несколько раз. Когда я опустилась на стул возле стены, волнение пропало. Я уставилась на капитана. Он взял папочку на столе, открыл и сказал почему-то очень торжественно:

– Заявка поступила из Афганистана. Там есть место медсестры. Если хотите, оформим. Пять минут на размышление. Выйдите в коридор, подумайте.

Я вернулась в коридор. Там уже не было солдат.

Подошла к окну. За стеклом открывалась небольшая площадка, на которой стояла женщина в синих джинсах. Рядом молодой мужчина держал белый свёрток с грудным младенцем. Оба оживлённо говорили о чём-то. Руки мужчины были заняты. Зато женщина не стесняла себя в жестах.

К ним подошла ещё одна женщина, потрогала ребёнка. Потом все трое забрались в легковую машину. Мужчина передал ребёнка молодой. Сам сел за руль. Дамы устроились на заднем сидении.

Я смотрела на сцену за окном и думала о Сергее. Он тоже мог стать отцом моего ребёнка. Но как рожать от алкоголика? Дед, отец, брат – вся семья пьющая. Ещё одного такого произвести на белый свет? Легче удавиться. Я вернулась к Карпову и сказала:

– Согласна!

– Тогда оформляйте документы. Напишите свою автобиографию. Ещё нужна характеристика с работы. Получите медицинскую справку, которую обязательно должны подписать нарколог, венеролог. Комиссия в нашей поликлинике работает по четвергам с девяти часов.

Легче всего оказалось с медицинской справкой. В комиссии я сказала, что у меня со здоро-

вьем всё прекрасно. И тут же, к своему изумлению, получила нужные подписи. Гинеколог даже в кресло не посадила. «Замечательно, – подумала я, – с триппером можно ехать в воинскую часть и разносить заразу по всему гарнизону». Но, слава богу, у меня не было ни триппера, ни какой другой заразы. Равнодушие коллег к здоровью женщины меня как медика покорило.

Все процедуры со сбором документов заняли полгода. Таких, как я, ещё набралось три человека. Все разведёнки, все несчастные бабы. Нам выдали предписание и отправили на поезде в Ташкент, но, куда конкретно ехать, не сказали. Маршрут был тайной. Порекомендовали только обратиться на железнодорожном вокзале к военному коменданту. Он-де знает и распорядится нашей судьбой.

В поезде я познакомилась со Светой. По паспорту она была русская, но внешне была похожа на армянку, даже больше на смуглую цыганку. Как и я, была замужем, муж улетел на Шпицберген за большими деньгами. Неугомонная жена не захотела караулить стены квартиры и дунула, правда, совсем в другую сторону. Мужу написала, что отправляется в Среднюю Азию тоже добывать деньги. Куда конкретно, естественно, не сказала, и понятно почему. Её поездка была засекреченной. Не знала она и свой конечный адрес. Работать собиралась там, куда направят. У неё было много специальностей: повар, штукатур, делопроизводитель. Но все, как она говорила, плёвые, чернорабочие.

В купе Света высказала свои соображения насчёт мужчин, с которыми придётся общаться в войсках. «Я дама мужняя. Не должна крутить любовь с кем попало. В процессе сожителства между мужем и женой строится духовный мост – эгрегор. Стоит его разрушить изменами, то связь с супругом теряется навсегда. Можешь, конечно, с ним жить, общаться, вкусные борщи ему готовить, даже спать в одной кровати, но уже перестаёшь ощущать его мир. Он становится для тебя чужим. Теряется интерес друг к другу, что приводит к разводу. Если хочешь сохранить семью – не изменяй!» – убеждала Света.

Я примеряла эту идею на себя:

– Я не замужем. Значит, мне можно поднять хвост?

– Не совсем. Мужики почувствуют, что твои ворота широко открыты и будут ломиться туда кому не лень. Тебе же надо выстроить эгрегор с новым мужчиной. Эта работа ювелирная, остро-

рожная, требующая тишины и внимания. Поэтому лучше не размениваться. Хочешь найти себе настоящего мужа, держи свои ворота на хорошем засове, пока не подойдёт единственный, тот, кто тебе нужен. Вот только для него открой и то очень аккуратно, чтобы не подумал, что здесь путь хорошо протоптанный.

Сергей не пробудил во мне женщину. Первая брачная ночь с пьяным мужем ничего, кроме отвращения, не вызвала. А потом я ложилась в постель с ним больше по принуждению, чем по желанию. Уезжая в Афганистан, дала слово себе: «Никаких флиртов! Хватит, нажилась!»

На вокзале мы нашли коменданта. Он посмотрел документы и усадил в зелёный армейский пазик. Я уселась возле окна и с интересом через стекло разглядывала восточный город. Он поражал мавзолеями, медресе и даже католическим собором Святейшего Сердца Иисуса. Где-то недалеко была ещё Бухара. Ощущение такое, будто несёшься на машине времени по сказке «Тысяча и одна ночь». Очень скоро волшебство пропало, через час мы выпали в реальность, оказавшись на пересылке.

Возле железных ворот прогуливался здоровущий пес. Перед машиной он уселся и вывалил набок огромный красный язык, с которого стекала пена. У собаки был такой вид, будто машина вызывала у неё аппетит. Сейчас откроет пасть и сжамкает машину с пассажирами.

Я до дрожи в коленках боялась собак, особенно таких огромных, как эта. Решила не выходить из автобуса, пока не уберут её. Дежурный солдат с красной повязкой будто услышал мои мысли, молодецкато вышел из КПП. Видимо, пёс получил от него команду, втянул язык в пасть, отошёл в сторону и уселся на задние лапы.

Захватив свои чемоданы, сумки, потянулись к выходу. Невольно косились на неподвижную спокойную собаку, когда проходили мимо широко открытые солдатом ворота. Служивый показал рукой на три кирпичных здания.

– В первое заходите. Вас встретят там, – сказал он.

Оставалось одолеть метров тридцать, как из второго по порядку дома вывалилась толпа хорошо подвыпивших военных и лавой покатились к воротам. Они шли развёрнутой линией. Двое чуть сбоку вели, обняв за плечи, пьяного, который ногами в сапогах выписывал кренделя.

Мы, не желая сталкиваться с компанией, взяли левую сторону, чтобы обойти. Мужчины уви-

дели «добычу» и преградили нам путь. Пьяный вдруг протрезвел, заблажил:

– Ура! Баб подогнали! Девочки, может, сегодня вечером повеселимся? У нас водка и вино в избытке. Есть что выпить, что закусить, на чём поваляться в свободное от службы времени. Гы-гы!

Не успели мы прийти в себя, как оказались в оцеплении распаренных жарой и алкоголем мужиков в форме. Из всех не потеряла самообладание только Света. Она накинулась на самого рослого в середине толпы:

– Капитан, закрой поддувало внизу и вытри сопли!

Офицер испуганно опустил взгляд на брюки. Ширинка оказалась расстёгнутой. Непорядок в одежде для военного – хуже удара между ног. Пока застёгивался, Света буром двинулась на него. За ней остальные женщины. Мужчинам ничего не оставалось, как расступиться и пропустить группу. Они внимательно проводили нас взглядами и ушли куда-то своей дорогой через КПП, наверное, за водкой. Я подумала, глядя на них: «Здравствуйте! От чего уплыла, к тому же и приплыла!»

Каждая из нас не была образцом добродетели, не всегда придерживалась правил пуританской морали. Но это не означало, что нас можно было вот так цинично оскорблять.

Тут ещё удушающая жара под сорок градусов. Казалось, температура вот-вот перейдёт точку плавления, тело потечёт. Одуревшие в доску, как писал мой любимый Есенин, мы ввалились в казарму и облегчённо вдохнули прохладный от кондиционеров воздух.

Возле нас мгновенно появился усатый прапорщик. Он привёл в комнату, заставленную двухъярусными железными кроватями.

– Вот ваше царство-государство. Располагайтесь!

Мы разобрали кровати на нижних этажах, уселись каждая на своей. Притащили матрацы, полученные от прапорщика, уложили на пружины. Света обратила внимание на входную дверь. Ни замка, ни шпингалета, ни крючка! Входи кому не лень!

Таня пошла в туалет, прямо по коридору и в конце налево. Оттуда вернулись с круглыми от ужаса глазами.

– Там солдаты!

Оказывается, в казармах вообще не предусмотрено «опорных точек» для женщин. Решили

ходить по двое. Одна стоит у входа и задерживает солдат, пока вторая справляет нужду.

Мы пробыли три дня на пересылке и три дня пользовались этим способом. Мужчины с пониманием отнеслись к нашему затруднению. Некоторые заглядывали к нам в комнату и говорили: «Туалет свободен!» Тогда мы толпой устремлялись по коридору прямо и налево.

На ночь забаррикадировали дверь кроватями. Но это не помогло. Ночью кровати сдвинулись. В комнату ввалилось что-то громоздкое, военное с известным набором слов.

Дамы подлетели на своих кроватях и, как были, в ночнушках, энергично взялись за гостя. Кто-то ухватил его за руки, кто-то за ноги, кто-то за волосы. Я облюбовала широкую плотную спину. Уперлась в неё ладонями.

Удивительно, но мы легко вытолкнули грузного мужчину из комнаты. Остальное ночное время не спали. Боялись, что кто-то ещё завалится к нам. Новой атаки не последовало, и к утру мы забылись. В следующие ночи тоже не было атак. Жизнь в казарме пошла без особых приключений.

Вновь, уже более тщательно, прошли здесь медицинскую комиссию. Довелось и в гинекологическом кресле побывать и разные прививки от южных болезней поставить, освоить инструкции по соблюдению секретности. Наконец нам приказали быть в боевой готовности, в шесть ноль-ноль с вещами покинуть казарму и на площадке перед воротами ждать автобус в аэропорт.

Сторожевой пёс провожал нас. Он крутился возле колёс, обнюхивал скаты, поднимал заднюю ногу. Не получив угощения от мужчин, сунулся к женщинам. Кто-то бросил ему кусок колбасы. Пёс поймал на лету, зажал белыми огромными зубами, отошёл в сторону и стал деликатно завтракать, жмурясь от удовольствия.

Я вспомнила, что у меня ещё сохранился кусочек сыра. Достала из авоськи, завернула его в кусок газеты и робко протянула ему. Пёс опустил недогрызенную колбасу, положил возле лап и поднял морду к моему подношению. Я подумала, что он сейчас аккуратно откусит кусочек, но пёс взял зубами сыр, вытянул его из свёртка и с аппетитом стал поедать. Проглотив сыр, наклонился к колбасе. Вся толпа уставилась на него. «Надо же, какой умный!» – удивился молоденький лейтенант с красивым кожаным чемоданом. Он стоял возле Светы и время от времени поглядывал на неё, как на сыр в масле. «Трудно будет подруге сохранить эгрегор», – подумала я.

Тут передняя дверь автобуса (задняя не работала) открылась. Все ринулись в проход, чтобы занять удобные места. У меня было такое чувство, что я оказалась в воронке вихря. Тело закрутило и понесло вверх, чемодан вырвало из руки, но авоську я всё-таки удержала. С ней оказалась притиснутой к животу какого-то толстого мужика, от которого противно несло потом и пивом.

Чуть отдышавшись, стала искать свой чемодан. Боялась, что в буйной толпе его растопчут и я лишусь нужных мне вещей.

К счастью, в этот момент раздался вскрик Светы:

– Забирай, подруга!

Через головы приплыл ко мне чемодан. Сосед подвигался могучим телом, освобождая пространство между нами. Я ухватила двумя руками чемодан и просунула вниз к ногам.

Снаружи раздался голос водителя.

– Эй, старлей, убери жопу! Дай место де-вушке!

В последнюю очередь протиснули в автобус нашу Татьяну. Водитель вернулся в кабину, закрыл дверь. В тесноте и неимоверной духоте мы поехали. В салоне сгрудился крепкий здоровый народ. Поэтому обмороков не было.

Настоящая мука началась в накопителе аэропорта, куда попали через полчаса. До этого прошли, как положено, регистрацию, затем оказались в небольшой комнате со стеклянными стенами, через которые виднелась взлётная полоса с самолётами. Машины непрерывно взлетали и опускались.

Жёлтые скамейки накопителя оккупировали мужчины. За три дня общения с ними я почувствовала высокую степень их презрения к нам, женщинам по гражданскому найму. Они считали нас низкопробными подстилками, пригодными для разового потребления. Полежал сверху, справил нужду, отряхнулся и забыл, с кем переспал. Татьяну тоже корбило такое отношение.

– Что они могут без баб? – возмущалась она.

Приходилось приспосабливаться к «окружающей действительности». Я достала из авоськи полотенце, расстелила на бетонном полу, усеялась. Развернула «Правду», которую купила ещё вчера в Ташкенте, и углубилась в политические новости. На работе в больнице я была политинформатором. Привычка передавать коллегам события у нас в стране и за рубежом въелась в меня, как потребность дышать. Я узнавала новости из газет, без которых не могла и дня прожить.

Ко мне подсел лейтенант. Приятное, мягкое интеллигентное лицо, светло-русые волосы, гладко зачёсанные назад. Он ярко отличался от других военных в накопителе. Походил на голубя, попавшего к чёрным воронам. Видимо, соседство с ними было для него неприятным, он решил пристроиться к женщинам. Мне стало неудобно держать его на голом полу, поэтому я сдвинулась, освобождая место на полотенце возле себя.

– Что пишат? – спросил он.

– Американцы застрелили президента Альенде. В Никарагуа сместили Ортегу. Блокаду с Кубы не снимают.

– Почему американцы? В Чили организовал переворот Пиночет, главнокомандующий чилийской армией, – удивился лейтенант.

– Вы держите в руке бутылку пива. Потом будете говорить, что напилась ваша правая рука, – огрызнулась я.

Офицер посмотрела на меня, будто сделал открытие. Потом представился:

– Иван Подопригора, журналист.

Я назвала себя.

Мой новый знакомый согласился:

– Вы правы. За каждым убийством в мире стоят американцы. Для борьбы с нами они непрерывно готовят наёмную армию диверсантов. Не только вооружают, но и щедро оплачивают каждого убитого нашего солдата, каждый подбитый танк, бронетранспортёр, вертолёт. Они превратили Афганистан в Клондайк для бандитов, куда те отправляются за заработками, за богатством. Советский Союз сейчас фактически воюет с самой могущественной экономической державой мира.

Посидели рядом, поговорили. Парень оказался москвичом, острым на язык, всё знающим, насыщенным слухами, как губка водой. Он рассказал, что над Кабулом сейчас проходит грозовой фронт, поэтому самолёт задерживают.

– Это, может быть, и лучше. К взлёту ребята освободят бутылки и протрезвевшими пройдут в самолёт, – сказал он.

Между тем накопитель превращался в ад. Вентилятор под потолком слишком слабо вращал лопастями. Нас обступала духота, жара, как говорилось в одном стихотворении Суркова, обжигала глотки. Чтобы выдержать эти условия, мужики беспощадно истребляли алкоголь, принесённый с собой.

– Тут дело не только в жаре, – объяснял лейтенант. – Военные знают, в какое пекло их

отправляют и чем каждому из них это может обернуться, поэтому стараются заглушить страх самым доступным средством.

Пройдёт всего лишь полгода, и сам Ванечка подорвётся на mine. Машина, в которой он будет ехать, чуть сдвинется на обочину, чтобы дать дорогу встречному бэтэру. Журналист получит смертельную рану.

А пока мы, живые, здоровые и чуть пьяные от жары, сидели в накопителе и ждали посадки в самолёт. Вылет откладывался и откладывался. Пассажиры в конце концов опустошили весь свой запас и сидели с осоловелыми глазами. Некоторых даже потянуло на песни. Кто-то затянул русскую народную: «Шумел камыш, деревья гнулись, и двое в лодке перевернулись».

К счастью, аварии не произошло. Всё-таки дали сигнал к посадке.

Озверевший народ штурмовой лавиной хлынул на лётное поле. Я тоже подхватила свой чемодан и авоську. Билеты, естественно, никто не проверял. Весь накопитель беспрепятственно перекочевал в салон самолёта. И тут нас, женщин, оставили без нормальных мест. Мужики расселись по скамейкам. Нам достался металлический, мелко вздрагивающий от рёва моторов пол. Я поставила на него чемодан, уселась, устроила на коленях авоську, обняла её, как ребёнка, и в таком положении полетела в Афганистан.

Через час выглянул из кабины лётчик и сказал:

– Перелетаем границу! Теперь мы над сопредельной территорией.

Все, кто сидел рядом с окнами, стали глядеть вниз через иллюминаторы. Что они там, кроме гор, видели? Хотелось подняться и тоже посмотреть, но все смотровые площадки были заняты.

Прошёл ещё час, и самолёт пошёл на посадку. Приземляясь, он хорошо встряхнулся. Моя голова дёрнулась, зубы клацнули, прикусывая губу. Рот наполнился солоноватой влагой, которую сглотнула, кончиком языка зажимая ранку. Возможности достать платок не было, потому что мужчины дружно покинули скамейки и бросились на выход, сметая на пути всех, кто сидел на полу. Меня тоже потащило. Я мёртвой хваткой держалась за чемодан и авоську.

Толпа выплеснулась на бетонную площадку, окружённую солдатами с овчарками – грозными военными животными. Одна с чёрной спиной и

яростными жёлтыми глазами оскалилась на мою авоську. Страстно захотелось вернуться в «аннушку» и улететь домой.

Под усиленным конвоем пассажиров проводили в большой зелёный автобус. Наконец мне повезло. Я устроилась удобно возле окна и приготовилась долго ехать. Но машина метров через триста развернулась, обогнула какое-то кирпичное строение и оказалась возле железных ворот, перед которыми прогуливался солдат с красной повязкой на рукаве и автоматом. За воротами грязно серел палаточный городок. Это был ещё один пересылочный пункт, но уже в Кабуле. Сюда приезжали командированные военнослужащие из Союза и отсюда разъезжались по гарнизонам.

Первый день на пересылке прошёл в каком-то полусне. Я ходила куда-то, требовательно с кем-то разговаривала, чего-то добивалась и под конец устроилась со своими подругами в большую-пребольшую палатку с двухъярусными кроватями и земляным полом.

Особенно меня возмущало отсутствие простыней. Когда узнала, что всё равно их не будет, застелила матрац отрезком ситца, который купила в Ташкенте и привезла, чтобы сшить лёгкое платье или халат.

Как могли, благоустроили постели и остальные женщины. К вечеру палатка обрела терпимый вид. Таня нашла бутылку из-под «Столичной», засунула в горлышко цветок и поставила на столик. Света повесила возле изголовья портрет Есенина. Не все узнавали поэта. Некоторые, особенно мужчины, которые заглядывали к нам, спрашивали:

– Кто это?

– Мой муж! – не моргнув глазом, отвечала Света.

– Симпатичный. Только трубка у него какая-то странная.

Другие женщины посмотрели и тоже достали портреты любимых артистов. Палатка заселилась привлекательными мужчинами. Только у меня никакого не было. Я повесила бы портрет Ванечки, но не успела попросить у него.

На следующий день на пересылку стали прибывать «покупатели» – представители воинских частей, загорелые, весёлые, энергичные. На женщин поглядывали блестящими голодными глазами. Один из них, похотывая, выспрашивал меня:

– Пойдёшь дежурной модуля?

– Что делать?
– Спать! Ха-ха! Уборкой занимаются солдаты. Ха-ха!

- Не хочу пухнуть от безделья.
- А что хочешь?
- По специальности. Медсестрой.

Прапорщик отвёл взгляд. У него вакансии медсестры не было.

Потянулась скучнейшая, неприспособленная для женщины жизнь на пересылке, похожей на тюрьму. Одна лишь разница – палатки вместо камер. Свободно можно было ходить только по территории, окружённой колючей проволокой и сторожевыми вышками с часовыми. За пределы пункта никого не выпускали. Подруги, которых тоже не забрали, давили:

– Василиса, соглашайся, иначе не выберешься отсюда.

Я выдерживала характер. Отклонила пяток неподходящих для себя предложений, пока не появился настоящий «покупатель». Это был угрюмый прапорщик с большим похожим на выступ скалы подбородком. Видимо, поднимать такой подбородок ему было трудно. Он держал голову наклоненной вперёд и ограничился тремя словами:

- Треба медсестра в агитотряд.

Света ахнула, когда узнала, куда меня сватают:

– Это же поездки по кишлакам, это работа на боевых операциях.

На предложение прапора я отреагировала мгновенно и решительно. В тот же день переместилась на базу десантной дивизии, которой командовал известный генерал Грачёв. Меня встретил у автобуса начальник агитотряда майор Назаров, большеглазый, улыбчивый мужчина лет тридцати. Козырнул и спросил:

- Василиса Александровна?
- Так точно!

Не по дням, а по часам я усваивала привычки военных.

Майор назвал себя, взял авоську, чемодан, обратился ко мне на «вы». Я просто ошалела от такой неожиданной галантности. Пока добиралась до штаба, рассказала о своих дорожных приключениях. В ответ он улыбнулся:

– Читайте, что вы приняли первое боевое крещение. Дальше будет легче.

Он привёл меня в просторную комнату с пятью кроватями. Показал, какую могу занять. Не успела я разложиться, как пришёл солдат. При-

нёс тельняшку, кроссовки и комбинезон десантника пятьдесят четвёртого размера. С головой утонула в нём. У меня сорок второй размер. Достала из чемодана ножницы, бритвочку и стала распаривать военную одежку.

За этим занятием меня застали Ирина, Ольга и Валя. Они владели остальными кроватями. Мы мгновенно нашли общий язык. Каждая рассказала о себе. Ирина была из Москвы, здесь работала поваром в столовой. Ольга служила в канцелярии штаба. Валя что-то делала в спецотделе.

Когда они узнали, куда меня сосватали, искренне позавидовали. Потом я поняла почему. Два года прожить в городке очень тяжело, как в заключении. А главное – скука. От неё можно найти такое... развлечение!

Девчонки приняли активное участие в перекройке моего комбинезона. Притащили откуда-то даже швейную машинку. В тот же вечер ушили мою форму, подогнали по фигуре, но так, чтобы женские достоинства не выпячивались ни спереди, ни сзади. Я стала похожа на мальчика-подростка. Вроде женского персонажа из фильма «Гусарская баллада». Во всяком случае, во время рейдов по Афганистану незнакомые мужчины не обращали на меня внимание. Я превратилась в бравого юного десантника, чем была очень довольна.

Жизнь в комнате общежития оказалась для меня серьёзным испытанием. Работали над толком вентиляторы, разгоняя жару. Они гудели, как трактора, действуя на нервы. Ужасно много было мух. Я как медик особенно хорошо понимала, какую заразу они разносят, и боролась с ними не на жизнь, а на смерть. Приходила с работы и начинала охотиться. В начале особого эффекта не было, потом приновилась, стала снайпером. До трёхсот насекомых уничтожала каждый вечер.

Труднее было привыкнуть к отсутствию воды. В Афганистане пыль липкая, как тесто. Она густо обмазывает волосы, превращая их в колтун, который невозможно распушить. Я вначале помучилась, потом сделала короткую стрижку под паж. Отмывала шампунем.

Ещё одно серьёзное неудобство – много мужчин вокруг. Внимание бывает чересчур назойливым. Не успела я оглядеться в дивизии, как меня пригласили на день рождения подполковника Васильцова. Ближе к вечеру в общежитие пришёл десантник под два метра ростом,

вытянулся передо мной, как перед старшим офицером, и выкрикнул:

– Василиса Александровна! Вас приглашают в штаб полка!

– Хорошо, сейчас подойду.

– Провожу вас!

Ничего не оставалось, как послушаться. Девочки уставились на меня с вопросительными взглядами. С чего это Земнухину в такое позднее время потащили в штаб? Легко представить, какие дикие мысли заползали в головах подруг. Да и у самой холодок.

Через минут пять я оказалась за обильным столом, переполненным мясом, фруктами и водкой. Весь офицерский состав полка был здесь. Меня усадили на самое почётное место рядом с виновником торжества. Сказали, что у заместителя начальника политотдела товарища Васильцова день рождения. Потом это оказалось враньём. Придумали, чтобы пригласить меня и свести с подполковником. Я, конечно, ничего этого не поняла. Обратила внимание только на то, что среди гостей не было женщин. Оказалась единственной. Смущение корябнуло сердце и тут же пропало под напором событий. Мне вручили бокал шампанского и заставили выпить до дна.

Потом начались тосты. Первый раз в жизни я увидела, как много тостов поднимают. В каждом такое похвальное слово о подполковнике, словно он Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Сверхумный, сверхдобрый, сверххрабрый. Скоро пришлось увидеть Васильцова в десантной операции. Под обстрелом он прятался за дальним валуном. Недалеко от него взорвалась мина. Взрывной волной отбило осколок от камня и царапнуло спину подполковника. Его перевязали и на вертолёте отправили на базу. Там он отлёживался сутки в своём коттедже, похожем на бочку. Потом голым по пояс, демонстрируя «рану», слонялся по территории гарнизона. Вся дивизия иронизировала над ним. И всё-таки за эту операцию Васильцов получил орден Красной Звезды. Великий герой! Ашшурбанипал, царь Ассирии!

На вечер моё внимание привлёк капитан, высокий, крепкий, похожий на Собакевича. Говорун, балабол деревенский. На гармошке играл, пел частушки, ещё успевал анекдоты рассказывать. Я просто влюбилась в него и совершенно забыла об «имениннике».

Включили магнитофон. Пошла какая-то хорошая иностранная музыка. Подполковник при-

гласил меня на танец, трепетно полуобнял, прижался. Офицеры стали деликатно испаряться из комнаты. Даже brave Собакевич исчез куда-то.

Вдруг «именинник» прижался губами к моему уху:

– Знаете, где я живу?

– Знаю, где офицерский состав обитает.

– После ужина жду у себя, – сказал просто, спокойно, деловито.

– Если не приду, у меня будут неприятности по службе? – спросила я. У меня был до автоматизма отработан приём к наглем. Вслух открывала их желания. Это действовало как отрезвляющий душ.

Васильцов побагровел.

– Что вы? – испугался он.

После танца я покинула пир, быстро ушла в общежитие. Там бросилась в свою постель и разревелась. Как обидно! Разве для этого ехала сюда? И тут же забарабанил в голове другой вопрос. А для чего, собственно, приехала? Только ли для того, чтобы сбежать от опостылевшего мужа? А может, найти новую любовь? Стоп! Давай на этом остановимся!

На следующее утро я в тельняшке, десантном полосатом комбинезоне, панаме устраивалась на обшарпанной холодной броне транспортера. Командир роты заботливый старший лейтенант показывал, куда надо ставить ноги и за что держаться, чтобы не упасть с машины. Такие случаи бывали. Я сама поднимала останки солдата, уснувшего во время движения и попавшего под гусеницу бронетранспортера. Его перерубило поперёк груди. Сперва в мешок верхнюю часть затолкали, потом нижнюю добавили. Впечатление, как после работы в анатомичке...

Дорога въётся серпантином по горам. Время от времени она взмывает, затем пикирует вниз, ныряет в туннели.

Двигаемся медленно, часто останавливаемся. В это время сапёры обезвреживают мины. И всё-таки один из головных бэтэров подрывается. К счастью, солдаты не пострадали. Обошлось без жертв. Покалеченную машину сталкивают на обочину, и колонна ползёт дальше.

Жара стоит ужасная. Есть совсем не хочется. Только пьёшь и пьёшь воду, которая сразу же выходит потом. К телу липнет вязкая, как глина, пыль. Ощущение такое, будто ты с ног до головы обмазываешься смолой. Голова тупеет, ничего

не замечаешь вокруг, хотя попадаются очень красивые места. В других условиях не смогла бы от них оторвать взгляд.

Когда колонна задерживается на ночёвку, Ваня, мой старый уже знакомый по накопителю в ташкентском аэропорту, стаскивает меня с брони. Сама я двигаться не в состоянии. На землю укладываюсь вялым снопом и бездумно тащусь на лучистые близкие звёзды.

Вдруг небесные светила закрывает худощавое азиатское лицо с чёрными глазами навыкате. Обнажаются крупные белые зубы. Я слышу:

– Эй, шоколад бери!

Чувствую, как в мою ладонь укладывается продолговатая хрустящая плитка. Это Хайдар, наш переводчик, сдержанный, очень вежливый, заботливый таджик и знаток афганской жизни. Благодаря ему я время от времени выбивалась в царство Востока. На беглый взгляд всё казалось экзотическим. Когда на что-то обращаешь более пристальное внимание, предметы увеличиваются в твоих глазах, становятся объёмными и страшными. В одном кишлаке мы с Хайдаром увидели группу оборванных грязных мальчишек. Среди них выделялся подросток лет десяти с огромным кремниевым ружьём, изготовленным в позапрошлом веке.

Я спросила мальчика, умеет ли он стрелять. Через Хайдара получила твёрдый ответ: «Да, умеет!» Чтобы продемонстрировать умение пацана, переводчик подобрал консервную пустую банку, отнёс за сто метров, повесил на ветку дерева.

Мальчишка поднял ружьё и выстрелил. Пуля попала в середину банки. Мы с переводчиком собрали все свои афганы, которые у нас были тогда, и передали столь меткому стрелку за цирковой номер.

Потом Хайдар рассказал, что оружие для афганца – настоящее богатство. Он продаст последнюю рубашку, но винтовку обязательно купит, повесит на стену и будет ухаживать, как за молоденькой женой.

Афганец никогда не прощает обид. И обязательно отомстит, если случай подвернётся. У Хайдара был друг. Когда ему было пять лет, убили его отца. Друг подрос, скопил деньги, купил винтовку и первую пулю вогнал в лоб того, кто застрелил его родителя.

«Война постоянно порождает мстителей. И это хорошо знал пророк Моисей. Когда вёл евреев к Земле обетованной, то приказывал ист-

реблять всех от мала до велика на землях покорённых племен», – рассказывал Хайдар.

Я не поверила ему. Потом специально взяла Библию и нашла подтверждение.

Так происходит, когда один народ захватывает землю другого, чтобы заселиться. Советский Союз, в отличие от евреев, не искал Земли обетованной в Афганистане. Мы только защищали страну от американских наёмников и помогали людям. Но при этом много нарубили дров. Это меня пугало.

Я чуток забежала вперёд. До кишлаков ещё не добралась. Лежала на земле без сил возле бронетранспортёра. А переводчик старался шоколадом оживить меня. Без аппетита съела сладкую дощечку, ещё минут пять валялась в блаженном отдыхе, затем с трудом поднявшись, обошла солдат, раздавала таблетки против малярии. Моя работа на этот день закончилась.

С утра вновь на броне. Сегодня дорога пересекает пустыню. Нас опалает неимоверная жара. Сама удивляюсь, как ещё не испарилась. Больше того, умудрилась вздремнуть и так стукнула руку о броню, что разбила часы и не заметила этого.

Во второй половине дня перед глазами засверкала «зелёнка». Это хорошо и плохо. Хорошо, что в зелени можно спрятаться от палящего, немилосердного солнца. Плохо, что духи обстреливают нас из зарослей. Сегодня пронесло, не стреляли.

Задержались у арыка. Сказала ребятам: «Пошла купаться!»

Со мной отправился Ванечка. Мы облюбовали место возле крохотного водопада. Наплавались, наныряться досыта. Потом забрались в заросли шелковицы, наелись до отвала чёрных вкусных ягод и даже позагорали. Я почувствовала себя счастливой.

Ванечка провёл со мной политбеседу.

– Обрати внимание на поля. Они заросли. Хозяева бежали в Пакистан, а крестьяне не захотели брать чужую землю. Водно-земельная реформа не пошла.

– И что? – спросила я.

– Социальная база Саурской революции крикнула. Теперь только у новых чиновников есть перспектива в Афганистане.

Мы не стали дальше развивать тему, пошли к бэтээрам с горстями шелковицы за пазухой.

И снова в путь. Сплошная мука. Засыпаешь, просыпаешься на броне. Колонна то и дело останавливается: то одна машина ломается, то другая.

Утром прибываем в район Кунара. Дивизия располагается в долине. Горы облеплены духами. Завтра операция, но сегодня гаубичная батарея пристреливается. От выстрелов орудия подпрыгивают, словно резиновые мячики. Стоит ужасный сплошной гул.

Такое впечатление, будто на вершинах высаживают в несколько рядов кусты взрывов. Страшно представить, что там происходит.

Наконец орудия замолкают. К вершинам устремляются вертолёты с десанниками. С гор уцелевшие духи расстреливают машины. Они покрываются ослепительными вспышками и горящими факелами падают.

Я смотрю и заливаюсь слезами. Со многими ребятами уже познакомилась. На моих глазах они сгорают, превращаясь в белых лебедей. Боль в сердце невыносимая.

Во второй половине дня ребята из агитотряда улетают с десанниками в горы. Провожая. Господи, совсем ещё мальчишки. Сколько всего на них навешано! Пусть они вернутся живыми. Мысленно встаю на колени и молюсь.

Операция идёт неудачно. Много ребят гибнет. Духи расстреляли роту десанников из засады. Помогаю раненым. Вместе с убитыми отправляю в Кабул. Если бы я не работала в хирургии и не привыкла к трупам, то наверняка свихнулась от вида искромсанных тел.

Вечером нам передали пять трофейных коробок медикаментов производства Пакистана. Такое чувство, что наша армия воюет со всем западным и восточным миром. Даже китайцы, братья навек, присылают духам зенитные комплексы, которые сбивают наши вертолёты.

Нас обстреляли на КП. Пули свистели вокруг. Одна шлёпнулась в стенку возле моей головы. Звук такой, словно кто-то рядом громко и противно чмокнул. Самое удивительное, что при обстреле я не ощущала опасности. Сердце засвербело, когда обстрел прекратился.

Ночью ЧП. Сгорела палатка отряда. Солдат неосторожно закурил. Я спала в десяти метрах от палатки и во время пожара не шевельнулась. На такие мелочи уже не обращаешь внимания. Утром посмотрела на себя в зеркало. Вид чрезвычайно боевой. На скуле синяя ссадина. Где успела посадить, не помню.

Отправляемся в освобождённый кишлак, разбиваем лагерь рядом. Приступаем к работе. Раздаём муку, спички. Показываем фильм о Саурской революции. Бодрый голос за кадром рассказывает, как она успешно проходит.

Оператор показывает дехкан с винтовками. Они разгуливают вдоль полей, как говорит диктор, своих полей.

Ванечка сидит рядом со мной и скептически улыбается:

– Обрати внимание. Ни одного с кетменём для окучивания посевов и рытья арыков. Они не работают, а с оружием защищают землю помещиков от представителей Саурской революции. Помнишь песню на слова Светлова о комсомольце, который пошёл воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать, и за это получил пулю в грудь. В Афганистане духи отстреливают борцов за чужое добро. Если бы не мы, не наша армия, всё здесь скоро вернётся на круги своя.

Не нравится мне настроение журналиста. Правда, в заметках, которые он публикует в дивизионной газете, он пишет совсем не о том, что думает.

16 Проводим митинг. Наши агитаторы говорят правильные слова. Не знаю, насколько они вдохновляют людей, но слушают их внимательно. Не перебивают. Иногда мне кажется, что слова похожи на камни, брошенные в реку. Падают, булькнув, уходят на дно и там теряются.

Народ оживляется, когда начинается вторая часть после митинга. Жители с болячками тянутся ко мне. Женщина привела семилетнюю дочь с большим гнойным нарывом на руке. Вскрыла, почистила рану, забинтовала. Прихрамал важный старик в чалме и босой. Поставил ногу на табуретку. Я глянула и ахнула – пальцы без кожи. Привели меня к больной женщине. Оказалось, ничего особенного. Сильная простуда. Дала ей таблетки, посоветовала, как лечить. Только собралась уходить, как бабулька, очевидно, мать больной, вдруг привалила меня к стенке, провела рукой по груди и хихикнула:

– Ханум!

В форме десанника я походила на мальчишку. Вот они решили проверить мой пол. После этого женщины кишлака доверчиво давали себя осматривать...

Как непросто с ними общаться! С врачом, переводчиком захожу в дом. Радужно встречает

хозяин и хозяйка в парандже. Приветствуем друг друга, раскланиваемся и приступаем к делу.

Жена говорит мужу, муж – переводчику, переводчик нам:

– У женщины болит плечо.

Я протягиваю руку к плечу. Она проворно отстраняется и что-то горячо толкует мужу, тот переводчику, после двух часов непрерывных переговоров выясняем, что у хозяйки какое-то женское заболевание.

Я ухожу с ней за ширму. Она знаками показывает, что мне надо снять рубаху. Не верит, что я женщина. Чтобы убедить её в этом, покорно раздеваюсь до пояса. Теперь уже все доказательства моей женской принадлежности налицо. Хозяйка верит мне и тоже начинает раздеваться.

Через ширму рассказываю доктору, что вижу, по моим словам он ставит диагноз и назначает курс лечения.

Когда мы, взмыленные, вываливаемся из дома, врач рычит на переводчика:

– Нашёл плечо!

Я не выдерживаю, прыскаю...

Снова идём по домам. Врач рассказывает, как оказывать себе первую медицинскую помощь. Я показываю до тех пор, пока мои слушатели не усваивают. К концу дня язык немеет во рту. С шеей вообще беда, не могу голову повернуть. Нет, мы всё-таки не евреи на пути к Земле обетованной.

На площади собираются жители. Афганский поэт Сабаун говорит стихи. Я не понимаю его слов. Слушаю голос, похожий на эхо в горах. Наверное, что-то есть в поэзии, если она так завораживает. Решила – вернусь в Кабул, обязательно начну читать стихи наших советских поэтов.

Затеяла печь пончики, но тесто не подошло. Только на следующий день утром допекла. В гости ко мне в палатку пришли переводчик и Сабаун. Поэт важно присел за столик, и мы троём пили чай, ели мои пончики.

Ванечка утягивает меня в гости к местному мулле. Это пожилой человек с густой белой бородой, редкими жёлтыми зубами и в чалме. Зовут его Нурмухаммад. Он встречает нас троих (журналист, переводчик, я) очень приветливо. Ванечка берёт у него интервью. Задаёт первый вопрос:

– Как народ относится к государственной власти?

– Плохо! – отвечает мулла. – Нет справедливости. Губернатор – взяточник. Секретарь провинциального комитета такой же. Без подарков никому ничего не делают. По таким представителям судят о всей власти...

Операция продолжается. На вертолётах привозят раненых. У нас с врачом очень много работы. Услышала о подвиге Саши Мищенко. Он поэт и десантник. Из агитотряда перешёл в разведроту. Там один умудрился захватить пулемёт, несколько гранатомётов у врага.

Духи обстреляли афганскую и нашу колонну. Сидишь на бронетранспортёре и не знаешь, какая пуля срежет тебя. Неприятное чувство! А что делать? Не спрыгнешь и не сбежишь в кусты «зелёнки».

БТР и БМП, на которых мы ездим, ребята называют братскими могилами пехоты. Из-за тонкой брони они совсем не оберегают солдат от мин и гранатомётов. От взрывов образуется ужасная окрошка из тел. Поэтому личный состав предпочитает сидеть на броне и устраивать открытую дуэль с духами. Тогда взрывы под колёсами или гусеницами не достают их. Только бедняге-водителю приходится принимать на себя всю смертельную тяжесть минной войны.

Во время операции сгорели около тридцати машин. Много убитых, раненых. Работаем не покладая рук. Трое бойцов из афганской самообороны подошли ко мне и попросили полечить их начальника Насима.

Зашла с ними в домик. На кровати лежал афганец с умным интеллигентным лицом. Осмотрела его. Кажется, ничего серьёзного. Просто сильное истощение. Посоветовала, как лечиться.

...К вечеру поехала с ребятами к реке, чтобы потренироваться в стрельбе из автомата. Мишенями были пустые консервные банки. Всё сбивала пулями. Довольна своими результатами, но, откровенно, не люблю оружие. Ребята заставили меня сфотографироваться с автоматом. Когда отпечатали снимок, долго смеялись. Автомат висел у меня на плече, как мирная женская сумочка.

...Погиб Костя Каплин, весёлый, очень хороший мальчик из агитотряда. Его грузовик, давая ход встречной машине, съехал на обочину дороги и подорвался. Осколок мины попал ему в голову. Солдата, который сидел рядом с ним, ранило в грудь. Обоих положили в вертолёт. Я сопровождала ребят до Баграма. Там сдала

раненого и убитого в госпиталь. Оттуда прилетела в Кабул. С аэродрома до базы дивизии шла пешком без оружия. Так тяжело было на душе.

В тельняшке, десантной куртке, то есть в обычной одежде, с котом Кузей на коленях три часа позировала московскому художнику, приехавшему в нашу дивизию. Когда после сеансаглянула на свой портрет, ахнула. В моих глазах плавилась боль воюющего Афганистана. Говорят, мой портрет пойдёт на художественную выставку в столице. Но это меня совсем не радует. Я оступела от страданий. Если они воплотились в моём афганском облике, то стоит ли тревожить нормальных далёких людей. Пусть живут спокойно!

...Меня вызвали в штаб и сказали, что надо отправиться в Чагчар. Там присоединиться к своей агитбригаде. Сопровождающим будет Джумахан, туркмен по национальности, замполит командира афганского батальона. Знает русский, не то чтобы очень, но его понять можно. Он возвращается после командировки в Кабул к себе в часть, на территории которой наша агитбригада.

Нас познакомили, мы вдвоём двинулись в путешествие. Сперва в аэропорт. Там пришлось долго ждать самолёта. Я уселась в сторонке и стала терпеливо коротать предполётное время, разглядывая пассажиров. В основном это были военные, наши и афганские. В сторонке сидела толпа цыган, мужчин и женщин. Я удивилась. Удивительное экзотическое племя, где только ни встретишь его представителей. Даже война не помешала ему катиться по горам Афганистана. Куда они направляются таким дружным горластым колхозом?

Мой сопровождающий Джумахан тоже нашёл себе занятие. Он присел возле афганского офицера. Оба заговорили на дари. Очень скоро диалог перешёл в монолог. Джумахан понимающе улыбался, кивал. Афганец, видимо, на что-то жаловался. Его усатое лицо было сердитым. Он словно отстреливал слова.

Наконец на бетонном поле появился Ан-26 зелёного цвета. Первыми к нему выдвинулись солдаты с автоматами на животе. Они отсекали других пассажиров и встали в две шеренги перед трапом. Между ними прошли два афганских

генерала. Никого не пустили, пока они не поднялись на борт.

Я спросила Джумахана, что ему втолковывал офицер.

– На судьбу жаловался. У него в части командиры пуштуны. Он таджик. Поэтому его обходят наградами и не повышают в звании. Не знает просто, что делать. К оппозиции, что ли, убежать? Но и там нет справедливости.

Наконец мы поднялись в самолёт. Он был набит пассажирами, как бочка рыбой. Даже весь табор оказался в нём. Люди сидели на узлах, ватных одеялах. Передо мной пристроился, поджав ноги, худой, дочерна загорелый старик в коричневой шапке. Его раздвоенная седая борода была вздёрнута, отчего он имел величественный вид.

Я наклонилась к Джумахану:

– Почему в военном самолёте гражданские лица?

– Тити-мити!

В процессе недолгого общения я заметила, что мой сопровождающий старается сверкнуть знанием заковыристых русских слов.

– Какой Митя? – не поняла я.

Широкое лицо Джумахана расплылось в необъятной улыбке.

– Бакшиш, взятку дали лётчикам, – криком объяснил он.

Самолёт загудел так, что мы прекратили разговор.

Первые тридцать минут полёта прошли нормально. Самолёт поднялся в солнечное голубое небо. Внизу темнели горы морщинками в складках земли.

Потом машина вдруг очутилась в грозном облаке. Нас сильно встряхнуло, будто кто-то сверху саданул кулаком по фюзеляжу. Я упала коленями на пол, с трудом поднялась.

В это время самолёт швырнуло вниз, сердце отчаянно забилося возле горла. Мы падали, крепясь на левое крыло. Вокруг кричали. Барахтались люди среди узлов и чемоданов. Женщины сорвали с себя накидки, открывая белые от ужаса лица. Старик просто лежал на спине, беспомощно раскинув руки. Я вдруг повисла над этой кучей-малой, которая вдруг тоже потянулась вверх, закрывая телами окна. Я ощутила удар мешком по коленям. Старик, выпучивая красные набрякшие глаза, навалился на мою грудь. Я ухватила его за плечи и попыталась отжать от себя. Но в этот момент самолёт свечкой пошёл

вверх, и толпа полетела в хвост. Я зависла, держась за сидение.

Что было потом, смутно помню, а вернее, ничего не помню. Пилотам каким-то чудом удалось вырваться из грозового облака и посадить на аэродроме самолёт. Как только он приземлился, распахнулись двери кабины. Из неё выскочили пилоты, перепуганными газелями проскочили по салону и выпрыгнули на лётное поле. Вслед вымело пассажиров со всеми их шмотками.

Я выбралась последней и увидела забываемую картину. По всему полю на коленях стояли люди и молились, оглаживая свои лица руками. Впереди толпы молились два генерала...

– С крещением вас, Василиса! – сказал Джумахан, морща белое лицо.

Когда я добралась до своего агитотряда, майор спросил меня:

– Как полёт?

– Труссы надо постирать и просушить, – ответила я.

Сегодня у нас собрание. Назаров подробно рассказывает, как он вёл переговоры в мятежном кишлаке. Постараюсь в деталях пересказать.

В агитотряде был мулла, добрый услужливый мужчина, которого мы любили и уважали. Он посвящал нас в местные нравы, которые приходилось учитывать при общении с жителями.

Когда майор захотел попасть в этот опасный кишлак, мулла сказал:

– Туда мы пойдём втроем. У нас существует обычай. Человек, который зашёл в кишлак без оружия, является гостем, неприкосновенным.

Назаров отдал автомат солдату и спрыгнул с бэтээра. За ним последовал переводчик Хайдар. Солдаты осторожно сняли с брони уже пожилого муллу.

– В пасть тигру лезем, товарищ майор, – сказал переводчик.

– Бог не выдаст, свинья не съест! – бросил начальник агитотряда. У него хоть и было воинское звание, но он не являлся профессиональным военным, а был профессиональным партийным работником. К нам его направили из какого-то горкома или обкома. Там, рассказывали ребята, не прижился из-за своего чересчур самостоятельного характера. Его «выдвинули» в Афганистан. Александр Александрович Назаров оказался человеком смелым, решительным,

умел работать нестандартно. Поэтому мы нередко оказывались в тех местах, куда не ступала солдатская нога. На нас афганцы смотрели там, как на космонавтов.

Помню, однажды мы шли к одному богом забытому кишлаку. Навстречу нам попался дедушка с осликом. Разговорились. Когда дедушка узнал, что мы из Кабула, спросил, как здоровье короля Мухаммада Надиршаха. Король был убит ещё в 1933 году. Старец об этом даже не слышал. Помню, этот факт поразил нашего майора. «В каком времени живут здесь люди?» – невольно воскликнул он.

В мятежный кишлак пошли втроем: мулла, переводчик, майор.

Навстречу депутации выскочил очень чёрный мужчина, загорелый, угрюмый, молодой, сильный. Мулла поговорил с ним. Мужчина повернулся и быстро пошёл в кишлак.

Переводчик сказал майору:

– Мулла сообщил ему, что к ним в кишлак приехал большой русский начальник. Хочет поговорить.

Появилась стайка одетых в рвань чумазы, горластых ребятишек. Они сразу окружили майора, его спутников, провели на площадь рядом с мечетью.

Мулла сказал:

– В мечеть лучше не заходить. Это не понравится.

– Что ж, тогда поговорим на площади, – согласился майор.

Вокруг гостей сбилась толпа. То, что в дальнейшем произошло, растрогало до глубины души начальника агитотряда.

Из всех окружающих домов жители принесли одеяла, расстелили на камнях. Сверху положили подушки. Особенно много их оказалось за спиной майора. Он откинулся, как на спинку кресла.

Вокруг него расселись старики. Каждый из гостей получил пиалу. Когда в чай майора влетела муха, один из аксакалов, чтобы показать своё почтение гостю, засунул грязный палец в чай и выбросил насекомое на подушки. Майор рассказывал нам, что он с внутренним содроганием смотрел на эту процедуру, а потом пил чай, надеясь на то, что кипяток дезинфицирует бактерии. Так оно и случилось. Наш начальник не заболел.

Потом начался дипломатический разговор в восточном духе. Майор говорил коротко, лако-

нично. Переводчик цветисто раскрашивал каждое его слово стилистикой, выражающей крайнюю почтительность и намёки, хотя разговор шёл о простых вещах: почему кишлак не поддерживает государственную власть?

Старейшина отвечал. Кишлак готов поддерживать власть, но власть не может защитить жителей от душманов. А самим защититься невозможно, потому что половина мужчин служит в армии, другая половина на стороне оппозиции. Поэтому приходится придерживаться тех, кто может защитить людей.

Логика была в словах старшины. Майор видел, что за толпой сновали молодые люди, крепкие, с заросшими лицами, явно духи. Они косились, как горячие кони, но в разговор старших не вмешивались.

Всё-таки встреча с жителями мятежного кишлака не прошла бесследно. Афганцы обещали не воевать с шурави. Шла политика национального примирения. Такая позиция была очень выгодна для нас.

Наступил октябрь. Обитаю на мироновской заставе, лечу солдат. Заставу создал лейтенант Миронов под жестокими обстрелами духов. Теперь он давно уехал на Родину, слава богу, живым и здоровым. Его имя осталось в Афганистане. Наверное, остаются в памяти людей имена тех, кто был первым. А что я сделала первой? Пока ничего.

Целыми днями от меня не отходит Катька, здоровенная серая овчарка. Когда-то она была в нашем отряде, но с ней было много мороки. Мы отдали её на заставу. Здесь она ощенилась. Её детишек раздали. С ней остался чёрный, симпатичный, неугомонный. В свободное время не выпускаю его из рук. Люблю животных. Они отвечают мне взаимностью.

Ночи стоят светлые, холодные. Хорошо, что нам завезли тулупы, поэтому не мёрзну. Ночами не спится. Встаю, топлю печь, смотрю, как танцует огонёк... Думаю обо всём. Почему-то больше о Насиме. Он приезжал в Кабул, разыскал меня. Мы сфотографировались возле бэтээра. Он высокий, я маленькая. Попросила его чуть-чуть присесть, чтобы он вошёл в кадр. Он согнулся.

На заставе солдаты предложили мне помыться в баньке, которую они соорудили на моих глазах. Здесь ко мне относятся галантно, всё время пытаются чем-нибудь угостить. Солдат-

ский паёк очень скуден. Всё равно ребята стараются самое вкусное выкроить для меня. Это трогает.

И с баней. Не так просто было найти на голых склонах дерево. Используя солдатскую смекалку, нашли, соорудили, но помыться я не успела. Вдруг почувствовала дым, который усиливался с каждой минутой. Быстро оделась, выскочила, крикнула солдату: «Что-то горит!» Он рванул в баню, но было уже поздно. Баня на глазах сгорела дотла.

Работала в кишлаке Пуличархи. Васильцов привёл сюда на экскурсию двух молодых женщин. Они ходили, удивлялись необычной обстановке. Я была рада. Скорее бы он нашёл кого-нибудь и оставил меня в покое. Подполковник был не из тех мужчин, которые признают поражение от женщин. А тут на глазах всей дивизии получил от ворот поворот. Это задело его за живое. Одна известная американская актриса сказала: «Всякая женщина — это тайна, покрытая платьем». С настойчивостью маньяка Васильцов старался заглянуть под моё платье. Я не понимала его настойчивости. У нас в части были дамы, как Таня, которые готовы в любое время не только приподнять подол, но снять все другие покровы со своей тайны. Но нет, ему почему-то не хотелось открывать другие «тайны», как будто у меня хотел увидеть нечто принципиально новое и незнакомое. Меня это напрягало и заставляло бояться его.

Последние две ночи на заставе не спала. Вечерами донимала ужасная жара, а ночью мыши. Ребята под потолком повесили парашютную ткань. Мыши носились по этой ткани как угорелые. Я боялась, что какая-нибудь свалится на меня. Тогда сердце разорвётся. Мыши для меня страшнее душманских пуль.

Наконец под Новый год закончилась военная операция. Мы вернулись в Кабул. В штабе дивизии узнала страшную для себя новость. Подорвался на mine симпатичный дорогой для меня Ваня Чуприков. Я любила его за порядочность и смелость. Эти черты характера редко увязываются в одном человеке. Есть очень хорошие люди, но робкие, не умеющие отстаивать свои принципы. Несмотря на молодость (ему было немногим больше двадцати лет), Ваня умел. Это стоило ему очень дорого.

Однажды мы сидели на бэтээре во время остановки колонны. За увлечённым разговором не заметили, как подошёл к машине Васильцов, каменный от злости.

– Чего расселся с этой бабой! – заорал на лейтенанта.

В части были женщины, которые на виду у всех вечерами ходили в коттеджи старших офицеров. Никто не смел их оскорбить. У меня не было покровителя с большими погонами. Поэтому приходилось выслушивать такое!

Чтобы не узнать ещё что-нибудь от замполита, я прыгнула с брони. Ваня остался лицом к лицу с подполковником и срывающимся от внутреннего волнения голосом выговаривал старшему по званию:

– Вы не имеете права оскорблять женщину!

Глаза замполита сузились в недобрые полоски. Я отошла в сторону и не слышала, о чём они толковали. Ванечка вернулся ко мне с известковым лицом и протяжно выдохнул:

– Ну и гад!

Теперь мой заступник лежал в реанимации.

Не переодеваясь, бросилась к нему. Когда заскочила в палату, его переворачивали на живот. Подождала конца процедуры. Когда ушла медсестра, присела и с мягким укором покачалась:

– Прости, не уберегла тебя, Ванечка!

В глазах лейтенанта блеснули слёзы. Прозрачная капелька просочилась сквозь ресницы, скаталась в ямку запавшей щеки.

Не помня себя, выскочила из палаты, целый день ходила как потерянная. Вечером вымыла голову. Потом пила чай, девочки сушили феном мои волосы. Боль в душе чуть-чуть притихла.

...Подруги смотрят на меня с завистью. Разъезжаю по Афганистану, много вижу. Они живут взаперти. Два года прожить в военном городке очень тяжело, это как пробить в заключении. А главное, скука!..

Теперь Татьяна неделями не бывает в общении. Кажется, она сошлась с Васильцовым. Он перестал смотреть на меня волком.

Как-то я спросила Танюху:

– Как с ним?

– Хорошо. Настоящий бычок!

– А ты?

Таня не смутилась от моего прямого вопроса. Она лучезарно улыбнулась:

– Я корова!

Что удивительно, ему не захотелось расставаться со своей «коровой». Когда его служба в Афганистане закончилась, он получил ещё одну звезду на погоны и уехал в Союз. Татьяну забрал с собой. После этого я потеряла их след.

...У меня новость. Моя лучшая подруга Света выходит замуж. Своего будущего мужа она влюбила в себя пирожками с ливером. Она работала поваром в нашей столовой. Пирожки у неё получались отменные. Когда Егорушка (старший лейтенант и командир роты) возвращался с боевых заданий, то курс держал прежде всего на столовую, где заказывал полную тарелку пирожков. Но до полной сытости ему всегда не хватало ещё штук пять. Света вначале возмущалась: «Он один съедает у меня всё, что приготовлю». Потом, когда у них началась настоящая дружба, она для своего Егорушки стала готовить усиленные порции. Он, поедая, говорил: «Когда вернусь в Союз, что буду делать без твоих пирожков. Выходи за меня замуж!»

Сперва это говорилось как бы в шутку, а потом старлей принёс букет эдельвейсов, которые нарвал на вершине, отбитой у душманов, в зале столовой встал на колени и предложил поварихе вместе с цветами руку и сердце. Света не отказала ему. Предварительно она разошлась с мужем, усиленно заколачивающим деньги на Шпицбергене.

Я спросила её:

– Как же твой эгрегор?

– Владик сам разрушил. Где-то нашёл женщину. Я сразу почувствовала, когда он изменил. А на второй день Егор стал оказывать мне знаки внимания.

Я подумала о своем эгрегоре. Почему он такой прочный вокруг меня? Никого не допускает.

Совсем недавно сватался Насим:

– Поедешь ко мне в гости?

Чтобы не оскорбить его чувств, сказала, что я человек подневольный, могу поехать только с разрешения командира.

Он пошёл за разрешением, через десять минут вернулся. На нём не было лица. Схватился за голову:

– Не отпускает тебя.

Потом Назаров прибежал:

– Василиса, ты собралась в гости к Насиму?

Не могу отпустить без охраны.

Какое свидание может быть с ротой солдат?!

Так и не состоялась моя личная жизнь в Афганистане. Насим мне очень нравился. Я могла бы выйти за него замуж. Но не судьба!

Добивались и другие моего внимания.

Идём на экскурсию в дуканы. Цены там кусаются. Совсем не по карману медсестре. Но смотреть на вещи интересно. Ювелирные изделия под восточную старину. Косметика из Франции.

Настроение испортил мой спутник.

– Купить тебе шубку?

Среагировала мгновенно:

– И меня заодно?

– Не-ет! – испугался он.

Моя экскурсия закончилась в книжном магазине. Там купила несколько томов Драйзера на русском языке. Была страшно довольна. Даже простила спутнику нескромное предложение.

...Свадьба Светы прошла замечательно. Большой шумной компанией мы поехали в наше посольство. Там была организована регистрация. Процедура прошла, как положено. Записи в книгу, выдача документов, торжественные поздравления, обмен кольцами, поцелуй жениха и счастливой невесты.

В заключение военный народ решил распить бутылку шампанского и попал под санкции горбачёвской войны с алкоголизмом, которая развернулась по всей нашей стране и территориям, где присутствовали представители советского народа. Посольские чиновники решительно отказали нам в фужерах. Но бывалые вояки не растерялись. Прямо здесь же стали пить из горла. Никто из чиновников не стал вырывать бутылки из рук, привыкших к оружию.

Этот эпизод не испортил нам настроение. Мы навеселе вернулись в гарнизон и там уже в своей обстановке продолжили свадебные торжества.

Потом, когда всё закончилось, я украдкой спросила Свету:

– Теперь построила новый эгрегор?

– Да! – воскликнула она и от избытка чувств обняла меня.

14 декабря. На плацу вручает награды солдатам и офицерам Павел Грачёв, Герой Советского Союза, наш командир. Он протягивает мне удостоверение, коробочку с медалью, пожимает руку.

– За активное участие в двадцати боевых операциях!

БАХРАМЕИЧ

Хроника боевых действий смертника

Это было идеальное место для засады: слева – густая «зелёнка», в которой можно полк упрятать, справа – высокая в шрамах, сколах гора, похожая на серый чайник с острой крышкой. Подножие опоясывала шоссейная дорога, по которой катилась колонна из шестисот грузовиков с хлопком под охраной танка и трёх бронетранспортёров.

Мы хорошо знали повадки духов. Они поджигали боевую технику в голове и хвосте колонны. Всё остальное запиралось как бы на замок с двух сторон и сжигалось гранатомётами. Бывали случаи, когда дотла. Для нашей колонны духи приготовили сюрприз. На пути следования поставили две противотанковые мины и сверху забросали железками, обозначили опасное место.

Я с ротным, капитаном Митрофановым, и помощником командира взвода Сашей Ротарём сидел на танке впереди колонны. Мы сразу же увидели мины. Ротарь соскользнул с брони. Но ему не дали добраться до мин. Отсекли плотным пулёмётным огнём сверху.

Духи со своими пулёмётами сидели не только в «зелёнке», но и на каменном «чайнике», где отрыли окопы и устроили амбразуры. Оттуда поливали нас огнём. Танки и бээмпэшки яростно огрызались. Пока шла дуэль, в колонне стали факелами вспыхивать машины, подожжённые со стороны «зелёнки».

Ротарю перед стеной свинцового ливня пришлось отступить. Он забрался под днище танка, уткнулся носом в асфальт, обхватив ладонями голову. Капитан соскользнул с брони под обрыв, решив под его защитой пробраться к минам. Но и тут ему не дали высунуть нос.

Теперь решали секунды.

Меня словно кто-то сильно толкнул в спину. На соревнованиях за звание мастера спорта я не бегал так быстро, как сейчас. Моё тело будто превратилось в вихрь, который подлетел к минам, разбросал железки, поставил взрывчатку и кинулся назад. Ошеломлённые духи не успели меня поразить. Пули просвистели у головы.

Я с такой силой бросился под танк, ударился о днище, что на миг даже потерял сознание. Когда очнулся, услышал впереди два мощных взрыва. Для меня они прогремели торжественно, как Ленинградская симфония. Потом почувствовал, как кто-то подхватывает меня за плечи и припод-

нимает. Открыл глаза – Ротарь. Глаза безумные, вращаются, как колёса. Сумасшедший вид у парня!

– Ну, Вахрамеич, ты в рубашке родился! Ты такое сотворил! Такое! – крикнул он и потащил меня из-под танка наверх к башне.

Я запрыгнул на броню, оглянулся. Вдоль дороги вздымались к небу красные факелы. Окрашивались огоньками стволы пулемётов бэтэров. От них строчки пуль тянулись к вершине горы. Капитан выбрался из-под обрыва и тоже взгромоздился на броню, вода харкающим стволом автомата в сторону «зелёнки».

Танк, лязгая гусеницами, стремительно выбирался из зоны обстрела. За ним летела полуживая колонна. Вспыхивали ещё машины, однако напор душманов слабел. Над ними уже гудели «вертушки» со звёздами – четыре вертолётёта М-24. Они облюбовали огнём вершину горы и «зелёнку». Духам стало не до колонны.

Когда место засады оказалась далеко позади, капитан снял каску. Вытер пот с широкого морщинистого лица и сказал:

– Вахрамеич, я представлю тебя к званию Героя Советского Союза! Ты сегодня стал Матросовым и выжил.

Теперь хочется рассказать, как я попал в Афганистан. Начну со своего детства. Говорят, с кем поведёшься, от того и наберёшься. В детстве я набирался от своего деда Дмитрия Сергеевича Вахрамеева. Человек он был, как тургеневский Хорь, высокий, сильный, белоголовый и мудрый. Говорил медленно, рублеными фразами, похожими на пословицы. Я на всю жизнь запомнил некоторые из них: «Труд всему помогает», «Только труд из всех бед вытащит», «Не юли, говори всегда как есть», «Будь честным». Потом я понял, опорную философию он взял из своей многострадальной жизни.

До революции дед содержал крепкое хозяйство. Не богатое, но крепкое. У него были корова, бычок, лошадь, овцы, куры, гуси. Всё это досыта кормило большую семью из восьми ребятишек.

После Гражданской войны административные инициативы советской власти разорили деда. В деревне, где он жил, организовали коммуны, куда загнали бедняков и середняков. У бедняков, естественно, в домах можно было шары катать. Оставались середняки с кое-каким нажитым добром.

К деду пришли и сказали: «Сдавай живность в коммуну». Закопослушный крестьянин отдал всё, что у него было, начиная от куриц и заканчивая лошадью. Власть тогда считалась бедняцкой. Её представители стали управлять коммуной. Каждый из них раньше не мог дать ума своему личному хозяйству, не смог на разумный путь поставить и общественное. В первую же зиму вся живность коммуны передохла в стайках от голода и холода.

В тридцатых годах новое веяние – колхозы. Запёрли туда и деда. Как там хозяйствовало, даже вспоминать Дмитрию Сергеевичу было страшно. До начала войны сменили двадцать четыре председателя. Одних расстреляли как врагов народа, других посадили, третьих сняли с работы. Последние были счастливы – легко отделались, остались живы.

Дед оказался умным. Сметнул, что надо советской власти. Окончил курсы трактористов, стал работать в МТС. Получал восемь килограммов зерна на трудодень. Жизнь у него снова выпрямилась, пока не подкосила война. В 1943 году он оказался под Ленинградом. Как воевал? Запомнился случай, который рассказал дед. На фронте он был связистом. Однажды шёл бой, а телефонный аппарат, который был связан с батареей миномётчиков, не работал. Пришлось деду ползти в тыл за новым аппаратом. Притащил, поставил, а тот снова не работает. Деда хотели отдать под трибунал. Но командир батареи разобрался и отменил свой же приказ. Оказывается, деду вручили неисправный аппарат. Наказали тех, кто был виноват в халатности.

Дмитрий Сергеевич не просто рассказывал свои фронтовые эпизоды, к каждому прицеплял мысль. «Правда всё равно своё возьмёт!» – сказал он, завершая историю с бракованным телефоном.

После войны дед работал помощником комбайнёра. Однажды у него закружилась голова. Упал и только чудом не попал под колесо. Пришлось уйти в пилорамщики. С этой рабочей должности перебрался на пенсию и занялся пчёлами. Пасеку держал на вершине горы рядом с посевами ржи, с которой дедушкины пчёлы собирали нектар.

Родители с детства отправляли меня к нему на помощь. Я кормил пчёл, ухаживал за ними, переносил колодки, а главное, таскал воду от родника у подножия горы. Тропинка круто шла вверх по склону.

Не так просто было подниматься с полными ведрами. Сперва уносил по половине ведра, потом по ведру, а потом и два мне уже были по силам. Такие походы по несколько раз в день укрепляли мою выносливость и волю.

Когда осенью я возвращался от деда домой, мать с удовольствием оглядывала меня и говорила:

– Растёшь как на дрожжах.

После шестого класса потянуло в спорт. Начал с лыж. На тренировках преподаватель порой брал мою руку, щупал пульс и с одобрением говорил:

– У тебя сердце хорошее.

В молодости тянет к экзотике. Я забросил лыжи, увлёкся самбо, таскал штангу, даже гимнастикой позанимался.

На столе лежала жёлтая официальная бумажка. Это была повестка. Я сгрёб бумажку и поехал в военкомат. Там вручили другую повестку, на расчёт. Пошёл на работу, передал мастеру. Тот повертел, попросил посидеть в комнате киповцев и отправился к начальнику цеха. Оттуда вернулся с грустным лицом. Ему не хотелось расставаться с опытным уже слесарем. Киповцы у нас были штучным товаром. Чтобы нутром понимать приборы, надо проработать не менее десяти лет. У меня стаж был гораздо меньше, но, как говорил наш мастер, я подавал надежды.

– Уезжал в Ленинград, а приехал в армию, – грустно пошутил мастер, подписывая приказ о моём увольнении.

Всё-таки на первых порах в армии старался быть лягушкой, которая, попав в сметану, пытается разными способами выбраться из банки. Известно, что служба в армии начинается с карантина. Там разглядывают тебя под лупой, прикидывают, к какой работе годен, куда направить, формируют команды. Естественно, делишься с ребятами своими соображениями. Один всезнающий новобранец рассказал в столовой, будто в войсках есть спортивные роты. Куда набирают особо выдающихся спортсменов. Они затем выступают за ЦСКА.

Я считал себя выдающимся. Непросто было в двадцать лет стать мастером спорта. Как только на мне оказалась солдатская форма, перед занятиями зашёл в штаб и постучал в дверь кабинета заместителя начальника части по спортивной работе капитана Стрельцова. По виду

это был свой человек, круглоголовый, плечистый, с накаченной бычьей шеей. Чувствовалось, он профессионально занимался борьбой. С ним удалось душевно поговорить. Я рассказал ему о своих тренировках под руководством чемпиона Европы, об успешном забеге в Ленинграде. Сказал, что мне не хочется ломать свою спортивную карьеру. Капитан с пониманием отнёсся к моему желанию. Пообещал потолковать с начальством. Может, удастся выцарапать меня из специальной команды и до конца службы оставить в карантине. Договорились, что я на следующий день зайду к нему.

Так неожиданно узнал, что меня зачислили в какую-то специальную команду. В голове сразу же закрутились шарики-винтики. Во мне мгновенно разгорелось пламя любопытства. Чтобы потушить его, за разъяснениями я обратился к замполиту.

Тот секунду помолчал, потом сказал:

– Это не секрет. Поедешь в Афганистан.

Капитану Стрельцову не удалось пристроить меня в карантине на физкультурную работу. Я оказался вскоре в учебном центре Ташкента. Здесь стал готовиться к минной войне. Ребята, побывавшие в Афгане, сапёров называли смертниками. Это слово вызывало во мне дрожь.

В учебке нас натаскивал старший сержант Голуба, внешне невзрачный мужчина, беленький, хрупкий, пальцем можно перешибить. Вначале ребята чуть ли не по плечу его хлопали. Когда же вышли в поле и стали щупами искать заложенные им мины, то отношение к нему изменилось. Увидели, что он сапёр-ас, который может разгадать все душманские уловки, разработанные американскими инструкторами. Ребята про себя стали называть сержанта Голубок.

Голубок любил не только разгадывать ребусы с минами, но и петь. Голос у него был не особенно сильный, но чистый. Принесёт гитару в палатку, где мы отдыхали, сядет у кого-нибудь на кровати и начнёт перебирать струны:

*На перевале в глухом ущелье опять стрельба.
Остались трое лежать на камнях. Ведь смерть
глупа.*

А может, завтра такая ждёт меня судьба?

Здесь в нас стреляют.

Здесь, как и прежде, идёт война.

Голубок показал ещё одну сторону своего характера.

В тот день солнце жарило на сорок градусов. Люди маячили только в густой тени деревьев, ещё в очередях за мороженым. К таковой я и пристроился возле кинотеатра. Тут из-за угла здания с колоннами вывернул парень. На его лобастой голове панама со звездой торчала, как помятый зелёный холм. Куртка с четырьмя накладными карманами распахнулась до пупа. На ногах – голубые кроссовки с загнутыми носками. Сущий партизан! Только не хватало автомата на груди. Стоявшие люди в очереди, словно по команде, обернулись к нему.

Он смутился от всеобщего внимания. Нервно вскинул плечо, двинулся было в хвост очереди. Пожилая узбечка в цветастом национальном платье сказала ласково: «Бери мороженое. Я уступаю очередь тебе!»

Парень оглядел людей, потом решительно вильнул к лотку под оранжевым зонтом. Продащица поспешно сунула ему в руки свёрток из полупрозрачной розовой бумаги. Парень сорвал бумагу, жадно запихал в рот холодную, сладкую мякоть и вразвалку неспешно удалился.

Каково было моё удивление, когда на следующий день утром я встретил его возле штаба нашей части. Он вывалился из полустеклянной двери и бегом заторопился по бетонной лестнице вниз. На нём была та же форма, но куртка застёгнута на все пуговицы. Только вместо кроссовок сияли начищенные ваксой армейские ботинки. А вот щекастое с колючими рыжими усами лицо угрюмо затвердело, из глаз сыпались молнии. Чувствовалось, с начальством потлоковал не в свою пользу.

На полигоне наш взвод обитал в просторной палатке с двухъярусными железными кроватями. Перед сном ребята обычно занимались самоподготовкой. Кто ремонтировал гимнастёрку, шуруя иглой, кто строчил письма любимой девушке. Я крутил транзистор, выцепляя новости. Потом пошёл рассказ о государственном перевороте в Чили по американскому плану «Кентавр». Теперь Пиночета притормозили в Англии, чтобы отдать под суд. Чтобы спасти своего влиятельного агента, американцы мутили воду с его здоровьем, старались в целости-сохранности вернуть обратно в Чили. Об этом шла речь в радиопередаче. «Интересно, под каким кодовым названием американцы управляют теперь душманами?» – думал я, когда в палатку влетел Голубок.

– Ребята, – он поднял руку, как стоп-сигнал, – надо помочь «афганцу». После дембеля он по-

гудел на радостях в ресторане. Теперь в кармане вошь на верёвочке. А пилить домой через Среднюю Азию, Сибирь на Дальний Восток. Словом, кто сколько может?

Сержант двумя пальцами из нагрудного кармана выудил удостоверение, вытряхнул из него десятку. Солдаты засуетились возле тумбочек. Я положил пятёрку возле сержантской десятки – всё что осталось от отцовского перевода.

Через день к нам пожаловал знакомый уже мне «афганец», церемонно пожал ребятам руки, поблагодарил за помощь. Его засыпали вопросами. По-моему, самый глупый задал я:

– В Афганистане стреляют?

Я увидел устремлённые на меня глаза, большие, серые с чёрными бусинками зрачков. Какой невыносимо тяжёлый свинцовый взгляд! Мне стало не по себе, будто на меня глянула смерть. По спине пробежали мурашки.

Кто-то из ребят спросил о ранении. На правой стороне кителя афганца белела узкая планка – знак лёгкого ранения.

– Царапина! – отмахнулся афганец. – На бэмпэшке из Кундуза выехали на исламабадскую дорогу. Со стороны могилки пальнули в нас из гранатомёта. Машина загорелась. Водитель выскочил из люка. Огонь за ним, как из поддувала, бросился. Мы горохом посыпались с брони. Я неудачно приземлился, ударился головой о камень. Потом неделю провалялся в госпитале.

Ночью я долго лежал с открытыми глазами. Почему-то вспоминал родителей, сестру. На соседней койке мучился Сашка Ротарь. То сунет голову под подушку, то весь накроется одеялом. Наконец не выдержал, приподнялся на локте и, мерцая в полумраке встревоженными глазами, спросил меня:

– Ты слышал о «Чёрном тюльпане»?

– Не-е!

– Это самолёт, на котором вывозят цинковые гробы из Афганистана.

Я не стал развивать тему, сказал ему:

– Мой дед говорил: живы будем, не помрём! Давай лучше спать, Саша!

Самое удивительное, мне самому от своих бодрых слов стало спокойнее. Я сомкнул отяжелевшие веки.

Юрий Чернов из Новокузнецка, лежащий на верхней кровати прямо надо мной, громко по-свистывал носом. Не спал бы он так сладко, если б знал, что через восемь месяцев подорвётся на mine. От него останется только каска.

* * *

Нас перебросили в Афганистан поздней осенью, когда в Ташкенте деревья пожелтели, девушки фотографировались с плетёными корзинами, наполненными виноградом и гранатом, пацаны валялись на подушках опавших листьев, раскинув в стороны руки. Усадили на транспортные вертолёты Ми-6, которые мы называли коровами за громоздкое просторное брюхо.

Никто толком не знал, что нас ждёт в Афганистане. Неизвестность всегда неприятно щекочет нервы. Солдаты маскировали свою тревогу шутками, анекдотами. Тон веселья задавал Гоша Токмашев с добродушным широкоскулым лицом и узкими чёрными азиатскими глазами. Из него, словно из автомата, выскакивали анекдоты. Он рассказывал постным, скучным голосом. Впечатление создавал смех, которым Гоша раскатывался после каждого своего анекдота. При этом его широкая грудь сотрясалась, а большая стриженная голова вздрагивала на плечах. Глядя на него, слушатели вначале сдержанно улыбались. Потом увлекались. Тогда хлопали в ладоши, поддавали друг друга кулаками и ржали по-чём зря. Встрешенный пилот со своего места прикрикнул:

– Ребята, спокойнее! Машину завалите!

Смех угас, как свет в лампочке с убывающим электричеством. Я зажмурился и неожиданно для себя уснул под гул вертолёта.

Проснулся от дружеского тумака в бок:

– Вахрамеич, просыпайся! Афган не прово-
ронь!

Я, как годовалый ребёнок, таращился в окно перед собой. Рваные клоки дыма неслись куда-то вверх за стеклянным квадратом. Вертолёт снижался. Снижался. Здравствуй, Афган!

Какой суровый неприглядный край! От аэродрома на все четыре стороны разлеглась плоская, каменистая с редкими зелёными островками равнина. Тёмное грозное тесто широко обкладывало небо. Боевые вертолёты Ми-8, как сторожевые псы, вытянув хвосты, шныряли между тучей и землёй.

Выбравшись из брюха «коровы», мы построились в длинную колонну и пошли месить сапогами раскисшую после дождя дорогу. Шагать было скучно, мучительно. Я дёрнул Гошу за рукав шинели:

– Спой что-нибудь!

– Не могу. Слуха нет. Медведь на ухо наступил.

– Тогда выдай анекдот.

– Смеяться будешь – командир накажет.

С Гошей не сваришь каши. Я уставился на стриженный шишастый затылок рослого, но очень худого парня, который передо мной так размахивал руками, словно старался их выдернуть из плеч. Я невольно рассмеялся. Он оглянулся и вопросительно уставился на меня.

– Гоша рассказал анекдот про овцу, которая никак не хотела на жаровню, – объяснил свой смех.

– Ну и как?

– Куда денется. Поджарили!

Через полтора часа мы приблизились к большому кишлаку. Возле глиняных стен восседали смуглые бородатые люди в белых чалмах. Когда мы поравнялись с ними, то увидели, что это старики. Они поворачивали к нам горбоносые, морщинистые лица и пристально смотрели немигающими глазами. За спинами старцев стояли дети в ярких рубашках.

Горчиная стена тянулась дальше. В одном месте впаянная в неё дверь распахнулась, из проёма выскочила красивая девочка лет четырнадцати. Увидев нас, испуганно присела на корточки. Из двери вывалилась старуха в мятом разноцветном платье. Она что-то сказала девочке на своём языке. Та отрицательно мотнула головой. Она ещё что-то сказала. Девочка насупилась, заблестела напряжённо чёрными глазами. Старуха исподлобья посмотрела на солдат и решительно накрыла девочку подолом.

Гоша не удержался, хохотнул, колыхнув плечами:

– Розу оберегает!

Когда мы прошли метров двадцать, я оглянулся. Ни девочки, ни старухи уже не было. И снова топали по лысой равнине. Но почему-то она теперь не казалась мёртвой, отталкивающей.

* * *

В трёх километрах от кишлака раскинулся палаточный городок полка, оцепленный колючей проволокой и сторожевыми вышками. Меня приписали к взводу старшего лейтенанта Скрибунова. Было видно, что это опытный командир, похлебавший горячую кашу из раскалённого котелка войны, обстоятельный, неторопливый, не спешит с оценками, хорошо знает противника, его сильные и слабые стороны, умеет вести минную войну. При нём во взводе не было потерь сапёров. Сам Скрибунов в первый год службы в Афганистане два раза подрывался, но остался

жив. Его наградили орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

Однообразное житьё в палатках быстро надоедает. Через неделю я уже стал просить командира взять меня в рейд. Он отказывал:

– Успеешь навоеваться.

У каждого, кто воевал, была своя мера опасности. У сапёра – очень большая, поэтому нас называли смертниками.

Идёшь во главе колонны, открытый всем ветрам и пулям. Разглядываешь каждый камешек, каждую ямку, прокалываешь щупом каждый сантиметр. Ошибся – и нет тебя на белом свете.

Опасность сторожит тебя в засадах. За убийство сапёра духи получают пятьдесят тысяч долларов. Для них это золотое дно, которое они стараются выгрести до песчинки.

На второй день, как только я прибыл в полк, мне вручили автомат. На всю жизнь запомнил его номер 813061. Его владелец, сапёр, погиб на Мадрасе от пули из засады. Она пробила ему шею, залила кровью ремешок от автомата. Я целый день отшоркивал его от засохших пятен. Не спешил взводный брать меня в рейд.

И всё-таки настал день, когда нас выстроили перед командирской палаткой, и Скрибунов, глядя в листок с фамилиями, который держал перед собой, буднично проговорил:

– Казак и Вахрамеев завтра на Мадрас.

У меня сердце подпрыгнуло к горлу и забилося там.

Маршрут до кишлака Мадрас был самым спокойным. На нём духи меньше, чем в других местах, терзали колонны огнём и минами. Сюда посылали новичков, чтобы они в относительно безопасной обстановке попробовали свои молочные зубы.

Меня с первых дней ошеломил напарник. С этим смуглым угрюмым парнем с гуцульскими усами я не разговаривал. После того как наша группа новобранцев прито пала в полк, случился неприятный для меня инцидент.

Тогда дневалил Гоша Токмашев. Сделал спустя рукава уборку в палатке. Не подмёл, как следует, а сам куда-то смылся.

Я пришёл вечером с занятий, тяжёлый от усталости, снял сапоги, опрокинулся на койку и застыл в блаженстве отдыха. В этот момент в палатку ввалились остальные жильцы. Весь день они мотались по ущелью, гонялись за духами, выковыривая из «кротовых» щелей. У ребят был чумовой вид. Чёрные от загара, тощие, на-

стоящий Бухенвальд, глаза провалились, на плечах автоматы, пулемёты с лентами патронов. От них пахло потом, перенапряжёнными нервами и смертью.

Казак бесцеремонно схватил меня за ноги, рывком развернул так, что я оказался поперёк кровати.

– Чтобы через пять минут был порядок в палатке! – рявкнул он. Со мной никто так не разговаривал. Но тут вернулся развесёлый Гоша с мокрым веником.

– Извините, ребята! Я виноват! – заорал он. – Сейчас пол заблестит, как паркетный. Будете го-пак танцевать!

И стал расталкивать солдат, пробираясь ко мне.

Казак круче согнул шею, усталым движением стянул с себя лифчик боекомплекта и уже не обращал внимания на меня. Я на него тоже. После этого перестал с ним разговаривать.

Мне нравятся открытые весёлые парни с юмором. Суровые молчуны, как Гуцул (так про себя я окрестил Казака), напоминают черневую тайгу. Идёшь по кустам между деревьями и не знаешь, какая тварь из зарослей выскочит и набросится на тебя.

27

И вот теперь этого неприятного типа построили мне в напарники. Дед говорил: «В армии нет слов «хочу» или «не хочу», есть – «надо». Мне ничего не оставалось, как смириться с решением командира.

Когда закончилась вечерняя поверка, ребята после команды «Разойтись!» укатились кто куда. Я подошёл к взводному.

– Что взять с собой?

– Спать ложись. Утром Казак поможет тебе собраться.

Мне, конечно, не спалось. Через каждые полтора часа отдирав тяжёлую голову от подушки и смотрел в угол палатки, где стояла кровать Казака. Тот спал, накрыв голову подушкой. Даже храпа не было слышно. У него железяки, что ли, вместо нервов? Потом я тоже стал таким. Из меня на операциях будто выгребали все внутренности. Казалось, кожа была натянута на пустоту. Соображал только перед минами.

Под утро сон всё-таки придавил. Я провалился куда-то очень глубоко. Казаку пришлось хорошенько встряхнуть меня, чтобы извлечь из провала.

Бледное световое пятно вздрагивало в окошке. Но в палатке было ещё очень темно. Я ско-

рее почувствовал, чем увидел напарника возле своей кровати.

Сел, быстро оделся. Вдвоём неслышно выскользнули на улицу. Небо покрывали молочно-голубые печатки звёзд. Горный воздух холодно прижался к щекам и окончательно отогнал от меня сон.

Мы заскочили в столовую, хорошо подзаправились, получили сухпайки и двинулись к оружейке в четырёхместной палатке. Там хранились оружие и боеприпасы нашей роты. У входа торчал дежурный, запрокинув голову и раздирая рот в зевке.

– Духов проглотишь! – рявкнул Казак.

Дежурный захлопнул рот и уставился испуганно на нас. Я подумал о напарнике. У него, оказывается, с юмором всё в порядке. У меня душа потеплела на градус. Тоже добавил жару часовому:

– По-моему, тебя обокрали. Патронов не досчитались.

Дежурный вновь открыл рот, соображая, каких патронов не хватает. Никто не брал их по счёту. Пока его сонный мозг соображал, мы нырнули в палатку.

Оружейка освещалась мощной электрической лампой. Всё было прекрасно видно, даже маркировка на автоматах. Мы сняли с себя вещмешки из брезента песочного цвета, поставили возле ящиков с патронами, а сами подошли к щупам, заострённым стальным стержням, сваленным в углу палатки. Я ждал, какой щуп подберёт для меня опытный напарник. Тот присел на колени и стал аккуратно перебирать железки. Наконец протянул одну из них:

– Подержи!

Я удивлённо хмыкнул: дед в точности так же подбирал литовку для моей руки. У него их было с десяток, самых разных по весу, длине. Он находил косу, самую удобную для меня.

Щуп, который протянул Казак, оказался не тяжёлым и не лёгким, то есть в самый раз. Я пофехтовал им, как рапирой, и оставил себе.

Потом открыли узкий, длинный, тёмно-зелёный ящик с патронами для автомата. В моей голове сидели десятки историй о солдатах, которым лишний патрон спасал жизнь в бою. Поэтому я старался нагрести этого добра как можно больше.

– С таким запасом ты не поднимешься на бэтээр, – сказал Казак.

Дед учил меня слушать опытных людей. «Всё не охватишь своим умом, надо уметь пользоваться чужим!» – говорил он.

Пришлось лишние патроны высыпать обратно в ящик.

Обвешанные с ног до головы оружием, мы вышли из палатки. Я дружески хлопнул дежурного по плечу.

За время нашего пребывания в палатке, он умудрился снова закемарить. От моего толчка он так сильно вздрогнул, что чуть не упал. Удержав равновесие, пожелал нам счастливого пути.

– К чёрту! – дружно откликнулись мы.

Возле КПП стояли наготове бронетранспортер и две боевые машины пехоты. Около них, как муравьи, суелились мотострелки.

Наше место было на бронетранспортёре. Я уверенно поставил ногу на колесо и потянулся рукой к скобе на броне. Чтобы дотянуться, надо было чуть-чуть приподняться. Нога не могла оторвать от земли шестьдесят три килограмма моего живого веса и тридцать снаряжения.

Я отступил, не зная, что делать.

Казак уже маячил на броне.

– Бросай рюкзак!

Это уже было по силам. Бросил. Вместе с рюкзаком перебрались наверх щуп и автомат. После этого, ушибив коленку о край борта и постанывая от боли, я всё-таки взгромоздился на обшарканную бронированную холку.

К своему удивлению, среди мотострелков обнаружил серую благородную овчарку. Она уложила передние лапы на ноги веснушчатого сержанта в шапке и куртке с чёрным меховым воротником. Тот ласково трепал густой шерстистый загривок собаки.

Я знал, что в Афганистане овчарки используются для разминирования дорог. Неужели меня с Казаком решили «усилить» псом?

Машины дружно загудели. Мы поехали. Мало удовольствия «кататься» на боевых машинах. Гудят до боли в барабанных перепонках. На каждой ямке встряхиваются, словно собаки, выскочившие из воды. Человек ко всему привыкает. Мы привыкли к нашим машинам, которые подвозили солдат куда надо.

Пока мчались по равнине, цвет воздуха менялся на глазах. В него будто огромными порциями сливали воду, которая быстро растворяла темноту. Впереди открывалась толпа высоких сопков. Из земли словно высывались головы древних воинов в шлемах. Я настолько загляделся на них, что перепугался, когда рядом раздался страшный грохот, и спрятался за поднятую крышку люка. Подумал, что духи напали на

нашу бронегруппу. Поднял автомат, готовясь отстреливаться до последнего патрона, как почувствовал, что чья-то ласковая ладонь поглаживает мой затылок. Вскинул голову и увидел перекошенное от хохота лицо командира роты мотострелков.

И тут до меня дошло: попал впросак. Старые «афганцы» говорили, что опасные места вдоль дорог на всякий случай блокируются огнём. Слева невдалеке виднелись руины нескольких пуштунских домов. По ним бронегруппа из всего оружия вела огонь. Когда удобное для засады душманов место осталось позади, пушки и пулемёты смолкли, ротный деловито спросил меня:

- Шибко испугался?
- Шибко!
- Привыкай!

Колонна заползла в ложину между двумя сопками, похожими на громадные жёлтые шары, врытые в землю, и остановилась. Казак опёрся на моё плечо, встал и со вздохом сказал:

- Пошли, Вахрамеич, воевать!

Моё сердце так застучало, что я испуганно оглянулся. Не услышал ли кто? Мотострелкам было не до меня. Они целили автоматы на вершины сопки, с которых духи могли открыть огонь в любую секунду.

Казак ловко спрыгнул с брони, взмахнув автоматом и щупом, как крыльями. Таким же манером я слетел на землю. Рядом со мной упруго приземлился сержант, сильно подогнув ноги. Выпрямившись, он обернулся к машине, поднял руки и позвал:

- Рони!

Собака весила, видимо, прилично. Крепыш-сержант качнулся, чуть не опрокинулся на спину, когда с брони обрадованный Рони прыгнул ему на плечи. Удержавшись на ногах, сержант опустил собаку на край дороги.

Вчетвером мы двинулись вперёд. Первым крался Рони, вынюхивая каждый сантиметр земли. Его ворсистый закруглённый хвост сваливался то на один бок, то на другой. А за ним, как по кочкам, перемещался сержант. Прыгнет – останавливается. Прыгнет – останавливается. Сзади мы с Казаком щупами кололи дорогу.

Вдруг Казак нервно крикнул сержанту:

– Твой барбос пропустил мину! Проведи его снова возле той гильзы! – Мой напарник острием щупа показал на ржавую пулемётную гильзу у помятой кормы подбитой бээмпэшки.

Рони спокойно переступил.

– Иди-ка ты со своим четвероногим дружкой подальше! – ругнулся Казак и опустился на колени возле гильзы. Мягкими осторожными движениями разгрёб пыль. Открылись спрессованные тёмно-серые камни. Исцарапывая в кровь пальцы, напарник вытаскивал их, как кирпичики из кладки, пока жёлто не блеснуло ребро «итальянки».

Макаронники отправляли в Афганистан самые паскудные мины. Шесть килограммов тротила в каждой. Взрыватель пневмомеханический, неизвлекаемый. Наедет машина на него, боёк ударит капсюль. Лучше не видеть, что случается с людьми и техникой после этого.

Бывало, осматриваешь воронки на дорогах, поскользнёшься, глянешь под ноги – оказывается, наступил на кусок мяса. Мне после этого страсть как хотелось съездить по туристической путёвке в солнечную Италию и положить «подарок» макаронников под... Колизей. Пусть почувствуют на собственной шкуре убийственную силу своего изделия.

Казак убрал маскировочный слой над миной. Под солнцем «итальяшка», способная подбросить тяжёлый танк, заблестела чистыми маслянистыми боками, будто новенькая, словно только что вынутая из целлофановой упаковки.

Сапёр сунул руку в карман бушлата, достал пачку тротила, похожую на кусок хозяйственного мыла, и осторожно водрузил на крышку. Теперь оставалось поднести огонёк к «хвостику» и рвать когти. Тротил спровоцирует заряд мины.

Я бросился за корму бэтэра. Там уже переминались мотострелки, переговаривались, посмеивались, зыкая напряжёнными глазами на вершину сопки. Боком к бронированной задней стенке бэтэра сидел Рони, аккуратно подобрав хвост, и внимательно поглядывал на солдат. От движений глазных яблок бугрилась шкура на его мощном овальном лбу.

Сержант стоял рядом. Вид у него был сконфуженный. Краснея, оправдывался перед мрачным ротным:

- Мой Рони не мог схалтурить.

Подскочил запыхавшийся Казак. Его встретили уважительными взглядами, посторонились, освобождая удобное место за бронетранспортером. Иван поднял исцарапанные до крови пальцы к губам и стал обдывать ранки.

Конусом взлетел огонь. На броне, как градины, запрыгали мелкие камни. От сильного звука у меня заложило уши. Я замотал головой.

После взрыва мотострелки вновь проворно оседлали бэтээр и ошетинились стволами автоматов. Сержант положил руку на широкий лоб Рони. Тогда Казак сказал проводнику:

– Не суетись. Сегодня мы управимся без тебя.
– Мой Рони! У него нюх. Он нашёл сотню мин.
– Духи сегодня испортили твоего пса. Держи! – Казак вложил в пальцы сержанта ржавую пулемётную гильзу, которая валялась у мины. – Понюхай! Она какой-то гадостью обмазана.

Сержант поднёс гильзу к носу, скривился и громко чихнул.

– Правда, вот сволочи! – обругал он душманов.

Когда мы отошли подальше от проводника с собакой, я спросил напарника:

– Как ты всё-таки нашёл мину? Она была здорово упакована в грунт.

У Казака зашевелились усы от улыбки.

– У меня в груди телефончик, подключенный к душманским минам. Как только подхожу к ним, они поднимают трубку, набирают мой номер и говорят: «Будь осторожнее, мы здесь!».

Я подумал: у моего напарника наконец прорезался юмор. Естественно, не поверил ему насчёт телефонных переговоров. Но года не прошло на войне, как однажды тоже услышал голоса... мин.

Мы с напарником подошли к воронке после подрыва «итальяшки». Яма была приличной. Можно было целый грузовик затащить в неё. Воронка противно воняла. Стараясь не дышать носом, я обошёл по краю и окинул взглядом дорогу. Израненная, широким полукружьем она уползла вперёд за сопку. На ней отчетливо виднелись следы гусениц. Здесь явно совсем недавно проходил танк.

– Вахрамеич, пошарь следы! – пугнул меня голос Казака.

Вам приходилось бывать в хорошей деревенской парилке? Открываешь дверь, ныряешь. Тебя обжигает горячий туман. Такой же туман я почувствовал внутри себя. Ручьи пота побежали между лопатками, что-то случилось со зрением. Следы, которые за воронкой шли почему-то поперёк дороги, я увидел, как сквозь запотевшее стекло. На ватных ногах пошёл к первой боевой мине.

– Не держи так щуп! – спокойно наставлял рядом Казак.

Оказалось, что я держу щуп, как нас учили, под сорок пять градусов к земле. Это правильно!

Наконечник щупа не ткнётся во взрыватель на крышке мины. Но если мина вживлена в породу, то сбоку к ней со щупом не пробиться. Надо держать его, как посох, вертикально.

Казак подвёл меня, словно слепого, ко вмятинам от гусеницы танка, показал самую глубокую:
– Здесь пошукай!

У меня было такое ощущение, что меня отделили от своего тела. И это тело пальцами раскапывает пыль, затем выковыривает щебёнку, укладывает пачку тротила на металлический корпус английской мины МК-5, поджигает огнепроводный шнур и удирает за бэтээр. А сам я плутаю где-то в серой непроницаемой мгле.

Сознание и тело соединились уже на бронетранспортёре, когда наша группа тронулась в путь, объезжая свежие воронки. Ребята хлопали меня по плечу, а умный Рони даже лизнул руку.

В полк мы вернулись вечером, когда солнце зацепило зубья гор и кровавые потоки из ран светила хлынули по отрогам. Возле КПП нас ждал Гоша Токмашев. Я бросил ему рюкзак, автомат, щуп. Сам, цепляясь носками сапог за выступы брони, сполз вниз. Встав на ноги, закачался. Чтобы не упасть, опёрся на плечо Гоши. Мы, как два пьяных, двинулись к оружейке, чтобы сбросить с себя всё лишнее.

Мой друг искоса поглядывал на меня. Ему не терпелось узнать о поездке. Я не в состоянии был пошевелить языком. Только когда Гоша спросил о Казаке, как он, – я поднял большой палец.

Рейды! Рейды! Рейды! Не успеваешь отдохнуть от одного, как посылают в другой. В каждом только чудо порой спасает. Самое печальное, теряешь друзей. Гошу Токмашева, тяжело раненного, увезли из части навсегда в госпиталь. Появился Саша Цыганков, беленький, весёлый парень из Новосибирска, говорун и гитарист. На привалах вечерами, прежде чем уснуть, разжигали костёр, сидели, глядя на огонь. Саша доставал свою гитару, пощипывал струны и тихо напевал самодельные солдатские песни:

*На костре в дыму трещали ветки,
В котелках дымился тёплый чай.
Ты пришёл усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.*

Лично я от его песен размокал, как сухарь в горячей воде. Становился грустным, мечтатель-

ным, любовался умопомрачительными афганскими звёздами. Казалось, что они были низко подвешены над землей и неистово сверкали, словно снежинки под солнцем.

Устав от пения, Саша укладывал гитару возле себя на разостланный бушлат и с наслаждением отогревал пальцы. На минуту костёр окольцовывало молчание. Потом кто-нибудь, чаще Валера Деревяшкин, квадратный, могучий и очень добрый механик-водитель БМР, упрашивал Цыганкова:

– Почитай, что девушки пишут тебе!

Настроение у ребят сразу же менялось. Они будто пропускали по стаканчику портвейна. Нежный жар приливал к сердцу каждого из нас. Все оживлялись, глаза заволакивались блестящей влажной плёнкой. И вот уже градом сыпались на Цыганкова требования:

– Почитай!

С женским полом у нас было просто швах. Согласно законам природы, нам полагалось держаться возле девушек. Согласно другим законам, мы «кантовались» очень далеко от них, за горами, за долами, возле мин. Бывало, как джигит, верхом на бээмпэшке проскочишь через кишлак и вдруг споткнёшься взглядом о юную ханум. Глазеешь на неё, как на первое чудо света. А твои боевые друзья рядом совсем теряют голову. Одной рукой прижимают к животу автомат, а другой показывают на смуглянку и кричат, заглушая мотор:

– Смотри! Смотри!

Голод общения с девушками мы утоляли с помощью переписки. У каждого из нас в записной книжке среди вкривь и вкось начертанных пометок о минах, войне таился заветный адресок.

Цыганков имел пять таких адресов. Ребята приставали к нему:

– Поделись! Зачем тебе столько?

Его светленькое маленькое лицо скукоживалось. Ему нравилось получать от разных девушек письма, а затем читать вслух избранные места. С этой привилегией он не хотел расставаться.

Саша по характеру был из тех людей, которые и на смертном одре юморят, а в письмах тем более. Тане Бочаровой из Омска он расписал, как ночами мы лихо развлекаемся в Кундузе, танцуем до упаду под новые диски. У нас в законе ансамбли ДШК и АГС.

Когда он уже был на БМР, ему протянули ответное письмо от Тани, которое он сунул в мешок и не мог достать в пути. На привале провор-

но слезил в нашу сапёрную машину, вернулся оттуда с конвертом, уселся, по-мусульмански поджав ноги. Раскрыл вчетверо сложенный тетрадный лист в клеточку, беззвучно зашевелил губами. Наконец, рассмеявшись, сказал:

– Таня спрашивает, что за рок-группы ДШК и АГС выступают перед нами?

Мы грохнули так, что за горой всполошились духи и прострочили пулями густой чёрный воздух. Успокоившись, мы задумались. Есть же на свете счастливые люди, которые не слышат выворачивающую душу «музыку» крупнокалиберных пулемётов и автоматических гранатомётов АГС.

В конце первого года службы за меня серьёзно взялась малярия. Неделью провалился в медбате. Там глотал горстями хинин, ещё какие-то горькие таблетки. При выписке военврач, резкий на слово, внушал:

– Вот что, Вахрамеев, если не хочешь, чтобы тебя как красную девицу таскали на руках по горам, месяц не показывай нос из части.

После госпиталя ночь у меня прошла хорошо. Утром вновь зазнобило. Челюсти задёргались, зубы застучали. Я крикнул Цыганкову, который дневалил:

– Подбрось ещё одеяло.

Под двумя одеялами блаженная теплота разлилась по моему телу.

В это время в палатку ввалился прапорщик в новенькой форме и хромовых сапогах. Загорелый, с блестящими хитроватыми глазами, он напоминал бойца в центре картины Непринцева «Отдых после боя». У него даже панамы была чуть сбита набок, придавая ему лихой жизнерадостный вид.

Прапорщик упруго подкатил к Цыганкову и протянул ему красную бугристую ладонь.

– Клади чек! – рявкнул он.

Дневальный растерялся от столь необычного приказа. Засуетился, спешно опуская руку то в один, то в другой карман. В конце концов отыскал радужную бумажку у себя в тумбочке и отдал прапорщику. Тот согнул, разогнул толстые пальцы. Ладонь была пуста. Чек словно растворился в его коже.

Оставив Цыганкова с распахнутым от удивления ртом, прапорщик подошёл к моей кровати, подобрал край одеяла с пола и сказал с лёгким поскрипывающим дыханием:

– Подымайся, Вахрамеев! Тебя кличет ротный.

И поплыл к двери, колыхая руками. Только взялся за металлическую скобу, раздался обиженный голос дневального:

– А чек, товарищ прапорщик?

– Ты оплатил за цирк.

Его перекошенное изумлением лицо было таким комичным, что я рассмеялся. Прапорщик расхохотался, вернул чек и выскочил из палатки.

Что самое поразительное, у меня поднялось настроение не столько от умения прапорщика обобрать солдата, сколько от фокуса, даже приступ малярии прошёл. Я оделся. Чувствуя себя здоровым, отправился к командиру роты Шлыкову. Мы уважали его, только недоумевали, почему много лет он ходит в капитанах. Все волосы потерял. Голова у него была гладкой, как яичко. Выглядел он моложавым старичком. Командиром был умным, самостоятельным, не торопился выполнять глупые приказы сверху.

Однажды мы всем полком на бронетранспортёрах катились по головокружительным горным дорогам в Файзабад на операцию. Перед опасными местами колонна замирала, выпуская вперёд сапёров для выявления мин.

Во время одной такой остановки, когда мы ещё не успели спрыгнуть с БМП на дорогу, за-
32
трещала рация, и сквозь помехи прорвался металлический голос командира полка, прозвучал позывной ротного:

– Крот! Обороты! Обороты!

Капитан выключил рацию, спокойно сказал нам:

– Не обращайтесь внимания! Работайте без спешки.

Нашего ротного можно было убрать, как камень с дороги, но действовал он в любых обстоятельствах согласно своему разумению. Может, поэтому не рос по службе, но зато сохранял жизнь солдат и свою.

По-настоящему мы оценили капитана Шлыкова, когда он уехал в Союз дослуживать. После него слаженные действия сапёров разладились. Ребята стали ошибаться, безвозвратно терять товарищей.

Когда меня капитально ремонтировали в госпитале, они написали, что сапёров совсем замурировали – гоняют ставить ограждения, рыть землянки офицерам, а комендантский взвод, которому надо это делать, в праздности наедает неимоверные ряшки. У некоторых лица так раз-

дулись, что, кажется, вот-вот лопнут и жирная сукровица потечёт. При Шлыкове, слава богу, такого не было. Он решительно ограждал сапёров от посторонней, не по профилю, работы.

Я зашёл в едкую духоту каптёрки. Капитан в свободной позе сидел за деревянным столом, склонив задумчивую голову над картой, расстеленной на столике. Увидев меня, он благодушно шлёпнул ладонью по скамейке возле себя:

– Устраивайся!

Я присел и ухватился взглядом за остриё красного капитанского карандаша, которое поползло по волнистой линии на карте.

– По этой дороге прокатишься до кишлака, – сказал он. – Впрочем, там от кишлака остались горки жёлтого глиняного мусора. К ним подвезут раненого с точки. Заберёте его и назад. Путь близкий, всего километров десять, но опасный. Сегодня у мусульман праздник мщения. Вероятно, они будут караулить вас в развалинах, поэтому мины ищите на дороге перед ними.

– Кто командиром бронегруппы? – уточняюще спросил я.

– Лейтенант Туркулов.

Этот лейтенант, похожий на упитанную женщину, с гладким, слегка отёкшим румяным лицом, всего лишь месяц назад прибыл командиром мотострелкового взвода. Не успев оглядеться, стал выставляться. При сорокаградусной жаре приказывал молодым солдатам застёгивать воротничок на все пуговицы, следил, чтобы перед ним вытягивались и отдавали честь, как положено по Уставу, заставлял чистить ржавые патроны, которые потом отказывали в бою.

У меня не было желания ехать с неизлеченной малярией под командованием необстрелянного формалиста Туркулова. Такие офицеры, как он, редко показывали себя хорошо, когда прижимало.

Сперва я хотел увильнуть от поездки, сославшись на заболевание. Уже изготовился сказать об этом капитану, но тот упредил мой отказ.

– Кроме тебя и Токмашева, мне сейчас никого послать.

Когда я, озадаченный, вернулся в родную палатку, Гоша сидел на табурете возле своей кровати и читал какую-то толстенную книгу. На моё появление отреагировал полным невниманием, даже глаз не поднял от страниц приключенческого романа.

– На сборы десять минут! – бросил я в пустоту пространства палатки. Достал из своей тум-

бочки спасительный стандарт хинина. Одну таблетку проглотил, морщась от горечи. Остальные сунул в карман. Вдруг приступ начнётся в пути, тогда будет чем от него отбиться.

Гоша – мрачный, ершистый, несносный в обыденной обстановке, но самый надёжный в горах. Однажды мы с ним протискивались по козьей тропе в отвесной каменной стене ущелья к площадке с замаскированным душманским зенитным пулемётом. Непроницаемый туман серым студенистым желе наполнял ущелье и не давал духам с другой стороны стрелять прицельно. Пули с жутким звоном рикошетили вокруг нас о камни.

Гоша не отставал от меня ни на шаг, сохраняя полное достоинства спокойствие. Мы, чуть живые, искорябанные до крови, добрались до площадки, а потом разобрали пулемёт и по частям затащили на вершину горы, где передали нашим мотострелкам. Те собрали машину и открыли огонь по духам.

И вот Гоша, готовый в горах на все подвиги, в палатке заворчал, с чувством закрыл и бросил книгу на кровать:

– Не дают отдохнуть по-человечески.

– Раненого надо доставить в медсанбат, – сказал я, наклоняясь над вещевым мешком. Гоша сразу же замолчал, будто захлебнулся горячим чаем. Когда у нас речь заходила о спасении человека, все остальные дела по боку.

И вот наша бронегруппа тронулась в путь.

Мы с Гошей сидели рядом с лейтенантом на головной бээмпэшке. Туркулов сперва шибко волновался, крутил головой, как перископом, выискивая глазами духов. Но вскоре его возбуждённое внимание утихомирилось, он расслабился и даже время от времени прислонял острый подбородок к бронежилету, делая отчаянные усилия, чтобы не заснуть.

Более половины пути прошло без выстрелов, засад. Между тем равнина стала подниматься, наплывая на склон холма. Вдруг на его вершине вздулся чёрный пузырьёк и стремительно покатился вниз к нам навстречу, увеличиваясь в контуры ГАЗ-69.

Я оглянулся на безучастного, одуревшего от жары и монотонного движения лейтенанта и поднял руку:

– Приготовиться!

Мотострелки насторожили автоматы. Пушка нашей брони подвигалась, приспособливаясь к подозрительной машине.

«Газик» за сто метров до бронегруппы испуганно шарахнулся в сторону и приютился на обочине. Брезент у него был убран, только ребра торчали. Под ними сидели афганцы в чёрных одеждах. Они упорно не смотрели на нас, отводя глаза в сторону. Только самый пожилой из них с тёмной кожей, седыми пышными усами почему-то уставился на меня, как на старого знакомого. Казалось, он сейчас приветливо махнёт рукой и крикнет: «Привет!».

Я обернулся к лейтенанту:

– Духи!

– Не может быть, – скривился он и даже палец убрал со спускового крючка автомата. У меня глаза заслезились от возмущения. С колоннами грузов я проехал многие кишлаки и города Афганистана. В них были лишь сиротливые женщины, дети и слабосильные старики. Крепкие мужчины воевали в правительственной армии или в бандах оппозиции. Упитанные молодые лица пассажиров «газика» не вызывали сомнений.

Гоша придавил ладонью моё плечо и задышал мрачными словами в ухо:

– Если сегодня с этим лейтенантом не попадём в рай, считай, что мы ещё раз поживём на этом свете.

33 Наши бээмпэшки проскочили мимо «газика». Через минут двадцать они чайками взлетели на хребет холма. С него открывался пейзаж, достойный кисти Рериха. Синь неба, по краю которого на горизонте далеко-далеко прогуливались барашки облаков. А на земле под ними струились горные змеи, выгибая вверх туловища, отчего казалось, что они тащат на себе горбы, припорошенные снегом. Грандиозная картина была столь красива, что хотелось часами смотреть на неё. Но такой роскоши мы не могли себе позволить.

Я разглядел впереди на вершине следующе-го холма развалины кишлака, о котором говорил капитан. Именно там нас ждёт серьёзная засада и мина на дороге рядом с кишлаком. Бронегруппа скатилась в седловину и стала подниматься. Когда до развалин оставалось метров сто, я дал знак водителю остановиться. Машина замерла. Я спрыгнул на землю. За мной слетел Гоша. Мы со щупами вышли на дорогу и медленно двинулись вверх, проглядывая каждый бугорок, под которым могла прятаться смерть. И вдруг нам стало ужасно плохо. Мы искали мины в полной тишине. Мотострелки не обрабатывали развалины,

где явно сидели духи. Ещё шаг, и они откроют огонь. Почему медлит лейтенант? Шаг, другой! Хотелось залечь и самому открыть огонь.

– Что будем делать? – прошипел Гоша.

– Искать! – рывкнул я, заглушая страх.

Однажды мой дед подвыпил и спросил меня, четырнадцатилетнего пацана: «Ты знаешь, что такое стоять насмерть?». Теперь я знаю, что значит идти на смерть. Врагу этого не пожелаю.

Когда мы оказались в десяти метрах от вершины, раздался гром небесный. Я увидел, как пули перемалывают развалины и всё живое там, как поднимают пыль снаряды. Меня и Гошу спасали проворные ребята из бронегруппы, которая с другой стороны доставила раненого.

Под звуки «мельницы» мы нашли мину в правой колее дороги. Духи выдолбили ямку, опустили пластмассовую «кастрюлю», сверху засыпали щебёнкой, положили толстый слой глины, обрезком шины нанесли узор протектора. Я сразу отличил опасное место по свежему цвету глины и слабому отпечатку протектора. Настоящая машина оставила бы след поглубже.

Мягко вонзил шуп, чтобы остриё уперлось не в крышку, а в боковую стенку. Сразу почувствовал. Она там, дорогая.

Сказал Гоше:

– Копай!

Напарник положил шуп на землю, но автомат не снял. Придержал его левой рукой у живота, а пальцами правой осторожно стал сгребать маскировочный слой. Взорвав «итальянку», мы поднялись на вершину горы и увидели на каменной площадке две спокойные бээмпэшки. Около машин сгрудились мотострелки и о чём-то вполголоса толковали.

От них отделился мужчина лет тридцати в солдатской форме. На операциях командиры носили с подчинёнными одинаковую форму, чтобы не стать мишенью снайпера. Он спросил меня:

– Почему ваши не стреляли?

Я показал глазами на Туркулова, который опирался одной рукой о дверцу бээмпэшки, а пальцем другой указывал, куда и как занести раненого:

– Он сэкономил патроны.

От изумления у офицера поднялись брови. Он бросил пронизательный взгляд на нашего командира, с заметной усмешкой оглядел его румяные полные щёки, новенькую облегающую тело форму, пригодную для условий, где в тебя не стреляют. А где стреляют, нужны гимнастёрка

пошире и брюки попросторнее, чтобы в движениях была свобода. Не дай бог вскинуть автомат с опозданием, тогда, считай, что ты покойник.

Поняв неприспособленность Туркулова к войне, командир бронегруппы обернулся ко мне и сурово сказал:

– Ты не жди приказа в случае чего. Действуй сам, как надо.

Он крепко пожал мне руку, отвернулся, коротко разбежался и ладно взлетел на бээмпэшку к своим обветренным и распаренным афганским солнцем ребятам.

Через две минуты мы тоже покатили на базу, оставляя за спиной разбитый кишлак с мёртвыми духами.

Поднявшись на плато, увидели лежащий колесами вверх знакомый «газик». От его пассажиров и след давно простыл.

Гоша, чтобы слышал лейтенант, громко стал объяснять мне:

– Они хотели нам помять корму.

Я сказал командиру:

– Напишите жене, что она сегодня счастливый человек. Не получит похоронки из Афганистана.

Самоуверенное лицо Туркулова стало свекольным от крайнего раздражения. Он огрызнулся:

– Не мог же я по живым из автоматов!

Теперь я вышел из себя:

– Здесь, товарищ лейтенант, из автоматов только по живым.

Да, в машине афганцы вроде выглядели мирно. Но меня лично «мирность» таких афганцев не обманывала. Я на всю жизнь запомнил белого верблюда. Под Кандагаром наша рота на трёх бронетранспортёрах проезжала мимо шатра пуштуна. Рядом с шатром пасся белый красивый верблюд. Седобородый хозяин, очень важный, стоял, поглаживал бороду и доброжелательно провожал нас глазами. Черноглазые дети баловались возле него. Ребятишки были тоже такие симпатичные. Я достал из рюкзака две банки сгущёнки и бросил им. Старик кивком головы поблагодарил меня.

Когда через несколько часов мы возвращались по этой дороге на базу, то увидели следы страшного боя возле шатра. Рядом стояли наш сгоревший танк и боевая машина пехоты. На месте шатра зияла воронка, метрах в ста валялся мёртвый верблюд. Осколками снаряда ему оторвало передние две ноги выше колен. Бедное

животное на кулях проскакало метров сто по степи и упало. Где он скакал, виднелись густые красные полосы крови. Человеческие красные куски валялись вокруг шатра.

Здесь вся наша бронегруппа была уничтожена. В живых остался только один солдат. Он потом рассказывал: «Меня завалило трупом осла. Когда очнулся, то увидел, что лежу рядом с водой. Приподнял голову, вижу, последнюю пулю пустил в себя командир роты. Духи в чёрных балахонах, как ангелы смерти, пристреливали раненых ребят. Тут я снова отключился. Очнулся уже в госпитале. Наши нашли меня одного живым. Мирный шатёр, семья пуштунов, верблюды оказались хорошо замаскированной засадой, на которую мы купились».

В мирных упитанных афганцев я не верил. Но, слава богу, всё обошлось.

До базы мы добрались без приключений. Аккуратно отнесли раненого в медсанбат. Когда капитан спросил, как прошёл рейд, я только махнул рукой. Разоружившись, пошёл отдыхать. Самое удивительное, малярия за два часа путешествия так и не притронулась ко мне. Лишь ночью я почувствовал лёгкий озноб, проглотил таблетку и забылся до утра.

К сожалению, судьба миролюбивого Туркулова оказалась трагичной. Скоро он сам погиб по собственной глупости и за собой утащил ещё десять жизней. Во время операции под Джелалабадом мы с Казаксом осматривали подозрительную насыпь через арык. По нему должна была проскочить бронегруппа под командованием лейтенанта. Нам, сапёрам, очень не нравилась эта насыпь. Мы проткнули каждый её сантиметр. Казак с миноискателем прошёлся три раза. Потом забрались в железную дренажную трубу. Там тоже было пусто, а сердце не успокаивалось. Оно будто натягивало нервы. Чувство тревоги стояло в груди.

Выбравшись из трубы, я дал знак Туркулову вести бронетранспортёры в объезд, по сухому ложу арыка. Не знаю, по каким соображениям, скорее всего, командир понадеялся на русское авось. Он на своей машине, облепленной сверху нашими и афганскими солдатами, дунул через насыпь. Сработал радиоуправляемый фугас большой мощности. Днище транспортёра срезало, ноги у водителя оторвало, остальных, в том числе лейтенанта, искромсало. Мы подбирали два часа останки, как рассыпанную красную икру, и бросали в кузов автомашины.

После этого я две ночи не мог уснуть. Думал о Туркулове, стараясь понять его, и пришёл к выводу: он относился к тем офицерам, которые, попав на войну, так и не смогли приспособиться к ней, действовали по правилам мирного времени. Это привело, как пишут в газетах, к невосполнимым потерям, хотя у нас были примеры, когда умная гуманность в определённых условиях уменьшала число таких потерь, но только умная.

...Наш полк разгромил крупную банду. Главаря и его заместителя взяли в плен. Только трое уцелевших духов не сдавались, поливая нас огнём из пещеры в скале. Мы всё до огнёмётов попробовали, чтобы достать их. Бесполезно! Потом оказалось, что у них был закуток, куда они прятались от пуль.

Нашлись отчаянные головы. Предложили командиру:

– Под прикрытием заберёмся в пещеру и закидаем духов гранатами.

– Рискованно! – ответил командир. – У меня другой, мирный план.

Мы прекратили стрельбу, спрятались за большими камнями и стали ждать действий подполковника.

Скоро на безопасном расстоянии от скалы появился плотный, бородатый, смуглый афганец с пунцовыми губами, правая рука главаря банды. Он приложил ребро ладони ко рту и закричал переливчатым гортанным голосом. В ответ из пещеры раздался злой, недовольный всхлип.

Переговоры тянулись десять минут. Потом афганец повернулся к командиру полка, приподнял плечи и развёл руками. Дескать, не подчиняются ему пещерные духи, не желают сдаваться.

К вечеру привезли из Кабула самого главаря банды. Это был рослый, надменный с хмурым взглядом мужчина лет сорока в белой чалме. Он смело встал у скалы, задрал голову и командирским голосом позвал:

– Фазиль!

Из жерла пещеры свесилась круглая голова в фетровой шапочке, похожей на перевернутую вверх дном кастрюлю.

Отрывистый разговор продолжался две минуты.

После этого главарь сказал нашему командиру через переводчика, что духи готовы сдать с условием, если им сохранят жизнь. Подполковник обещал.

И вот три духа, тощие, оборванные, прокопченные, похожие на чертей из преисподней, вы-

бросили из пещеры верёвочную лестницу и стали без оружия спускаться вниз.

Когда они оказались на земле, командир полка выбросил руку в сторону своей бээмпэшки и первым пошёл к ней. Оробевшие пленные потянулись за ним.

Отбиваясь, духи убили молоденького офицера. Он неосторожно высунулся из-за камня и пытался в бинокль что-то разглядеть. Осколок брошенной наугад гранаты попал ему в лоб и разворотил голову. Поэтому солдаты кипели от злости на пещерных духов. Те чувствовали всей шкурой ненависть и приклеились к своему спасителю, не отставая от него ни на шаг...

Этот случай и лично для меня имел последствия. Духи рассказали, что рядом, в другой пещере, спрятаны боеприпасы, и показали где.

Я обошёл скалу. Увидел, что к пещере вела козья тропа, такая узкая, что по ней можно было даже не пройти, а только проползти одному человеку. Сапёры уставились на меня. Я был самый опытный из них. Мне и ползти.

Пришлось раздеться, ступить на тропу, по которой осмеливались прогуливаться только горные козы. Я не шёл, полз, забираясь всё выше и выше, прощупывая и стряхивая камешки вниз. Духи на моём пути могли поставить мину. К счастью, не поставили. В самой пещере я обнаружил растяжку. Тонкий проводок проходил между ящиков с боеприпасами. Тронь его, и то, что было в пещере, срежет полгоры, как бритвой. Я стоял и несколько минут разглядывал проволочку. Как с ней обращаться, меня научили лучшие инструкторы наших вооружённых сил.

Устранив опасность, выбросил вниз ребятам верёвочную лестницу, которую притащил на своём горбу. Ко мне поднялись, и мы стали ящики с минами, гранатомётами и прочей нечистью осторожно опускать вниз. Несколько машин душманских боеприпасов увезли на склад в Кабул. За эту операцию наградили меня орденом Красного Знамени.

Через два месяца вручили медаль «За боевые заслуги».

Операция «Зуб» проходила высоко в горах среди вечных снегов. Там ещё двое наших ребят замёрзло. Закопались в сугроб, уснули и не проснулись.

Мы, сапёры, всем взводом попали в засаду. Цепочкой спускались по крутому склону вниз. Были уже на середине, когда духи открыли прицельный огонь с гребня противоположной горы.

Когда раздались первые выстрелы, меня будто что-то толкнуло в спину.

– Ребята, на жопу – и вниз!

Покатился на пятой точке со скоростью падающего вертолёт. Не успели духи проморгаться от изумления, как весь взвод, целый и невредимый, оказался на дне лощины у ручья. Я достал из вещевого мешка фляжку, погрузил в обжигающую холодом бесцветную прозрачную воду. Наполнил, поднял фляжку. Из двух отверстий зафонтирировало. Заглянул в свой мешок. Там все вещи были пробиты пулями. Видимо, снайпер целился в грудь, когда я стоял на склоне. В тот момент, когда он нажимал спусковой крючок, я повернулся боком, сел и покатился. Пули кучно вошли в мешок. Я мысленно перекрестился. Снова чудо спасло. За участие в «Зубе» меня и наградили.

За четыре месяца до дембеля я подрвался. Это случилось под Джелалабадом. Шла армейская операция. Какая-то наша часть попала в трудное положение. На выручку бросили всё что могли, в том числе нашу сапёрную роту.

Приказали забраться на высоту. Как трудно давался мне этот поход! Ноги сводило судорогой. Организму не хватало солей. Мышцы становились каменными и не управляли костями. Тут ещё такая боль примешивалась, что хотелось выть. В таких случаях я замирал и ждал, когда восстановится кровообращение в ноге и спазм рассосётся.

Обычно при восхождениях я помогал другим. Носил поклажу командира батальона. Он использовал меня, как вьючного ишака. Чего только ни подкладывал на мои плечи: одеяло, каску, магнитофон, даже чайный сервиз, спёртый у афганцев в кишлаке. Рядом ещё хрипит командир полка. Этот не позволял себе злоупотреблять служебным положением. На привалах он восхищался мной:

– У меня нет сил идти, а он рядом топает, топает да ещё с двумя поклажами. Наверное, до армии спортом занимался?

– Бегом на короткие дистанции. Я спринтер!

Но в этот день часть моей поклажи взял на себя Пашка Демьянов. Я не любил его. До армии он был хулиганом, к месту и не к месту сыпал блатными словечками. Да ещё презрительно сплёвывал. Но скоро я понял, что это у него наносное. В операциях Пашка показал себя на-

дѣжным. На него можно было положиться. И теперь, когда мышцы левой ноги у меня стало сводить судорогой, он взял вещмешок у меня.

Шли всю ночь, к рассвету выбрались на вершину. Только устроились на привал, как добрался до нас начальник штаба дивизии, раскричался:

– Вы должны быть на другой высоте.

Встали и поперли на другую высоту. Попали на склон, покрытый осыпью. Ощущение такое, будто идёшь по мокрому глубокому снегу.

Выбрались на дорогу. Я увидел, что командир взвода, молодой лейтенант, только что из училища, разгорячённый выговором начальника штаба, с двумя солдатами бодро рванул по дороге. «Подорвётся!» – вспыхнуло у меня в голове.

Смертельная усталость, боль в ноге на мгновение притупили мою бдительность. Я обогнал лейтенанта всего на три шага и подорвался на пехотной mine. Когда открыл глаза, то приподнялся на локтях и взглянул на ноги. Там был какой-то фарш из мышц и костей. «Отбегайся!» – подумал я.

Мне захотелось подползти к другой mine и удариться головой о металлический корпус. Тут в голове у меня зазвенело, словно мозги превратились в колокольчики. На глаза набросили тряпку. Гора, лица ребят, обступивших меня, порозовели. Сквозь красный туман вдруг проступило очень красивое женское лицо. Мой дед рассказывал мне: «Однажды на фронте, когда меня тяжело ранило, я увидел смерть. Она совсем не похожа на скелет с косой, который рисуют карикатуристы. Она очень красивая и добрая. Она спросила меня, хочу ли я уйти к ней. Я смотрел в большие голубые глаза. Мне так не хотелось от неё уходить. Но тут вспомнились дети. Как они во время войны вырастут без отца? Смерть поняла меня и сказала: «Не буду брать тебя. Возвращайся домой». Очнулся и увидел санитарку. Девушка вытаскивала меня из-под огня».

Глядя на красавицу, я подумал: «Как хорошо, если она заберёт меня с собой». Погрузился в мягкий, обволакивающий сон без сновидений.

Очнулся в операционной госпитали. Услышал металлическое позвякивание. Грубый мужской голос рявкнул:

– Зажим!

Открыл глаза, увидел плоские раскалённые добела диски. И тут страх выскочил у меня из глубины души.

– Не перепутайте кровь!

В полку бывали такие случаи, когда раненым в спешке вливали не ту кровь, и они погибали.

Напрасно опасался, влили ту, какую надо было. Я снова воскрес, но уже в самолёте, за окном стекленела небесная синь.

Оторвал голову от подушки. Теперь уже в обзор попала вершина горы, облитая блестящим золотом:

– Прощай, Афганистан!

В военном госпитале Ташкента меня перевязали и с другими ранеными на носилках снова занесли в самолёт, который через несколько часов приземлился в ростовском аэропорту. Носилки со мной санитары поставили в тёмно-зелёную санитарную машину. Из окна «бобика» я увидел зелёные купола церквей, каменную тачанку в порыве боя. Обезумевшие от страха кони несли телегу с пулемётом и возницу в шлеме со звездой.

Носилки с ранеными выставили на бетонную площадку перед серым массивным многоэтажным зданием старой постройки. Вокруг нас зашумели мужчины, женщины в белых халатах.

Я отрешённо смотрел на тёплое июньское небо.

Лавируя между носилками, ко мне пробралась молоденькая медсестра с озабоченными бровками. Тихим приятным голосом спросила фамилию, записала в тетрадочку, потом вдруг наклонилась, мягкой ладонью пригладила мои волосы и с чувством сказала:

– Крепись, парень!

От участливых женских слов стало легче. Боль в душе на время прошла.

Медсестра уже выпрашивала Володю Ларина, водителя КамАЗа, который тоже подорвался на mine. Он выглядел совсем плохо. Лицо по цвету не отличалось от бинтов. Чтобы услышать его, девушка прижалась ухом к губам.

Двое солдат-санитаров подняли мои носилки и пошли на третий этаж. Занесли в небольшую светёлку. Переложили на кровать и прикрыли одеялом.

– Выздоровливай, брат!

Потом принесли Ларина. Только притронутся к нему, чтобы поднять с носилок, – он в крик. Наконец сбежали за сестрой. Она влетела в палату, проворно вогнала шприц в просвет между бинтами на правой руке шофёра. Володя сразу при-

молк, как ребёнок, зацепивший губами соску. Только тогда санитары перенесли его на кровать.

Третьим моим соседом оказался десантник Саша Титов. Вот кому по-настоящему не повезло. Духи зажали в кишлаке группу солдат из его батальона. Саша со своим отделением на бэтэре прорвался к ним. Вернее, ему дали прорваться, и вновь замкнули кольцо.

Вся группа погибла, Саша последнюю пулю из автомата пустил себе в сердце, но впопыхах чуть-чуть промахнулся. Возле него ещё разорвалась граната. Осколок влетел в мозг. И после этого он остался жить.

В госпитале началось моё существование. Будни вибрировали от физической, а главное, душевной боли. Каждую ночь во сне я нелепо воевал. Вижу – духи волнами ползут к моему окопу. Изготовился стрелять – ствол автомата вдруг отвалился. Отбросил приклад, выхватил нож, а он деревянный. Просыпаешься – нательная рубашка мокрая.

Ночью отвоюешься, а днём сердце рвёт жестокая совесть.

Последние полгода в Афганистане я был помощником командира взвода. Должность ставляла кое на кого прикрикнуть, кое-кому приказать. Был момент, когда одному балбесу врезал между глаз. Этого парня по фамилии Чертяев презирали у нас в роте. Он увиливал от операций, прикидывался больным, чтобы остаться на базе. Таких не любят.

Однажды из-за трусости подстрелил товарища.

Ночью вдвоём они сидели в окопе. Под утро напарнику захотелось «до ветра». Он пошёл, но перед этим предупредил Чертяева:

– Не прими меня за душмана, когда буду возвращаться.

Напарник ушёл за валун справлять нужду. Чертяев закимарил. Проснулся от шороха шагов и увидел, как из тумана на него надвигается страшная фигура в тёмном балахоне. Так перепугался, что открыл огонь. Весь рожок выпустил, оказалось, в своего напарника. Хорошо, что попал только в ногу. Но раненого солдата пришлось отправить в госпиталь.

Однажды я послал Чертяева на бэтэре за гравием и приказал не соваться на дорогу, ехать по целине, на которой духи обычно не ставят мины.

Он выслушал и поступил по-своему: дунул по дороге. Бэтэр накатился на мину. Водителю

оторвало ноги. Чертяеву хоть бы что. Ни одной царапины. Вот тогда я не сдержался. Помутылкал немного чмурика.

Издали всё видится по-другому. В госпитале я осудил себя за рукоприкладство и написал своим ребятам покаянное письмо. Дескать, простите, братцы, если сделал что не так. Дней через десять дверь палаты распахнулась, в проёме нарисовался прапорщик Мысько, плотный, загорелый, бравый, с щёткой рыжих усов над толстой верхней губой. На плечах у него белел больничный халат. Согнутой рукой он прижимал к груди большой свёрток из жёлтой бумаги. Его прозрачные озорные глаза уставились на меня:

– Здорово, сержант! Вот где ты скрываешься от боевой службы!

Гость бросил свёрток на тумбочку.

– Витамины! Твои ребята послали.

Прапорщиков не любили у нас. Большинство из них были крохоборами. Приходит дембель солдату. Ему хочется приехать домой в парадке, то есть в парадной форме. Она по закону положена. Но прапорщик выдаст таковую только за чеки, то есть за скудную солдатскую зарплату. А не выкупишь – представляйся матери, отцу и другим родственникам в дырявых сапогах, порванной тельняшке. Какому же защитнику Отечества хочется так выглядеть перед родными? Отдавали последнее.

В ограниченном контингенте наших войск находилось немало тех, кто торговал не только бушлатами. Душманы слишком много знали о нас, о наших операциях. Мы часто натывались на хорошо организованные засады. Умные командиры старались принимать решения на месте, не докладывая в штаб, таким образом спасали свои подразделения. Потом уже я узнал, что самую знаменитую и успешную операцию «Магистраль-2» под Хостом командарм сороковой армии разработал и провел без участия Москвы. Я, будучи помощником командира взвода, беседовал с одним из особистов (сотрудником отдела контрразведки). Он рассказывал, что слишком много предательства. Некоторые офицеры передают сведения врагу. Просил докладывать, если увижу штабных, которые слишком часто общаются с афганцами. Мне так и не удалось обнаружить «крота» в нашей дивизии, но он, без сомнения, где-то таился.

Насчёт Мысько. Он был самый добропорядочный прапорщик. Даже витамины привёз мне в целостности-сохранности.

Проговорили больше часа, прапорщик рассказывал о роте. О боях, которые становятся тяжелее и тяжелее. Американцы со своими наёмниками жмут вовсю.

Я полюбопытствовал, что его привело в Ростов. Не для того же, чтобы мне привести южные фрукты от ребят? Мысько вскочил на ноги, подошёл к окну, ткнулся носом в стекло и, не оглядываясь, спросил меня:

– Помнишь Фролова?

– Который читал письма матери и говорил, что она похожа на Шахерезаду?

– Подорвался парень. Я привёз цинк.

Прапорщик продержался ещё минуту у окна. Видимо, ему тяжело далась поездка с цинком к родственникам Фролова.

Потом вернулся к кровати и сказал:

– Его мать на самом деле очень красивая. Брюнетка с голубыми глазами, большущими, как блюдца. Так жалко её.

Поговорили ещё, но уже без настроения. Прощаясь, Мысько выхватил из кармана гимнастёрки толстый конверт.

– Ребята написали тебе.

Скажу откровенно, у меня руки тряслись, когда я извлекал письмо. Ребята писали, что духи совсем оборзели, подкрадываются ночами к базе, обстреливают. Спать порой приходится под боевую «музыку».

Исчерпав армейские новости, они перешли к моей персоне. Оказывается, я был самый героический парень в роте, классный сапёр. А Чертяев говорит, что спасал его от неслыханной дурости.

От таких добрых слов у меня запылали уши, заслезились глаза. Корешки, с которыми нас сдружила беспокойная афганская жизнь, сняли с моей души тяжелейший камень...

На следующий день ко мне заглянул замполит госпиталя Катюхов. Где только такую доброту подобрали? Едва тёпленькими нас выхватывали с полей войны, срывали амуницию, в чём мать родила перебрасывали на хирургический стол, после этого кое-как обряжали, чтобы срам прикрыть. Человек продолжал жить. Для этого надо было иметь хотя бы лезвие для бритья, личное мыло. Казённым ведомством не предусматривались предметы гигиены. Катюхов всё это для раненых покупал за свои личные деньги.

Следил он и за нашим моральным и психологическим состоянием.

Усевшись рядом на табурет, спрашивал:

– Не нравится мне твоё настроение, Вахрамеич. Родителям послал письмо?

– Написал, но отправить не успел.

– Покажи, что написал.

Я сунул руку в тумбочку, нащупал хрустящий листок бумаги, заколебался, доставать его или нет, но подполковник, не мигая, смотрел на меня в упор. Я робко протянул ему письмо.

Он вооружил свой нос очками, прочитал, покачал головой:

– Ты кого захотел обмануть? Неужели родители поверят, что тебя из-за малярии отправили из Афганистана в Ростов? Да мать твою уже знает, что с тобой случилось что-то серьёзное. Сколько лет ей не писал?

– Почти месяц.

Я почувствовал лёгкое жжение в щеках.

Между тем замполит навалился на меня всерьёз:

– Эту бумагу возьми с собой в туалет и используй по полной программе. Напиши настоящее письмо и расскажи всю правду. Ручка у тебя есть?

– Есть, – промямлил я.

Через пять дней родители были у меня в палате. Отец ещё держал себя в руках. Вымучивая улыбку, рассказывал семейные новости и норовил при этом хлопнуть меня по плечу. Дескать, не тушуйся, всё будет хорошо! У матери, как только она вошла, брызнули слёзы. Долго она ничего не могла сказать.

Потом успокоились, стали обсуждать моё будущее. Мать заговорила о работе сапожника. Отец вспомнил деда. Тот вернулся с войны израненным. Одна нога у него не сгибалась, как сухая палка. И на работу его не брали в совхоз, потому что инвалид второй группы. Перед дедом встал животрепещущий вопрос, как на одну пенсию прокормить семью, где восемь детей и все по лавкам?

Дед накрутил ордена, медали на застиранную, подштопанную руками жены гимнастёрку и пошёл к директору.

– Ох, Вахрамеев! – сказал директор. – Тебя не доби́ли на фронте. Мы не станем добивать в тылу.

Дед вернулся домой, сел на лавке у окна, заплакал. Как жить?

Директор всё-таки был хорошим человеком. Не оставил фронтовика в беде. Вызвал его на следующий день к себе, спросил:

– Пойдёшь помощником комбайнера?

– Пойду!

Дед стал помогать молоденькой робкой девочке Маше Кутеповой, которая недавно окончила курсы механизаторов. Опыта у неё никакого, но зато у деда с избытком. Они на пару так заработали, что всех в районе обогнали по жатве.

Заканчивая рассказ, отец сказал:

– Река топит тех, кто руки опускает, как говорил мой отец, твой дед. Не опускай руки, сынок! Тогда выплывешь.

Слова родителей подбодрили меня. Даже юмор всколыхнулся.

– Наверное, последую примеру деда. Прикручу свои ордена и медали к гимнастёрке и пойду на завод просить работу.

У отца вдруг заинтересованно зажглись глаза.

– Ты ничего не писал о наградах.

– Вроде не последним был на войне. Получил ордена Красной Звезды, Красного Знамени и две медали «За мужество». Представляли даже на звание Героя Советского Союза. Но в штабе сказали, что по разнарядке не вышел. Какому-то прапорщику вручили. Посчитали его достойнее.

– Не переживай, сынок! – стала утешать мать. – Главная твоя награда – жизнь.

Правда, у отца было другое мнение на этот счёт. Он завозмущался военными бюрократами, которые в штабах не могут оценить героев.

В душе я был согласен с отцом. С другой стороны, не за награды воевал. Но от звания Героя Советского Союза не отказался бы.

Родители уехали, пообещав писать каждый день...

И снова потекли госпитальные будни. Нас перекраивали, подштопывали.

Ноги Володы Ларина отчекрыжили выше колен. На кровати он больше сидел, чем лежал, прикрываясь простынёй до шеи. Как ни странно, из нас троих только он держался молодцом. Рассказывал налево и направо, что жить можно без ног. Главное, в целости руки. Они у него сильные. Штангу в восемьдесят килограммов поднимали до войны. А теперь руки приготовят пищу на кухне, сошьют брюки, посадят и вырастят овощи в саду. У матери – она одна живёт в деревне – большой огород. Будет где ему разгуляться даже без ног. Ещё он не потерял способность делать детей. У него в деревне невеста. Она готова принять его таким, какой он есть. Володька каждую неделю получал от неё длинные письма. Читал и радостно улыбался. Чувства так

переполняли его, что он не выдерживал и рассказывал то, что девушка писала ему. Правда, ничего особенно в них не было. Подоила корову, ходила в лес за ягодой. Встретила колхозного быка. Он выставил рога и бросился на неё. С визгом убежала. Какая-то Тоська дождалась своего парня из армии. Сейчас всей деревней готовятся к свадьбе. Девушка строго спрашивала: не раздумал ли он жениться на ней?

– Тут раздумаешь! – Володька выразительно смотрел на пустые места под простынёй в кровати. Мы спрашивали его, знает ли девушка о его ранении. Оказалось, знает. Он расписал своё положение в письме. В ответном она только спросила: может ли он стать отцом её детей. Володька посоветовался с врачами на этот счёт и написал, что может. После этого простая деревенская девушка стала спокойно общаться с ним письмами и обещала приехать, как только заработает деньги на дорогу.

Самым тяжёлым из нас был Саша Титов. У него руки и рана от пули в груди зажили, но голова... Я слышал, как ночами он стонал от боли, а днём говорил медленно, с трудом подыскивая слова. И взгляд у него был какой-то отсутствующий, пустой, равнодушный. Из этого состояния врачи так и не смогли его вывести.

Однажды утром, проснувшись, он приподнялся на локте в постели, долго смотрел на меня. Я понял, что он выбирается из сонного дурмана. Наконец глубоко вздохнул и сказал:

– Я только что был в кишлаке. Всё вокруг горит, взрывается. Ползу, прячусь, прорываюсь и никак не могу выйти. Сплошная мука каждую ночь быть на войне.

Меня тоже не оставлял Афганистан. И всё-таки дела пошли на поправку, как только культя поджила, стал тренировать её, сгибал, разгибал. Больно, кровь течёт, а я шевелю обрубок. Потом учился ходить на костылях. Получалось, как у годовалого ребёнка. Шагнул и носом в пол.

Настоящие боли начались, когда мне выдали протез. Мучительно приживалась искусственная нога. Три раза прочитал «Повесть о настоящем человеке». Старался тренироваться, как безногий лётчик, который хотел летать.

Врачи отметили мои успехи, когда удрал в самоволку. Целый час скрипел по улицам Ростова, любясь девушками. Все они казались неземными, прекрасными. Я присел на скамейку и в более комфортных для себя условиях стал поживать глазами прекрасный пол.

Одна девушка, на которую я загляделся, даже подошла ко мне и спросила:

- Вам что-нибудь надо, молодой человек?
- Любоваться твоей красотой.
- Ну и дурак! – обиделась она и отошла.

Я подумал: чтобы понять девушек, надо общаться с ними. К сожалению, у меня такой возможности не было: то учёба, то спорт, то война. А теперь инвалидность. Кому понравится калека?

В печальном раздумье я вернулся в госпиталь, но стал увереннее ходить по палате, по коридору.

Сегодня выписали Сашку Титова. Поехал с ним на железнодорожный вокзал, чтобы проводить. Ему две недели пилить на поезде через всю страну на Дальний Восток. Его призывали в Хабаровске. Здоровенный, в форме десантника с орденом на груди он выглядел внушительно. Девчонки выкатывали глаза на него.

Если бы знали, какую мину, способную разорвать в любой момент сосуды, он держит в голове. Семь раз подумали бы, прежде чем заводить дружбу с таким видным парнем.

На прощание мы обнялись, дали обещание не теряться, писать и поддерживать друг друга. Ведь мы были братья по... Афгану.

Потом настала моя очередь покидать госпиталь. Мне дали путёвку в черноморский санаторий «Крутая волна». Я очутился в самом настоящем раю. Море, пляж с лежаками, волейбольная площадка, газоны с яркими южными цветами, пальмы, белые, как лебеди, корпуса под синим солнечным небом.

Меня поселили на первом этаже жилого дома в двухместном номере. Соседом оказался тридцатипятилетний майор Виктор Иванович Глуховский, похожий на тощего афганца. Даже усы у него были, как у Тараки, с загнутыми вверх кончиками. Он не понравился мне. Утром молчит, вечером молчит. Днём процедит два слова и снова молчит. Только слушает радио да читает газеты. Покупает всё, что продают в киоске на территории санатория. Только газеты. Журналы и книги я не видел в его руках. Он словно коллекционировал новости со всего мира.

Ещё сосед любил перебирать чётки, зелёные шарики, нанизанные на шнурок. Такие я видел у афганских стариков. Сидят на корточках возле глиняной стены своего дома и невозмущи-

мо перебирают кончиками пальцев бусинки, при этом бормочут под нос молитвы.

Когда увидел в руках моего соседа чётки, то не выдержал, спросил:

– Вы под них молитвы читаете?

– Мантры, – видя мое недоумение, добавил: – Это звуко сочетание, которое стирает плохое настроение.

– Вот бы мне что-то подобное. После ранения не могу взять себя в руки.

– У тебя деньги есть?

– Родители подкинули на конфеты.

– Купи женские бусы и перебирай под слова «Я люблю тебя, жизнь». Вот увидишь. Эти слова смывают чёрную накипь с твоей души.

Дед говорил: «Слушайся умных!» Мой сосед по всем признакам был умным человеком. Я вышел в город из санатория. В промтоварном магазине купил красивые зелёные из малахита бусы.

Пока возвращался в свою палату, крутил в пальцах камушки, нанизанные на нитку, и проговаривал: «Я люблю...» И наговорил!

Как только открыл дверь своей комнаты, увидел, что мой сосед исчез. Его кровать была идеально застелена. «Наверное, ушёл на пляж загорать», – подумал я. Посмотрел на часы. До обеда уйма времени. Чем заняться? Лучше всего искупаться. Бусы оставил на столе. Не полезешь с ними в воду. Если Виктор Иванович придёт раньше, оценит мои чётки.

Ночью приличный шторм сотрясал гулом наш санаторий. К утру море умерило пыл. Но всё равно на берегу было неуютно. От моря дул прохладный ветер, и волны поднимались довольно высоко. На редких лежаках туши отдыхающих. Несколько голов самых неистовых купальщиков болтались за линией прибоя. Один даже обнимал коричневый буй. Потом оттолкнулся и поплыл вдоль берега.

Я расстелил широкое махровое полотенце на камнях, как коврик. Уселся, потому что стоя мне трудно было раздеваться, стянул с себя майку, штаны и отстегнул протез. Подвигал культёй и на одной ноге поскакал в море. Навстречу бросилась приличная волна.

Перед тем, как поднырнуть, оглядел ещё раз пространство. Где-то на середине между буйком и берегом поднималась и опускалась зелёная шапочка пловчихи. Я отметил смелость девушки, ещё подпрыгнул, дождался, когда волна станет передо мной на дыбки, и бросился вперёд, закрыв глаза.

Холод окутал меня, потом сильно сдавило грудь. Я вынырнул и жадно потащил губами в себя воздух. Сразу стало спокойно, хорошо. Метрах в трёх слева уверенно держалась на плаву шапочка.

Моё внимание переключилось на буй, который впереди поднимался и опускался. Я поплыл к нему кролем. Волны были тяжёлыми, но безобидными, позволяли скользить по ним. Легко добрался до буя, ухватился за бока и стал покачиваться, как в гамаке, глядя на белёсое небо.

Над головой прогудел военный вертолёт с красной звездой на боку. Где-то на побережье недалеко от санатория скрывался аэродром, оттуда, как шмели из гнезда, вылетали машины, просматривая границы Чёрного моря, примыкавшего с другой стороны к Турции. Дружески помахал рукой пилоту и поплыл назад, к берегу. Шапочка по-прежнему болталась на волнах. Мне показалось это подозрительным. Слишком долго она плавает на одном месте.

Я отклонился от своего курса, подгрёб к ней. Из выпученных глаз рвался ужас. Было видно, что из последних сил она обуздывает отчаяние. Слова вырвались с бульканьем, шипением:

– Помогите! Тону!

Тут зелёная шапочка ушла в воду. Я нырнул, просунул пальцы под мышки девушки и выдернул тело наверх. На воздухе она закрутила головой, выкашляла воду. Надо затащить утопающую на мелководье. Подплыл к ней ближе, чтобы перевернуть на спину, взять ладонями голову и, придерживая лицо над водой, отбуксировать к прибою. А там большая волна сама выбросит нас.

Я обнял неудачливую пловчиху со спины, и тут случилось неожиданное. Она вдруг вырвалась, как дельфин, обвила руками мою шею, взобралась на спину, и мы вместе топором пошли на дно.

Это были самые мучительные и страшные минуты. Руки утопающей сдавили горло, я не мог дышать, сорвать с себя железные тиски. Сознание стало путаться, меркнуть. В последний момент нас спасло... море. Оно подогнало большую волну и одним махом выбросило на берег. Вода с шипением ушла обратно в своё лоно, а мы остались лежать на камушках. Девушка по-прежнему яростно душила меня, будто ненавистного врага. Я мучительно дёргался под ней, как выброшенная на воздух рыба.

Вдруг откуда-то появился сосед по комнате. Виктор Иванович шлёпнул девушку по щеке,

оторвал её от меня, поставил на ноги. Она очнулась, огляделась и вдруг бросилась бежать.

Я посмотрел на свою культю. Она сильно кровоточила. Вытаскивая девушку из воды, я опирался на свою полуногу и сорвал тонкую кожу. Сосед поднял меня, пронёс на руках и положил на полотенце. Я поднял культю и стал ссезивать кровь. Вокруг нас образовалась толпа. Люди сочувствовали, подавали дурацкие советы. Кто-то бросился в лечебный корпус за медицинской помощью.

Она не потребовалась. Вернулась Зелёная Шапочка. В руках у неё был бинт, вата и бутылёк йода. Девушка профессионально обработала мне рану, я хотел «обуться» в протез, но она не разрешила:

– Сейчас сходим в процедурную. Там приведём ногу в порядок.

Она взяла протез.

– Обними меня за шею, – сказала таким требовательным голосом, что я не посмел ослушаться. Приподнялся на одной ноге. Правой рукой обнял девушку за шею. Кто-то свернул моё полотенце и вложил в другую руку.

Толпа расступилась и проводила нас сострадательными понимающими взглядами. Почти весь санаторий состоял из выздоравливающих после ранений «афганцев». Они-то понимали тех, кто терял ноги, подрываясь на минах.

Не успели добраться до лечебного корпуса, навстречу нам вышли женщина в белом халате и мой сосед по комнате. Оказывается, он быстро и правильно сориентировался и сбежал за медицинской помощью. Женщина подошла ко мне с другой стороны и тоже потребовала:

– Обними меня!

Обе понесли меня на руках. Я осознал комичность ситуации.

– Теперь как мужчина могу с полным правом сказать – женщины носили меня на руках, – пошутил я.

– Можешь! Можешь! Как звать тебя, солдат? – спросила Зелёная Шапочка.

– Вадим, – ответил я.

– Дай тебя поцелую, Вадим! Ты ведь спас мне жизнь! – сказала она.

Передо мной оказались золотисто-карие глаза. Этот поцелуй я никогда не забуду. Даже сравнить его не с чем. Разве только с поцелуем Богини, которая ступает по земле, как писал Вильям Шекспир.

В процедурном кабинете мою культю подремонтировали. Чтобы я не травмировался протезом

зом, вручили костыль и отправили в палату. Василиса пошла со мной, рассказывала, как ей стало плохо в море. Ей показалось, что кто-то схватил её за ноги и потащил вниз. Это случилось первый раз в жизни, когда она потеряла голову, была в обмороке и очнулась только на берегу. Увидев мою окровавленную культю, бросилась к своей одежде, рядом с которой на лежаке валялась сумочка с необходимыми медикаментами.

Так мы познакомились. Я узнал, что она из Кемерово. Моя землячка! Работает медсестрой в Афганистане. Путёвку в санаторий получила вместе с медалью «За отвагу». Словом, у моря проводит отпуск и никак не может привыкнуть к тишине. Ей кажется, что покой может в любое мгновение оборваться автоматными очередями или взрывами.

Когда мы пришли в мою комнату, то уже чувствовали себя родными, близкими людьми. Я был доволен, что так «удачно» познакомился с девушкой. Было ощущение, словно судьба взяла нас обоих за шиворот и столкнула лбами в море.

Виктор Иванович оказался в комнате. Лежал на кровати, развернув перед собой «Правду». Увидев нас, сложил и отложил в сторону газету, быстро поднялся с постели, кивнул на мою культю.

– Подремонтировали?

Ответила Василиса:

– Надо, чтобы Вадим хотя бы два дня не беспокоил ногу. Отлежался.

Она подвела меня к постели. Я уселся, поставив боком костыль. Девушка оглядела комнату, остановила взгляд на кресле, на него положила протез. Потом быстро попрощалась и вышла.

Когда дверь закрылась за ней, Виктор Иванович ошеломил меня.

– Ты хоть представляешь, какое богатство приобрел? – спросил он.

Я недоумённо уставился на него, не понимая, что он этим хочет сказать.

Виктор Иванович, глядя мне в глаза, пояснил:

– Ты ухватил жар-птицу. Теперь держи двумя руками за хвост, чтобы не улетела. Такое счастье раз в жизни выпадает мужику...

У меня в голове скрутился так туго клубок мыслей, что я не стал даже в этот момент его распутывать. Сказал только:

– Бусы купил!

– Молодец! – похвалил меня Виктор Иванович и добавил: – Красивые камни. Увидишь, они помогут тебе восстановить психологическое равновесие. А с девушкой не расставайся.

Майор вдруг стал говорить о том, как трудно найти в жизни настоящую женщину, как жемчужину в куче навоза.

Слово за слово, и мы разговорились. Сосед рассказал, как был ранен предателем, которого считал своим другом, командиром батальона:

– Я верил ему, считал, что он преданный боец. Не было случая, чтобы он дал хотя бы малейший повод усомниться в себе. И вдруг мелкая ссора с начальником царандоя провинции. Мухаммад поднимает батальон, чтобы увести его к душманам. При этом расстреливает младших офицеров, командиров взводов, рот. Я попытался встать на пути мятежников и получил от комбата пулю в грудь. Тут он проявил даже милосердие. Афганцы стреляют без промаха. Если же он взял тебя на мушку, считай, что ты покойник. Пуля от него прошла в двух сантиметрах правее сердца. Я выжил. Потом в госпитале долго осмысливал факт предательства своего афганского друга. Думаю, у него сработал комплекс Григория Мелехова. Был такой смелый, талантливый, но крайне неустойчивый персонаж в романе «Тихий Дон». В поисках справедливости Мелехов метался от белых к красным. А где во время войны можно найти справедливость? Мой комбат разочаровался в государственной политике Афганской Республики, революционерах, которые стали взяточниками и ворами, решил поискать правду у оппозиции. Но меня он всё-таки не убил, значит, у него в душе что-то хорошее осталось от русских. Может, ещё вернётся?

Виктор Иванович замолчал, поворочался в своей постели и уснул. Утром он уже не вспоминал Афганистан. Когда я захотел на пляж, заставил меня дать моей ноге ещё отдохнуть. Зато Василиса принесла из столовой завтрак. Тарелки поставила на стол. Пока я ел, она сидела напротив и смотрела на меня во все глаза. Даже стало как-то неудобно. Я не выдержал, спросил:

– Я не так ем?

– Всё так. Просто мне нравится, как ты ешь.

Потом она приносила ещё обед, ужин, а на следующий день я уже сам зашевелил своими ходиками по территории.

Потянулись обычные санаторные дни, наполненные процедурами, купанием, бездельем

на пляже и чтением книг. Я перелистывал «Как закалялась сталь» Николая Островского. Решил ещё почитать «Овод» Войнич.

Когда на доске объявлений возле столовой увидел приглашение на экскурсию к озеру Рица, то загорелся желанием побывать там. На ужине сказал об этом Василисе. Она обрадовалась:

– Я с тобой. Возьмём только с собой Надьку.

Кого-кого, а Надьку не хотелось бы иметь рядом на экскурсии. Это была соседка Василисы по комнате, разбитная, легкомысленная, с дурной репутацией молодая бабёнка. Она умудрилась «передружить» почти со всеми мужиками санатория. Что ни вечер, то новый около неё. Только меня обходила стороной. Видимо, Василиса прищемляла ей хвост, не подпускала ко мне.

Ходили слухи, что Надька якшается с местным грузином Веселидзе. Я видел его однажды на пляже. Большой, седовласый, с толстым орлиным носом и обвислым животом. Он подходил к женщинам, о чём-то тихо договаривался. Его выслушивали внимательно, потом отрицательно качали головой и быстро уходили. Потом оказалось, что он предлагал купить у него чачу, виноградную водку, очень крепкую, до шестидесяти градусов.

Поддалась уговорам Надька. Она решила на этом подзаработать. Тайком брала бутылки у Веселидзе и прилипала к потребителям. После общения с ней мужчины веселились и уверенно хлопали женщин по задкам. Не всем дамам это нравилось. То на одной стороне пляжа, то на другой вспыхивали конфликты с затрещинами и ругательствами. Я подумал, что Надька обязательно возьмёт с собой пару бутылок для туристов и будет на озере разводить спекуляцию. Девушка была неприятна мне, но, коль Василиса попросила взять её с собой, согласился скрепя сердце.

Нам сказали, что утром возле санатория будет стоять автобус. К семи часам надо подготовиться к поездке. Одеться, как положено для путешествия. Взять сухой паёк и выйти на площадку перед главным корпусом. Поездка растянется на три с половиной часа. В пути автобус поднимется на восемьсот пятьдесят метров, и можно будет полюбоваться сверху горами Кавказа. «Вид такой, что дух захватывает. Хочется взмыть орлом в небо» – так передал мне свои впечатления Виктор Иванович, который уже два раза побывал на озере.

Утром в тёмном спортивном костюме с надписью «СССР» на спине я вышел к большому экскурсионному автобусу. Сразу увидел возле него Василису и Надьку. Девушки были в модных джинсах и лёгких ажурных кофточках с открытой грудью. В руках они держали ёмкие сумочки, в которые можно бегемотов спрятать. Во всяком случае, сухие пайки явно вошли. Я завернул свой в газету и спрятал под мышкой. Хотел взять ещё книгу, чтобы почитать в пути.

Виктор Иванович сказал:

– У тебя, сержант, стало худо с юмором. Кто на такую головокружительную экскурсию берёт с собой библиотеку?

Пришлось оставить замысел...

При встрече я поцеловал Василису в щеку, Надьке пожал руку и покосился на её пухлую сумочку. Явно прихватила чачу на продажу. Девушка не дала мне заикнуться на этом. Повернула ко мне боком голову и показала пальцем щеку: «Целуй!». Ничего не оставалось, как удовлетворить желание подружки Василисы.

Ровно в семь все поднялись в салон автобуса, расселись по местам. Когда машина тронулась, экскурсовод-грузинка в золотых кольцах, браслетах, серьгах взяла микрофон и звучным голосом заговорила:

– Сегодня вы увидите невероятную красоту. Природа сотворила озеро совсем недавно, триста лет назад. Раньше здесь, в глубоком ущелье, протекала река Бзыба, на берегах которой жили разбойники. Видимо, за грехи этих людишек высшие силы так разгневались, что гору приподняли, положили поперёк речки, воды которой и создали уникальное для Кавказа озеро в два с половиной километра, шириной до восьмисот семидесяти метров, глубиной до восьмидесяти.

– Купаться в нём можно? – спросила Василиса.

– Если вас не пугают семнадцать градусов, пожалуйста. На озере есть пляж.

Женщина опустила микрофон и уселась в своё кресло возле кабины водителя. Она не захотела перекармливать нас информацией. Сами всё увидим.

Солнце поднималось. Чтобы спастись от жары, пассажиры открыли окна автобуса. В салон влетал упругий прохладный воздух. Приятно было подставлять ему голову, плечи, грудь. Здесь всё-таки лучше, чем в Афганистане. Там не то что форточки, мощные вентиляторы не спасали.

Первая остановка случилась возле водопада и крохотного озера под ним. Возле него стояли

автобусы. Не только мы устремлялись к жемчужине Абхазии. Люди дружно потянулись из салона, чтобы размять ноги и освежиться горной водой. Я вышел вслед за своими девушками.

Слегка одуревший от жары народ вовсю наслаждался. Многие разделись до купальников, плавок и вставали под поток с горы. Вода была очень холодная, поэтому тут же выскакивали, размахивая руками.

Стайка ребятишек купалась в озере, прыгая друг на друга. Худой, загорелый дочерна волосатый гитарист сидел рядом на камне и пощипывал струны своего инструмента. Звонкая мелодия сплеталась с шумом водопада.

Мы с Василисой вымыли руки в ледяном потоке. Я не выдержал (очень жарко становилось) и струями освежил ещё и голову. Глядя на меня, девушка тоже смочила затылок. Только Надьке температура была нипочём. Она толковала с каким-то мясистым рыжим мужиком в вышиванке и соломенной широкополой шляпе. Я отвернулся, чтобы не видеть, как она передаёт чачу покупателю.

Через двадцать минут экскурсовод пригласила нас в автобус. Мы по одному забрались в салон и поехали к озеру, которое впрямь оказалось очень красивым. Зелёно-жёлтая, местами золотая вода. Чтобы увидеть окружающий пейзаж, не надо задирать голову, достаточно опустить глаза и разглядеть словно вырезанные, чёткие отражения пиков гор. Вид был, конечно, грандиозный. Многие из туристов достали фотоаппараты. На узком каменистом пляже я спросил Василису:

– Не хочешь перемахнуть озеро и побывать на даче Сталина?

На другой стороне озера под горой виднелся уютный двухэтажный дом с синей крышей. Экскурсовод рассказывала о том, что Иосиф Виссарионович два раза был здесь. Во второй ему поведали что-то такое, отчего он пришёл в ужас и больше не показывался на прекрасном озере. Думаю, что это настоящая легенда, сочинённая для туристов.

Василиса обратила внимание на пристань моторных лодок. Люди подходили к будке с надписью «Касса», платили деньги за аренду, выбирали плавательное средство и отправлялись в путешествие по озеру.

– Давай прокатимся по озеру, – сказала девушка.

И показала глазами на пристань, откуда отчаливала лодка с плечистым волосатым водителем.

– С удовольствием, но я не знаю, как завести мотор.

– В этом особой хитрости нет. Пристанщик покажет.

Я взглянул на костистого смуглого парня из местных, в зелёных штанах и соломенной шляпе. Он помогал любителям водных путешествий выбрать лодку, отцепить, засечь время и отправиться в плавание. Работы у парня было много. Он бегал от одного судна к другому, гремя цепями.

Мы подошли к нему, попросили выбрать лодку попримечнее да ещё такую, чтобы не перевернулась. Василиса сунула ему пятёрку за услугу и попросила, чтобы он показал, как завести мотор, как управлять лодкой. Получив полный инструктаж, мы купили билет на полчаса, передали бумажку пристанщику. Тот хотел помочь завести мотор, но Василиса взяла инициативу в свои руки, нажала нужную кнопку на пульте управления. Мотор чихнул и... замолк. Пришлось пять раз включать, прежде чем он заработал нормально. Я встревожился:

– Мы не застрянем на середине озера?

– Бог не выдаст, чёрт не съест! – бесшабашно выкрикнула она и повела лодку, целясь носом в дачу Сталина. Надьку мы не взяли с собой. Она осталась на берегу. «Не хочу рисковать. Будете целоваться, ещё перевернёте, я не умею плавать», – девка врала безбожно. Я не раз видел, как она лихо отмахивала до буйка и обратно даже в лёгкий шторм. Она осталась, потому что у неё на берегу был свой торговый интерес.

Описав широкий круг перед дачей Сталина, мы понеслись вдоль озера. Наше внимание переключилось на берега. К воде подступали обшитые лесом пирамиды, за которыми стояли лысые горы с белыми снежными продолговатыми морщинами. Мы в своей лодчонке казались муравьями на фоне величественных естественных сооружений. Такое же потрясение я испытал в Бамианской долине Афганистана перед скалами с высеченными Буддами. Нам рассказывали, что скульптуры создавались двести лет, выглядели они столь величественно, что хотелось упасть перед ними на колени. Мы не стали падать, а просто сошли со своих боевых машин, уселись и долго разглядывали бесстрастные каменные лица, пока не заработали рации и начальство не отправило нас дальше воевать.

На берегу озера я заметил два каменных столба. Они показались рукотворными. Может,

их поставили разбойники перед входом в свою пещеру. Захотелось посмотреть на сооружения вблизи. Я попросил Василису причалить к столбам. Когда лодка ткнулась в берег, выскочил и подтянул нос на гальку.

– И что мы здесь будем делать? – спросила она.

Чёрт дернул меня за язык.

– Кайф ловить! Представляешь, здесь на десятки километров никого нет. Можно ходить голыми и не стесняться! – восторженно сказал я.

Василиса в ответ только многозначительно хмыкнула и перебросила ногу через борт лодки.

Мы подошли к столбам в глубине мыса и почувствовали себя Хейердалами на острове Пасха перед истуканами. Столбы представляли собой древние скульптуры. На верхушках были выбиты бородатые лица с резкими азиатскими чертами, под ними – знаки, похожие на руны, и опоясывающие линии. Василиса похлопала ладонью по столбу и оглянулась на меня. Лукавство засветилось-заблестело в золотисто-карих глазах.

– Что-то лифчик давит. Расстегни!

Я стоял рядом и тоже опирался рукой о камень. Я опустил руку, скользнул пальцами по спине девушки. Лифчик держался на крючочках и петельках. У меня не было опыта общения с такими женскими сооружениями. Запутался с крючочками. Они никак не хотели расставаться с петельками. Василиса терпеливо ждала, когда расстегну лифчик. Наконец это удалось. Концы разошлись, обнажая спину. Девушка сорвала кусок материи с плеч и, как флагом, махнула перед моим носом. Неудержимо захотелось прикоснуться к ее телу. Я протянул руку...

В это время раздался треск моторки, которая шла от станции у берега. Чувствовалось, что она вот-вот появится из-за скалы. Василиса мгновенно юркнула в густые заросли самшита. Как только она скрылась, появилась лодка, в которой за рулем восседал пожилой мужчина с красной лысиной, блестящей от пота. Он помахал мне рукой и уплыл дальше. Я тоже поднял вслед ему руку и пошёл в кусты самшита. Там увидел девушку в костюме Евы...

Любовь оказалась столь захватывающей, что я будто взлетел к звёздам. Ошеломлённый своим чувством, я упал на спину, раскинул руки, обнимая белёсое от жары небо. Оно вдруг закрылось худеньким лицом Василисы. Золотистые глаза уставились на меня.

– Хочу, чтобы сегодня на этой чудной природе во мне зародилась новая жизнь! – сказала она.

– Ты скажешь, если это случится? – спросил я, находясь под впечатлением от произошедшего.

– Первым узнаешь. Обещаю!

Я долго и благодарно целовал Василису. Когда мы вернулись вновь на берег, наша лодка испарилась. Где она толкалась носом о камни, темнела только глубокая влажная бороздка.

Мои мысли пошли в разбег. Подумал, что кто-то украл, потом догадался: волны от проплывающих моторок приподняли и утащили лодку в озеро. Где теперь искать беглянку?

Молодец Василиса. Не потеряла хладнокровия.

– Лодка где-то здесь. Её не могло отнести далеко! – сказала она. Присела и потрогала пальцами воду.

– Что ты предлагаешь? – спросил я.

– Заплыть к середине озера, обзор увеличится, и оттуда можно увидеть лодку.

Я сел на камни, отстегнул протез и прыгнул в воду. Ушёл глубоко вниз и тут же выскочил на поверхность. Вода всё-таки была холодной.

Быстро, стараясь согреться, саженками поплыл к середине. Плыл и оглядывался на обтёсанные скальные берега. Лодку увидел, к счастью, метрах в тридцати от мыса. Она заплывала под каменную бородавку, будто что-то под ней вынюхивала, пританцовывая кормой.

– Нашёл! – радостно крикнул я и замахал Василисе руками.

Быстро и легко забрался в лодку, вставил вёсла в уключины и стал грести к мысу с каменными истуканами. Василиса увидела меня, радостно запрыгала, замахала руками.

Как только лодка причалила, она забралась ко мне и подала протез. Пока я пристёгивал его к ноге, стала заводить мотор. Техника, как простуженная, кашляла, чихала, но никак не хотела работать. Первым опустил руки я.

– На вёслах поплывём.

– Подождём! – сказала она. – Может, кто возьмёт нас на буксир.

Посидели в лодке, прислушиваясь к звукам, которых не было. Потом на востоке будто стала осторожно рваться лощёная бумага, затем явно послышался звук мотора. Со стороны станции шла лодка. Вскоре мы увидели её на середине озера. Василиса вскочила, замахала руками. Парень и девушка в лодке увидели нас и повернули к мысу. Когда они подплыли, я пожаловался:

– Мотор не можем завести!

Рыжий в веснушках парень без лишних слов перелез в нашу лодку, покопался в технике, легко завёл.

– Теперь в порядке. Можете плыть аж до Киева.

– Почему именно до Киева? – удивился я.

– Так хохлы говорят! – пояснил он с улыбкой.

Мы поблагодарили нашего спасителя, пожали ему руку. Он вернулся к девушке, включил мотор и, сделав лихой вираж, на полной скорости умчался дальше по озеру. Василиса не менее лихо повела лодку к станции.

До отхода автобуса в санаторий оставалось десять минут, когда мы подплыли. Сдали лодку пристанцику. Он посадил её на цепь, а мы поднялись на берег. Автобус уже был наготове с открытой дверцей, куда по одному входили санаторские. Среди них была и Надька. Она внимательно посмотрела на Василису и тихо сказала:

– Поздравляю!

Василиса промолчала, отвернувшись.

Мы сидели рядом в середине автобуса справа. Надька перед нами. Я хотел устроить Василису у окна, чтобы она могла без помех видеть то, что проплывало за стеклом, но она отказалась:

– Мы будем проезжать над ущельем. Не хочется разглядывать далёкое дно. Почему-то кажется, машина свихнётся и бросится вниз.

– Это может вполне случиться, если Надька угостит шофёра чачей.

Василиса протянула руку и толкнула пальцем плечо подруги.

Та явно слышала диалог, огрызнулась:

– Вы за кого меня принимаете?

– За разносчика заразы! – брякнул я.

Надька полосонула меня сердитым взглядом, хотела что-то сказать, но в это время её отвлек молодой сосед с горбатым тонким носом. Она наклонилась к нему. Я взял руку Василисы и стал поглаживать мягкие нежные пальцы. Две молодые бурные реки повернули русла друг к другу, водами слились и потекли в одну сторону над горами, долами, пока не уткнулись в железные ажурные ворота санатория. Автобус остановился перед ними. Двери открылись, и на площадку вывалились ошоловелые от жары и чачи пассажиры. Жизнерадостный мужчина в белой майке, похожий на Хрущёва, раскинул руки и пошёл вытапывать чечётку. Вокруг него закрутилась поджарая бабёнка с красными губами.

В толпе я увидел Веселидзе. К нему ринулась Надька. Мы с Василисой, держась за руки, проскользнули в ворота. Уже на территории возле газона поцеловались и разошлись по своим берлогам.

Виктор Иванович был в комнате. Он давил спиной постель и держал, как обычно, перед собой газету, которую опустил на живот, когда я открыл дверь. Меня переполняло счастливое настроение. Сегодня впервые заполучил прекрасную женщину. Хотелось петь или пройти колесом по комнате. Ни того ни другого не позволил себе. Только игриво спросил:

– Какую очередную гадость американцы придумывают для Афганистана?

Виктор Иванович очень серьёзно ответил:

– В Пакистане формируют из студентов медресе боевые духовные отряды. Они будут называться талибами. Скоро эти воины затопят горы Афганистана.

– А мы?

– Нам надо уходить оттуда. Всё, что от нас требовала история, мы выполнили. Теперь уже шахский режим никогда не вернётся в страну. На очереди другие экономические силы, которые будут управлять страной. Мы оказались инопланетянами из далёкого будущего. К нему у афганцев ещё долгий путь.

Я так и не рассказал Виктору Ивановичу о Василисе, новых взаимоотношениях с ней. Наступило время ужина. Мы собрались и отправились в столовую, где я встретил Василису. После ужина пошёл с ней на море, просидели возле волн до тех пор, пока на небе не повисла круглая блестящая луна.

Когда слишком крепко спишь, то сигналы в мозг пробиваются, как сквозь вату. Гудит-гудит где-то вдалеке, потом раз и взрывается в ухе. Дверь комнаты разбивали. Виктор Иванович первым оказался возле неё и широко распахнул. Василиса чуть не вывалилась на него.

– Надька пропала! Вчера умоталась к чёртову Веселидзе, до сих пор нет. Пойдём к нему, узнаем, что произошло.

Девушка была в такой тревоге, что у неё даже слеза вытекла из глаза. Она смотрела через плечо соседа на меня. Я понял, что Василиса обращается именно ко мне за помощью. Она как женщина видела во мне опору. И это было приятно.

Быстренько подобрал под кроватью протез и через пять минут вышел из комнаты. Мы мино-

вали проходную, в которой никого не было. Улица за санаторием тоже выглядела пустынной. Светало, никто из жителей ещё не пробудился. Только с моря донёсся далёкий гудок парохода. Там низко пролетел военный вертолёт. Лётчикам тоже не спалось. Они исправно несли службу.

Мы пересекли дорогу и пошли в гору какими-то улочками, переулками, пока не остановились возле новеньких тесовых ворот с железным кольцом. Василиса решительно взялась за кольцо и подёрнула. На гром залаяла собака, по низкому трубному голосу чувствовалось, что это большая псина, наверное, кавказская овчарка ростом с телка.

Скоро во дворе раздались шаркающие звуки. Потом маленькая врезанная дверь в воротах приотворилась и выглянуло знакомое носатое лицо Веселидзе.

– Куда Надьку дел? – заорала Василиса, хватая за плечи грузина и встряхивая его, как дерево. Он не ожидал такого мощного напора, испуганно подался назад и захлопнул перед нами дверь. Но от Василисы не так просто было избавиться. Она снова ухватила за кольцо. Грозно залаяла собака, нервы у хозяина не выдержали, он распахнул дверь.

– Твоя подлая Надька в мусорном ящике дышит. Пройдёшь вниз направо и увидишь сама. Ничего с ней не сделали. Уходи отсюда!

Снова дверь захлопнулась. Мы бросились по переулку, который шёл по склону вбок. Не успели проскочить метров тридцать, как услышали глухое ворчание собаки. Высокая облезлая псина стояла возле мусорного железного, покрашенного в зелёный цвет ящика, набитого гнилыми фруктами, целлофановыми мешочками, и влаивала. Сверху валялось кресло со сломанными ножками.

Мы обошли ящик и увидели свёрнутый ковёр, перевязанный верёвочками. Из ковра раздавался стон. Было ясно, что в него закатан человек, и, судя по голосу, женщина. Мы замерли от страшного предчувствия, а потом бросились дружно к свёртку, развязали верёвки, развернули и увидели совершенно голую Надьку.

– Мерзавец, сволочь, бандит! – кричала она.

Василиса, обнимая подругу, старалась прикрыть её наготу. Стащила с себя кофточку, натянула на плечи девушки. Кофточка оказалась слишком просторной и прозрачной. Тогда Василиса обратила внимание на меня. По её взгляду понял, что надо. Стащил футболку. Мы натянули

на девушку. Но из-под короткой футболки всё-таки выглядывало сокровенное женское место. В таком одеянии нельзя было ей идти по улице.

Но что ещё надеть? Василиса не могла поделиться своими джинсами, потому что смущённо призналась, что под ними у неё тоже ничего нет. Тогда я стащил с себя шорты. У меня хоть были плавки. Я подумал, что в них можно прогуляться по курортному городу.

В моей одежке Надька выглядела более прилично. Василиса обняла её за талию и повела от мусорного ящика подальше. Я двинулся рядом. Не прошли мы метров десять, как Надька вдруг остановилась, оглянулась назад.

– Я возьму ковёр. Постелю его перед входом в столовой. Пусть народ топчет добро Веселидзе назло ему.

Она пошла обратно, свернула ковёр, в котором только что лежала, взвалила на плечо и покачнулась. Видно было, что ей не унести эту тяжесть. Пришлось нам подставить плечи. Втроём мы утащили ковёр в санаторий и там расстелили перед входом в столовую. Потом мне рассказывали о том, что Веселидзе видел свой ковёр у столовой. Долго стоял около него, ничего не сказал и ушёл. На следующий день ковёр исчез.

Надька, в свою очередь, никому, даже Василисе, не рассказывала, что случилось с ней в доме грузина. Она ещё неделю пробыла в санатории, выписалась и уехала. В ту же ночь случился пожар. У Веселидзе сгорели сарай и дом. Люди, слава богу, остались живы. Только собака пострадала. Она почему-то осталась на цепи. Железо не выпустило бедную псину из огня.

Перед отъездом в Афганистан Василиса рассказала, что произошло. Оказывается, Веселидзе и сосед изнашивали Надьку. А утром расплатились. Завернули девушку в ковёр и оттащили к мусорному ящику.

Кровь ударила мне в голову.

– Сказали бы мне раньше – я устроил бы, как Дубровский, этому Веселидзе такой фейерверк. Никто бы живым из дома не вышел.

– Поэтому и не сказала, что нечего лезть в разборки торгашей. Они сами между собой всё порешали, – сказала Василиса. Больше она не вспоминала свою подругу по комнате.

Вслед за ней отправился в Афганистан довоевывать Виктор Иванович.

Наступил день моего отъезда. Меня выписали из санатория.

Я спустился к морю и долго стоял на берегу. Небо мрачнело от грозowych туч. Вода яростны-

ми волнами молотила пляж. Голова какого-то лихого бесстрашного пловца, словно поплавок, подпрыгивала возле коричневого бую. Я с уважением посмотрел на него и подумал: «Дома тоже войду в бурную, как это море, жизнь. Хватит ли сил выплыть?»

Хорошо продрогнув (пляж обдувал холодный ветер, всё-таки был конец октября), я вернулся в санаторий на пригорке. На крыльце встретил знакомую молоденькую сестричку, улыбчивую, добрую.

– Соня, хочу свистнуть розы с клумбы. Всё равно они вот-вот завянут. Можно сорвать? – попросил я.

– Девушке? – уточнила она.

– Матери!

– Риски!

Без приключений я в тот же день прилетел на самолёте в Кемерово. Взял такси в аэропорту, приехал домой.

Постучал в дверь своей квартиры. Открыла мама. В слезах, стала обнимать меня. Протянул ей букет роз. Она спрятала лицо в цветах и ещё больше расстроилась. Выглянула сестра и тоже бросилась на шею. Не отпуская сестру, я вошёл в квартиру и попал в объятия отца и брата. Наконец-то оказался дома.

Не успел расположиться, привести себя в порядок, как в квартире стали появляться гости: друзья по спорту, родственники, даже дед приехал. Они решительно заставили надеть на пиджак ордена и медали.

Народ, отсидев за обильным столом, держался свободно, разгуливал по комнатам, жужжал. Время от времени то один, то другой подбирался ко мне, требовал держать нос выше, потому что моё ранение – это не ранение. А вот у Евгении Фёдоровны, учительницы, сына привезли парализованного из Афганистана. Чудаки! Нашли чем утешить.

Как медленно ползёт время! Надо чем-то заняться. Но чем? В свой цех не сунешься. Туда надо гвардейцем заявляться. Теперь я не только хромой, но и больной. Через неделю после возвращения домой культя похудела. Тонкая кожа на ней то и дело лопалась, как почка весной. Снимешь протез вечером перед сном, чехлы кровью, как краской, обмазаны. Ночами стало тело накаляться высокой температурой. День ото дня я слабел. С постели поднимался, чтобы поесть. Апатия поселилась во мне.

Ночью во сне увидел Василису. Будто мы в белых одеждах идём по равнине. Навстречу бегут духи, стреляют. Я пытаюсь вскинуть автомат, его нет. У меня от отчаяния сжимается сердце. Мне страшно за Василису. Я кричу духам: «Это моя жена! Не стреляйте в неё!» Вдруг рядом из-за чёрного облака взрыва вырывается бронетранспортёр. Мужчина на нём в коричневой куртке, шлемофоне, протягивает руку, хватая Василису, поднимает рывком на броню. Она оттуда уже кричит мне: «Я подлечу тебя, когда проснёшься. Срочно в больницу!»

Проснулся, нога не болит, температуры нет, внутри пустота, а в голове мысль: «Если, в самом деле, не пойду в больницу, худо будет». У меня временный протез. В госпитале при выписке сказали, что постоянный я получу в Новокузнецке. Там есть специализированная больница и ортопедическая мастерская.

Вечером сказал родителям, когда они вернулись с работы, что завтра мне надо ехать в Новокузнецк. Мать забеспокоилась, захотела поехать со мной, но я не согласился. Давно уже привык самостоятельно решать свои проблемы и не только свои. Утром до автовокзала меня всё-таки проводил брат. Пока я отдыхал на скамейке, он купил билет на автобус.

Врачиха, к которой я попал на приём, с первого взгляда не понравилась мне. Когда я вошёл в кабинет, она что-то рисовала шариковой ручкой в толстой тетради. На меня ноль внимания. Только скользнула взглядом, как по мелькнувшему столбу в окне автобуса. Даже присесть не пригласила. В другое время я не обратил бы внимания. У меня было столько сил, что мог днями не присаживаться. Но теперь потревоженная длительной дорогой боль в ноге серьёзно сигнализировала. Я не стал ждать приглашения, сам плюхнулся на стул. А врачиха всё рисовала и рисовала. Прошло минут десять, прежде чем она поставила точку, закрыла тетрадь и подняла голову.

– Рассказывайте, что у вас?

Когда я закончил, она равнодушным голосом сказала:

– Вам надо лечь в больницу. Через шесть месяцев получите новый протез.

Через шесть месяцев я очокурюсь от безделья. Психанул, сказал, что, наверное, всё-таки можно инвалиду войны помочь вне очереди.

Она взглянула на меня светлыми прозрачными глазами и холодно сказала:

– Лично я вас на войну не отправляла.

– Счастливый вы человек, ни вас, ни вашего сына не расстреливают из гранатомётов и не сжигают в бронемашинах.

У меня перехватило горло. Чтобы не наговорить лишнего, повернулся и выскочил из кабинета. Уже на автовокзале со злостью подумал о врачах: «Вот сволочь, даже не взглянула на культю!» Интересно, после Великой Отечественной войны было такое же хамское отношение к фронтовикам?

В просторном зале автовокзала былолюдно. Противно воняло пирожками. Между очередями в кассы шаршились пьяные. Обтёрханный прыщавый мужичок, которого можно было пальцем перешибить, с багровыми ушами, придавил в углу тётку и размахивал кулаком возле её носа. Я хотел вмешаться, а затем подумал, что эта тётка, видимо, его жена. Чужая вряд ли позволила бы ему так выкаблучиваться перед собой. Наверняка выжимает у неё деньги на стакан водки. Я вспомнил рассказ Василисы о первом муже. Сколько бедным женщинам приходится переживать от мужей-алкоголиков. До войны я был спортсменом, не брал ни капли спиртного. Теперь вообще не прикоснусь. Я вспомнил: когда меня встречали с афганского фронта, народ выпивал, я нет. Если ещё настоящему женюсь на Василисе, навсегда забуду алкоголь.

Я вышел из здания вокзала. На улице со свистом раскручивалась снежная шаль. Белые концы больно хлестнули по моему лицу. Изрядно замёрзнув, снова нырнул в тепло вокзала. Купив билет на Кемерово, присел на скамейку, вытянул перед собой ногу с протезом, обутую в меховой ботинок, и устало прикрыл глаза.

У судьбы, видимо, тоже есть совесть. Как следует поизголявшись надо мной, она подобрела, сменила гнев на милость. Я очнулся от шороха одежды. Рядом устраивался веснушчатый паренёк в просторном пальто с капюшоном. Он откинул капюшон, поправил взъерошенные короткие волосы.

Когда сосед усаживался, я обратил внимание на его ноги. Они скрипнули, выдавая искусственное происхождение.

– В Афгане потерял ходики? – спросил я.

– Не! Под взрыв попал на заводе.

Слово за слово мы разговорились и познакомились. Я рассказал ему о своей неудаче в Новокузнецке.

– Плюнь! – посоветовал он. – Езжай к дяде Саше в Томск. Он сделает классный протез для тебя.

Я записал адрес больницы, в которой работает дядя Саша. Домой приехал на автобусе, переночевал, а утром уже на поезде махнул в Томск.

Там встретили меня, как надо. Чуть ли не под руку проводили из регистратуры к хирургу, пожилой, внимательной женщине. Она ощупала культю, сказала молоденькой медсестре, глазающей на меня, как на восьмое чудо света:

– Пригласи Александра Ивановича!

В кабинете появился знаменитый дядя Саша с профессорской бородкой и руками штангиста первого разряда. С порога взглянул на культю и спросил добродушно:

– Где ножку потерял, молодой человек?

– На войне! – буркнул я.

– Мальчик из Афганистана, – сказала хирург.

Дядя Саша опустил на корточки, вынул из кармана белого халата ленту с делениями, как портной, вдоль и поперёк промерил мою культю.

Из кабинета я попал в одноместную палату. В тот же день мне подпилили кость, которая разрослась в культю и сильно болела, шоркаясь о чехол протеза. Сразу стало легче.

Через два дня утром ко мне зашёл дядя Саша с бумажным свёртком под мышкой, уселся на край моей кровати и подал свёрток.

– Вот тебе, «афганец», новая нога!

Я ошалел от радости. Не ожидал так быстро получить протез.

Дядя Саша заставил меня прогуляться возле кровати, присесть, подпрыгнуть. При этом я сообщал ему, где жмёт, где не жмёт. Всё записав, он завернул своё изделие в бумагу и попрощался. Я получил вечером новый протез и в нём пошёл на железнодорожный вокзал покупать билеты.

Всю ночь колготился в купе поезда. Никто из соседей не догадывался, что у меня правая нога искусственная. Дома я написал письмо Василисе, поделился радостью о своей новой ноге: «Теперь могу, как Алексей Маресьев, танцевать и даже летать, если бы был пилотом. Но, думаю, для меня хватит работы в цехе КИП и автоматик и в аудитории Сибирского металлургического института. На следующий год хочу туда поступать. Кажется, у меня вырастают за спиной крылья. Жду, когда ты приедешь в Кемерово и привезёшь то, что обещала». На этом многозначительном слове закончил своё послание и стал ждать ответ.

Он пришёл через три недели.

Василиса писала, что соскучилась по мне, мечтает, когда закончится контракт, вернуться на Родину. А пока она снова в кишлаке.

В лагерь агитотряда приходят афганцы. Жалуются на боли в голове, в горле. Приходится лечить.

«Работала с врачом в доме зажиточного дехкана. Нам помогала его жена, красивая, спокойная женщина. Её зовут Шахгуль – царь цветов. В доме чувствуется достаток. На полу ковры, подушки у стен...

Впервые увидела кочевников. У женщин платья из бархата, украшены золотыми монетами. И всё страшно грязно.

И снова на операции. Потеряла им счет. С брони бэтэра увидела высоко в небе журавлей, так защемило сердце

Хочется прыгнуть с брони и сломя голову бежать домой, до которого тысячи и тысячи километров, куда и самолётом трудно долететь».

Я тоже писал в ответ, стараясь быть бодрым оптимистом, тем более что жизнь стала подкидывать много хорошего.

Когда вернулся из Томска, меня, обутого в новый протез, встретила сестра, радостно бросилась на шею:

– К нам приходил Николай Фёдорович Туманов.

Он был мастером на производстве «Лактам-2», где я работал до армии. Известно, какие знания у выпускника техникума, тычешься в приборы, словно котёнок. Нервные «старички» кричат:

– Чему тебя учили?

Я так и не узнал, какой силы голос у Николая Фёдоровича. Нависнет над тобой, задумчиво выпятит верхнюю губу, пожует:

– Ковырни!

Откроешь начинку прибора, сунешься туда, куда указал мастер, и, точно, там неисправность. Благодаря Николаю Фёдоровичу я семимильными шагами осваивал автоматику «Лактама».

Он пожаловал к нам в гости снова. Мы обнялись, как старые друзья. Потом долго сидели друг перед другом. Я рассказывал об Афганистане, он о цехе. Под конец мастер спросил о моих планах.

– Хотел бы на ремонтный участок, – сказал уверенно я.

– Там сможешь, – согласился он. – Завтра же поговорю с Камаевым.

Разговор Николая Фёдоровича с начальником цеха КИП и автоматики сложился удачно.

Тот согласился взять меня на участок, правда, с условием:

– Если медицина пропустит.

Я уже знал, что медицина не пропустит инвалида второй группы на химическое производство. И всё-таки в отделе кадров взял направление и храбро пошёл на медкомиссию, ни на что не надеясь. Что-то меня подталкивало к этому.

Медицинский листок, как коллекция, пополнялся записями врачей. Годен, годен, годен. Наконец я замер перед кабинетом хирурга. Постоял минуту, потом толкнул дверь. Хирург, коротко стриженная, ещё сравнительно молодая женщина с крупными блестящими серёжками в ушах, говорила по телефону. При этом она одной рукой прижимала к уху трубку, другой нервно крутила голубенький карандаш. Видимо, ей сообщали что-то неприятное.

– Надо же! – возмущённо повторяла она.

Я, стараясь не скрипеть протезом, подошёл вплотную к столу, положил перед ней медицинский листок. Она скосила глаза на подписи и, прикрывая микрофон ладонью, спросила:

– Жалобы есть?

– Никаких

– Тогда закрой форточку!

Я метнулся к окну, лихо ступая на обе ноги. Протез дяди Саши не подвёл. Когда вернулся к столу, листок был подписан. Годен! Я схватил бумажку, как голодный – кусок колбасы, и выпорхнул из кабинета. «Прорвался! Прорвался!» – гремело у меня набатом в голове.

Скоро и моя личная жизнь неожиданно определилась. Однажды вечером, когда вернулся с работы, в дверь квартиры позвонили. Открывать пошла мать. Через минуту она вернулась с крупными глазами и тихо сказала:

– Там молодая женщина с ребёнком.

Меня будто ветром сдуло с дивана. Я не успел ещё добежать до коридора, но уже знал, кто она. Живая, здоровая и с моим ребёнком на руках. Мама смотрела на нас, ничего не понимая.

– Моя жена Василиса. Теперь она будет Вахрамеева! – выкрикнул я.

– А ребёнок? – была мгновенной реакция матери.

– Мы назвали его Дмитрием, по имени... деда.

Мама только развела руками:

– И когда только вы успели его сделать?

– Между боями! – пошутил я.

Дорогая Галина Михайловна! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Верим в Вашу творческую звезду! Здоровья, вдохновения и задора!

Галина ЗОЛОТАИНА

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

В жёлобе лета тихонько июль иссякал,
Нежно журчал и примолк – не заметили даже,
Только желтеющий лист в бредешке гамака
Робко шепнул об естественной этой пропаже...

Август ленивым котом на пороге лежит,
Рыжей горжеткой, заплатой на фоне зелёном...
Грусть не о том, что присущи всему рубежи,
Грустно на них натекаться врасплох иль
спросонок...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Деревья голы, но уже не спят.
Стыдливо опуская очи долу,
смиренье и терпение хранят
и зова ждут к весеннему престолу.

Снег рыхл и тёмен, ноздреват, липуч,
навязчиво пристав к твоей подошве,
он тщится выжить, но весёлый луч
врезается в его сырую толщу.

И с детской беспощадностью, смеясь,
стирает все молекулы снежинок,
все атомы,
оставив только грязь
на глянцевои поверхности ботинок...

ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕИЗБЕЖНОГО

Я сюда приползу умирать,
За шёлковые травы держаться,
Пусть бы только стояла жара
И детишки бежали купаться.

Пусть бы только стоял этот пруд,
А вокруг камыши и осока.
Пусть на дереве птахи поют,
И взлетают высоко-высоко!..

А с пригорка идёт кто-то свой
И кричит мне, кричит на беззвучном
Языке, и всё манит рукой,
И доносится: «Внученька! Вну-учка...»

* * *

Провинция. Окраина. Конец.
За огородом сотые поминки
Неугомонный празднует мертвец,
А в огороде трудится жилец
Под хрюканье всегда голодной свинки.

В провинции всё рядом – жизнь и смерть.
Тут не сжигают, а хоронят целно.
Здесь бродят волки, и ревет медведь,
Подростки подворовывают медь,
И пьют поэты – вместе и отдельно.

ЗОЛОТАИНА Галина Михайловна родилась в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Участвовала в коллективных сборниках, изданных в Кемерове: «Дороже серебра и злата», «На родине моей выпали снега...», «Площадь Пушкина», «Собор стихов» и др. Печаталась в журналах: «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Огни» (Новосибирск). Член Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

* * *

Нас уже не согреет лачуга,
И шалаш, и чужое жильё.
Лишь успела сошедшая с круга
Крикнуть юность: «Имейте своё!»

...Мягких тапочек войлок уютный,
Через марлю в окне – ветерок.
Как мы юности нашей беспутной
Аккуратно подводим итог.

И морщинок нескорбною стайкой
Мягко зрелость легла на чело.
Что ж ты мнёшься,
Душа-попрошайка,
У порога
И кланчишь – чего?!

* * *

Когда я в доме остаюсь одна,
Послушать комариные рулады
Здесь тоже можно, звуков хватит на
Создание урбанической баллады.

Часов с шести грохочет этот мир.
Пылит КамАЗ по объездной дороге,
Ждёт смену сторож,
Заварив чифирь,
Выводят прогулять четвероногих.

Полуприкрыт чугунной крышкой люк –
Ловушка для нетрезвого зеваки.
И – поделом: лови внизу свой глюк,
Жди помощи и сам с собой калякай!

За спортманежем – наш зелёный рай.
Содружество мичуринцев, участки,
На каждом вагонетка и сарай
Да пугало смешное для остротки.

Вот так и проживаем свою жизнь,
Дыша дымами, смогом и бензином,
Украдкой посматриваем ввысь,
Помёт сметая с окон голубиный...

МОХОВО

Я опять междометствую, о! – кая,
Мне опять мелкотемно лепечется.
Я пишу про селение Мохово,
А какое же это Отечество?

Мне бы голосом слиться с эпохой,
С беспредельностью и бесконечностью,
Хоть и нравится мне это Мохово,
Но какое же там Человечество?

Много дней прокорпела над строками,
Но они оказались банальными:
Есть проблемы, конечно, и в Мохове,
Но какие же это Глобальные?

Я, наверное, дура-дурёхою,
Если вот во что всё это вылилось:
Поругалось со мною пол-Мохова,
А пол-Мохова молча обиделось!

ОСЕНЬ

Пришли дожди. Писать хотелось прозу.
Скреблись мыслишки, становились в позу.
Грипп нарастал, по-старому – испанка,
И лист белел, как чистая портянка.

Тележками капусту продавали,
Жирели мышки в сумрачном подвале.
Копились тайны...
Нежности пшеничку
Давно скормила ненасытным птичкам.

Пугали сны, но более – бессонье...
Под ветром тряпка билась на балконе,
Да трепыхалась робкая душа
На древке моего карандаша.

ВДОВА ПОЭТА

Осудили вдову, что не стала для праха
рабыней,
Что она в изголовье холма не осталась навеки
рябиной,
К воронью не примкнула, чтоб вечно кружиться
над тленом,
На кладбищенской глине не стёрла до крови
коленок,
Среди нищих у входа не села с протянутой
дланью,
Не поела кутьи, лишь вина попросила
в стакане.
Дома фото и книги его в сундуке схоронила,
Поломала все перья и вылила в землю чернила.
Ни слезы и ни всхлипа: спокойно расправила
койку,
Расчесалась, умылась, легла, вскрыла вены –
И только.

ПЕСЕНКА ДЮЙМОВОЧКИ

Плаваю в тарелочке мироздания,
Маленькая девочка – в океане.
В лепестке качаюсь, как в челноке,
А с болота слышится: «Бре-ке-ке»...
Маленькая-маленькая – большая...
Чем могу, тем душу и выражаю,
Боженьке вот выучилась молиться,
Верю лишь Ему да небесным птицам.
Допую – сошьют мне широкую юбку,
Подберут ореховую скорлупку,
Ласточки взлетят со мной налегке,
В скорлупе качая, как в гамаке...

ВЫХОД

В парке культуры (умом ли рехнулась?)
Села бабка на Чёртово колесо
И пристегнулась.
И поплыла в поднебесье, как в зыбке,
А когда стала точкой,
Незаметно для всех отстегнула цепочку
И шагнула прямо на дерева крону...

Хотели директора парка в тюрьму,
Да нету такого закону,
Чтоб не пускать на Чёртово колесо
Бабок умалишённых.
А крона была
густой,
молодой,
зелёной!..

* * *

Учусь искусству печь блины.
Мои страдания длинны,
Как жижка, льющаяся с ложки.
А у окна хохочет Лёшка.
А за окном дымы черны.
И снег к асфальту пригорает,
И блин-фонарь висит-мигает,
И блин-луна не пропечён,
Скис Млечный путь, не кипячён...
Господь меня за спесь карает!
...И я кричала кошке: «Брысь!»,
И я молилась Богу, ввысь,
И слёзы всех кухарок мира
В моём лице нашли кумира
И постным маслом пролились!

* * *

Всё равно расшатаю устои,
Не замкнусь, не зачакну с тоски.
Эх, месись, моё тесто крутое,
Ты – дитя первосортной муки.
Подобью и весёлкой, и скалкой,
Чтоб ядрёными были бока.
Я тружусь, как бетономешалка,
Я хочу проучить мужика.
Не за грех, не за подлое дело,
Не за слово дурное учу,
А за то, что жила, словно пела,
А теперь вот всё время молчу.
Он, наверное, ждёт отчуждёнью,
Хмурых взглядов, отрывистых фраз,
Ну а я ему – здрасьте! – пельмени.
Плоховато вы знаете нас!
Всё равно расшатаю устои,
Не сожмусь под пластами тоски:
Завтра банку консервов открою,
Очень вкусную, «Печень трески»!

ПО ПОВОДУ МЕДЛЕННОГО БЕГА

Знай, мой верящий в Парнас,
В бег рысцей и в гений,
Будут дети лучше нас,
Будут совершенней!

Назидательности для
Зря мы их ругаем,
Человечий род продля,
Жизнь придёт другая.

Будем внуку целовать
Розовые пятки –
Нам ещё с тобой бежать
В вечность без оглядки!

* * *

Кто мы, милый, с тобой –
Журавли иль синицы?
То мне снится журавль,
То синица мне снится.

И тебя по ночам
Тот же сон навещает –
То синица грустит,
То журавль улетаёт...

Утром правду о нас
Знают солнышка блики:
На крыле журавля –
Голова журавлихи...

* * *

В придуманной любви не будет утоленья,
И глупо примерять себя к чужим рукам.
Воркуй, голубка, здесь, лепи свои пельмени,
Покуда не остыл порыв к твоим стихам.

В придуманной любви – таинственность и нега,
Щемяще незнаком чужих речей поток.
Подумай, погрусти на краешке ковчега
И снова запорхни на милый свой шесток.

* * *

Не то, не то... Уже случалось – было:
Я мальчика безусого любила.
Он мне придумал тысячи имён
И ангелом взлетал на мой балкон
Из преисподней.
Плавилась подошвы.
Он был таким послушным и хорошим,
Я так его дурачила легко,
Но... на губах обсохло молоко...
Я вспоминать его перестаяю
И на балконе каменном стою,
Где крылышки простынок веют вяло,
И ничего не хочется сначала.

* * *

Снег присел на корточки, стáял.
Все твои форточки – настужь.
Обнажились зимние тайны –
Плохо ты меня прячешь!..

Дворник от дверей конторы
Долбит желобок узкий,
Я к тебе прильну скоро,
Только всё равно грустно...

На окне букет вянет,
Грустно, что ответ найден –
Глупо раздувать пламень
Не на годы, а всего на день.

* * *

Люби меня любить.
До истечения чисел.
Не оставляй борьбы
За дух, что нас возвысил.
Слиянье и восторг
Из благостной ладони
Нам посылает Бог
На крайнем перегоне.
Далёко от земли,
Сомкнув в покое веки,
Приблизим к лику лик
И сбудемся навеки.

* * *

Забудем! Наполним гранёные стопки,
Поставим, что было, в квадратные скобки.
Ах, только бы водка была хороша,
А то беспросветно замёрзнет душа.

55 Забудем сентябрьский вокзал бестолковый,
Где бродит она коlobковой коровой,
Куда утянулась – не знает сама,
Но выдаст тебя колокольчик, кума!

И будешь ты есть в своём тёплом хлеву
На завтрак изюм, а на ужин халву.
И есть с кем согреться, и есть с кем напиться,
Да не с кем небесною высью делиться!..

**Леонид
ИВАНОВ**

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Рассказ

Не умиралось... Баба Лёля точно знала, что боженька придёт за ней сегодня ночью, хотя ничего у неё не болело, не тревожило. Наоборот, будто враз отпустили все хвори и сделалось легко и спокойно.

Смерти баба Лёля совсем не боялась, принимая её неизбежность. Да и то: товарки-то уж вон все на погосте, хоть и моложе её были. Давно прибрал боженька, а ей, слава тебе господи, на Троицу уже восемьдесят четыре годочка исполнилось, пора уж. Если честно, то умирать не хотелось. Ничего её на этом свете не тяготило. Вон даже поясница отпустила, хотя нестерпимо ныла последние две недели, пока копала картошку на своих пятнадцати сотках, пока отбирала клубни на семена и засыпала их в подпол, затаривала мешки на продажу какой-то заготконторе. Вчера с этой работой справилась, положила на дно нижнего ящика комода вырученные от продажи новенькие купюры. Может, Коленька хоть какую обнову себе справит. А ведь, паразит, так и не приехал на картошку. Писал, летось, мол, мама, ты не надрывайся, приеду, выкопаю. Да, поди, снова запил. И эти-то деньги просадить может... Ну, да ладно... на помин души своей мамочки.

Так-то он у неё ласковый да заботливый, вот только водка проклятая мужика сгубила. Ну, это

всё из-за Ирки. Из-за неё, змеи подкольной, за воротник закладывавать начал. Не по себе дерево срубил, так что теперь делать? Вот и мается всю жизнь. Может, если бы детки были, так и по-другому всё сложилось? Ан нет, ей на пелёнки жалко было молодость губить, на работе продвинуться хотела, два аборта подряд сделала, а потом боженька больше и не дал забеременеть.

56

Мысли перебила кукушка в часах. То ли одиннадцать, то ли двенадцать раз уже прокуковала – баба Лёля со счёта сбилась на середине. Посмотрела в красный угол, где пристроенная на сколоченной Коленькой полочке стояла невидимая в темноте небольшая закопчённая от времени иконка Николая Угодника.

– Ой, грехи наши тяжкие! – прошептала на вдохе, устроилась поудобнее, поправила красивое лоскутное одеяло, которое следила ещё, когда могла сама нитку в иглку вдевать. Снова сложила руки на груди и стала ждать. Но занятый другими важными делами боженька не торопился по её душу. Поди, грешила много да и в бога-то верила как-то не по-людски. Знала, что есть, держала в красном углу икону, которую схоронила на чердаке мамка, когда пошли по домам комсомольцы бороться с пережитками прошлого. Обращалась иногда к всевышнему с молитвами, как умела, да жила так, чтобы на

ИВАНОВ Леонид Кириллович родился на лесном кордоне на Вологодчине, в семнадцать лет с восемью классами образования и несколькими написанными рассказами был принят литературным сотрудником в районную газету. Экстерном сдал экзамены за среднюю школу, служил в армии, заочно окончил филфак Череповецкого педагогического института, отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. Работал на разных должностях на телевидении, корреспондентом газеты «Труд», пресс-атташе ТюмГНГУ, в настоящее время – редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири». Автор 13 книг прозы, лауреат различных литературных премий и конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

деревне не осудили. А в церкву ходила, только когда к Коленьке в область ездила. Рак у него признали, операцию сделали. Вот тогда она кажинный денёчек в храме молилась, свечки за здоровье ставила. Помогло. Доброкачественной опухоль оказалась.

Баба Лёля и дома бы в церкву ходила, да разрушили храм, когда ещё молодая была. Сначала там клуб сделали, когда в клуб ходить некому стало, под склад заняли, пока колхоз был, зерно сушили. А потом разворотили, чтобы пустить кирпич на строительство фермы, да только ничего из этой затеи не вышло. Так и лежат глыбы. Днём-то мимо ходить страшно, а уж ночью, если кто отважится, дак и вовсе мурашки по коже.

— Вот дура старая! — встрепенулась баба Лёля. — Дверь-то на крючок заперла, как утром Маня в дом попадёт?

Откинула одеяло, спустила ноги на пол и зашлёпала в носках по тканой дорожке. В сенях откинула старинный, ещё кованный крючок, вернулась в постель, приняла прежнюю позу и опять углубилась в мысли, неспешно вспоминая всю свою жизнь.

Это теперь их в деревне осталось три старушки, и её дом незаметно выполз на самый край. А раньше-то чуть не в середине стоял. Только молодёжь в города уехала, старики поумирали, избы покрепче городские скупил на дачи и перевезли на берег, поставили окнами на реку, а ветхие сами после смерти хозяев быстро просели крышами и догнивают, глядя на когда-то шумную улицу своими пустыми глазницами.

Когда Лёлька была маленькой, в каждой избе было по несколько ребятишек. И по пять, и по семь, а у Скорняковых вон даже десять. Где тут имён напридумываешь. Вот и звали Вовка Мишин, Ванька Борин, Нюрка Манина. И было их в деревне три Ольги. Старшую, Нюркину, так Ольгой и звали, вторую — Настину — Олей, а её, самую маленькую, Лёлькой. Так всю жизнь Лёлькой и прожила. Потом-то, конечно, кто-то тётей Лёлей стал звать, а потом уже и бабой Лёлей. А вот бабушкой стать ей бог не дал.

Старший, Саша, по пьяному делу в тридцать под трактор попал, не успев жениться. Теперь вот заботушка у неё — за могилкой сына ухаживать. Сходила на днях, прибрала, траву сухую выполола, пыль с памятника вытерла, покрасила-то его ещё на Троицу, так теперь далеко голубым сиянием виднеется.

Второй, Валентин, не пьёт, техникум окончил, в леспромхоз уехал, мастером работает. Дом — полная чаша, а детушек нету. А ведь

сколько просила, чтобы другую жену себе искал! Нет, говорит, полюбил Валентину, и всё тут. Как говаривала, что не к добру мужу и жене одинаковые имена иметь, не послушал. Вон в соседней Насонове Александр и Александра живут. Тому ли не пример?! Тоже с ребятишками не сладилось. И уж сколько Шура к разным врачам да бабкам ездила, без толку! А всё потому, что нельзя мужикам бабы имена давать, а бабам — мужские. Не зря в ранешние-то времена всё больше Иваны были да Марьи! И детишек строга-ли до десятка.

Но не послушал Валентин. Да и бог с ним. Главно, что живут душа в душу. Уж невестушка-то за ним, как за божницей, ухаживает. Валенька у неё и сыт, и обут-одет. Он ест, а она сядет напротив да мужем любит. И волосики-то ему пригладит, и хлебушек придвинет, и не знает, как ещё угодить. Ну, и он ей добром да лаской отвечает.

Вот бы Коленьке такую! А не дал бог.

Коленька-то у неё самый был любимый. Оттого, что поздний. Уж сорок ей стукнуло, когда согрешила. Пять лет вдовой прожила и ни разу даже мельком ни на кого не посмотрела, не то чтобы мысли какие допустить. А тут бес попутал.

Она вообще-то телятницей работала, но на уборке всем дела хватает. В тот день она только отруби с телеги разгрузила, как бригадир верхом прыскал. Говорит, комбайн на дальнем поле сломался, шкив разбило, поезжай в мастерскую, надо с Колькой запасной отвезти. Мол, заодно и поставить поможешь, а то больше некого послать. Ну, надо, так надо. Сели на телегу, отвезли эту штуковину на дальнее поле, помогла Кольке её на место приладить, ремни натянуть. Он её по заднице похлопал, молодец, говорит, попрошу тебя в помощники. И что её торкнуло? От этих похлопываний аж голова кругом пошла. А он уже лицом поворачивает, в глаза смотрит. Зажмурилась... А в себя пришла в накопителе на соломе, когда отстонала чуть не во весь голос от нахлынувшей страсти и когда всё уж кончено было.

Один-единственный разочек только и случилось-то, а понесла. Пошла потом к бабке Марье, да только та побоялась. «Сама знаешь, девка, какие теперь строгости, — говорит. — Не ровён час кто председателю донесет. Не сносить мне, старой, головы на плечах. Не возьму грех на душу. Ты уж, милая, сама попробуй». И дала несколько советов. Да только не помогли те советы. Родился ребёночек, слава богу, живой да здоровый. И назвала в честь отца Коленькой. Как будто и в честь деда. Он тоже Николаем был.

Пересудов не боялась, хотя, конечно, разговоров было. Все гадали поначалу, от кого да от кого. Больше-то на Анемподиста думали — он,

Леший, мужик видный был и сильный. Медведя мог бы заломать, попадись тот под руку на лесной дорожке. А жёнку ему бог дал квёлую. И телом-то не удалась, и на голову маленько больная была, всё особняком от людей норовила. А он-то на баб ой как заглядывался! Ну и порешили в деревне, что двое скрытных-то и сошлись полюбовно. А ведь Лёлька себя всю жизнь блюла. Не то что Марья. Та двух девок от Евгена родила, хотя у него и дома пять дочек росло. И Марьины тоже с теми на одно лицо были, так что не отвертись.

И её Коленька весь в папочку уродился. Такой же кудрявый. И ведь, паразит, тоже на гармошке играть научился! Да так быстро, будто все у него в роду только и делали, что на тальянке меха растягивали.

У Кольки-то Вересова дома три девки было, так он было к Лёльке заходить начал сыночка проведывать. Но она сразу от ворот поворот указала: мол, не хочу Тасе супостаткой быть. А Коленьке ещё и трёх не исполнилось, как батька его случайный на тракторе под лёд провалился и всем пересудам конец положил.

А Коленька рос способным. Учителя нахвалиться не могли и в техникум они же присоветовали. Отучился в области, в армию сходил да в область и уехал. Мол, девушку ещё до армии присмотрел, жениться хочу. На завод устроился, в общежитии место дали, женился сразу же. Не понравилась Лёльке молодая: больно уж гонора много. Пока Коленька в армии был, она институт закончила и дипломом своим козыряла. И тёщенька, сватьяшка дорогая, такая же гонористая. Вдвоём-то они Коленьку быстро в оборот взяли. Так нет бы парню на заочное присоветовать, они ему его место указывать стали.

А тут ещё на работе не заладилось. Так-то он старательный да исполнительный, а образование по сельхозмашинам получил, и как только появился на заводе сынок кого-то из начальников, так Коленьку и подвинули. Обиделся, на другой завод устроился, а обида осталась. С этой обидой и там проблемы начались. И начал прикладываться. Сначала после работы, а потом и с утра.

Сватьяшка, царствие ей небесное, пилит, жена строгаёт, и совсем парню никакого житья не стало. И начал он пить по-чёрному. И пошло-поехало. С одной работы да на другую. С мастеров до слесаря докатился, а потом и вовсе уволиться заставили. А тут тёщенька с жёнушкой и из дому выгнали. Устроился сантехником, в подвале и жить наладался.

Приедет, бывало, хорохорится, а материнское сердце не обманешь. Видела Лёлька, что худо

сыночку, а руками беду не разведёшь. Когда приедет, отойдёт возле матери душой, лицом посветлеет, а у Лёльки всё одно сердце болит. Видит, как парень мается, что жизнь такая никчёмная случилась. Уж она его и обратно в деревню звала, только что тут делать, если работы никакой.

Соберёт сыночку котомки варений-солений, картошки с собой даст да деньжат из небогатой пенсии. Самой-то ей много ли надо? Осенью картошку заготовителям продаст, побольше подкинет, хоть и знает, что всё равно пропадёт.

— Хоть бы на похороны приехал... — мысленно вздохнула баба Лёля и опять встрепенулась. — А всё ли приготовила?

Встала с кровати, включила свет.

Осмотрелась в который уже раз. В доме прибралась, пока баня топилась. Бельишко своё постирала и в бане на жёрдочке над каменной сушиться повесила. Доски на гроб ещё с утра на видное место на сеновале положила, на них — рубанок, молоток, гвозди, материю красную, чтобы обить. Одежка на смерть в нижнем ящике комода приготовлена. Марье уж, поди, сто раз сказано и показано и что надеть, и где деньги на поминки.

Села на край кровати, вспоминая, всё ли сделано, не оставляет ли после себя людям каких ненужных хлопот.

— Ой, свечи надо перекладь к одежке, в которой в гроб положат, а то искать будут. — Подошла к комоду, выдвинула верхний ящик, переложила из него в нижний поверх белья обычные хозяйственные свечи, которые по её просьбе Валентин привёз из леспромхоза ещё несколько лет назад. — Мыло и мочалочку, чтобы обмыть, найдут в бане. Вроде бы всё...

Подошла к окну, отогнула край занавески, посмотрела на занимающееся новой зарёй небо. Вчера вот и рамы зимние поставила, может, Коленька хоть до сорока дён поживёт. Маленький-то любил он ей помогать рамы ставить, на мох между ними гроздь рябины да кроваво-красные ягоды клюквы для красоты укладывать.

— Даст бог, ещё постоит хорошая погода, хоть не под дождём людям могилу копать.

Поправила икону, перекрестилась: «Помоги, господи, Коленьке да всем добрым людям!» — опять устроилась на постели, накрылась одеялом, сложила на груди руки, закрыла глаза и покорно стала ждать смерти.

Вскоре луч красного осеннего солнца коснулся края крыши, медленно опустился вниз, робко погладил оконную раму, осторожно скользнул в дом, неслышно прилёг на подушку. Но баба Лёля ничего этого уже не видела. Боженька успел раньше.

**Ольга
ЛОГАЧЁВА**

ПИСЬМО

Рассказ

К почтовому ящику у меня трепетное отношение с детства. Речь идёт не об электронном почтовом ящике, а о деревянном или металлическом, его прадедушке, который был в каждом подъезде в далёкие и не очень далёкие годы. Да и сейчас, конечно, такие ящики есть в подъездах... Такие, да не такие... Погрустневшие. Обиженные. Без ключика. А зачем ключ? Ведь в них мало кто заглядывает... Если только квитанцию об оплате квартиры забрать да многочисленные бесплатные рекламные издания вынуть и за ненадобностью положить на верх ящика. Какое уж тут трепетное отношение!

А тогда... Заглядывая в почтовый ящик, я всегда ожидала сюрприза: интересную газету, красочные журналы «Пионер», «Вокруг света», извещение на посылку от родственников из Москвы и даже... цветы (в юности так романтично дарил мне первые весенние цветочки одноклассник, который, кстати, потом стал моим мужем). Но самой большой радостью для меня было письмо! Драгоценный читатель уже, конечно, понял, что не виртуальное письмо, а самое настоящее, в бумажном конверте с марками. Письмо, которое можно потрогать, на ощупь определяя, много ли написал отправитель! Помню, всегда хотелось, чтобы письмо было толще!

59

Я ещё не умела читать и писать, зато любила слушать, как мама читала или пересказывала письма от своих сестёр, подруг, знакомых. Едва овладев грамотой, стала сочинять их сама, иллюстрировать, отправлять, а потом с нетерпением ждать ответа. Через некоторое время чудесный ящик выдавал мне одно письмо за другим. Это были весточки отовсюду, где жили наши родные, друзья и знакомые...

Юный читатель, надеюсь, простит меня, что пишу я не об эсэмэс, не об е-мейле, не о сообщениях в «ВКонтакте», а о каких-то малопонятных ему вещах. Уверяю, сейчас об электронном ящике и электронных письмах я могу сказать то же самое: пишу письма, жду ответа. Но всё-таки те письма – это и почерк, и бумага, и конверт, и неторопливость рассуждений! И даже запах бумажного листка, вложенного в конверт, был у каждого письма свой, особенный! Помню наивные слова пожеланий на конверте: «Лети с приветом – вернись с ответом!», «Жду ответа, как соловей лета!». С каждым письмом к нам в дом летела частичка тепла, которую щедро дарили отправители...

Но в детстве я и не подозревала, что с письмом может ворваться в дом беда. Возвратилась как-то из школы и по обыкновению с замиранием

ЛОГАЧЁВА Ольга Александровна родилась 18 декабря 1953 года в пос. Березово Тюменской области. Детство прошло Красноярске. Окончила пединститут в Казахстане, работала в школах на Украине, в Казахстане, Новокузнецке. Публиковалась в научно-методических журналах «Литература в школе», «Уроки литературы», в газете «Русский язык». Рассказы, повесть, путевые заметки и стихотворения опубликованы в «Учительской газете» (Москва), «Феодосийском альбоме», сборниках «Край городов» (Рязань), «Искать мечту» (Санкт-Петербург) и др. В 2015 году вышел сборник стихотворений и рассказов «Галактика». Живёт в Новокузнецке.

сердца открыла почтовый ящик. Он, к сожалению, оказался пуст... Я недоумевала. Ведь по моим расчётам письмо должно было быть в ящике! Не было случая, чтобы она не ответила на письмо или задержалась с ответом. Её письма приходили регулярно, и я читала их, уединившись, чтобы никто не отвлекал меня. Шли дни, недели, а я всё ждала, когда в наш почтовый ящик почтальон положит конверт, подписанный крупным разборчивым почерком, конверт, где в графе «Адрес отправителя» значилось бы: «г. Феодосия»...

Знаю, нетерпеливый читатель возмущён: «О ком речь? Кто эта она?» Ты прав, мой читатель! Я обязательно скажу об этом. Но не сию минуту.

Итак, Феодосия! Она стала для меня одним из любимейших городов. Впервые я увидела этот крымский уголок тепла и света, когда мне было лет десять. Мы с мамой сошли с поезда на станции Айвазовская, немного не доехав до феодосийского вокзала. Кто бывал в Феодосии, тот знает, что до центра города от Айвазовской рукой подать – можно минут за двадцать пешком дойти. Не пройдя и минуты по перрону станции Айвазовская, мы были атакованы бойкими женщинами, которые предлагали «дикарям» комнаты. Одна самая шустрая тётка ухватила маму за руку и потащила её подальше от толпы, от конкурентов. Я еле поспевала за ними...

...Всю ночь в доме тётки скандалили какие-то люди. Родственники, как она нам пояснила утром. Но мама, за ночь не сомкнувшая глаз, не захотела оставаться здесь. Она расплатилась с хозяйкой, и мы покинули «нехорошую квартиру». Выйдя на улицу, мы в раздумье остановились: куда идти? Неожиданно услышали:

– Млакомлако-о!

В шесть утра странно было слышать выкрикиваемые громким мелодичным женским голосом какие-то непонятные нам слова, похожие на заклинание.

Внезапно эти загадочные слова прозвучали прямо у нас за спиной. Обернувшись, мы увидели обладательницу красивого голоса, которая ещё раз пропела своё заклинание, и мы поняли наконец, что это за слова! Перед нами стояла молочница, которая по утрам разносила молоко (это привычное явление в Феодосии, в чём я впоследствии убедилась). Высокая полная женщина с лицом доброй волшебницы вызвалась помочь, как только услышала о нашем затрудни-

тельном положении. Она повела нас по каким-то улочкам-закоулочкам, иногда пела своё «млако-млако-о» и останавливалась, чтобы налить молоко из своего большого алюминиевого бидона в бидончик или банку хозяев дома.

– Вот и пришли! – неожиданно произнесла наша спасительница.

Следуя за молочницей, мы нырнули в открытую калитку, очутились посередине огромного проходного двора, даже не остановились у длинного дома, похожего на барак, и оказались у другой калитки, а затем – в тесном дворике. Такого дворика я ещё никогда не видела, да и, к слову сказать, потом в жизни не встречала ничего подобного...

Первое, на что я обратила внимание, что поразило моё детское воображение и чего мы с мамой не ожидали здесь увидеть, было... кладбище в глубине заросшего травой небольшого двора. Я тёрла рукой глаза: не померещилось ли мне спросонок? Но нет! Среди бурьяна отчётливо виднелся памятник со звёздочкой, а сбоку, за памятником, тянулась прямо к дому высокая полуразрушенная каменная стена, напоминая развалины заброшенной крепости. Домик, где нам предстояло разместиться, как будто прилепился к старой стене. Я со страхом рассматривала двор, как вдруг дверь избышки со скрипом открылась и на низенькое крылечко вышла... Баба-яга. Я незаметно прижалась к маме, в то же время тайком разглядывая старушку, заговорившую тихим, слегка охрипшим голосом. Ощущение охватившего меня ужаса мешало понять её слова. Взрослые о чём-то договаривались, а я молила Бога, чтобы мама не согласилась здесь жить. Но она согласилась. Заметив, что бабушка уже давно наблюдает за мной, я устыдилась своего страха. Мне стало неловко, что я её рассматриваю. А хозяйка избышки улыбнулась и спросила:

– Как тебя зовут, девочка?

Я робко назвала своё имя.

– А я тётя Катя, – глядя на меня пронзительными зелёными глазами, продолжая улыбаться, сказала она. – Проходите в дом. Осторожнее.

Новая знакомая вовремя предупредила маму, когда та заходила в сени, ведь дверь была низенькая, и все, кто ростом выше хозяйки, рисковали набить себе шишку о дверной косяк. Старушка – маленького росточка, согнувшаяся под тяжестью горба на спине, который и делал её похожей на Бабу-ягу, – проскользнула из се-

ней в крохотную кухню, а потом и в единственную комнатку в доме, вмещающую лишь широкую железную кровать с пышной периной, застеленной чистым белым покрывалом, и с двумя большими подушками, да ещё маленькую тумбочку. Разноцветная деревянная дорожка была постелена на чисто вымытом полу. (Молочница, как потом выяснилось, помогала тётке Кате по хозяйству, мыла полы в доме.)

– Вот ваша комната и ваша кухня, располагайтесь... Я летом живу в сених, так что мешать не буду. У меня там сундук, на котором я сплю. Столик. Когда бессонница, выхожу на крылечко посидеть, – улыбнулась она, взглянув на меня, как будто понимая, что творится в моей душе, и желая успокоить.

Оставив вещи, мы отправились к морю. Я уже не раз видела Чёрное море (в Ялте, в Алуште, в Адлере), но феодосийское – впервые. Дорогой читатель, прости мне эти строки! Согласна, что феодосийского моря как такового нет. (Один из вас указал мне на ошибку: нет такого моря!) Однако, несмотря на возражения по данному поводу недовольного читателя, всё-таки говорю о феодосийском море. Ведь именно здесь, в Феодосии, полюбила я Чёрное море, а потому оно для меня особенное – феодосийское! Мы стояли на берегу и любовались красотой открывшейся картины. Ни ветерка, ни волн. Какого-то молочного цвета море на горизонте сливалось с небом, так что нельзя было разобрать, где этот самый горизонт. Утреннее солнышко ласково гладило нас мягкими лучами, едва пробивавшимися сквозь молоко неба. С каждой минутой солнечного света становилось всё больше, вода засеребрилась, заиграл золотом феодосийский – тоже особенный – песок! Вот здорово! Я забыла все утренние злоключения и предалась нехитрым занятиям: плескалась в морской воде, благо был штиль! Строила причудливые замки из золотого песка... Мы с мамой были счастливы!

Когда вечером вернулись в дом, увидели тётю Катю сидящей на ступеньках крылечка. Она курила, а рядом спали две совершенно одинаковые серые кошки, которые, как только мы заговорили, проснулись и, потянувшись, стали дружно тереться о ноги хозяйки. Уставшая за последние сутки от впечатлений, я неожиданно осмелела и спросила:

– Тётя Катя! А как зовут кошек?

– Кисяня и Мисяня... Это мама, а вот это её дочка.

Я поиграла с кошками, а потом мы втроём пили чай в маленькой уютной кухне, неторопливо вели беседу. Оказалось, что тётя Катя знала всё на свете и могла поддержать разговор на любую тему. Она не только интересно рассказывала, но и умела заинтересованно слушать. Я была просто очарована ею и с этого момента каждую свободную минуту старалась проводить в обществе нашей хозяйки. Она показала мне курятник, и я теперь кормила кур, собирала яйца, подметала дворик. Я освоила почти всю территорию двора! Не ходила только туда, где на солнце поблёскивал звёздочкой памятник.

Однажды за вечерним чаем тётя Катя спросила меня:

– Олечка, а ты боишься ходить к могилке? Не бойся. Там не страшно... там мои детки и мамочка похоронены. Завтра сходим к ним, если захочешь...

Когда стемнело и спала жара, она, как обычно, сидела на ступеньках крыльца и курила. О чём она думала? Лицо её, тёмное не от солнца, а от морщин, было непроницаемым, будто застывшим, а глаза излучали доброту. Кругом всё стихло, лишь пели цикады. Мы сели рядом с ней и долго молчали, боясь нарушить тишину. Наконец мама спросила:

– Екатерина Ивановна, а что случилось с вашими родными? Почему вы одна?

Тётя Катя рассказала нам страшную историю, которая произошла с ней и её родными во время войны. Ей тогда было тридцать лет. Здесь, на этом самом месте, стоял большой дом. В нём жила дружная семья: отец, мать, тётя Катя с мужем и двое детей – Валечка и Вовочка.

– Началась война, и мужчины ушли на фронт, а мы их ждали, иногда получали письма-треугольники, – рассказывала тётя Катя, и глаза её становились всё печальнее.

...Но вскоре письма перестали приходить. Однажды принесли похоронку на мужа тёти Кати, а через некоторое время – на её отца. Немцы заняли Крым, бомбили Феодосию. Бомба попала в дом тёти Кати ранним утром, когда все спали. Стены дома рухнули, и всех завалило обломками.

– Вон видите, одна стена уцелела, так и стоит с той стороны двора как печальное напоминание о моей трагедии. Я попросила не убирать её, и вот эту хибарку пристроили слева к старой стене, – тётя Катя показывала на полуразвалившуюся каменную стену во дворе.

...Когда сознание вернулось к ней, она смогла выбраться из-под обломков. Где мама и дети? Это была первая мысль, которая появилась у неё после того, как она очнулась. Она не знала, сколько времени находилась под завалом без сознания, но надеялась, что не очень долго. Теряя последние силы, стала разгребать обломки там, где находилась детская комната. Долго пришлось трудиться, но надежда откопать всех троих живыми придавала ей силы. Наконец она увидела детские ноги... Стала разгребать быстрее, отчаянно надеясь на чудо.

Чуда не произошло. И дети, и мама были мертвы. Тётя Катя снова потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что в городе немцы. Днём пряталась в руинах, а ночью чуть ли не ползком добиралась до небольшого городка Старый Крым, который находился рядом с Феодосией и в котором жила её сестра. Измученная, обессиленная, она приползла к дому сестры. Нареветившись, они отправились в обратный путь следующей ночью. Похоронили всех троих в одной могиле, которую сами выкопали прямо во дворе дома.

Тётя Катя временно жила у сестры, но свой уничтоженный дом и погибшую семью навещала часто. Могилка была всегда ухожена. Когда война окончилась, наняла рабочих, и ей построили вот этот домик.

— А мне большой дом и не нужен. Жила одна. А во дворе — моя семья... Я добила разрешение оставить могилку во дворе. Когда умру — уберут. Поставили памятник, так и живу рядом с

ними... А сама согнулась с тех пор, горб вырос, болезни мучают... Курить стала.

На другой день мы с тётей Катей пошли на могилку. Открыли калитку, сели на скамеечку и помолчали.

— Вот здесь мои Валечка с Вовочкой лежат... мамочка с ними, — произнесла она. Помолчав некоторое время, добавила: — И я скоро к ним приду...

На могилку я стала ходить почти каждый день. То принесу цветы, то приберу там, думая о том, как нелегко всё-таки тёте Кате жить одной на белом свете. А по вечерам мы втроём сидели на крыльце и говорили о жизни...

Прошёл месяц. Тётя Катя провожает нас до калитки. Я смотрю на неё и вспоминаю, как у этой самой калитки месяц назад я испугалась её вида, как приняла добрую тётю Катю за Бабу-ягу. Теперь же вижу в ней родного человека, симпатичного, мудрого, не сломленного горем. Милая, милая тётя Катя!..

— Олечка, пиши мне... Я буду ждать, — тётя Катя протянула мне листок с адресом, написанным крупным почерком. Мы переписывались. Через год приезжали в Феодосию, навещали её. Затем снова писали друг другу.

Однажды я открыла почтовый ящик и увидела письмо! «От неё!» — обрадовалась я. Обратный адрес: г. Феодосия... Но странно... почерк чужой. Лихорадочно распечатываю письмо, читаю: «Пишет вам знакомая тёти Кати. Помните, я молоко разносила? Тётя Катя умерла...»

**Анатолий
КОНДАУРОВ**

ВОЗВРАЩАЛИСЬ С ВОЙНЫ МУЖИКИ

Рассказ

– Мам, а мам! А когда наш папка придёт?
– Придёт, обязательно придёт. Вон к Зенковому пришёл, и к нам придёт.

И я, довольный, убежал играть в свои Зелёные Палестины.

Значит, вчера не зря я попугал Лёньку отцом.

Мы с пацанами только что раскурочили комбайн, и у меня в кармане было несколько тяжёлых стальных снарядов для рогатки. Стрелять из рогатки можно было и кусочками поршневых колец, и осколками кирпича, но шарики из подшипников считались лучшими.

Я увлёкся охотой на воробьёв и не заметил, как разбежались почему-то все мои сверстники. Только я прицелился в жида (так мы называли воробьёв), присевшего на дерновую крышу мастерской машинно-тракторной станции, как в этот момент внезапно появившийся Лёнька схватил за рогульку и дёрнул на себя. Я разжал пальцы, и шарик, зажатый в кожанке, впел в живот.

Пока он дико вопил и, обняв живот, сидел на корточках, я уже мчался прочь, к озеру. Со всего разбега я влетел в мелководье, сразу же увяз в иле и, упав и не выпуская из руки рогатку, отполз на четвереньках подальше, к камышам.

– У-у-у! – зло кричал прибежавший Лёнька. – Убью, утоплю, паразит!

63

Но в грязь он так и не полез, решив дожидаться меня на берегу. Но и я не собирался так просто сдаваться. Наконец он не выдержал и, закатав до колен штаны, полез в воду.

Дальше была глубина, и я, заткнув рогатку за пояс, со страху пригоршнями стал бросать в преследователя маслянисто-чёрный ил.

– Да я тебя, шкет! – продолжал он угрожать, защищаясь от летящей в него грязи и медленно приближаясь ко мне.

От отчаяния и безысходности я истерично, охрипшим голосом пропищал:

– Вот завтра папка мой с фронта придёт и примет к тебе меры!

Лёнька остановился. Его настолько поразили страшные слова о применении мер, что он отказался от погони и сказал:

– Ладно, шкет. Я тебя еще поймаю.

Он не спеша вылез из воды и, не оглядываясь, ушёл.

Я ещё выждал и, убедившись в безопасности, выбрался на берег.

– Толян, а я утку поймал! – услышал я крик.

Юрка Зенков, толкая перед собой тачку с деревянной кадушкой, спускался к озеру.

– Где, где она? – оживился я.

– А они – эти утки – летели и звик! Ударились в провода, и одна кувырком упала. Я схватил её и отцу отнёс.

КОНДАУРОВ Анатолий Алексеевич родился в начале Великой Отечественной войны в селе Чистоозерное Новосибирской области. Жил в Новосибирске, Средней Азии, Красноярском крае. Работал и учился. По профессии – юрист. Служил в органах внутренних дел: в уголовном розыске, начальником Пуровского и Тобольского ОВД Тюменской области, затем – адвокатура. Семнадцать лет был штатным охотником-промысловиком, живя в глухой тайге. Печатался в газетах, журналах «Охота и охотхозяйство», «Уральский следопыт», «Врата Сибири». Автор нескольких книг прозы, сборников стихов, трёх персональных фотовыставок. Живёт в Тобольске.

Мы залили в кадуюшку воду и бегом погнали тачку домой.

– А утка живая?

– Была вроде ещё тёплая, да папка ей голову прогрыз, аж потом пухом плевался. Мы сейчас из неё суп варим. А он, папка, вчерась мамку костылём побил, аж костыль сломался.

– Да я знаю, – тихо и невесело сказал я.

Зенковы – наши соседи. Переборка тонка, всё слышно.

Сначала Юркин отец долго играл на трофейной губной гармошке, потом всё надолго стихло, а как мне заснуть – слышались шум и крики. Наутро тётя Нюра, сгорбившись больше обычного, прятала лицо, кутая в платок, а Юркин отец, ворча, чинил костыль на нашем общем крыльце и, когда закончил ремонт, нудно, без умолку пиликал на гармошке.

У Юрки было целое богатство: отец дал ему полный кисет пулемётных гильз. Он говорил, что на войне отец был пулемётчиком, а ногу ему отрезали из-за мины, которая разорвалась рядом. От блестящих гильз ещё сильно пахло порохом, и мы научились свистеть в них – то паровозным гудком, то протяжной сиреной. А когда надоело – придумали стрелять ими из рогатки, заполнив пустоты глиной.

Месяцем раньше самым первым пришёл с войны дядя Егор, Моргунов. У него не было одной руки. Я сначала боялся смотреть на его лицо, потому что с одной стороны верхней губы много не хватало, и изо рта торчали зубы, как будто он собирался сразу укусить. А вместо глаза – ничего, только багровый шрам.

У Моргуновых детей не было. Когда-то они были, но умирали маленькими. Тётя Поля, жена Моргунова, работала на кирпичном заводе. Мы бегали туда за глиной, из которой лепили пушки и солдатиков. Глину нам давала тётя Поля, а другие почему-то ругались на нас, прогоняли и пугали глубокой ямой, в которой выжигался кирпич.

Когда принесли похоронку на Моргунова, в посёлке дружно ревели все бабы, а тётю Полю мы несколько дней не видели на работе.

Мишка Балагин, наш дружок, говорил, что слышал – тётя Поля хотела наложить на себя руки, но ей помешали. Она сильно исхудала и всё равно умерла в станционной больнице. А потом пришло письмо из госпиталя от Моргунова, и бабы опять ревели.

На второй день после возвращения дяди Егора Юрка Зенков нашёл меня в огороде. Я в одиночку играл в ящерицу: ползал между грядок и скусывал ягоды паслёна.

– Пошли! Там Моргунова в милицию забирают!

У дома фронтовика стояла телега с лошадьми. Мы заглянули в окно и оторопели: дядя Егор, весь в саже, сидел на груди кирпичей, держа в руке выдранную из печки плитку, и плакал. Его, как был – грязного, без рубахи – увезли на станцию два милиционера. Какое-то время мы бежали за телегой, но скоро отстали.

Моргунова в тюрьму не посадили, он вернулся на следующий день. Мы уже знали, что у него есть самая главная награда – геройская звезда.

Я притащил с кирпичника ведро глины, он одной рукой красиво сложил новую печь, и мы всё хорошо прибрали в квартире.

Крадучись, в потёмках я пришёл домой, надеясь, что мать уже спит.

– Ты где был? – спросила она, давая подзатыльник.

– С Мишкой Балагиным мы глину Моргунову носили. Ещё ходили на озеро за водой, – попытался я оправдаться.

67 – Не ври! Мишка твой – я видела – давно дома, а тебя черти за водой носят. За водой пойдёшь, не догонишь, не за водой – по воду ходить надобно, – поучительно и строго сказала мать.

Я съёжился, ожидая сурового наказания, но всё обошлось.

С Моргуновым я сдружился и иногда помогал ему по дому и перестал замечать его страшное увечье.

Дядя Егор заметил у меня рогатку за поясом. Он долго вертел её в руке, потом вдруг бросил в топку печи, оставив лишь кожанку. Она была не из кирзы, а из настоящей кожи.

– Откуда? – спросил Моргунов.

– С мамкинова ботика язычок срезал, – покраснев, признался я.

– Видела? – обеспокоился дядя Егор.

– Не знаю...

– Плохо, – подвёл итог фронтовик.

Черёмуховую рогульку для рогатки Моргунов потом принёс с работы. Чтобы зачистить кору, он дал мне большой нож-кинжал с красивыми, но незнакомыми буквами по центру клинка: «Alles für Deutschland».

– Аллес фюр дойтчланд, – прочитал для меня Моргунов.

Я не понял. И он, улыбнувшись остатком рта, пояснил: «Всё для Германии».

Для рогатки главное – резина. Красная – самая тянучая, но её негде было взять. А у Моргунова нашлась. Рогатка получилась отменная, таких ни у кого не было. Лёнька не зря охотился за ней.

Дядя Егор оказался очень добрым. А иногда даже смешным.

Собираясь на охоту за утками, он долго звал свою большую чёрную собаку.

– Узнай, Узнай!..

Собака давно сидела рядом, у ноги, но с другой стороны, где он не мог её видеть.

Потеряв всякую надежду, он, повернувшись, восклицал:

– Ах, ты здесь!

Мы, пацаны, хохотали, но он не обижался.

Как-то он дал нам по разу выстрелить из двустволки. У меня долго болели плечо и ухо, а у Юрки опухла вся щека.

Не знаю, попали ли мы в цель, зато фронтовик стрелял очень метко. Казалось, отсутствие руки ему вовсе не мешает.

Однажды он ловко сбил пролетающую вдаль сороку, и она упала в куст, застряв в ветвях. Мы поймали её ещё живую, она громко кричала и клевалась – и принесли её охотнику.

– Возьмите себе, – сказал он.

Сороку мы держали в овечьем загоне и кормили кузнечиками и лягушками. Она быстро поправилась и потом куда-то упрыгала.

Уже много после, когда началась весна, мы увидели, как сорока строила гнездо на том же кусте.

– Это точно наша, – сказал Мишка. – Вон у неё хвост куцей.

Юркин отец не охотился из-за ноги, а когда ему привезли протезную ногу, его стали приглашать на делёж добычи, потому что его уважали за то, что он работал бухгалтером.

Мужики раскладывали барсучье мясо на порции. Юркин отец отворачивался и ему завязывали глаза.

– Это кому? – спрашивал дядя Егор, показывая на очередную кучку. Зенков называл кого-либо из участников охоты, все почему-то шутили и смеялись, и никогда никто на него не обижался.

Стояла неимоверная жара. Для полива огородов все брали воду из озера. Бывший пуле-

мётчик приделал к двухколёсной тележке большую бочку, и мы с Юркой впряглись в оглобли и галопом, поднимая пыль, поскакали к озеру. Когда мы налили её доверху, то с трудом сдвинули с места. Мало того, впереди нас ждал подъём, где мы окончательно забуксовали. Я тянул тележку спереди, вцепившись в оглобли, и что есть силы упирался ногами, а Юрка толкал бочку сзади. От наших дёрганий меня мотало из стороны в сторону. Мы одолели горку, как вдруг позади послышался Лёнькин крик:

– Ах, вот ты мне и попался!

Я выпустил из рук взметнувшиеся вверх оглобли, бочка опрокинулась назад, и это оставило преследователя.

Путь к спасительному озеру был отрезан, и я вынужден был мчаться куда глаза глядят. Я выбежал на окраину, в поле – отсюда дорога уходила на станцию. Лёнька уже дышал мне в спину. Выхватив из-за пояса рогатку, я уже хотел было бросить её ему под ноги, но... остановился. Лёнька налетел на меня и чуть не сбил с ног.

– Ага! – закричал я. – Во-он мой папка идет!

И действительно, по дороге шёл мужчина в зелёной форме, с чемоданами и рюкзаком, приближаясь к нам. Забыв о Лёньке, я бросился назад в поселок, домой.

– Мама! Папка идёт! – заорал я, завидя мать в огороде. Она так и завалилась на грядку. Я испугался.

– Вставай! Вставай! – кричал я, боясь, что мы не успеем.

Мать наконец пришла в себя, мы подошли к изгороди – отсюда хорошо была видна дорога.

– Нет, сынок, – заплакала мать. – Это не твой папка... Это к Меркушиным.

Мы не любили Борьку Меркушина. Белый, рыхлый, круглолицый, он никогда не играл с нами и постоянно жевал. Мы всегда отбирали у него булочки и крендельки, посыпанные сахаром. Дед его служил в церкви, и от Борьки пахло ладаном.

На следующий день Мишка Балагин предложил нам пограбить Борьку, но я сказал, что к нему вернулся отец.

– Ну и что! – воинственно возразил Мишка. – Отберём у него жратву и убежим в лягу (ляга – это кочковатое болото за посёлком).

Борьку мы не нашли. Зато через щели в плетне увидели его отца – в галифе и нательной рубахе, росточка малого, чуть выше Лёньки. Он

затёсывал с трёх сторон концы длинных кольев и вбивал их в землю, огораживая новый участок. Мы так и не увидели, во что он ранен, и решили всё равно отлупить Борьку, если он не принесёт нам булочек. Мы осмелели, потому что нам показалось, что отец-коротышка нам не помеха.

В посёлке некоторые судачили, что Меркушин вовсе не воевал, а работал на военном складе, и что он привёз тюль и награбленные отрезки на платье.

Мы вскоре увидели тюлевые занавески в их окнах – единственные на весь посёлок. Другие же говорили, что Меркушин взаправду служил в артиллерии, от этого он плохо слышал. И на самом деле он всё время переспрашивал:

– А? Чево?

Над ним подшучивали и обзывали глухой тетерей, а он своё:

– А? Чево?

Время шло. Огороды уже чернели лысой землёй – картошку выкопали, только ободранные подсолнухи кривыми палками торчали повсюду, трепеща ещё пожелтевшими листьями-ушами...

А папки всё не было.

Я иногда выходил к дороге, стоял и ждал. До станции было километра три, оттуда тревожно доносился стук вагонных колёс. Дорога от нашего посёлка шла к станции вдоль берега озера, а потом терялась в высоких камышах, отвернув в сторону. Именно из-за поворота я ждал чуда.

– Ага, попался!

Лёнька обхватил меня сзади. Я несколько не испугался, даже не вздрогнул. Лёньку это озадачило, и он разжал руки.

– Отца ждёшь? – спросил он и посмотрел мне в глаза. – Тебе хорошо, а у меня никогда отца не было. Дашь из рогатки стрельнуть?

Я протянул ему своё сокровище, Лёнька шмякнул вдоль дороги пулемётной гильзой, и она попрыгала блинчиками, весело взбивая пыль.

– Здоровская праща! – похвалил он и вернул рогатку. – Дашь мне гильзов?

– Ладно, – согласился я. – У меня есть штук десять, я их на чердаке спрятал.

Мы ещё подождали вместе, но дорога была пуста. Пошёл дождь, за его серой стеной скрылся и дорожный поворот.

– Не плачь, – сказал Лёнька, услышав тихие всхлипывания. – Надо сильно-сильно захотеть, и тогда сбудется. Я раз сильно захотел жвачки, и в этот день приехал дядька, который принимает тряпье и кости, а у него этого добра завалилось. Ладно, не надо мне гильзов, стреляй сам.

Мы вернулись в посёлок друзьями.

– Если кто-то будет отбирать у тебя рогатку, ты скажи мне! Я тому сразу кровянку пушу, – сказал при расставании Лёнька.

– Мам, а мам! А папка когда-нибудь придёт? – с порога спросил я и оцепенел: мать держала в руках свой новый ботинок без язычка.

– Ты вот что: отнеси туфлю на ремонт Моргунову, это он сам попросил...

– Мам, а папка? – осмелел я.

– Придёт, сынок, придёт, – не глядя мне в глаза, ответила мать.

Я не знал, что похоронка на отца, свёрнутая в трубочку, давно уже лежала на божничке.

**Ольга
ОЖГИБЕСОВА**

ВОЗНЕСЕНЬЕВ ДЕНЬ

*Старики говорят, что в 1941 году
праздник Вознесения
пришёлся на 22 июня...*

*Не потревожив сонных деревень –
Пускай ещё подремлют лишний час –
Сходил на землю Вознесеньев день,
И не сказать, в какой по счёту раз.*

*Поставив точку на земной судьбе,
Навек свободный от терновых уз,
Шёл по дорогам, от избы к избе,
Прощаясь с миром спящим, Иисус.*

*Вот запюют спросонья петухи –
И станет облаком земная плоть...
И, отпустив последние грехи,
Врата откроет перед ним Господь.*

*А в деревнях начнётся суета...
Великий праздник – значит, пир горой!
Ну как не выпить рюмку за Христа,
За царство вечной жизни неземной...*

*Так нас учили деды и отцы.
И мы покуда с верою в ладу...
Но, словно птицы чёрные, гонцы,
Загнав коней, пророчили беду.*

*Вдруг оборвав трёхрядки перелив,
Мир погрузился разом в тишину...
И, жён обняв, детей перекрестив,
Ушли мужья... кормильцы... на войну.*

*Живым – живое... К праху – только прах.
В нас и сегодня эта боль кричит...
Так поцелуй прощальный на губах
От вдовьих слёз по-прежнему горчит.*

*Я – атеист. Не верю в чудеса
(И в том своей не чувствую вины).
Но всё-таки ушли на небеса,
Сдаётся мне, солдаты той войны.*

*Какой бы с нами ни было беды,
Но дух от века побеждает плоть...
Они ушли в те райские сады,
Что в Вознесеньев день открыл Господь.*

*Лётчик-внук прислал фуражку деду...
Тот подарку, как мальчишка, рад.
И обнову в светлый День Победы
Он надел на праздничный парад.*

И хотя пехотным лейтенантом
Он закончил прошлую войну,
Но фуражка внука с синим кантом
Украшала деда седину.

Шёл старик в строю, хромал неловко –
Зацепила пуля под Москвой.
И клюку, как верную винтовку,
Он сжимал вспотевшею рукой.

Шёл и плакал – видно, сдали нервы...
И на миг вернулись в память вдруг
Первая атака в сорок первом,
В том бою погибший лучший друг...

Дождь по крышам отстучал стаккато,
Прело пахла майская земля...
Шёл старик, как будто в сорок пятом
По брусчатке древнего Кремля...

Вечером, устав, как после боя,
Вспомнил всех: и мёртвых, и живых,
Сняв фуражку внука, выпил стоя
Сто заветных граммов фронтовых.

* * *

Отца убили под Москвой...
Мы не успели познакомиться.
Но каждый вечер у околицы
Я ждал его с войны домой.

Мать говорила: «Он придёт!» –
И похоронке злой не верила.
Ей для любви всего лишь год
Война безжалостно отмерила...

Мать говорила: «Он придёт!»,
Целуя мой затылок стриженный.
Мне в детских снах казалось: вижу я –
Отец стучится у ворот.

Не разобрать впотьмах лица,
Но мать к нему – крылатой птицею...
Знать, обручальных два кольца
Не зря хранила за божницею.

И по ночам тайком не зря
Крестилась на иконы истово –
Молила божьего царя
Сберечь любимого от выстрелов,

Спасти из адского огня,
Из моря вывести, из топи ли –
Не для себя, а для меня,
Его белоголовой копии...

Но детский сон не сбылся мой,
Нет матери и нет околицы...
Отца убили под Москвой –
Мы не успели познакомиться.

СТАРИК

Он коротает век с котом –
Давно старуха на погосте.
И дети редко, словно гости,
К отцу заглядывают в дом.

Пьёт по утрам несладкий чай,
Хотя достаток – слава Богу!
Но в эти годы надо ль много?
Здоровью бы не подкачать.

68

Он хорохорится порой:
Мол, девяносто лет – не старый.
Жаль, подходящей нету пары,
А так – вполне ещё герой!

Мол, фору дать могу ещё,
Когда не хворый и тверёзый...
И на седой щетине щёк
Темнеют старческие слёзы.

Он, как ребёнок, видит сны,
В них – мама, сёстры, солнце, лето...
На деда смотрит со стены
Солдат молоденький с портрета.

В его глазах – такая даль...
В них – вечный свет святого года...
Хранится в ящике комода
Со снимка старого медаль.

**Владислав
КОРНИЛОВ**

ЖИЗНИ СЛАЙДЫ СКОРОТЕЧНЫЕ

ДРЕССИРОВЩИК

Написано на основе реальных событий... За годы Великой Отечественной войны собаки-камикадзе ценой своей жизни уничтожили более трёхсот танков противника...

Его призвали в первый день войны
Со всеми подопечными из взвода,
Он их дрессировал уже полгода
Для пограничных войск родной страны.

И тут война... Он получил приказ:
«Переучить собак, и месяц сроку!
От сыщиков сейчас не много проку,
Готовь бойцов! Бойцы нужны сейчас!»

Он их готовил для борьбы с врагом:
В бою бросаться с минами под танки.
Привязывал им на спину болванки,
Подкармливая после сахарком...

Они виляли преданно хвостом,
Когда он гладил их рукой по холке
И говорил им в шутку: «Вы же волки!
А нежности телячьи на потом!»

...Они погибли в первом же бою,
Хозяину так беззаветно веря!

(Невелика, казалось бы, потеря:
Ну, отдали собаки жизнь свою.)

Атака захлебнулась, кончен бой:
Дымятся восемь «тигров» у окопа,
Приехал штаб (с командующим) скопом,
Увидеть лично, что там за герой.

Он перед ними даже не привстал,
Сжав голову дрожащими руками.
И в блиндаже подсумок с поводками
Его питомцам памятником стал...

...Он выл, как волк на полную Луну,
И ничего не ел вторые сутки,
Скрипел зубами с выраженьем жутким,
Ночную нарушая тишину...

Его решили «сплавить» в медсанбат, –
Душевная не заживала рана.
Обняв его, как брата, утром рано,
«Спасибо!» – прошептал ему комбат.

...Потом, когда закончилась война,
Он долго жил один в лесной избушке,
Вытачивая детские игрушки –
Собачек из кедрового бревна...

69

КОРНИЛОВ Владислав Владиславович родился в Тюмени 22 июля 1965 года. Детство провёл в Салехарде. Окончил Тюменский индустриальный институт, в котором в дальнейшем пять лет преподавал и вёл научную работу. Освоил множество профессий и ремёсел: кузнеца, токаря, слесаря, шорника, резчика по дереву, мебельщика-краснодеревщика, строителя и т. д. Автор поэтических сборников «Песочные часы» и «Параллельные миры». В 2013 году выпустил аудиоальбом «В параллельных мирах», а также аудиосказку для слепых и слабовидящих детей «Приключения капельки». Печатался в коллективных сборниках, литературных журналах и газетах Тюмени. Член Союза писателей России.

БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТКА

От полка остался только взвод –
 Танки «проутюжили» умело...
 Над высоткой огненный восход
 Занимался медленно, несмело...
 Отступили мы в ближайший лес,
 От досады слёзы не скрывая,
 И на «мессершмитта» чёрный крест
 Мы смотрели в небо – проклиная!!!
 Прохрипел израненный комбат:
 «В плен живыми фрицам не сдаваться!»
 Мы в котле – дороги нет назад,
 Будем к той высотке прорываться!»
 Мы поднялись с криками «ура!!!»
 И пошли на танки в штыковую...
 ...А теперь ночами до утра
 Я высотку ту во сне штурмую...

ПОЛНОЧЬ

Двенадцать раз прокуковала
 и, хлопнув дверцей напослед,
 в свой «домик» спряталась устало
 кукушка – редкий домосед.

Шинкуя вечность на мгновенья,
 на кухне ходики стучат,
 и маятник играет с тенью,
 и новый день уже почат.

Ползут по циферблату стрелки,
 томятся шишки на цепях.
 Клубком свернувшись у тарелки,
 сопит лохматый пёс в сенях.

Гляжу в окно поверх рябинок,
 а за окном белым-бело,
 летят скелетики снежинок,
 врезаясь в стылое стекло.

А на столе листочек в клетку
 (на нём две строчки слов-стежков),
 остывший кофе на салфетке
 и грудка клетчатых «снежков».

ПАМЯТЬ

Бросил камень в омут памяти –
 И пошли, пошли круги...
 Смотрит в дымку снежной замяти
 Прадед мой из-под руки...

Дед с сигаркой на завалинке
 Гладит рыжего кота,
 Несмотря на лето, в валенках –
 Кровь давно уже не та...

За столом сидят родители,
 Чугунок пыхтит в печи,
 И встречают победителя
 Шаньги, сайки, калачи...

Жизни слайды скоротечные
 По вагонному окну...
 И гудок тревожный встречного
 Разрывает тишину...

ТАЁЖНАЯ ЗАИМКА

Стоит заимка среди тайги дремучей –
 Из лиственницы срубленный приют,
 В распадке притулившись, рядом с кручей.
 Сермяжный, доморощенный уют:

Порог, отполированный веками,
 Убогое оконце на восток,
 Рога оленя да иконка в раме,
 Прибитая под самый потолок,

Топчан и стол, кормилица-буржуйка,
 Стоящая на валунах в углу...
 Из чайника бьёт в стену пара струйка,
 Вытапливая из сучка смолу...

...Смола течёт янтарною слезинкой
 Из глаз столетий по щеке бревна...
 На фотоснимке, пригвождённом финкой,
 Любимая,
 но бывшая...
 Она...

Любовь
АНОХИНА

КАК БУДТО НЕТ ВОЙНЫ

* * *

Я не знаю дедовой могилы.
На неё не принесу цветы.
Никогда мне даже с Божьей силой
Не заполнить этой пустоты.
Не нашли его по старым спискам –
Затерялся дед среди войны.
Может, он под старымobeliskом,
Где не все фамилии видны.
Никогда не быть ему усталым,
Немощным, ворчливым и седым.
На военном снимке обветшалом
Дед навек остался молодым.
И сегодня, празднуя Победу,
В день, когда от яблонь всё в дыму,
Подарю букет чужому деду,
Благодарно поклонюсь ему.
Может, внук его сейчас не близко.
И от всей душевной доброты,
Может, он стоит уobeliska –
Деду моему принёс цветы.

СОН О ВОЙНЕ

1

Не знала войны я, не знала войны.
Но снятся порою военные сны.
Как будто рисует, склонясь над листком,
Войну рисовальщик пастельным мелком.
Корпит рисовальщик и в страшной картине
Рисует бойца – подорвался на mine.

Я кровь промокаю последним бинтом
И воздух ловлю перекошенным ртом.
На мне санитарная сумка надета.
Пилотка в крови. Но страшнее не это –
Как он хладнокровно рисует потом
Моё отражение во взгляде пустом.
Отходит солдатик, покорен и тих.
И муки его я делю на двоих.

77

2

Устал рисовальщик. Крошится мелок.
Сгоревшей берёзки рисует ствол.
Рисует прощание на полустанке.
Тесёмки в руке от солдатской ушанки.
И мне мой мальчишка с безусым лицом
Клянётся в любви перед страшным концом.
Рисует потом, как идёт под уклон
Везущий его на войну эшелон.
Легко и свободно рисунок ложится,
И проще простого в нём жизни лишиться.
Мелками играя, в бою роковом
Сотрёт он однажды меня рукавом.
Войны я не знала... Не знала войны?
Откуда тогда эти страшные сны?

* * *

Лежит письмо с войны на кухонной скатёрке –
Листочек обветшал, слова едва видны.
В нём девочка одна в линялой гимнастёрке
Писала о весне, как будто нет войны:

АНОХИНА Любовь Алексеевна родилась в большом старинном селе Первомайское, когда-то – Пышкино-Троицкое, на юге Томской области. После окончания Томского педагогического института учила ребят математике в родной школе. В начале девяностых с семьёй переехала в Тюменскую область, а затем – в Тюмень. Публиковалась в районной и студенческой газетах Томской области, в альманахе «Врата Сибири», коллективных сборниках.

*«На фронте тишина. Зачехлены орудия.
А мы оглохли все от этой тишины.
Играет ручеёк весеннюю прелюдию,
И вишня расцвела, как будто нет войны.*

*Паду ничком в траву. Как облако, растаю.
А ветры надо мной игривы и вольны.
Почувствовав крыло, я с ними улетаю,
Как будто нет войны. Как будто нет войны.*

*И смерти вовсе нет. На солнечном пригорке
Лежу в густой траве, цветные вижу сны.
В кирзовых сапогах, в линялой гимнастёрке
Мечтаю о любви, как будто нет войны...»*

*Десятки лет прошли. На кухонной скатёрке
Листок передо мной, слова едва видны.
А девочка с войны в линялой гимнастёрке
Осталась навсегда в окопах той весны.*

* * *

*Входя на мамино крыльцо,
Тревожно скрипну в сенцах дверью.
Спешу, не скинув пальтецо,
Предвидя скорую потерю,*

*В родной старинный отчий дом,
Где пол покрыт половиками,
Где в детстве, солнцем залитом,
Привычно пахло пирогами.*

*Здесь стол, и лампа, и сундук.
В нём стопка старых книг хранится.
Коснусь губами тёплых рук,
Привыкших добротой делиться.*

*Не волосы – хрустальный дым.
Сухой травинки исхудалость.
Нам не понятна, молодым,
Её декабрьская усталость.*

*Скатилась мамина слеза,
Как с пожелтевшего портретца...
Гляжу, гляжу в её глаза,
Чтобы навеки наглядеться.*

* * *

*Среди кедровых рощ, чья ширь необозрима,
Кокетливых рябин и плачущих берёз
Четыре сотни лет на берегу Чулыма
Живёт моё село, любимое до слёз.*

*Снесли родимый дом – не скрипнут половицы.
Нет Жульки во дворе и елей у ворот.
Но тот же над рекой закат румянолицый.
А в огородах – дел опять невоворот.*

*И тополь под горой, как женоненавистник,
Стоит себе один, брюзжит на мелюзгу.
На пастбище ковром цветёт тысячелистник,
И вжикает коса всё так же на лугу.*

*Шагаю по селу, досаду ублажая.
Колёсиками вслед гремит мой чемодан.
Бурчу себе под нос: «Неужто я чужая?
И мой приезд сюда негадан и незван?»*

72 *А мне б поговорить! А мне б остановиться!
Но жаль, не отыскать знакомого лица.
А в роще – за селом – кругом родные лица,
Да только среди них – ни одного жильца.*

*Растаяло, как дым... Ничто не повторится.
Но будет дальше жить старинное село!
– Ты чувствуешь меня, родимая земля?
– Да, чувствую...
И вдруг – от сердца отлегло...*

**Сергей
КОЗЛОВ**

ТО НЕ ВЕЧЕР

Рассказ

Марево стояло над степью – зной, пропитанный гарью. И даже когда июльский день перевалил далеко за вторую свою половину, и даже когда небо смешалось с чадящими дымами и комями развороченной взрывами земли, свежее не стало. Ярко-оранжевый глаз солнца пробивался сквозь всё и вся и палил, словно хотел сжечь то, что и без того горело. А ведь где-то за спиной тихий и прохладный Дон...

Старший политрук Пустельга собирался с мыслями. Не так много у него было времени до следующей и последней, как он понимал, вражеской атаки. Вот-вот начнут утюжить с диким воем «юнкеры» – певуны-лаптежники, потом миномёты, а потом поползут на остатки полка танки и пехота. И их будет много, а в окопах у него по последней перекличке сорок человек, да на них два командира – он да взводный лейтенант Белозёрцев на правом фланге. И два противотанковых ружья по семь патронов на каждое... И приказ – стоять насмерть. Сколько таких приказов за последний год получил Пустельга, он даже не считал. Но выполнил все. Выполнит и этот. Пусть и последний...

Там за спиной Дон, Сталинград, нефть... Но надо что-то сказать бойцам. И душой политрук чувствует, и глазами видит: никакого тебе марксизма, никаких партийных выкладок, ничего о светлом будущем... Ничего, что он привык говорить.

И даже не знает, с чего начать. И пришло в голову то единственно верное, то единокроевое, ещё суворовское, и крикнулось:

– Братцы!!!

И десятки усталых, закопчённых лиц повернулись к старшему политруку Пустельге. Не было в их глазах восторга, не было веры и надежды, но была смертельная решимость. И врать им не имело смысла...

– Сейчас они снова пойдут!.. – баритон Пустельги летел вдоль окопа. – И... Наверное... Да почти точно – мы все тут поляжем, но отходить нельзя. Там, – он махнул рукой в сторону Дона, – ещё не готова линия обороны, где их точно остановят. Там – точно. Но нам надо остановить их здесь. Так уж сошлось!.. Победа ведь откуда берётся? Она от того, что кто-то где-то встанет насмерть и не отступит, невзирая ни на что! Да что я вам говорю, вы и сами всё знаете. Предки наши костями ложились, а сегодня наша очередь, – политрук сбавил и уже тише сказал: – Если кому-то совсем невмоготу, могу отправить в тыл с сообщением, последним сообщением... Одного... – он с надеждой посмотрел на самого младшего в строю – тщедушного и малорослого рядового Бориса Соловьёва, которому и восемнадцати ещё не было.

Но Соловьёв только осмотрелся по сторонам: на кого смотрит политрук? Ну не на него же!

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился 28 мая 1966 года в Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного университета. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, директором средней школы, преподаёт на кафедре журналистики Югорского государственного университета. С 2008 года – главный редактор окружной общественно-политической газеты «Новости Югры». Почётный работник общего образования РФ. Лауреат журнала «Наш современник» (2006). Член Союза писателей России. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

Не понял боец... Или не захотел понять. Только теснее прижался к старшине Рябову, суровому дядьке, который и Халхин-Гол прошёл, и финскую. И пользовался в полку непререкаемым авторитетом, а также был специалистом по выживанию в любых условиях. Чуть поодаль сидели татарин Газитуллин и узбек Абдураимов. Всегда спокойные и выдержанные. На весь окоп, кроме самого политрука, осталось только два коммуниста – Иванов и Петров. Заводчане с Урала. Эти – не подведут. Ах, да... лейтенант Белозёрцев просил принять его в партию... Где он там? Не видно...

– Может, кто-то хочет тоже сказать? – обратился политрук к тем, чьих глаз не видел. – Есть у кого?

– Есть, – пробасил совсем рядом Рябов. – Ты прости, товарищ старший политрук, но я вот что считаю... Братцы, кто помнит, подхватывай!

И вдруг Рябов басом своим, который в этот момент показался Пустельге целым церковным хором, нараспев заговорил молитву.

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшего нам Тебе, Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девоею Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь!

– Аминь! – прям-таки грянуло в ответ со всех сторон.

Знал политрук, что Рябов из семьи священников, но не думал, что это в нём так глубоко, перечить же не посмел. Рябов, если было надо, поднимался в атаку вместе с ним в числе первых «за Родину», «за Сталина» и, что называется, под руководством партии большевиков. Да и увидел, что крестились во время молитвы почти все... Да все, пожалуй, за исключением коммунистов Иванова и Петрова, а также Гизатуллина и Абдураимова, имеющих, скорее всего, отношение к другой конфессии. Но и те уважительно стянули с голов каски.

Да ежели б к житью, то и сам политрук перекрестился бы обеими руками! Помоги, Господи...

«Певуны» что-то задерживались. Не пунктуально. Не по-немецки. Видать, и у них бывает. И нельзя было допускать давящей тишины, порождающей одиночество, а в нём-то и прячется смертельная тоска. Уж если помирать, так с музыкой! С музыкой?

– Братцы! А ну-ка давайте встретим врага песней! Как деды и прадеды наши встречали! – И запел первое, что и полагалось, по мнению политрука:

– Это есть наш последний и решительный бой...

Вроде как и к месту, да вот не подхватил никто. Более того, смотрели на Пустельгу с пониманием, но и с той печальной смертной тоской, замешанной на отчаянной решимости, с какой умеют смотреть только русские воины, у которых за спиной одна шестая часть света, а отступать всё равно некуда.

Пустельга смутился, стих, опустил голову на колени, потому как встать в окопе он не мог. Сёк по верхам снайпер. Вот и фуражку его насквозь продырявил.

Старший политрук посмотрел на дырку в этой фуражке, смял её в сердцах, замахнул рукой, дабы откинуть чёрный чуб со лба, да вспомнил, что острижен коротко, рука так и замерла у лица... Зато вспомнилось, зато само из сердца полилось, и Пустельга затянул... И баритон его разлился над дымящей степью под самый круг закатного солнца, откуда должен был прийти враг.

– Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...

На втором «мне малым-мало спалось» песню подхватил Рябов, а сверху неуверенно, но точно лёг тенор Борьки Соловьёва. А на повтор пели уже все, пели так, как ни один казачий хор в жизни не пел! И Гизатуллин и Абдураимов пели, хоть и без слов, на «а-а-а», вливая в общий строй переливы и коленца восточных нот, но пели. А вот Пустельга вдруг от такого воодушевления голос чуть не потерял, потому как слёзы подступили к глазам и комок в горле никак не проглатывался. Ему вдруг захотелось обнять каждого бойца, всех, пока они ещё живые.

Не знал Пустельга историю той народной песни, что ещё до немецкой пули так больно выстрелила в его сердце. Не знал, что она про Стеньку Разина, про сон атаманский вещий, и уж точно не

знал старший политрук, отчего так на Руси православною, что теперь уже и на советской отзывается она в душах народных замахом лихим казачьей сабли и в ту же пору той самой тоской смертной, от которой и не уйти никуда, не ускакать по степям бескрайним, не уплыть по рекам великим, не зарыться в снега сибирские белые... Не знал старший политрук Пустельга, но, как и весь народ, чувствовал. И не надо было ему этого тревожного, щемящего чувства объяснять. Вот упало оно скупой слезой на дно окопа, а душа уже рванулась вслед за хором новым куплетом:

– Ой, налетели ветры злые
Со восточной стороны.
И сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

Налетели и «шарманщики-юнкеры» как раз к этому куплету. Да уже не могли «ревуны» смутить или перекрыть сиренами своими солдатскую песню. От души бомбили, смешивая степную землю с солдатской плотью, всё дрожало вокруг, даже солнце в небе, но песня звучала. И по тому, как уменьшался строй голосов, мог бы определить политрук потери, но не суждено ему было. Когда пошли танки, а следом засеменила пехота, высунулся Пустельга с биноклем, но второй раз немецкий снайпер не промахнулся...

Снайпер не промахнулся, а песня продолжала звучать. В песню снайпер попасть не мог.

– А есаул догадливе был –
Он сумел сон мой разгадать.
«Ох, пропадёт, – он говорил, –
Твоя буйна голова».

И с какой оттяжкой, с каким надрывом тянулось навстречу врагу «Ох, пропадёт, – он говорит и-и-л...» И пропадали головы одна за другой. Пока ещё звучал бас Рябова, перебывал его командами противотанковым расчётам лейтенант Белозёрцев, и уже не пел-тянул, а просто кричал «а-а-а-а» навстречу врагу Гизатуллин, один из оставшихся в живых мусульман...

И душа старшего политрука Пустельги, отлетая в небо, трепетала вместе с голосами, трепетала, как птица в полёте, от которой досталась ему фамилия, но уже видела в зареве заката далёкую Победу. Да и могло ли быть иначе, если отозвалось вдруг последней надеждой рябовское «да воскреснет Бог!»...

Бой. Сколько он длится? Никто не знает. Это где-то у карты генерал может измерять время: когда и кому вступить в этот бой, а для тех, кто находится в самой его гуще, в самой мясорубке, время идёт по-другому. Вот уж где оно точно сливается с пространством, вот уж где не работают никакие законы физики, и время то замирает, то несётся перебежками, как боец, то тянется, как длинная нота «ревуна», зашедшего над твоей головой в пике... Не измерить в бою времени. Если и измеряется оно чем, так это ударами сердца. Да и то неровно. И состоит такое время из мгновений длиною полёта пули. Мгновениями, которые кончаются то точками, то многоточиями пулемётных очередей, то паузами после взрывов. Но движение у них не линейное, а хаотичное, и никакое замедленное кино не сможет полностью расшифровать картину боя, потому как сжавшееся перед опасностью сердце не всегда отмерит следующий собственный удар. И вжавшийся в землю боец ещё не знает, суждено ли ему поднять голову, но за это мгновение он переживает и передумывает столько, что потом не может и вспомнить. Если выживет. Помнятся только рывки тела и души, почти автоматические, машинальные, заученные, иногда спасительные, иногда отчаянные... потому что отступать уже некуда, и в твоей груди разрывается точка твоего последнего мгновения. Во всяком случае, здесь. И нет плавной картины, всё рывками, вспышками... Наверное, боевая выучка – штука нужная, но тем, кто пережил бой последний, кажется, что победила отнюдь не она, а неизбежное отчаяние, принимаемое как вера в свою правоту, отчаяние, которое со стороны называют отвагой. И как правильнее сказать: «отчаянный» или «отважный»? Не скажет, пожалуй, никто. А неизбежное отчаяние сродни душевной песне.

А песня стихла... И бой стих.

Борька Соловьёв осмотрелся сквозь слёзы.

Никого. Это был не первый его бой, и этот не стал для него последним. Он привык видеть искореженные, изорванные взрывами тела, искажённые смертной болью лица. Но сейчас его товарищи словно уснули. Умерли, как пели. Вон Гизатуллин за пулемётом максим просто уткнулся, задремал. Вон серьёзный и вечно поучающий Петров просто присел на дно окопа отдохнуть... Вон старшина Рябов... Живой! Дышит! Плечо в крови, но живой!

– Товарищ старшина! – бросился к нему Борька.

– Тише, сынок, тише. Видишь, товарищи наши спят. Не буди... – из глаз Рябова тоже текли слёзы. По глубоким, забитым степной землёй морщинам. А седые волосы стали стальными. Отчего так? Серые глаза старшины смотрели куда-то далеко-далеко... И не поймёшь: то ли в прошлое, то ли в будущее, то ли совсем в другой мир. Смотрели и беззвучно плакали.

– Я вас перевяжу... – Борька помог ему сесть, опереться на неровную стенку окопного рва. Свои слёзы он уже размазал по лицу, ему уже было легче, он не один. Нащупал индивидуальный пакет, приложил к ране старшины.

– Есть ещё кто? Пробеги вдоль, глянь. Только пригнись, снайпер-то не спит... – прошептал старшина. – Так хорошо пели. В жизни так не пел, как перед смертью. Господи, прости... Ну иди же...

Борька ринулся вдоль окопа. Ринулся в командирский блиндаж, где до боя лежали тяжело раненные, но блиндажа не было. Прямое попадание авиабомбы. Только брёвна торчали во все стороны. И кругом мёртвые товарищи, как остановленные мгновения. Противотанковый расчёт... В обнимку... Лейтенант Белозёрцев сам у второго разбитого взрывом пулемёта... Рот открыт... Зачем? Он поёт! Он поёт, вдруг понял Борька и снова заплакал, не заплакал, зарыдал даже, вдруг закричал, запричитал. Нет, он не бился в истерике, не взывал к небу, никого не проклинал, просто сердце его переполнилось непрожитыми жизнями тех, кто ещё минуту назад прикрывал его собой как самого молодого. Переполнилось и пролилось.

С трудом ему удалось успокоиться. Он вернулся к старшине. Тот всё понял по его глазам.

– Вдвоём, значит. Больше-то не удержим... всё... – подытожил старшина.

– Так наши-то что... не придут? – удивился своему вопросу рядовой Соловьёв.

Старшина не ответил. Он молча смотрел на небо.

– Ты вот что, сынок, помоги мне встать... – попросил Рябов.

– Так снайпер же?

– Помоги, Бориска. Надо.

Борька перечить не стал. Помог старшему товарищу подняться. Тот осмотрелся, шатаясь.

– Мне бы там встать, – старшина кивнул на бруствер.

– Зачем?..

– Ты прости меня, сынок. Не уберёг я тебя. И уже не уберегу. Они всё равно попрут. Перегруппируются и попрут. Они знают, что нас уже нет. А я вот посмотрел, патронов-то тоже нет... Так чего нам остаётся?

– Чего, товарищ старшина? Молиться?

– Пусть они, гады, молятся, – посмотрел в сторону врага Рябов, – а мы петь будем. Как нам политрук завещал. Понял?

– Понял...

– Сколько сможем, петь будем. Ещё не вечер... – с победной угрозой Рябов смотрел туда, откуда целилась смерть.

Они стояли на бруствере окопа и пели... Маленький рядовой Соловьёв подпирал собой качающуюся глыбу старшины Рябова. Они пели...

*– Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...*

Снайпер Гельмут Кунц разглядывал последних двух русских в прицел. И не стрелял. Эти двое снова пели, как совсем недавно пели остатки их подразделения. К нему подполз лейтенант Хоффман.

– Почему ты не стреляешь, Гельмут?

– Они без оружия. Я не убиваю безоружных и сумасшедших.

– Что они горланят? Какой-нибудь большевистский гимн?

– Нет. Совсем нет.

– Ты думаешь, кроме этих, никого не осталось?

– Уверен.

Хоффман хотел было уползти, дать команду к зачистке, но что-то его остановило.

– Знаешь, Гельмут... – он замер.

– Что, Генрих?

– В Европе я такого не видел...

– Я тоже...

– Эти варвары... они такие стойкие.

– Я не понимаю, о чём они поют, Генрих, но мне кажется, у варваров не может быть таких песен. Да и умирают, словно римские legionеры или гладиаторы.

– Да они слов таких не знают!

– Может, и не знают, но только умирать с честью умеют.

– Ты не будешь стрелять?

– Нет. Зачем? Старому осталось жить всего ничего.

– Думаешь, они не будут сдаваться?
– Уверен. Можешь выстрелить по ним из гаубицы...

11 мая 1945 года старшину Соловьёва всё-таки отпустили к Рейхстагу, которого он ещё не видел. Повезло же кому-то штурмовать центр, знамёна поднимать. Поджарый, небольшого роста Соловьёв браво вышагивал среди руин, козыряя старшим по званию, позвякивая орденами и медалями на груди. В руке у него была банка с краской и кисть, в голове – пожелания от всего полка. В сущности, пожелания сводились к тому, чтобы найти на стенах свободное место для названия части, проделавшей путь от Сталинграда до Берлина. И так и написать: пришли, мол, от самого Сталинграда. Так старшина и написал, взобравшись на позаимствованную у артиллеристов стремянку. Таких «писателей» вокруг оказалось много.

– Думаешь, сохранится? – спросил, кивая на краску, танкист-сержант, что царапал по камню отвёрткой свою фамилию.

– Так это их краска. Надёжная, – Соловьёв прикусил губу. Он как раз старательно выводил букву «с» и раздумывал, что сначала написать –

«старшина» или «Соловьёв». И город родной указать или нет. Но тут вдруг услышал где-то совсем недалеко гармонию. Группа бойцов вдруг затянула совсем не победную, но такую родную «Ой, то не вечер»... Старшина Соловьёв уперся лбом в стену Рейхстага, на глазах выступили слёзы. Все вдруг замерли, перестали увековечивать себя и своих товарищей, кто-то начал подпевать. И пока бойцы пели, старшина Соловьёв стоял так и слышал совсем другие голоса. Он отвык стесняться слёз, но сейчас не хотел, чтобы кто-то его видел в таком состоянии. Песня в этот день звучала совсем по-другому... Для них, для тех, кто остался жить.

Скрипнув зубами, Борис Соловьёв, приписал слева от буквы «с» буквы «п» и «у», а с другой стороны – «тельга», потом подумал и добавил: «старшина Рябов. 1942 г. Сталинград».

Спустился со стремянки, внимательно осмотрел своё творчество. Ему пора было идти, было ещё много дел. Мирных дел. Ещё не вечер, в конце концов... Сегодня ему ещё предстояло накормить кашей и хлебом Эльзу Кунц, жену снайпера Гельмута Кунца, и двух их детей. Но об этом старшина Соловьёв пока ничего не знал...

Дмитрий МУРЗИН

СУДАРЬ-СУДАРЬ, ЧТО БОЛИТ?..

Слушай, сударыня, у сударя всё болит:
Сердце, душа, печень и поясница.
Нет, сударь не хочет опохмелиться.
Раз уж налит рассол – то пускай стоит.

Слушай, сударыня, у сударя бледный вид,
Сударю самое время поехать в Ниццу,
Чтобы припасть, и слиться, и раствориться...
И – папаверина гидрохлорид,

Магний В6, аспирин и немного но-шпы,
У сударя всё болит, но сударь не ропщет
На то, что зимы в Сибири слишком длинны.
Вылечить сударя просто, чего же проще,
Можно берёзовым соком весенней рощи,
И Ницца, как вариант, дожждаться весны.

ПАЛЬЦЫ БЛОГЕРА

Ваши пальцы пахнут...
А. Вертинский

Пальцы пахнут никотином,
Мышкою, клавиатурой,
Пальцы пахнут Украиной,
Кровью, гарью, миной-дурой.

Пальцы пахнут Волновахой,
Славянском, Донецком, Счастьем,
Пеплом, Горловкой, и прахом,
И расстрелянной медчастью.

Сиротой, убитым сыном
Да непризнанной виною.
Пальцы пахнут мертвечиной,
Мертвечиной и войною.

Мне не дано такие видеть сны,
Которые весна нам обещала,
Покуда солнце грело вполнекала,
Покуда ещё не было весны.

Ни счастья, ни обиды, ни вины,
А только лёгкий привкус люминала.
Пластинка начинается сначала:
Мне не дано такие видеть сны.

И хочется назад, в мороз, в метель...
Я доигрался. Больше не играю.
Срывается душа, как дверь с петель.

Умею же дойти почти до края
И засыпать, как в смерть, в дурной апрель.
Пусть просыпаясь. Но не оживая.

МУРЗИН Дмитрий Владимирович родился в Кемерове 28 апреля 1971 года. Окончил математический факультет Кемеровского госуниверситета и Литературный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Дети Ра», «День и ночь», «Начало века», «Октябрь», «Байкал», «Балтика», «Полярная звезда», «Литературный меридиан», альманахе «День поэзии», в антологиях: «Русская поэзия XXI век», «Ты припомни, Россия, как всё это было», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

* * *

Хорошая девочка Лида
Я. Смеляков

*Легко, по погоде, одета,
Раздета ли, кто разберёт,
Нетрезвая девушка Света
Домой с вечеринки идёт.*

*По розовой кромке рассвета
Туда, где батяня попьёт,
Нетрезвая девушка Света
Чуть-чуть, еле-еле бредёт.*

*Вращается тихо планета,
Над городом брезжит восход.
Светаёт со скоростью Светы –
Чуть медленней – и не взойдёт.*

* * *

*Кто преуспел, а кто – преопоздал,
Кто выбежал во двор, кто вышел в люди.
Расселись на карниз воспоминанья,
Попробуй их согнать теперь оттуда.
Не все пошли окольными путями,
Но каждый знал, что всякий путь – окольный.
Идущий прямо – шёл по бездорожью,
И было всем дано, но взял не каждый.*

ТРИ ЧЕЛОВЕКА

Конец света

*пришёл человек
отключил за неуплату свет.
стало темно.
скучно.
потёк холодильник.*

Конец звука

*пришёл человек
отключил за неуплату звук.
стало тихо.
не тикает.
не капает.
не скрипит.*

Дальше

*темно и тихо.
не увидим и не услышим
как придёт человек
и отключит за неуплату всё остальное.*

* * *

*не западайте на западных женщин,
в западных женщинах есть западня,
наши – не мёд, ну а те – ещё хлеще,
не западайте на западных женщин,
слушайтесь, братцы, меня.*

*сколько на сердце и шрамов, и трещин,
но снова хочется в плен,
к этой – побольше, а к этой – поменьше,
не западайте на западных женщин,
всех этих софий лорен.*

*снова и снова пакуются вещи,
к маме – маршрут всем знаком...
что ж, разберёмся, бывало и хлеще,
не западайте на западных женщин,
русским твержу языком.*

* * *

*Нервы ни к чёрту, нравы ни к чёрту,
Годы клонят к презренной прозе, гадким
курортам.
Гадаешь, в каком океане омыть ботфорты.*

79 *Вечером бандеролью пошлешь фашисту
гранату,*

*Утром получишь её обратно.
Превышение веса. Просят доплату.*

*Жизнь изменилась, пока я ходил за клинским.
И я изменился, пока я ходил клинским.
Хочется быть не чистеньким. Хочется
чистым.*

* * *

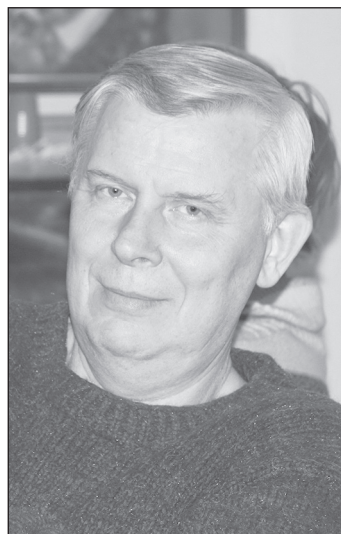
*– да ты что, не видишь?
– нет...
– ты что, не слышал?
– нет...
– да ты что, не обращал внимания?
– нет...
– ну ты даёшь!*

*я стал смотреть,
слушать,
обращать внимание.*

*и растерял дар
не замечать чужих грехов.*

Юрий
ДУБАТОВ

ДВА РАССКАЗА

СТАРАЯ ОТЦОВСКАЯ РУБАХА

Весной, когда наступал май, шла пахота, а за ней посадка огородов, снова хотелось жить и надеяться на что-то хорошее, начиналась приборка родного дома и двора.

Мне почему-то всегда нравилось прибирать в подполье. Овощи и соленья практически все были съедены к этому времени. Остальное всё в погребе, ему тоже настанет свой черёд в подготовке к новому урожаю. Подполье тщательно выметалось, где надо подбеливалось известью, а из фундамента выбивались зимние заглушки для продува и просушки.

И загулял сквознячок, просушивая всё нутро родного жилища.

И на этот раз со стороны палисадника я вытащил из фундамента туго свёрнутую из какого-то тряпья заглушку и откинул в сторону. Сунул в отверстие руку, с удовольствием чувствуя, как весенний тёплый воздух потянул в подполье. Отец топтался рядом, пыхая сигаркой, и собирал граблями весенний мусор в палисаднике.

Совсем постарел батя, подумал я, и толкнул заглушку ногой в сторону. Она развернулась, и я узнал с раннего детства знакомую мне отцовскую нижнюю шерстяную поддёвку. Проще говоря, рубаху-вязанку. Я помнил её столько, сколько помнил себя в этом мире. Потому что родился

сразу после войны, когда батя пришёл с фронта. Развернув эту семейную реликвию пошире на земле, я окликнул отца:

– Батя, а батя, смотри сюда – твоя нижняя шерстяная рубаха! Ещё вполне терпимая для носки, сполосни и одевать можно, – засмеялся я.

Отец скосил свой единственный глаз на «заглушку» и прохрипел:

– Я, сынок, её уже споласкивал от крови под Сталинградом... Ведь я её с убитого немецкого офицера после боя снял. Постирал в овражке, там лужица была, просушил на стволе пушки и носил всю войну. И Берлин в ней штурмовал.

Я обомлел и еле выдавил из себя:

– Да ты что, батя, ты же всегда говорил, что это тебе после войны в военкомате «американскую помощь» дали...

– Малец ты был тогда, сынок, – отец пошлепал губами, раскуривая погасшую «Приму». Бой был, помню, страшный. Думал, что не устоим. На картофельном поле мы с ними хлестались. Пушка в грязи, снаряды в грязи, а танки идут и идут. Мы бьём прямой наводкой, а они идут и идут, и пехота немецкая за ними. И офицерик этот с парабеллумом тоже шёл. Кожан на нём, фуражка, бурки фетровые...

Веришь, я тогда один раз в жизни подумал: хоть бы убило меня поскорее, господи...

ДУБАТОВ Юрий Дмитриевич родился 2 октября 1947 года в Кемерове. Окончил исторический факультет КемГУ, аспирантуру и Заочный народный университет им. Н. К. Крупской. Всю жизнь посвятил работе в школе. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

Морскую пехоту нам на подмогу кинули, а то прорвались бы гады. Я уже и гранаты приготовил на этот случай.

Ну и после боя пошли мы работу свою осматривать. Гляжу, лежит офицер тот на склоне оврага, кровью залитый. В башку его зацепило. А на нас, сынок, уже вся одежда от грязи, пота и давности поистрепалась, истлела.

Как в Новосибирске одели, когда призывали на фронт, так и воевал в том. Сами всё добывали себе. Вот и раздел я офицера. Всё снял! Всё добротное было. И парабеллум забрал. Кожан у старшины на хорошую шинель и гимнастёрку сменял. Бурки вместо солдатских обмоток надел и вперёд – за Родину, за Сталина. Такто, мой родной.

Ты четок-то привёз мне сегодня? И не задумывайся обо всём об этом. Война, сынок, была – не дай Бог. И я его к нам не звал, фашиста этого. Не я, так он бы меня! А с меня и снять-то нечего было. Одна Родина за душой.

СОЦСОРЕВНОВАНИЕ

«Дык, дык, дык...» – раздавалось над припавшей улицей нашего посёлка. Гуси, тревожно подняв головы, заковыляли к своему подворью. При этом под шумок гусак тёти Шуры получил пинка в бок. Это за то, что он буквально заедал нас, пацанов, не давая никому проходу.

Мы все подтягиваемся к дороге. С низов нашей улицы устало катятся с совхозных полей два довоенных трактора марки «Путиловец». Они все состоят из железа. Даже сидения, и те железные. Кабины отсутствуют.

Содрогаясь от усталости, эти два железных монстра наконец появляются из-за соседнего дома.

На первом, как идол, восседает Колька Суховольский, а на втором, слившись со всей нехитрой конструкцией агрегата, сидит Ванька Прищепа. Это наши авторитеты. Ещё недавно они сами были пацанами. А теперь они работают! И работают не на «му-му», так мы называли бричку, запряжённую парой быков, а на тракторах. А это вам не быкам хвосты крутить.

И Коляну, и Ваньке было по шестнадцать лет, и уже с четырнадцати они сели на холодные сиденья своих тракторов и пахали совхозные поля.

Они имели возможность с полочки покупать сразу по десять пачек папирос. И старшие из нас частенько угощались у них «Севером» или «Беломором». В общем, всё шло, как и надо! Как могли, так и росли. Можно по-всякому судить о том ушедшем времени. Одно знаю точно: ни о какой безработице и мечтать было невозможно. Бывало, такие пацаны в школе начинают шустрить с дисциплиной и учёбой, а тут рядом шахта и совхоз... Смотришь, заходили в помощниках слесарей наши ребята. А потом и на разряды сдают, в вечернюю школу пошли, потом армия, поженились. Глядь, а уже и строятся потихоньку, на Доске почёта замелькали портреты.

Трудовой посёлок один авторитет признавал – умение трудиться!

Алым цветом полыхало в то время соцсоревнование в рабочих коллективах, профиль Ленина, похожий на профиль Спартака, сиял на солнечных дисках во всевозможных оформлениях.

Доски почёта, торжественные встречи ударников, вручение наград – всё это гремело и украшало нашу обыденную жизнь.

Вот и рассказал мне мой хороший знакомый, поседевший и износившийся на работе Николай Суховольский, историю, от которой стоит в горле ком.

– Вот ты, Митрич, сроду гыгыкаешь надо мной, – начал он, – хоть и уважаешь, чую я, а не знаешь, как Ванька Прищепа однажды свой трактор «на колган» заделал...

У меня всё задрожало внутри от предчувствия чего-то необыкновенного. Так бывает, когда я смотрю фильм с участием Петра Алейникова.

– Вызывает, значит, нас, Митрич, парторг совхоза Пётр Боярчук и говорит: «Пора вам, ребята, на путь вставать. Давайте включайтесь в соцсоревнование. Награду обещаю и Доску почёта». Начиналась пахота, ну и впряглись мы с Иваном как следует в это дело. У меня-то моя «железяка» – ничего, тянет потихоньку. А у Ивана глохнет и глохнет. Магнето у него в тракторе дерьмо было. Ну, ты сам, Митрич, знаешь, что я в моторах волоку будь здоров. Я на первых порах всё ему помогал, а потом мне это надоело. Да и самому была охота победить, в передовики выйти. Боярчук-то отрез на костюме обе-

щал, бостоновый. Ну и попёр я без оглядки на Ивана к финишу.

В последний день это было нашего долбанного соревнования. У Ивана снова его дрэк заглох. Он весь аж побелел. Я, правда, завёл ему технику и дальше чешу на всю железку, закругляюсь на своей полосе. А у него снова глохнет и глохнет. И вот добил я свою деляну, допахал. Вперёд Ивана сделал норму. А Ванька всё возится со своей техникой. Ему хоть бы доделать — и то ладно. Пыхтел он, пыхтел у мотора, постоял в каком-то раздумье и вдруг слышу: «А-а-а, волчара позорный, в натури-и-и», — и бабах башкой в капот трактора.

Верись, Митрич, аж гул над полем пошёл. А сам качнулся и сел в пахоту. Я подлетел, а у него слёзы вперемешку с кровью текут. Я кричу: «Иван, ты что, уху сегодня ел?!» А он уткнулся лицом в ладони и плачет, аж плечи дрожат. Вот такое, Митрич, соревнование. И смех, и грех... Ну а за первое место я получил тёмно-синий отрез бостона на костюм. Это же мечта всех парней тогда была. В этом костюме потом и женился. А Ваньку тоже отметили, подарили коробку с разными одеколонами и носки хорошие. Потом, после армии, мы с ним на шахту подались, а остальную нашу жизнь ты, Митрич, и сам знаешь, детей наших учил.

**Александр
МАУРОВ**

САПОГИ ПЕРВОГО СРОКА

Рассказ

В обеденный перерыв на полевой стан прибежала учётчица соседней бригады Галинка Савельева – девчонка донельзя веснушчатая, голенастая. На язык невоздержанная. А Михаил Денисович только что плотно подзакусил, постелил возле трактора пахнувший керосином ватник и решил подремать полчасика.

Рядом сидел его младший сын Пётр, прицепщик, поддерживал затылок ладонями, отыскивая взглядом весело звеневших жаворонков под облаками.

Галинка умерила резвую рысцу, поздоровалась, протянула Михаилу Денисовичу извещение на посылку:

– Вот здесь, дядь Миш, распишитесь...

Курносов достал из кармана куртки карандаш, попробовал его на ногте. Пожал плечами, пробормотал:

– Что ещё за посылка...

– Из Западной Германии, – почему-то понизив голос, сообщила Галинка. – Родственники у вас там, дядь Миш?

Девчонка аж пританцовывала от любопытства. Курносов посмотрел на неё пристально, усмехнулся едва заметно. Шепнул как бы по секрету:

– Ихний канцлер кумом доводится.

Галинка улыбнулась понимающе, стрельнула глазами в Петра и затараторила:

– Мало ли что. Я, дядь Миш, читала недавно: один рабочий наследство из Америки получил от какого-то усопшего фабриканта. – Перевела дух. – Только он, дядь Миш, отказался от этих больших денег. Честному советскому труженику не нужны наследства, нажитые нечестным трудом пауков-эксплуататоров. И я со своей стороны так вам, дядь Миш, посоветую: если...

– А я всё думал-думал: с кем бы это мне посоветоваться? – Курносов вдавил в землю окурок, встал, посмотрел на солнце. – По коням, Петька! К концу смены нам ещё во-о-он до той лесопосадки вспахать требуется.

За час-другой новость облетела весь совхоз. Обросла такими подробностями о заграничном родстве тракториста Курносова, что он почти не удивился, когда встретил возле своего дома участкового уполномоченного, а во дворе увидел с десяток любопытствующих мальчишек. Старшина милиции поприветствовал земляка, пробормотал что-то о погоде, потом сообщил словно бы между прочим:

– Почта в восемь закроется.

Курносов остановился, вздохнул укоризненно:

– Мальчишки – понятно. А тебе, друг ситцевый, какое дело до заграничных посылок? В пай метишь или как?

Старшина одёрнул китель, заморгал растерянно:

МАУРОВ Александр Николаевич (1926–2005) родился в городе Муроме Владимирской области. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами Славы III степени и Великой Отечественной войны II степени. Автор шести книг стихов и прозы, вышедших в России и на Украине. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Член Союза писателей России. Последние годы жил в городе Верхняя Пышма Свердловской области.

– Да нет, я... просто...

– Будь здоров, – не замечая мальчишек, Курносов прошёл в дом. – Собери-ка, мать, пожевать.

Хлеб показался Михаилу Денисовичу пресным. Щи – пересоленными. Расковыряв вилкой котлету, он решительно отодвинул тарелку и пошёл на почту. Там он получил аккуратный фанерный ящичек, осмотрел ярлыки со штемпелями. Озадаченно поскреб в затылке сквозь фуражку, спросил у заведующей:

– А что вот это не по-нашему написано?

– Тоже адреса. Сверху – ваш, снизу – обратный.

– Мне, значит, – окончательно уверился Курносов. – Ка Шульц. Хм! Что за Кашульц?..

Дома Михаил Денисович прошёл на веранду, поставил ящичек на стол, не спеша размял сигарету. Заблудившаяся пчела ползала по наличнику, жужжала басовито. Открыл окно, закурил. Неведомый К. Шульц не выплывал из глубин памяти: много воды утекло за послевоенные десятилетия.

Наконец жена отыскала клещи. Длинные тонкие гвозди вылезали туго, со скрипом. Завернутое в рифлёную бумагу содержимое Курносов не спешил разворачивать, сразу взялся за письмо. Буквы крупные, печатные.

«Дорогой камерад сержант Михаил Денисович! Ваша страна подписала новый договор о сокращении вооружения и охране мира. Поздравляю вас, геноссе сержант, и приветствую вас. Адрес узнал в Москве.

Почтительно прошу принять в подарок сделанную моими руками эту принадлежность туалета. Писать помогает сын, он учит ваш язык. Вы не совсем забыли, что я есть, камерад?

Меня зовут Карл. Помните Ивана?»

Задубевшее, исхлёстанное ветрами и годами лицо Курносова просияло, морщины разгладились. Он откинулся на спинку стула, захохотал раскатисто:

– И вспомнил же, шельма!..

На веранду выглянула встревоженная жена. Михаил Денисович вытер повлажневшие глаза, улынулся растроганно:

– Полюбуйся, мать, какую мне «принадлежность туалета» из-за границы прислали...

В рифлёную бумагу были завернуты сапоги. Мягкие, аккуратные, хромовые. Луч заходящего солнца скользнул по голенищам, отразился на потолке матовым зайчиком.

Михаил Денисович прошёлся по веранде. Он подтянулся, помолодел, стал похожим на того бравого сержанта, который снисходительно поглядывал на него со стены. За солдатскими спинами сереет побитая осколками, исписанная штыками колонна Рейхстага. Где-то на этой стене расписался и он, сержант Михаил Курносов...

...В Берлине идут уличные бои. Уже вторые сутки. Погода установилась жаркая – дышать нечем. Сквозь едкий дым и пыль едва пробивается солнце, и кажется оно неестественно красным, раздувшимся, будто аэростат. Губы трескаются от зноя, от жажды, от еды всухомятку. Кухни – во втором эшелоне. Вода – во флягах.

Взвод стрелковой роты только что отбил ещё один дом. Побросав оружие, для чего-то сняв каски, из подъезда выходят эссовцы с поднятыми вздрагивающими руками. Русский человек отходчив: смотрит он на недавних врагов – жалких, перепуганных, – посмеивается снисходительно.

– А что, братья-славяне? Смирный фашист, когда ему хвост прищепят?

– Так-то оно так, да только...

Командир взвода отрядил автоматчиков для отправки пленных на сборный пункт, прислушался к затихающей перестрелке в развалинах соседнего квартала, разрешил сделать перекур. Кто-то вынес из дома кресло – массивное, с резной высокой спинкой, тонкими позолоченными ножками. Солдаты, усаживаясь в него, перематывали портянки, морщились. Ещё по весне многие прельстились добротностью немецких сапог, побросали ботинки, не подумав.

Легкомыслие обошлось дорого: сапоги не изнашивались, ноги в них прели и стирались в кровь.

Солдаты с завистью поглядывали на своего отделенного: через своего знакомого старшину Курносова ухитрился получить на складе хромовые сапожки первого срока носки. Лёгкие, мягкие, красивые, они подчёркивали молодцеватость владельца.

Мимо дома, распыляя траками гусениц кирпичи и щебень, прошла «тридцатьчетвёрка». Из её пушки выметнулся ярко-фиолетовый факел, грохнул выстрел. Откуда-то посыпались со звоном чудом уцелевшие стёкла. Машина словно бы присела, рванулась вперёд, и башня её стала разворачиваться. Кто-то позавидовал:

– Малина танкистам – сиди да постреливай!..
Всю жизнь босиком воевать можно.

Внезапно из подвала в дальнем углу двора ударил немецкий автомат. Лейтенант выпорхнул

из кресла, скомандовал срывающимся на тенор баском:

– Ложись!

Взметнулись цепочкой фонтанчики пыли, от спинки кресла отлетела щепка.

– В дом, все в дом! – торопливо распорядился лейтенант. – Со второго этажа с этим недобитком побеседуем...

Под каменным прикрытием второго этажа разозлённые солдаты остыли: возле продолговатого окна подвала, похожего на амбразуру, плакал, метался от страха ребёнок лет шести.

– Чё-ерт... Чего только на войне не увидишь! Откуда он взялся-то?..

Гулкая дробь из подвала срезала перебежавшего двор посыльного второй роты. Ефрейтор взмахнул руками, будто потягиваясь, запрокинулся навзничь.

– Пробраться на улицу, подсказать танкистам, – хмуро предложил солдат в одном сапоге. – А так...

– Крепко соображаешь. А пацан?

– А что – пацан? Пацан лет через двадцать тоже «хайль» заорёт.

– Мальчонка-то при чём?!

Солдат вскипел:

– А вон мой земляк Гошка посреди двора улёгся – он при чём? Эта тварь подвальная ещё кого-то уложит – крови не нагледелись? А танк – один снаряд, и – пишите письма. Попробуй так-то...

– Почему бы и не попробовать... – Курносов щелчком отшвырнул стреляную автоматную гильзу, проследил за её полетом задумчиво. – Разрешите, лейтенант?

...Сначала он полз. Очередь трассирующих пуль, словно предупреждение, разорвала пропылённый воздух над каской. Курносов затаил дыхание, замер: заметили – не заметили?.. Впереди захныкал мальчишка – тоненько, жалко. Не отрывая головы от земли, сержант глянул вперёд одним глазом. Прикинул: ещё несколько метров, и он окажется в мёртвом пространстве. Всё тело собралось привычно, превратилось в тугой сгусток мускулов.

Дуло вражеского автомата задрожало. Прыжок, другой, и сержант возле окна. Словно на гадюку, наступил он на прыгающий чёрный ствол, придавил его к нижнему выступу. Секунда – и в подвал полетела граната. А долей секунды раньше левую ногу сержанта обожгло двумя пулями.

Когда подбежали товарищи, Курносов, прислоняясь к стене, смотрел сосредоточенно, как чужая земля жадно впитывает яркие капли его крови. Побледневший сержант попробовал шутить:

– Сапоги попортил, мерзавец... Где я теперь такие достану? Хромовые, первого срока...

В медсанбат Курносова доставили на трофейной генеральской шинели. Заодно и мальчишку прихватили: не оставлять же его в пекле!

Диковатые глазёнки мальчугана быстро оттаяли, на другой день он уже выучил несколько слов по-русски, смешно коверкал их. Особенно забавляло его, когда сержант доставал из-под койки сапог, ковырял ногтем круглые пулевые дырки, сокрушался, потешая товарищей по палате:

– Какую обувь попортил, мерзавец! Ребята, кто по-фрицевски кумекает? Переведите этому сопляку, какой убыток ради него гвардии сержант Михаил Денисович несёт... Как, говоришь, кличут-то тебя, крестник? Имя, спрашиваю, как?

– Карл, – каркающее сообщил мальчик. – Их бин Карл.

– Ну вот, заладил: кар, кар... Окрещу тебя, парень, по-нашенски временно – Иваном. Вот подскажи, Иван, могу ли я в таких сапогах на парад пойти? Нет, ясное дело.

Мальчик выглядывал из подушек, будто галчонок из гнезда, крутил головой и ждал с нетерпением, когда кто-нибудь переведёт ему слова весёлого русского солдата.

А через несколько дней Курносов отпросился из медсанбата, они с Карлом-Иваном расстались...

А там и война кончилась.

...Михаил Денисович примерил сапоги, прошёлся по веранде. Потом снял обновку, посмотрел за окно задумчиво. Силуэты вишенки стали густыми, сочными, будто деревца враз подросли, придвинулись к дому. Лёгкий ветерок принёс запах нагретой за день молодой зелени, звуки баяна от речушки.

– Свет включить?..

Михаил Денисович рассеянно посмотрел на жену и, словно умываясь, провёл по щекам ладонями. Ещё раз полюбовался подарком, вздохнул:

– Хороши сапоги, да только не по мне уж. Нога не та, в туфлях привык... Пусть Петька носит, парню в армию идти по осени. А теперь вот что, мать, дай-ка мне бумаги да раздобудь конверт покрасивше...

**Василий
КИСЕЛЁВ**

ДЯДЯ ВАНЯ

*Дядя Ваня заведёт свой МАЗ-500
И закурит папирсы «Беломор».
Дяде Ване свежий ветер бьёт в лицо,
Дядя Ваня любит волю и простор!*

*Он, представьте, за баранкою – сто лет!
И на трассе знает каждую из ям...
По приезде – режет сало на столе,
В День Победы вдрабадан бывает пьян!..*

*Дядя Ваня вспомнит Ладогу... Войну...
И друзей своих ушедших имена.
Дядя Ваня восемь раз в ЗИС-5 тонул,
Но об этом он не любит вспоминать...*

*(Под колёсами трещит апрельский лёд,
Над кабиною – «лаптёжники» в пике!
Жми, Иван! Наш город хлеба, хлеба ждёт!
Жми! И страх сожми в мазутном кулаке!..)*

*Нет, ему совсем не в кайф шампань-коньяк,
У соседки купит крепкий самогон.
Дядя Ваня покатасть берёт меня
До обеда!.. Как я счастлив – ого-го-о!..*

*Дядю Ваню не заманишь калачом
В санаторий иль в дом отдыха какой...
Скоро отпуск! Он на спину рюкзачок,
На моторке рассекает Томь-рекой!*

*Дядя Ваня всю родню похоронил,
А родни – сыночек, дочка да жена...
С отпускных он заказал им всем гранит
И оградку – «чтоб с калиточкой была!..»*

*Юность Вани – там, за тридевять земель,
Где буянит май и жив наш клуб «Горняк»...
...Он украдкой ночью плачет о семье,
А наутро – кормит хлебушком дворняг.*

*«Русс Ивана» помнят Прага и Берлин!
На Рейхстаге он два слова накатал:
«ШОФЕР ВАНЯ»... А церквушке на Нерли
Нынче летом он с ремонтом помогал.*

*Дядя Ваня, приезжая в Ленинград,
Три пригоршни пьёт из Ладоги воды,
Смотрит вглубь и говорит: «Привет, Панкрат!
Я привёз тебе чекушку и еды!»*

КИСЕЛЁВ Василий Иванович родился в 1960 году в посёлке Краснобродском Беловского района Кемеровской области. Окончив школу, уехал в Новосибирск, где учился и работал на Новосибирском заводе полупроводникового производства. Посещал заводскую литературную студию. В 1980 году был призван в ряды Советской армии. Служил в Афганистане. После демобилизации вернулся в Кузбасс. Работал радиомехаником, водителем, агентом по снабжению. Печатался в местных периодических изданиях, альманахах, журналах «Огни Кузбасса», «Бег». Участник II, III, IV Всекузбасских фестивалей поэзии в Ленинске-Кузнецком. С 1998 года по настоящее время работает в строительной компании. Руководитель литстудии «Северное сияние» посёлка Краснобродский.

А Панкрат сидит на дне в своём ЗИСу,
Будто ждёт приказ: «В три тридцать выезжай!»
Всюду – рыбы... Весельчак он и плясун
До войны был... и любил ловить леща...

А Панкрата спеленал придонный ил...
– Эх война!.. Сто раз едрит её Матильда!..
Дядя Ваня врубит третью, засвистит
«Песнь о друге» – поженяновский мотив.

Дядю Ваню не страшат мороз, буран,
На дороге он хозяин, а не гость!..
Дядю Ваню знает Нарва, Клин, Урал.
И в чайных: «Вперёд, за Ваню!..» – главный
тост!

СНЕГИРИ

На холодной крови отгоревших закатов
Мне пригрезятся детство, зима, снегири.
Как пылали они средь метелей косматых
На заре! Я им кашу на ужин варил.

Стыли руки. Буран заносил мои санки
И истошно ревел – хоть святых выноси!..
Снегирям приглянулась овсянка из банки,
Та, которую я в кулачке приносил...

Сэкономив на скудном своём рационе,
«Угощайтесь!» – сквозь белые снега кричал. 87
...Брат мой бредил морями. Говорил:

«На Цейлоне –
Лето там навсегда! Много яблок и чай!»

Яблок я не едал – на картинке лишь видел,
И не яблоки были друзья – снегири!
...Как-то раз, прогуляв допоздна с другом

Витей,
Я простыл, заболел и глотал аспирин.

А в больничке на завтрак – всё та же овсянка.
Все сестрички дразнили меня: «Птицелов!»
...Снегири прилетали... Я кормил их, озябших,
Недоступных и сказочных, словно Цейлон.

...Мать с отцом разошлись. Я – далёко уехал.
Там, где после я жил, нет диковинных птиц...
Никогда не услышать мне звонкого смеха.
Никогда не увидеть приветливых лиц.

ВАНЕЧКА БУНИН

Тёплый июль распустил незабудки –
Синее море русских полей!..
Юный барчук Ванечка Бунин
Входит в таинственность тёмных аллей.

Праздник цветенья землю разбудит;
С вербой целуется старенький вяз...
Отрок болезный Ванечка Бунин
Чувствует с миром кровную связь.

Ласточек щебет. Песнь коростелей.
Ветер-гуляка в степи заплутал.
Зелень травы лето расстелит –
Ванечка смело шагает в закат!

Рядом бежит радостный пудель,
Лай его таает эхом в логах.
Юный мечтатель Ванечка Бунин
Смотрит подолгу на облака.

Сумерки озеро с речкой укроют;
Краешек неба туманом расшит.
Запах полыни, ромашек, укропа –
Воздух пропитан радостью жить!

Месяц плывёт – небесный табунщик –
Млечным путём за болотную гать...
Отрок восторженный Ванечка Бунин
Хочет всё сущее к сердцу прижать!

...А в полисаднике зреет антоновка,
Пух тополиный летит и летит...
Небо лазурное, небо бездонное
По-матерински на Ваню глядит.

Глянь: над ветлою светится нимб!
Едет в Задонское кучер Богдан.

...Нет, не придут окаянные дни
В нашу судьбу никогда!.. Никогда!

**Михаил
КАЗАНЦЕВ**

ОЖИДАНИЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Рассказ

Вчера во сне неожиданно увидел своих сослуживцев. Тех, что были в начале срочной службы. Все в повседневной защитного цвета форме х/б, знакомые лица, а их имён я не помню. Они сидят в кузове военного грузовика, узнают во мне рядового своего взвода, зовут к себе, освобождая место, а я, вместо того чтобы присоединиться к ним, вдруг с каким-то восторгом запеваю песню о танкистах, песню нашей роты, которую тщательно разучивали мы давным-давно под руководством сержанта. Нет, это была не песня о трёх танкистах, а обыкновенный мало-вразумительный, но очень подходящий под строевой шаг на плацу ширпотреб, созданный в недрах войсковых служб. Так и не приняв их приглашения последовать за ними, я проснулся. Лёжа с закрытыми глазами, я рассуждал, к чему этот сон и почему я не забрался в кузов, не отправился с ними в неведомый ночной путь? Наконец пришла мысль о том, что не поехал я с бывшими сослуживцами потому, что не увидел среди знакомых лиц двух моих друзей, в общении с которыми в то жёсткое для меня время я чувствовал себя более свободным и менее несчастным. Менее свободными и более несчастными, я считаю, были только заключённые, и то из числа отверженных. Встречал я за время срочной службы почти таких же и среди солдати-

ков-новобранцев: с отрешённым взглядом, механически выполняющих приказы начальства и безропотно сносящих издевательства «стариков» (в те годы ещё только словесные).

88

Итак, московский поезд, к которому наша команда призывников от военкомата до самого вокзала шагала пешком без строя мимо замерших на путях трамваев (из-за какой-то неполадки с электричеством), стоял в ожидании посадки. Когда мы подвыпившей нахальной толпой ввалились в слабоосвещённый зал ожидания старинного здания, я мотнул головой и сказал Васёке: «Давай!» Васёк послушно поправил ремень на плече и, растянув меха новенькой двухрядки, рванул «Как родная меня мать провожала». Аккорды зазвучавшей гармонии были пронзительны и громки. И без этой бодрой и напористой мелодии окружающим было понятно по внешнему виду толпы в старых шапках, кепках и телогрейках, что это новобранцы. В полутьме заплакал проснувшийся ребёнок, послышались недовольные голоса, на шум вынырнул молоденький, но серьёзный милиционер. Увидев широкую нетрезвую Васькину морду, он предупредил: «Заберу!». Обернувшись к нему, я сказал: «Уже забрали», но Васёке велел свернуть музыку. Тут появился наш старший сопровождающий капитан-танкист и повёл нас на перрон. Посадка в полутёплый

КАЗАНЦЕВ Михаил Андреевич родился в Кемерове в 1945 году, с 1952-го жил в Калтане. Окончил исторический факультет Томского государственного университета. Служил в армии, преподавал в техникуме, школе, трудился в шахте на подземных работах. Ветеран труда. Печатался в газете «Калтанский вестник». Живёт в деревне Верхний Калтан.

вагон началась. Капитан оставил нас на попечение двух сержантов-срочников и удалился в другой вагон: у него-то был плацкарт. Места занимали кому как вздумается на нижних и верхних полках, в молчании: друзей и хороших знакомых ещё не завели. Всем известен был только Вася-ка-гармонист, которому за два дня до отправки сообща купили гармонь. Немногочисленные родственники влезали в вагон, помогая разместить на полках рюкзаки отбывающих на службу, и давали последние кажущиеся им нужными советы, которые однообразно заканчивались словами «сразу же напиши». Проводница, видя последние прощальные стопки, громко предупредила, чтобы провожающие не задерживали отправление поезда. Я молча и без зависти наблюдал за прощанием незнакомых мне людей и был даже отчасти доволен, что ни отца, ни матери среди них нет.

И вдруг мне показалось, что я слышу вопрос проводнице с моей фамилией. Ошибки быть не могло. «Артистический» голос моего однокурсника и друга Борьки Рождественского спутать было невозможно. А он в сереньком демисезонном «воробыином» пальто уже движется по проходу. (Кстати, после службы это пальто донашивал я.) Я зову его, машу рукой, и вот мы сидим за маленьким столиком. Между нами бутылка с хорошим недорогим и приятным болгарским вином, пробка которой бесхитростно загнана внутрь. Советов он мне дать не может, ведь он даже невоеннообязанный, как сам называет себя, «белобилетник». Я слушаю, как он с гордостью рассказывает о том, что уже через два месяца станет отцом. Живут они в доме тестя, поэтому Борьке там не очень уютно, а вот давняя подруга и однокурсница его Ленки всё не может забыть меня, но заметив, что эта тема не требует обсуждения, умолкает.

Состав дёрнулся, чуть не свалив на столик недопитую бутылку, которую я засовываю Борьке в карман пальто, и он спешит из медленно набирающего скорость вагона наружу под тусклые фонари перрона. Когда стрелки путей остались позади, в набравших бойкий ход вагонах плафоны засветились ярче. Сняв стёганую телогрейку и расстелив её на полке, скинув сапоги, я лёг на спину, вперив взгляд в белый потолок вагона, как

в экран, на котором демонстрировалась моя прошедшая жизнь последних двух лет.

Ещё вчера после проверки в военкомате я решил зайти в общежитие попрощаться с девчонками нашей группы. Занятия уже закончились, и они очень обрадовались, что на пороге комнаты нарисовался их бывший одноклассник, у которого в рюкзаке оказались разные аппетитные вкусности и вино. Девчонки радостно суетились в предвкушении весёлого застолья. Печальной и даже несколько угрюмой была только моя тайная воздыхательница, которую подруги пытались подбодрить, они-то понимали, кому обязаны предстоящему веселью. Её «тайные» любовные томления ни для кого на курсе не были секретом. Но вот дверь без стука приотворилась и в проёме показалась скуластая мордочка Людки Актрисы – второкурсницы из другой группы. Двадцатилетняя, шустрая, с прокуренными пальцами, приятным хорошо поставленным голосом, успевшая до университета поработать в провинциальном театре на незначительных ролях. У неё был удивительный нюх на подобные мероприятия. Чаше, конечно, она «неожиданно» вторгалась в мужские комнаты, чтобы стрельнуть сигаретку. Ей никогда не отказывали в угощении, и она естественно вливалась в пирושку, причём в качестве ведущей. И этот прощальный вечер в девичьей комнате исключением не стал. Она умело взяла обязанности виночерпия в свои руки и после очередной чайной чашки крепкого виноградного портвейна грудным и наглым голосом с какой-то неприятной цыганской хрипотцой запела: «Эх, загулял, загулял, загулял, парнишка молодой, молодой...». А меня к ближайшей остановке трамвая проводила моя угрюмая, так и не повеселевшая воздыхательница.

О Людке же, несостоявшейся актрисе, как и несостоявшейся выпускнице университета, можно написать отдельный рассказ, но когда-нибудь потом.

Поезд, набравший скорость, отстукивал ритмичную дробь на стыках рельсов, как ударник на своих барабанчиках в ресторанном оркестре. До отправки к месту службы, пока набиралась команда, оставалось ещё трое суток, поэтому можно было пользоваться свободой и остатками

былой зарплаты. Разноцветные сверкания огней и музыка в старинном здании ресторана извлекли меня из холодных октябрьских сумерек и втолкнули в тёплый шумный и нетрезвый уют. Свободным оказалось место с тремя молодыми выпускниками военного училища, видимо, друзьями. Двое из них были в штатском, они уже распределились после выпуска командирами взводов в своём училище. Они провожали третьего, который один был в форме с погонами лейтенанта и отбывал служить куда-то на Восток. Когда же мы с ними познакомились, они узнали, что я призывник и через два-три дня поеду, может быть, и на Восток, лейтенант расчувствовался и стал приглашать к «себе» на службу в конкретный город у океана, что был назван именем русского адмирала с иностранной фамилией. Я и рад бы, да не по силам это моему доброму весёлому выпускнику училища.

Оркестранты после перекура заняли свои места на тесном подиуме и заиграли грустную танцевальную мелодию, вполне подходящую моему настроению. К столику приблизились три девушки, к счастью, не ко мне (я был абсолютно трезв и невесел), произнеся: «Белый танец», жёсткими стали приглашать подвыпивших лейтенантов. Два друга в штатском с готовностью двинулись меж столиков с дамами на танцевальный пятачок к подиуму. Весёлый их товарищ в форме, сославшись на неумение танцевать, отказался, и дама, недоумённо пожав плечиками, удалилась к своему столу, где за ней наблюдала компания её подружек. Надо сказать, что эта компания всё время старалась привлечь внимание посетителей ресторана, особенно подвыпивших. Два квадратных столика сдвинуты, за ними сидят по двум сторонам шесть девушек возрастом от восемнадцати до тридцати лет. Во главе этого застолья с торца восседает довольно круглая миловидная женщина лет тридцати с лишним. У неё единственной на голове ухоженные красивые волосы, уложенные в затейливую причёску. Она тихо и незаметно руководит действиями девушек. Едва различишь, как она учит их принимать незаинтересованный и отрешённый вид, покачивать в ладони бокал с налитым на донышко вином, закатывать глаза в восторге и другим премудростям.

Музыка заканчивается, мои танцевавшие соседи возвращаются за стол, а на моего симпатичного молодого лейтенанта снисходит какое-то вдохновение. Он подзывает официантку и просит подать на стол девушек бутылку шампанского. Официантка, слегка скривив губы, удаляется исполнять заказ, а товарищи пытаются напомнить ему, из какого шалмана эти красавицы, но он уже изрядно перебрал. С пьяной обидой он произносит: «Это я-то перебрал?» – и, стараясь не шататься, направляется к оркестру, заказывает лезгинку, а музыканты, снисходительно и добродушно переглянувшись, дружно берут первые аккорды зажигательного кавказского танца. Лейтенант весь подтянулся, встал на носки своих хромовых блестящих сапог и с поднятыми на уровне плеч руками прошёл по кругу, сверкая глазами на своих товарищей и вызывая зависть многих своей молодостью и красотой. Танцует он, как настоящий джигит, в восхищении даже кавказцы, что сидят неподалёку за отдельным столиком и хлопают в такт музыке. А у компании девушек интерес к нему уже погашен их наставницей. На их горизонте новая цель – ребята из студенческой стройбригады, получившие наконец-то долгожданную зарплату за «трудовой семестр». Они гуляют за отдельным столом и уже в изрядном подпитии. Вот один из них, самый молодой и неумело захмелевший, подсаживается за стол к девушкам, знакомится с ними, а ближайшую, с плохо зарумяненным синяком на скуле пытается отважно поцеловать в губы. Наблюдая за ним, его товарищи посмеиваются. Тогда он делает театральный жест, приглашая к столу официантку, спрашивает: «Что будем пить, девочки?» – и заказывает дорогое марочное вино и фрукты. Девочки в восторге от щедрого кавалера. Но его более трезвые друзья, неожиданно резво и бесцеремонно взяв его под руки, уведут за свой стол, а через несколько минут, рассчитавшись, покидают ресторан. Вскоре уходят и мои соседи по столику провожать своего друга в дальнюю дорогу. Да и мне больше задерживаться не стоит. Но моя официантка, даже увидев моё желание рассчитаться, не подходит – у неё в данный момент более важное дело: она помогает своей коллеге заставить оплатить заказы компанию девочек.

Те, явно видно, не желают полностью рассчитаться за всё выпитое и съеденное, напирая на то, что «нас угощали». Тогда подошедшая на шум скандала похожая на боксёра администраторша повелительно сквозь зубы заявляет: «Пошли отсюда вон, дармоедки голодные!» – и заставляет официантку проводить их до выхода. Девушки, не глядя на посетителей, покидают зал. После расчета и я, взглянув прощально на гипсовую барельефную картину с оленями, запряжёнными в нарты под северным сиянием, что сияла за эстрадой, выхожу на холодный октябрьский проспект. За освещёнными окнами ресторана вновь грянула музыка, постепенно сливающаяся с ритмом перестука колёс. Под эту беззаботную мелодию на жёсткой полке вагона незаметно засыпаю. Последней полусонной искрой воспоминания вечера в ресторане вспыхивает алая роза посреди стола. Не свежая, но ещё живая, в обычном гранёном стакане с водой.

Под утро я просыпаюсь от обычного молодого эротического сна. За окнами вагона едва светает. В душной полутьме новобранцы спешно по очереди пробираются по проходу. Щёлкают замки дверей туалета и тамбура. Доносятся запахи мочи и сигаретного дыма. С утра я не курю, поэтому эти утренние вагонные ароматы неприятно отвлекают от воспоминания сюжета только что пережитого сна. Он отличался от того, что происходило наяву ещё в апреле на Борькиной свадьбе.

Итак, нас с Нэлькой, однокурсницей-филологиней, без обсуждения назначили в свидетели: она подруга детства невесты Ленки, а мы друзья с Борькой. После регистрации в старинном особняке с роскошными окнами и зеркалами в центре города немногочисленные гости, в основном студенты, в грохочущем по весенним рельсам трамвае докатили до малозаметной остановки и с весёлым шумом ввалились в просторный частный дом родителей невесты, где стараниями её благообразной и приветливой бабушки праздничный стол сиял ещё дореволюционным хрусталём и фарфором с вызывающим бешеным аппетит содержимым. Нас с Нэлли (так она официально значилась по паспорту, к её явному неудовольствию) посадили рядышком. Не знаю до

сих пор, правильно ли, в соответствии ли с традицией, но не забывали довольно часто намекать, что теперь и наш черёд пришёл, что мы подходящая пара. Нэлька в такие моменты отвлекалась и лишь через минуту долгим взглядом, должно быть, изучала мою реакцию на нетрезвые намёки гостей из уже женатых студентов или Ленкиных родственников. А я наблюдал, как Борькина тёща пошла в пляс. Да не совсем весёлым показался он мне, что-то грустное и одновременно отчаянное рвалось из незатейливых, но таких грациозных движений этой ещё очень привлекательной и энергичной женщины средних лет, за которой внимательно следил из-за толстых стёклашек очков её грузный, как старый кот, усмехающийся муж, чиновник одного из областных ведомств.

И вновь разливалось в непривычные для студентов хрустальные бокалы вино, снова заливались соловьями в предлагаемых тостах о семейном счастье и долголетию молодых их друзья и подруги. Потом невеста выразила просьбу, чтобы мы с Нэлькой станцевали вальс под её аккомпанемент на фортепьяно. Всем было весело, все были за. Ещё в четвёртом классе к годовалому школьному балу-маскараду меня довольно быстро научила вальсировать старшая сестра. С тех пор я постоянно пользовался явным преимуществом перед не танцующими одноклассниками, когда раздавалась плавная музыка на различных школьных вечерах. А Нэлька в юные годы вообще занималась в танцевальной студии. Прекрасная музыка старинного вальса «Ожидание» вмиг удалила звон посуды и разговоры за большим столом. Ленка, будучи на втором месяце и поэтому не притронувшаяся даже к шампанскому (наверное, из-за этого и поспешили со свадьбой), с задумчивой грустью выводила мелодию. Под эту музыку было просто грешно нетрезво или дурно танцевать. За последними звуками вальса вновь оживилось шумное застолье, а Нэлька потянула меня во двор охладиться вечерней апрельской свежестью. «Охладились» поцелуями. Я даже забыл, что хотел покурить. Когда возвращались от крыльца, она держала меня за руку. Из праздничного зала в конце коридора гремела музыка и голоса поющих гостей. Внезапно моя спутница остано-

лась, указала на узкую, хотя и двустворчатую дверь налево и объяснила мне, что с сегодняшней ночи это будет комната молодых, которую им выделили родители, и предложила: «Зайдём посмотрим?». И зашли, и «посмотрели», не включая света, почти в полной темноте, и лишь когда голоса в зале подозрительно притихли, мы поодиночке, я впереди, она чуть позже, выскользнули из этого тёплого и ласкового приюта и, казалось, незамеченными влились в ещё более повеселевший коллектив.

Всё тогда произошло незаметно для всех и бесшумно, а в теперешнем моём сне вышло так, что при сближении с Нэлькой нас «застукала» мать невесты. Единственное, что облегчало нашу вину – она была безмолвна, не заставила нас оправдываться.

А вот и сержант, сопровождавший нас, с очень серьёзным лицом, двигаясь по проходу вагона, останавливается в каждом отсеке и с

важным видом, но негромко, будто военную тайну, сообщает, что служить нам предстоит недалеко, рядом с Омском. Что же, Сибирь или Кавказ, Германия или Польша – мне было всё равно. Не страшно, не надолго, и главное – за меня будут думать и решать другие. Я продолжал пребывать в состоянии осенней сонной мухи, лишь на отдельные мгновения улетаая в прекрасные воспоминания о прошлом. За окнами вагона совсем развиднелось. Непривычная для меня картина голой осенней степи с редкими полосами лесонасаждений не радует. Бодрыми и радостными выглядят только наши сопровождающие – танкисты. После доставки нашей команды в часть они отправляются на дембель, домой. Это чувство близкой свободы мне неведомо так же, как и чувство неясного ожидания последних месяцев службы, до которых по закону тех лет всего три года. В сравнении с жизнью – так мало и так много, что хватило бы на огромную книгу.

**Александр
ЮДЕЛЬСОН**

**КАК СЕРДЦЕ,
ТРЕПЕЩЕТ СНЕГИРЬ**

* * *

Уже под утро в свете ночника
Я жизнь перебирал сначала.
Луна презрительно молчала,
В окошко глядя свысока,
И кот, как луч, по спальне крался,
Пытаясь слиться с тишиной,
Он взглядом с ангелом встречался,
Парившим где-то надо мной.
Жена спала, дыша свободно
Эфиром нежности моей,
Свидетель милый и безмолвный
Рождений сказок и детей.
Все в мире мне казалось ясным,
И даже сумрак за стеклом,
И смерть, шагающая властно,
И жизнь, прикрытая щитом.
И в их волнующем движеньи
Скрывалась тайна бытия:
Простое чудо размноженья,
Двух тел волшебное сближенье,
В себе безудержность тая.
И мне, участнику дуэли,
Был дорог этот вечный бег
Из сумрака – в холодный снег,
И вновь – к недостижимой цели.

2015

* * *

В сорок лет не бывает поэтов.
Те, что были, уже в гробах,
Им уже не колдует лето,
Не печалют любовь и страх.
Всё лежат, всё молчат, как камни,
Всё таращат свои глаза,
И росток свои корни тянет
Там, где раньше текла слеза...
Ни мечты, ни тревог, ни боли.
Всё прошло, утекло в песок.
Мы такой же хотели доли,
Но над нами смеялся бог.
Мы остались на этом свете
От чужой догорать искры.
Нам даны в утешенье дети,
К нам всё так же приходят сны.
Мы в своей первородной силе
Тащим мир на своём горбу.
То, что будет, и то, что было,
И того, кто уже в гробу.

2015

* * *

Знаешь, милая, знаешь, я еду домой.
С собой ничего не беру:
То, что нажил, зарыл под могильной плитой,
То, что помнил, забыл поутру.

Дома будет прохладно, ты знаешь, Сибирь –
Бесконечная, белая мгла...
Лишь на ветке, как сердце, трепещет снегирь,
Да ложится на крыши зола.

Белый снег, чёрный уголь и красная кровь –
Это всё, что осталось моим.
Мы с тобой раскопали под снегом любовь...
Где она? Растворилась, как дым...

2001

* * *

Я не видел его одного,
Только с моей любимой.
Я нежно трогал её живот,
Ставший его могилой,
И я растворялся в её любви,
Я бредил о них в разлуке,
И сердце отстукивало шаги
И к милым тянуло руки...
И вдруг в цепенеющем кадре ужаса
Я вижу, как в раковине, дрожа,
Мой сын умирает
И, криком у жизни пощады прося,
О чём-то мечтает...

А он всё живет у меня в мозгу,
Сцепившись комком нейронов.
И я, словно маленькую звезду,
Качаю его в ладонях...

1998

* * *

Стихосложение не грех,
Оно, скорей всего, улада –
Как горький привкус шоколада,
Как девичий задорный смех,
Как шум лесного водопада.
Но вечный принцип янь и инь
В нём проявляется контрастно:
Стихи оправдывают жизнь
И делают её напрасной.

2012

ЗИМОГОРЫ

Нас оставили напасти.
Посветлело. В вышине
Ходят зайцы жёлтой масти,
Отражаются в окне.

За окошком зимогоры,
Что вчера спустились с гор,
Отложив ночные споры,
Свежий пробуют кагор.

И от первого касанья
Мягких тканей языка
Будит сок воспоминанья
И туманит взгляд слегка.

Им не нужен gambler, yahoo,
Им не страшен лысый чёрт,
Ельцин, Клинтон, Нитаньяху
Или кто-нибудь ещё.

Эти парни ровно дышат.
Им такое по плечу!
По колено... Чуть повыше...
По... Ну, впрочем, я молчу.

1998

ПЕСНЯ

Закатилось колечко,
Так что больше не найти.
Сердце бьётся, словно свечка
Колыхается в груди!

И от этого так больно,
Что словами не сказать.
Видно, мне такая доля:
То, что дорого, терять.

Мне открыт простор до края,
До знакомого крыльца.
Да вот только в двери рая
Не пускают без кольца.

И от этого так больно,
Что словами не сказать.
Видно, мне такая доля:
То, что дорого, терять.

Сердце бьётся, точно свечка
Колыхается в груди.
Закатилось колечко
Так, что больше не найти.

2001

**Михаил
КРИВОШЕИН**

ДЕРЖИСЬ, РОДИОН, ДЕРЖИСЬ!

Рассказ

В Сибирь из Брянска пришло письмо:

«Здравствуйте, Родион Иванович!

Пишут Вам поисковики отряда «Слава героям» школы № 36. Мы с радостью узнали, что Вы живы, а Ваше имя отлито на чугунной плите, которая стоит на братской могиле в селе Бобровое. Вы воевали в отряде истребителей танков, и теперь у нас задача узнать, а кто же похоронен вместо вас? Мы знаем, что был взвод из тридцати человек, а осталось в живых восемь, знаем всех по фамилиям.

Приглашаем Вас к нам в гости. Мы свозим Вас к обелиску, и, может быть, Вы внесёте ясность, и ошибка будет исправлена.

*С уважением, школа № 36. Музей.
Апрель 2015 года».*

Родион Иванович едва дочитал письмо. Слезы застилали глаза.

В это время в комнату вошла внучка с кружкой воды. Она сразу поняла ситуацию:

— Дед, ты что, опять расстраиваешься? Тебе нельзя, побереги сердце. Тебя полечили, чтоб ты жил, а то в Москву на День Победы не съездишь. На вот, выпей водички и успокойся... Дай-ка я почитаю, что там пишут.

Внучка взяла письмо, прочитала и как-то вся подобралась. Подумала: «Ничего себе сюрприз», а вслух сказала:

— Вот радость-то! Там тебе памятник сколько лет стоит, а ты жив-здоров. Не плакать надо, а радоваться. Я вот рада-радёшенька. Бывает же такое! Счастливый ты, дед, и мы с тобой вместе. И что теперь делать? Поедешь, что ли? Тебе уже за девяносто. Выдержишь ли?

Родион Иванович вытер глаза, высморкался и ответил:

— Поеду, обязательно поеду. Надо поставить справедливую точку и честь отдать тому, кто за-служил. Я постараюсь.

Внучка вышла из комнаты с письмом и пошла к мужу держать совет.

Муж в гараже помогал сыну ставить мотоцикл на ход. Она зашла. Сына не было, уже укатил.

— Вань, на-ка, прочти. Что думаешь?

Муж взял письмо, долго читал, потом посмотрел конверт и сказал:

— Да-а... кандибобер. И что дед говорит?

— Говорит: «Поеду», — и плачет. Боюсь, не доедет.

— Доедет, и всё будет путём, — заверил муж. — У тебя дед — герой. Давай-ка мы Родьку отправим сопровождающим с дедом, побывает в Брянске, парад посмотрит. Москва-то хороша теперь.

— Ой, Вань, я что-то боюсь. Отправим старого и малого, как бы чего не вышло.

КРИВОШЕИН Михаил Александрович родился 12 ноября 1951 года в селе Кривошеино Томской области. Окончил Барнаульский индустриально-педагогический техникум. Отработал на стройках Кемеровской области 23 года. Публикуется в журнале «Огни Кузбасса». Автор пяти книг. Член Союза писателей России. Живёт в Мысках.

– Всё будет хорошо. Ты же знаешь нашего Родьку. Парень разумный, не зря в честь деда назвали. Ему эта поездка будет памятью на всю жизнь.

Родька лихо подрулил к воротам гаража. Взглянул на родителей и спросил:

– Что-то случилось?

Мать надёрнула улыбку и заверила:

– Нет-нет. А не хотел бы ты поехать с дедом в Москву и ещё в Брянск? В качестве сопровождающего?

Сын сразу смекнул:

– А это надолго?

– Ну, где-то на неделю, – ответила мать.

– А как же школа? – спросил Родька.

Мать, не мешкая, ответила:

– Да тут все майские праздники. Что пропустишь – наверстаешь.

– Да я с удовольствием! Вот друзьям скажу – враз облезут! – Родька развернул свой мотоцикл и погнал к друзьям.

Сборы были серьёзными.

Против такого сопровождающего запротестовали в военкомате. Но в области дали добро. Выезжали из областного центра с общим руководителем и даже врачом. Играла музыка. Было много провожающих. Всё очень торжественно. И наконец поезд тронулся.

Ехали весело, шумно. Родион Иванович ходил в соседнее купе играть в карты. Родька лежал на верхней полке и смотрел в окно. Много снимал на камеру. Особенно его поразил памятник Салавату Юлаеву, башкирскому народному герою. Он сделал несколько удачных снимков.

Так незаметно доехали до Москвы. Столица встретила шумно. Из всех динамиков звучала музыка. Кругом флаги и транспаранты. Их разместили в гостинице. Всё было учтено. Забота исключительная. Родька даже смущался, а прадед принимал всё с достоинством. Поездили по Москве с экскурсиями, поглядели.

На другой день уже парад.

Утром встали рано. Ветеран надел парадный китель и спросил у правнука:

– Ну как?

Паренёк смотрел не отрываясь и думал: «Какой же у меня прадед красивый и бравый, не хуже генерала! Не стыдно с ним погулять по Москве. Он умный и внимательный, никогда не скажет что-нибудь невпопад. Говорит, как профессор, выглядит, как генерал – есть на кого равняться».

В вестибюль спустились на лифте. Там толпился народ – ветераны и какие-то молодые люди. Это оказались волонтеры. Они организовывали ветеранов в группы, рассаживали в автобусы и отвозили к Красной площади. Там всех распределяли, кого куда. Родион Иванович устроился на трибуне, рядом Родька, осматривает всё внимательно.

По площади ровным порядком выстроились войска. Над площадью стоял гул. И вдруг всё замолкло. Откуда-то появился президент, его сопровождали несколько человек. Только они приехали, зазвучали фанфары. Начался парад.

Парад длился недолго. Долго добирались до гостиницы.

От всех предложенных угощений Родион Иванович отказался, а Родька молча сожалел и глотал слюнки. Да... Он с удовольствием бы посидел за хорошим столом.

Когда зашли в гостиницу, старший Родион, едва сняв китель, рухнул на кровать. Надо было отдохнуть. Ночью у них поезд до Брянска.

До Брянска ехали недолго. Там, в Европе, города и посёлки рядом, не то что в Сибири. Родька глядел в окно и всё размышлял. Когда рассветало, уснул. Родион Иванович разбудил его на подходе к Брянску. Надо было сдать бельё и собраться:

– Вставай, парень, пора умыться.

В Брянске их встретили школьники с цветами. С ними находился учитель. Он и был руководителем поискового отряда «Слава героям». Привезли в свою штаб-квартиру. Это был школьный музей. Все здесь посвящено Великой Отечественной войне. На расставленных стульях сидели школьники и местные ветераны. Школьники прочитали литературную композицию. Хор ветеранов исполнил несколько патриотических песен. Затем одна женщина обратилась к Родиону Ивановичу. Поздравила его с Днём Победы и поблагодарила за то, что он приехал.

А Родион Иванович всё время был каким-то отрешённым. Чувствовалось, что ему в тягость это мероприятие. В мыслях он находился уже там, у памятника.

Наконец всё закончилось, и им подали микроавтобус. К памятнику поехали несколько человек: руководитель поискового отряда, заведующая музеем, представитель военкомата и фотокорреспондент местной газеты. Ехали целый час по хорошей дороге, а потом ещё полчаса по просёлочным гравийкам.

Микроавтобус остановился под большим развесистым дубом, рядом с которым стоял обелиск с красной свежевыкрашенной звездой. У основания прикреплена чугунная плита с фамилиями павших.

Первым к обелиску подошёл Родион Иванович, под руку его поддерживал правнук Родька, а сзади шли все остальные. Без труда ветеран прочёл фамилии и, запрокинув голову, долго стоял молча. Всем казалось, что он глядит в небо, а он таким образом сдерживал слезы. Справившись с эмоциями, отчётливо сказал:

— Я знаю, кто похоронен вместо меня, но надо проверить. Когда меня ранило, я отдал все документы и письмо для родных старшине. Фамилия его Мезинцев, а имя — Никанор. Он тоже сибиряк, с Алтая. Сделайте запрос, вернулся он с войны или нет. Его могли похоронить под моей фамилией из-за документов. Тогда шибко разбираться некогда было. И ещё я помню, что он называл село Солтон. Раз вы поисковики, вот вам и карты в руки.

Старик погладил обелиск и сказал:

— Скоро встретимся, братцы!

Резко повернулся и пошёл к машине.

Домой ехали всё больше молча. Родька везде познакомился с девочкой и много с ней общался, а Родион Иванович ушёл в себя. На вокзале в Новокузнецке их встретили родные. Родька был рад, что папа и мама приехали из посёлка за ними на машине. А дед без эмоций сел в машину и молча доехал до дома. Только входя в дом, промолвил:

— Хочу в баню!

Внучка затопила баню и взялась готовить праздничный ужин, чтобы дед и сын поняли, как их любят и ждут дома.

Родька убежал к друзьям поделиться впечатлениями от поездки. Родион Иванович лежал на кровати, закинув руку за голову, и о чём-то напряжённо думал. Из этого состояния его вывела внучка, сообщив, что баня готова. Он встал, открыл шкаф, взял бельё, полотенце и пошёл мыться. Когда вернулся, сказал:

— Меня не беспокоить.

Внучка удивлённо глянула на него и спросила:

— А как же ужин?

Дед повторил:

— Меня не беспокоить.

Женщина пожала плечами:

— Ладно.

Родион Иванович зашёл в комнату, плотно прикрыв дверь, поменял простынь и наволочку и лёг.

Утром женщина сказала мужу:

— Пойди позови деда завтракать.

Он пошёл и через минуту крикнул:

— Таня, иди-ка сюда!

Войдя в комнату, она поняла, что дед не дышит. Он лежал ровно, руки на животе, на лице абсолютный покой и уверенность, что он всё сделал в этой жизни. Таня прислонилась к мужу, и её плечи задрожали. Иван положил ей руку на голову и утешал:

— Не плачь, Танюша! У нас остался сын, это его продолжение. Вот ведь какой был человечиче. Не будем пока говорить Родьке, пусть идёт в школу. У нас теперь много забот. Я вызову врача и милицию, а ты обзванивай родственников. Да, надо не забыть сообщить в военкомат и совет ветеранов. Его там уважали.

Родька, ничего не подозревая, убежал в школу. Ну а родители начали подготовку к похоронам. Всё в доме ожило: задвигались туда-сюда какие-то люди, подъезжали и отъезжали машины.

В обед с шумом влетел в дом Родька. Его в школе спросил учитель:

— Что, у вас дед умер?

Родька ответил:

— Да нет, живой.

Учитель продолжил:

— А... так ты ещё не знаешь. Умер, умер. Ты иди домой.

Родька сорвался с места и побежал домой. Только повернув на свою улицу, понял: учитель сказал правду. Во дворе было много народу, и около входной двери уже стояла крышка гроба. Он остановился, сделал несколько глубоких вдохов и, глядя в небо, сказал себе:

— Держись, Родион, держись!

Так говорил прадед в трудные минуты жизни.

Евгений
ЧИРИКОВ

В ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ

Очерк

Детство Василия Петровича Ткачёва прошло в Белоруссии.

1941 год. Война, война началась! Уже в конце июля в село (с. Разрытое Смольковского сельсовета Костюковического района Могилёвской области) прикатили немцы и начали хозяйничать с весёлым гогом сверхчеловеков. Они ходили в расстегнутых по-бандитски рубашках с засученными рукавами. Поставили полевую кухню и готовили блюда из мяса убитого скота, заставляя женщин чистить картошку. Заливали ульи водой и вытаскивали рамки с сотами. Отбирали у колхозников хлеб, молоко, масло и прочее. Василия поражало в немцах всё: речь, форма, машины. Дом Ткачёвых стоял в середине села, но в стороне от центральной дороги, во дворе был колодец.

Одним днём Васёк лежал на кровати под дерюжным пологом, отдыхая от жары и мухоты, гудевшей в избе. Мать хлопотала у печи. На лавке напротив двери сидел немецкий солдат с забинтованной от чирьев шеей. Вдруг он спросил:

– Какая же у вас семья? Где дети?

Удивлённая чисто русской речью и обрадованная тёплым тоном, мать, неграмотная женщина, выложила всё, как на блюде:

– Один сын у меня куманист, другой комсомолец. Где-то воюют они и скитаются, беденькие, как и вы!

– Мамаша, так нельзя говорить! Мы же враги! Я серб, мобилизованный в армию, а если бы настоящий немец?

– Ой, деточка, я и не знала! – всплеснула мать руками.

Отец вернулся с лесной пасеки и ругался на мать (солдат ушёл):

– Дура ты, дура! Кому всё рассказываешь! Нас всех могли спалить и повесить!

Васёк был третьим сыном-пионером, который только что окончил семилетку и готовился к приёму в комсомол. Отец же, православный, не любил коммунистических порядков. Он негодовал, когда сын-комсомолец, братка Васёк, должен был показывать пример и выходить на сев в Пасху.

– Ироды вы! Антихристы! Ничего не понимаете!

Всего у Ткачёвых было двенадцать детей, куча мала.

Прошёл год и больше. В ноябре 1942 года немцы собрали в Костюковичах молодежь пятнадцати – шестнадцати лет и подогнали вагоны-телятники. «Шнель, шнель», – приклад в мосластую спину. «Шнель, шнель», – здоровый пинок в зад. Грубые, гортанные голоса. Неимоверная давка и духота, вопли и причитания.

Вместе ребят и девчат набили в вагоны плотно, как снопами. Некоторые разбегались. Им кричали: «Хальт!» – и расстреливали из автоматов.

98 Два дня ехали в смраде пота и мочи. Василий попал к стене, подальше от двери. До войны он никогда не ездил поездом. Первая остановка была в Гданьске. Когда дверь открылась, отсеялись мёртвые (задохнувшиеся) и сошедшие с ума, которых куда-то увели... В вагоне стало просторнее. Дали солому, можно полежать. Ехали и плакали.

В Восточной Пруссии пересадили в пассажирские вагоны. Пархим, Берлин, Бремен. Высадили и повели по Бремену, оборванных и зловонных.

– Штынкенд! Штынкенд руссисх швайне! Штынкенд хунде! (Вонючие русские свиньи! Вонючие собаки!), – кричали им дамы в лисьих воротниках, две-три лисьих головы на воротнике с глазами по плечам.

Видимо, жёны эсэсовцев. Кроме лис, на воротниках ещё какие-то зверьки.

Огромный лагерь, гвалт табора, сборные бараки, двухъярусные койки, матрасы со стружкой и соломой.

ЧИРИКОВ Евгений Стефанович родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Основная профессия – журналист. Издал пять книг художественной и документальной прозы в частном порядке. Живёт в Кемерове.

– Ауфштейн! (Подъём!) – горланит дежурный вахман.

Подъём в шесть, отбой в одиннадцать. Рукомойники прямо в бараке. Никакого мыла. Из предметов гигиены только полотенце.

– Ауфштейн! Ауфштейн антретен! (Строиться!) Гиммлиг! Гастед! Алыгайде! – объявлялись названия заводов.

Каждый должен был знать свою колонну. На работу уходили без завтрака. Если на завтрак давали баланду, тогда не кормили обедом. Строем вели к особой остановке, куда подавали задрипанный трамвайчик, и везли на завод. Лагерная охрана сдавала колонну заводской вахте, помещение которой оборудовалось сигнализацией. Вокруг трёхметровая кирпичная с облицовочной стена забора, наверху штыри и проволока.

В цеху чистенько и всё упорядоченно. Встречает герр мастер, герр шеф. Лакированные туфельки, новёхонький костюмчик и фетровые щётки, чтобы брюки не мялись.

– Ду, ду, ду! Москау капут, Шталин капут. Криг форбай. Их ин ди Украине гейн унд вирд хастебер. Арбайт фо миа! Гут арбайтен – зонтаг шпациен. Шлехт арбайтен – зонтаг арбайтен (Ты, ты, ты! Москве капут, Сталину капут. Войне конец. Я поеду на Украину и буду хозяином. А вы будете у меня работать. В воскресенье дам выходной. Плохо будете работать – и в воскресенье будете работать).

Герр мастер бил пацанов палкой. Вдвоём они ящик поднять не могут, а вчетвером места нет. Но ему какое дело?

– Фесте! Фесте! Фесте! (Быстрее!..)

За смещённые, косые глаза его прозвали Камбалой.

– Камбала идёт!

– Вас? Вас ист дас камбаля?

– Гут ман.

– А-а-а... Я, я ... Их гут ман (Да, я хороший человек).

Подростки работали чернорабочими, взрослые слесарили-токарили. Приходилось делать всякое. Столбы, плашки, корыта и желоба для бауэров. Опалубка на болтах, цемент со шлаком, и получается лёгкий столб, нужный для хозяйства.

И в городе, и на заводах ровняли ямы после бомбёжек, ремонтировали развороченные крыши.

На пару дней пригоняли табунок девчонок, польских евреек, просеивать песок. Скелеты, со-

всем тени, лопату поднять не могут. Хотя все жили одной заботой – как бы выжить самим, но этих девчонок было жалко и больно на них смотреть.

Гудок сигнализировал об обеденном перерыве. Немцы-рабочие спешили в столовую. Или на виду у голодных лагерников ели прямо на верстаках, разогревали котелки автогеном, доставали бутерброды, жевали и запивали чаем из термосов.

Вечером в лагере ждали баланда и хлеб, напленный ниткой, чтобы не крошился, так как из него сыпались крошки вместе с опилками, если резать ножом. Бдительно следили, чтобы все куски были ровные. Брали их по жребии, повернувшись спиной.

С работы приходили часов в восемь – девять вечера и сидели усталые на нарах, чиня одежду и толкуя про еду, еду, еду... Все разговоры – о пище. О вкусных блюдах. О том, что приходилось есть раньше. О будущем, что мечтается съесть. О хлебе, картошке, борще, каше, масле.

В том первом лагере, куда попал Ткачёв, спать все должны были в рубашках, но без порток, что с непривычки казалось противоестественным. Такую европейскую культуру прививал быдлу комендант по прозвищу Папаша, у которого кожа с подбородка свисала, как у коровы. Он всегда проверял исполнение своих приказов. Найдя ночью одного поляка в штанах, Папаша заставил его присесть на корточки и прыгать, громко квакая. Затем весь барак за провинность одного делал то же самое. Зрелище прыгающих гуськом и квакающих человечков очень Папашу забавляло.

Парня, который мочился по болезни в постель, он воспитывал особо, приказав тому ходить по бетонным дорожкам с сырым матрасом на голове. Ещё он любил выдернуть стойки, которые держат поперечные плашки, крепящие нары. Спящий падает на нижнего, оба пугаются – немцу смешно.

В субботу работали полдня, если не приходилось раскапывать завалы от бомбёжек. В воскресенье выходной. В эти дни комендант часто развлекался тем, что приказывал вылить весь запас воды в противопожарной бочке (ведер 50). Неприятно шлёпать по бетону, залитому водой. Поневолле нужно убирать. Пацаны набрасывались, как муравьи, и собирали воду кто чем – баночкой, кружкой, мешковиной.

Особое наслаждение Папаше приносило наказание поркой. Трёхногая табуретка. Станови-

лись в наклон, кладя на неё локти. Вахман стал ниже ягодиц (штаны не снимались).

– Айн! Цвай! Драй! – торжествовал Папаша.

Били так, чтобы дольше помнил вину и наказание. Жилы внамяжку, кровяные рубцы, десять – пятнадцать горячих. Но если орёшь, то получишь все двадцать пять. Впрочем, всё быстро заживало. Как на собаках. Когда этот лагерь полностью сгорел от английских зажигательных бомб, Ткачёва переместили в другой.

– Нынке нэбо накондубасилось, моква будэ.

Васёк рот разинул, не понимая, пока не перевели: сегодня небо нахмурилось, дождь будет. Случайно он попал в барак с украинцами из Волины. Здесь жили не общим табором, а в комнатах по шесть человек. Даже закрывались изнутри.

– Витчини, а то завертку видгепе! (Открой, а то крючок сорвёт!) – говорили, когда кто-то стучал в дверь.

Но те же нары. Мешковина со стружкой вместо матрасов. Подушка и одеяла из грубой ткани с толстыми нитками.

Баландеры разливали баланду по талонам. Все старались есть как можно быстрее, чтобы получить добавку, обычно четыре – пять котелков оставалось. Хохлы отталкивали других и требовали всю добавку себе, так как они приехали сюда добровольно и к тому же помогали вахманам в роли полицаев. Шла борьба. Волынцы и настояли на введении отличительных знаков, получивших хождение в лагере. Пшеничный колос на белом тряпичном квадрате – хохлы. Две бульбы – белорусы. Чёрный крест – русские. Азиаты и так отличались физиономиями.

Дни слились в сплошную безнадёжную пелену. Уже много месяцев Василий маялся в дурноте лагерной жизни. Зимой и летом одна и та же одежка. Баня раз в две недели. Пропарочная камера. И всё равно вши. Состояние отупения и животной покорности. Первое время он чувствовал острое желание выжить, приспособиться и выжить. Теперь же ему и не верилось, что вернётся домой живым. Вокруг ежедневно умирали люди. Труднее приходилось курильщикам. Они меняли хлеб на табак (махру, которая зекам по-настоящему выдавалась). Пайка хлеба – это треть буханки, в массе которой преобладали опилки. Глядишь, не встаёт человек с нар. Полежит два-три дня – и готов.

Курили прямо в бараках, а на заводах – в туалетах, отдельных для немцев и арбайтеров,

представлявших собой чистые сооружения с кафелем, как сейчас у нас на вокзалах. Ткачёва спасло то, что он не курил.

Его засасывала апатия. Дом родной растворился в неведомой дали, стал забываться. Забывались лица родных, матери и отца. Они обретали всё более смутные очертания. Да и стоит ли дом? Живы ли родные? При отступлении немцы могли сжечь деревню, убить жителей. А о том, что немцы отступали, в лагере знали. Информация просачивалась. И если что-то знал хоть один, знали все другие. Поскольку переписка разрешалась, приходили весточки с родины. В одной открытке из Восточной Украины сообщалось: нынче картошка цветёт буйным красным цветом, а белый посыхает, наверное, пропадёт. И все догадывались, что речь о Красной армии и фашистах.

Получил открытку и Васёк. Вместо неграмотных родителей её написала учительница Анна Ивановна Хрупская. Все живы и здоровы, просто сообщалось в ней. Вася ответил, что живёт хорошо, как Настя Запекина. А родители уж знали Настю, самую бедную в деревне, живущую без куска хлеба в избушке без пола.

В это время Василий работал на авиазаводе, который выпускал «Фокке-Вульфы». Рядом простирался огромный аэродром, замаскированный макетами чёрных и пёстрых коров. Сверху смотреть – мирное пастбище. Дорога из лагеря на завод шла между двумя судоходными реками. Рукав одной из них заходил тупиком в болото, где возвели ложные цеха со стенами и крышами из камышовых матов.

Здесь, в матах, спрятала Швачко тело жертвы. Идя вдвоём по дороге, она убила подругу за семнадцать марок (охрана тогда уже была ослаблена, обе ходили без конвоя; что касается марок, то где-то подруга их заработала). Немцы объявили по лагерю о повешении Евдокии Георгиевны Швачко. Васёк знал её, рослую дивчину лет двадцати. Женщины жили в соседнем бараке. В принципе, можно было общаться и даже крутить любовь. Но из-за голода к ним не тянуло.

Василий перевёлся в другой барак, где жили земляки из Белоруссии и много украинцев, только не западнцев и не «добровильцев», желающих встречать фрицев хлебом-силью. С одним из них, сверстником Иваном, таким же долговым, как он сам, но более крепким, Ткачёв сдружился.

Вокруг лагеря расстилались поля, здесь и там виднелись строения бауэров. Пришла благодатная германская осень. Поля оголились. Житный покой застыл по ту сторону колючей проволоки, если не считать авианалётов.

Делая ночные вылазки, обитатели лагеря обшарили всё в радиусе трёх километров и развели кое-что съестное. С ходом войны охрана слабела, в то время над бараком начальствовал хромой вахман, а в единственной сторожевой будке, возвышавшейся над ограждением, сидел старик-инвалид с винтовкой. Ночью ничего не стоило приподнять проволоку, подрывать под ней песок (там песчаная почва) и выскользнуть наружу.

Однажды прямо из лагеря увидели в сохранявшейся отчётливости прозрачной дали, как бауэр привозит на телеге картошку и буртует её в яме, очевидно, для посадки весной. На него работали два поляка и француз. Разведка показала, что клубни в яме здоровенные. В разработке этой ямы хорошие организаторские способности проявил уборщик Витя Тарасюк, большинству хлопцев годившийся в отцы. Он скомандовал: воровать, но следов не оставлять. Ходить к яме не одной тропой, а многими. Обязательно сохранять внешнюю форму кучи поверх земли. Ходить за бульбой строго по очереди, разбившись на пятёрки.

Началась осторожная, аккуратная ночная работа. Далеко не все подключились к ней, так как риск был немалый, а лишь те, кто отчаялся: а, риск лучше, чем голодная смерть, мать её!.. Двое-трое пробирались к яме, двое оставались на вассере.

В бараке стояла круглая печь без верхней плиты (в городских лагерях печей не имелось). Топилась она прессованным торфом, который воровали на заводе и проносили за пазухой или в штанине. Иногда удавалось добыть уголь. Печь давала отличный жар. Прямо внутрь ставили специально сделанную кастрюлю с длинной ручкой. Смотришь, она уже кипит. Глядишь, и другие варят и едят, как по конвейеру.

Однажды ночью в барак зашёл комендант. Увидел, что держат в печи кастрюлю. Повернулся и ушёл. «Я вас нэ бачив и вы мэнэ нэ бачили», — якобы показал своим видом комендант, в переводе Тарасюка.

То был особый комендант. Тщедушный на вид, немолодой, раненый и больной, но безусловно добрый, как в сказке Андерсена. Он зани-

мался своим хозяйством, держал при лагере кур, гусей, кроликов и не лез в воспитатели арбайтеров. Больше этого, давал им советы вроде того, что если они, работая у бауэров, будут плохо накормлены, то могут отказаться от работы. Увидев ночной пир, он распорядился отдать узникам бочку для очисток. Тарасюк поставил её возле туалета — обычного дощатого сортира во дворе, чтобы никто не сунулся туда искать, и варил в поставленном рядом котле очистки в виде дополнительного рациона.

Месяца через два всю картошку съели, а было её тонн десять. Несколько раз в лёгком фэтоне хозяин подъезжал к яме и быстро поворачивал назад, видя, что всё в порядке.

Наступила весна, пора сажать картошку. Хозяин вскрыл яму, а там ни единой бульбочки.

Лагерная колонна возвращалась с работы и увидела человек пять гестаповцев при мотоциклах с пулемётами. Среди них хозяин. По очереди брали из строя, заставляли показывать свой шкаф (где полотенца). Ничего не найдя, ставили на шкафу мелом крест. Комендант сказал, что ничего не видел. Нет доказательств — нет преступления. Гестаповцы уехали ни с чем.

Вскоре привели собак и поставили их будки по углам. Внутри зоны, дурачьё, посадили псов. Их быстро приручили и ласково гладили. Ночные вылазки продолжались с заходами подальше, хотя ничего крупного больше не попадалось. Так, мелочь. Кролика из клетки вынешь, яблоко сорвешь. Опасно. Бауэры начеку, собаки хозяйские лают. Начались жалобы властям. Не повторилось больше такой удачи, как с картошкой. И то, если бы не комендант...

Несмотря на окончание семилетки, своё пионерство и комсомольство братьев, сознание Василия Ткачёва было политически неразвито. Не первый год шла война, но он никогда не задумывался и не понимал, какие цели преследуют немцы. Дремучее невежество владело им. Однако когда приходили сытые власовцы в немецкой форме, у него возникало желание обматерить их. Они набирали людей в ПВО и рассказывали, что обеспечивают защиту города от авиации новым способом. Открывают вентиля таких-то бочек, и город окутывается туманом (который, правда иногда относил ветер).

— Друзья! Записывайтесь к нам! Война кончится, немецкое правительство даст нам определённые льготы...

Их провожали матами и свистом.

– Пошёл ты! Нашёлся друг с Брянского леса!

Мало кто шёл к ним служить, и всё же находились и такие, кто не хотел умирать голодной смертью.

С ходом войны немцы добрели к русским. Вдвоём с товарищем Ткачёв копал яму возле погребка на отшибе территории завода. Рядом казарма и аллея, ведущая в столовую. Туда и обратно проходили офицеры, на которых хлопцы не обращали внимания. Идут двое.

– Рус!

Васёк обернулся. В кусты что-то полетело, и офицеры удалились не оглядываясь. В траве Ткачёв нашёл сверток. Развернули – хлеб!

– А если отравленный?

– Кому надо нас травить? Что мы, нужны кому?

Они прыгнули в яму и мигом хлеб съели. Хороший, ржаной, без опилок.

В другом случае колонна шла с работы. Бауэрша встретила и попросила охрану дать четыре человека под её ответственность. На следующий день за четверыми пришла работница, неразговорчивая немка, и проводила их к месту. Перед работой хозяйка дала скибочки хлеба, намазанные мармеладом и патокой.

Машина, которую возила четвёрка лошадей, вязала снопы и сбрасывала. Рабочие собирали их. После работы фрау пригласила к себе в дом. Сидя перед кухней у мешков с удобрениями, ждали, когда она позовет. Пришёл её сын, года на два старше Василия, сел напротив на мешки, грустно лупая глазами. Задумчивый и невесёлый. Мать принесла чашу с картошкой, стручками варёного гороха и фасоли (обед у них без хлеба) и показала на сына.

– Майне кинде руссиш зольдатен хенде... (Моему сыну отбили руку).

– На х...! – сказал один из рабочих. – Надо было голову оторвать! Его не просили к нам!

Сын поднялся и чисто по-русски ответил:

– А, всё равно...

И пошёл. Сидя за одним столом с хозяевами, ели работники без аппетита, ошарашенные неожиданным исходом разговора. До лагеря их проводила та же неразговорчивая немка.

Эдуарда, преданного Родине человека, знал и уважал весь барак. Офицер Красной армии, он попал в окружение, отлёживался раненый в деревне и был угнан в Германию как рядовой

колхозник. Невысокий и не очень широкий в плечах, находчивый и хитрый, он всё умел, за ним люди могли пойти. Работал он в токарном цеху и выточил зажигалку размером с фляжку на пол-литра бензина. Обменивал токарные безделушки с немцами-рабочими на еду и умудрялся пронести в зону мясной фарш под баландой в миске (заклочённым привозили обед во флягах). Здорово рисовал и сделал точками портреты переводчиц, которые всегда ходили вдвоём, рослые, в кителях, юбках и длинных пилотках. И которые...

Впрочем, дело было так. Колонна шла на завод в сопровождении хромого вахмана. Он ехал на велосипеде, крутя одну педаль, вторая нога у него не гнулась. Ему захотелось ехать повеселее.

– Зинген! Зинген! (Спойте!)

Голос запеваля Эдуарда вознёсся над равниной:

*Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши мужеством полны сердца...*

Бодро колонна шагала с песней. Вахман улыбался, довольный, пока крича не подбежали обе заводские переводчицы. Не слезая с велосипеда, вахман врезал запевале костылём по плечам.

Эдуард жил мыслями о побеге. Бежать с ним решили Смирнов и Гусейнов. Они наполнили зажигалку-фляжку бензином, накопили кое-какую снедь, вылезли ночью из-под проволоки и взяли направление на Польшу.

Через несколько дней на завод работников утром не повели.

– Пойдёте сегодня на экскурсию, – сообщила переводчица без улыбки.

Рабов построили и направили к поляне у ангаров. Там на пустом месте стояла виселица. Человек пятьсот рассадили полукругом в несколько рядов метрах в двадцати пяти – тридцати от орудия смерти.

Подъехала чёрная машина вроде полуторки с приткнутым к кабине ящиком, откуда два «добровольца» вывели Гусейнова и накинули на его шею петлю. Она попала концом вперёд, и немец-солдат её поправил, перевернул назад. Руки Гусейнова были скованы за спиной наручниками. Чёрненький, лет семнадцати, одет в тряпье. На лице застыла гримаса предсмертной улыбки.

Гестаповец произнёс речь, которую другой немец перевёл:

– Вы видите перед собой вашего парня. Он бежал и занимался разбоем, много-много раз воровал. И немецкое правительство решило его повесить в назидание остальным. Вы все должны понимать это!

Между собой пацаны осуждали Гусейнова за молчание. Мог бы крикнуть: «Да здравствует Родина!», всё равно конец. Но Гусейнов вымолвил лишь слово: «Один». Никому ни о чём не говорившее слово. Все гадали: один раз бежал? Один раз украл? Он стоял на краю кузова с откинутым бортом.

Послышался свисток. Машина медленно тронулась, верёвка натянулась. Гусейнов инстинктивно рванулся по ходу машины. Тело его повисло в воздухе и трижды встрепенулось. Язык вывалился набок и стал пухнуть на глазах.

Зрителей заставили по два раза подойти к нему. Ходили хороводом и смотрели. Те, кто не хотел или не мог приблизиться, получали по зубам.

Смирнов погиб позже. Судьба Эдуарда долгое время оставалась неизвестной.

На побег Василия подбил его друг Иван, даже в лагерных условиях не утративший богатырской мощи, с толстенной шеей-чугунякой, гудевший басом:

– Чого тэбе надо? Пийдемо до станции, сядем у вагон, иде уголь та дрова, возьмем дорожи до Польши и там побачимо. Там будэ видно.

Они подсушили по три пайки хлеба и вылезли ночью за территорию. К тому времени комендант сменился, охрана по-прежнему была почти никакая. Василий приподнял проволоку. Иван пролез первый и поднял проволоку для друга.

Вокруг цепенела равнинная местность, мгlistая под светящей сквозь туман луной. Шла весна (1944 год) на границе марта и апреля. С моря дул самый «хивус», сырой северный ветер, губивший много людей, пронизывая через обноски до косточек. Беглецы пошли к Бремену курсом, противоположным заводу. Дорогу они знали, так как им приходилось нести чемоданы отъезжающего в отпуск вахмана. Вышли на окраинную улочку, по пути ещё река и красивый многоарочный мост, по которому ходили трамваи. Мост почему-то не охранялся. Шли при уличном освещении, ни одного прохожего не встретив. Конечно, глупо. В залатанных пиджачишках, не владея в должной мере языком, чтобы сойти за немцев.

Благополучно пришагали к станции, полностью крытой вместе со стоящими на ней соста-

вами. Стоя на путях, начали искать товарняки. Выглядывали, изучали, где какое будет «купе».

– Пойду посмотрю, угольник там или чё, – длинный, худой Васёк подлезил под вагоны.

Рассветало. Путевые рабочие-поляки ремонтировали шпалы. К ним хлопцы подходить боялись. Весь день просидели в укромном месте. К вечеру стали выходить из-за вагонов, чтобы всё-таки облюбовать нужный состав, пока светло. Заметили немца с жезлом и тут же спрятались. А он как раз обратил внимание на мелькание голов и куда-то исчез. Минут через двадцать привёл полицейского в чёрной гестаповской форме, фуражке с высокой тульей и кокардой.

– Хальт! (Стой!)

Бежать некуда. Сами подошли.

– Почему вы здесь? Из какого лагеря? – спросил полицейский по-немецки, для лучшей разговорчивости вlepив каждому пощёчину.

Их привели на дежурный пункт гестапо, позвонили в лагерь, откуда приехал кто-то из вахманов.

Далее – комендатура «родного» лагеря, снова пощёчины (от вахмана) и дубинные кулаки под дых (от нового коменданта). Лагерное начальство ощущало некое бесчестие от побега своих подопечных. Составили документ и позвонили в городское гестапо. Оттуда приехал «чёрный ворон». Беглецов увезли в бременскую тюрьму, отдававшую подавляющей страхотой безнадежности. Дверь и турникет с лопатками, ещё несколько дверей, железные засовы, каземат с толстыми каменными стенами.

Вместе с Иваном их завели в камеру с бетонным полом и единственным голым топчаном. Наверху, метрах в трёх от пола малюсенькое оконце. Надпись на стене по-русски белой несмывалкой: «Иуда». В камере томились два русских военнопленных в солдатской форме, уже в годах, избитые и измученные. Они вспоминали свои бои. Хлопцев за побег обозвали «молокососиками». А те сидели и лежали на полу, придавленные безразличием ко всему. Лишь бы не убийли.

Дня через три их увезли. Ивана неизвестно куда, а Василия в красные пески карательного лагеря, не объявляя приговора. Он ехал в машине-фургоне с зарешёченными окошечками и охранниками в отделении у кабины.

Наконец-то дверь фургона открылась. Кругом красная пустыня. Пески, пески, ни единого деревца и сборно-щитовые бараки за колючей

проволокой, бараки-сарай на болтах, крыши которых подпирают столбы.

Вышки с прожекторами, дороги, вымощенные булыжником, три ряда проволоки, внутренний ряд под высоким напряжением, между двумя внешними бегают овчарки.

Этот ад страшнее того, откуда Васёк пытался бежать. Длинные хвостатые вши, кишащие в рубцах одежды. Вечером рубаху стянешь с себя – и к печке. Они потрескивают, сгорая. А утром – новая, молодая рать.

Павильон умывальни во дворе. Кто-то умный сидел в кабинете и сочинял правила. По лагерным правилам, пленный обязан выйти к павильону без рубашки, намочить и растереть грудь. Наблюдающему за умыванием вахману-мадьяру смешно, как доходяги трепыхаются под каплями, отжимая соски умывальника. Боязливых он берёт за шкурку и суёт под холодные струи.

Туалет по принципу тюремной парашаи прямо в бараке. Стоит бак, от него вонища. Выносят его те, кто посильнее.

Утром часто можно было увидеть: кто-тоazole нар не может подняться с четверенек.

– А-а... Помогите...

С пустой душой проходили мимо него – сегодня ты, а завтра я... Обречённый повалится у стенки, затихая навсегда. Тогда те, кто ещё жив, сообщают вахману, накидывают на шею трупа верёвку и выволакивают за территорию, зарывают прямо в песок.

В этом карательном лагере сидели чехи, поляки, русские, украинцы, французы. Свиные венгры и румыны конвоировали на работу. Лупили беспощадно.

– Это вам не Сталин! Я покажу вам Сталина!

Когда на проверке одного зека не досчитались, яро поигрывая витой плёткой, румын-коротышка пошёл в барак его искать. Он долго не возвращался, стегая нарушителя дисциплины, не вставшего с нар. Другие охранники пошли посмотреть и вернулись хохоча: хотел мёртвого поднять! Не скоро они смогли унять смех.

На работу водили без завтрака через беденькую деревушку. Недалеко от Северного моря немцы строили подземный завод и вырыли огромный котлован. К началу мая с моря дул пронизывающий ветер. Играли набегающие волны. Ткачёв впервые в жизни увидел море и корабль с пушками, громадный, что целая улица.

Он видел и лагерь с англичанами, которые содержались согласно конвенции, ходили в собственной форме, жёлтых ботинках, брюках цве-

та хаки и беретках. Они ели шоколад и играли в волейбол с красными, загорелыми физиями.

На глазах Васька сбили отставший от эскадрильи английский бомбардировщик. Он отчаянно отбивался от истребителей, но всё же его подожгли. Самолёт врезался в землю, лётчик, невысокий британский герой, спасшийся на парашюте, был пойман и, видимо, водворён в тот же лагерь.

Котлован продолжали углублять, сбрасывая грунт в низину. Дружными усилиями бригада человек в четырнадцать ворочала ломом землю. Узники ходили в деревянных башмаках-колодах вроде сабо, в них набивался песок.

От колющей крупы ноги опухали, некоторые, возвращаясь в лагерь, отставали от строя.

– Шнель! Шнель! – прикладом его. – Люшнель! Фесте! Фесте!

Выбирали из колонны двоих покрепче, которые вели отстающего под руки.

Пока ждали вагонетки, укрывались от ветра в углублениях, сделанных в песке. Сидели на корточках спиной к почве. Ветхий пиджачишко не спас Ваську от сырости, он простыл и тяжело заболел.

На следующий день он ещё смог сходить на работу, но через сутки, когда построили, держался за товарища. Старший полицай, румын в штатской одежде, один из тех, кто хохотал над избиением мертвеца, заметил его слабость и отставил в сторонку. В тот же день его поместили в блок для больных, а дня через два «чёрный ворон» увёз в лазарет, то есть такой же барак-сарай, стоявший на морском берегу.

Василий с трудом дышал, это походило на воспаление лёгких. Никакого лечения он не получал. Лишь дважды на больных вроде как ставили эксперименты, купая в ванне с тепловатой водой и заставляя потом стоять голыми на сквозняке.

Часто брали кровь из пальца и вены, шлёпая засохшую руку, чтобы набухла. Он слышал об опытах, которые ставят немцы, о детской крови для раненых, и чувствовал, что попал в подопытные. Ему думалось, что близится крематорий или просто песок пустыни. Никаких уколов, только кровь сосут и сосут, выдавливают на стеклышко.

Как во сне боролся за жизнь Василий. Чтобы пойти в туалет, он вцеплялся в стойку и полз на карачках к другой. Пальцы ног ломало так, что

невмоготу. Когда поднимаешься, темно в глазах. Сognёшься и хватаешься за стойку.

В бараке доживали последние дни много французов. Что-то бормоча, человек пытается встать с нар, беспомощно хватается за стойку, отваливается – и готов. Умирали многие, барак наполовину пустовал, после умерших оставались пайки хлеба. Хлеб не лез Василию в горло, аппетита не было.

– Дяденька, возьми мой хлеб, мне не нужен, – предложил он соседу.

– Ешь, сынок, сам. Перемоги себя. Помочи как-нибудь в воде, а то отощaeшь.

Василий послушался его совета, оставшись на всю жизнь благодарным этому человеку.

Как он очухался, не подлежит объяснению. Почувствовал себя лучше и стал выползать из барака сначала на карачках, греясь на солнышке в животной позе. Видимо, поднялся благодаря собственному здоровью, унаследованному от деда. Вся деревня знала и помнила его, с огромной бородицей, как он шёл, неся два мешка по шесть пудов. Дед на спор поднимал шулы (столбы для ворот)...

Василия снова перевели в карлагерь и вскоре объявили, что его трёхмесячный срок кончился.

В конце войны бременский лагерь почти никак не охранялся. Рано с работы придёшь, можно было часа на два-три выбраться в город с аусвайсом, удостоверяющим личность. Охрану обойдёшь, там какой-нибудь старичок стоит, только рукой махнёт, мол, лишь бы возвратился на ночь. Василий и раньше вырывался в город, особенно в начале своей одиссеи, когда немцы платили деньги, пять – семь марок в месяц, и на них можно было что-то купить. Теперь всё продавалось в магазинах по карточкам. Войдёшь, колокольчик зазвенит, продавщица выходит к прилавку.

– Брод?.. (Хлеб есть?)

– Русиш? Карт нихт? Вег! Вег! (Карточки нет? Прочь! Прочь!)

Многодетный сухорукий офицер, у которого разбомбило дом в Бремене, взял Василия вместе с тёзкой, Василием Крикуновым, чтобы построить домик в деревне, где жила сестра офицера. В этой большой деревне со школой, ресторанчиком и пивнушкой, чистеньким домиком-баракком для пленных французов строители и ночевали. Правя одной рукой, каждый день на велосипеде туда приезжал офицер. Другая рука висела в чёрной перчатке.

– Крим. Русиш зольдатен пух! Криг...

Жили у хозяина по фамилии Люман, имевшего двух лошадей, девять коров, семь подтёлков, около двадцати свиней. Три года, не зная горя, работал у него Гришка, хохол из Каменец-Подольской области. У каждого хозяина здесь своё пастбище, огороженное проволокой, навесик от солнца. Коровы доятся там, где пасутся.

Только успели покрыть крышу домика, как через деревню прошли отступающие немецкие солдаты. Днём, перед обедом, налетели английские самолёты. Строчили длинными очередями, бросали зажигалки. Начался пожар. Лошадей и свиней не задело, а коровы, прикованные цепями, сгорели. Одна чудом спаслась и бродила обгоревшая.

После пожара вся деревня уехала к водяной мельнице, километра за два. Деревню бросили. Остались одни работники – русские девки, поляки, два Василия, Гришка. Кормили скотину, свиней, кур. На третий день появились англичане. Хлопали по плечу.

– О, рашен!

Англичане сказали, что нечего здесь больше болтаться, надо собираться и группами идти в Милитергаффе. Бывшие рабы взяли велосипеды и поехали в указанном направлении.

К ночи прибыли в Милитергаффе, военный городок. Сбросили лохмотья и переоделись в приличную одежду, порывшись в подвалах, набитых вещами и продуктами со всей Европы.

Около месяца тысячи человек жили в городке в казармах, комнатах по трое-четверо. Чистота, шифоньеры. Спортивный инвентарь – кольца, гири, гимнастические кони.

Первое время царил анархия. Потом власть взяли бывшие советские офицеры. Назначили дежурных, организовали дисциплину, молодых пробовали сбивать ротами и обучать военному делу. Командиром был Иван Александрович Ищенко.

Приехали два русских лейтенанта, собрали митинг.

– Дорогие братья и сёстры! Готовьтесь к возвращению на Родину! Не бойтесь... Всё, что было, Родина вам простит... Будут поданы машины, и вас перебросят в советскую зону оккупации.

Дня через два подошла колонна английских машин. «При полном боевом снаряжении», то есть по два мешка барахла на каждого, освобождённые узники забрались в кузова. Ехали через

разбитые речки, понтонные мосты, мимо вздыбленных рельсов. Прибыли в город Пархим.

Расселили их по баракам, после допросов в особом отделе разбили по ротам и батальонам. Утром объявили построение. Люди вышли со своими мешками. Комполка вышел и посмеялся.

– Товарищи! Нам предстоит большой путь! Нужно пройти две тысячи километров пешком. Оставьте при себе чашку, ложку, полотенце, две пары белья. Остальное – два шага вперёд и на землю. Но не отбираю. Несите, сколько сможете.

Колонна отправилась в путь. Мимо проезжали советские машины, которые везли зачехлённые станки. Когда проходили возле детского лагеря, дети двенадцати – шестнадцати лет в платьях и костюмчиках вышли навстречу и махали руками, провожая.

Шла колонна с охраной (и действительно, один бой с бандеровцами на советской территории произошёл) и стадом скота, съеденного за время пути.

В сентябре подошли к Волковыску, где постояли неделю. Здесь Ткачёв встретил Эдуарда. Как оказалось, он так и не пробился к линии фронта, но выжил. Выжил благодаря молоку, ко-

торое бауэры подвозили ночью городским клиентам и оставляли во флягах у домов.

Подогнали вагоны и повезли народ в Сибирь, хотя не сообщили, куда конкретно. Поедем-де на работу, поднимать разрушенное войной хозяйство. А пока суд да дело, будет проверка.

Привезя в Кузбасс, распределили: кого в Сталинск, кого в Мундыбаш, кого в Темиртау. Так Василий Петрович Ткачёв попал в этот посёлок. В 1945 году в Темиртау приезжали особисты, вызывали людей на ночные допросы.

Вскоре Ткачёв женился. В 1947-м вместе с женой съездил в родные места, увидел сгоревшие деревни Белоруссии, навестил полупарализованную мать... Один из его братьев погиб на фронте, второй пришёл без ноги.

С 1 октября 1945 года Василий Петрович начал работать в шахте и заработал 40 лет стажа. Не каждый умел проходить гезенки (вертикальные выработки), он же попал в первую тройку работников высшего разряда. Награждён знаками «Почётный горняк», «Ветеран труда КМК».

В 1964 году вступил в КПСС. Был председателем уличного комитета, депутатом поссовета. Хороший человек.

г. Кемерово

«СОЛДАТ ВОЙНЫ» — ЗАЩИТНИК МИРА НА ЗЕМЛЕ МИХАИЛ ГУЩЕВАРОВ

...В письмах его с фронта так много тепла и подсказок, какими нам надо быть и как любить друг друга и... Родину.

Мой отец, Михаил Павлович Гущеваров, в годы юности строил Кузбасс, работал в шахте до призыва в 1938 году в Красную армию из посёлка Мундыбаш Кемеровской области, окончил полковую школу в Томске и в первый же день войны, оставив в Барабинске, где служил, жену с тремя малыми детьми, отправился на фронт в составе 511-го гаубичного артиллерийского полка 133-й особой стрелковой дивизии, с ним прошёл всю войну от Подмосковья и Москвы до Эльбы и встречи с американцами. До марта 1948 года служил в артиллерийской дивизии в Ратенове (Германия), расквартированной в казармах Паулюса. Окончил в Ленинграде Высшую офицерскую артиллерийскую школу. В 1954 году участвовал в испытании атомной бомбы, будучи командиром дивизиона 234-й отдельной мортирной артиллерийской бригады особой мощности Резерва главного командования страны, вооружённой 211-миллиметровыми мортирами. Их отбили у фашистов, обстреливавших Ленинград, с помощью этих же мортир взяли Кёнигсберг.

Среди боевых наград отца — 12 благодарностей за подписью генералиссимуса, шесть орденов: Отечественной войны, Красного Знамени, Красной Звезды, множество медалей — «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и пр.

Его младший брат — разведчик Пётр Гущеваров 22 лет — скончался от ран в Курске, сумев вывести с важными донесениями своих подчиненных из тыла врага. Вместе с отцом в артиллерийской разведке всю войну прошёл брат его жены Иван Афанасьевич Клименко (22 апреля 1945 года был ранен осколками мины, застрявшими на всю жизнь в языке и гортани, награждён двумя орденами Славы, жил и похоронен в горо-

М. П. Гущеваров, 9 мая 1990 г.

де Калтане Кемеровской области). Пропал без вести в Пинских болотах в декабре 1943 года 18-летний брат жены снайпер Николай Клименко. Погиб в бою при обороне Ленинграда близкий родственник лётчик Георгий Бушуев. Был растерзан бандеровцами дядя жены Василий Михайлович Кривец. Погиб двоюродный брат жены Иван Кривец. После ранений вернулись на костылях с фронта братья Степан Михайлович Кривец да Иван Манакон — родные по линиям тёщи и матери. Таков был «военный урожай» одной его семьи.

Чудом сохранилась часть фронтовых писем «любимой жене Наталье Афанасьевне», поэтичных, проникнутых такой любовью, такой искренней верой в Победу, в непоколебимость «русского богатыря» (взято из его стихотворения «Мсти, русский богатырь!»), что умолчать о них нельзя, потому что в них — сердце солдата той войны, его характер, его суть и лицо командира нашей славной армии.

Сложила письма по датам: так виднее, как мужал и креп в боях защитник Родины. Все написаны убористым, красивым, чётким почерком, хорошо отточенным карандашом, что говорит об особой аккуратности, самоуважении и уважении к адресату. Каждое начинается непременно с обращения: «Здравствуй, Наточка!

Обнимаю я тебя и крепко, крепко целую, целую наших милых деток». Далее имена детей, приветы всем родным и знакомым, но непременно – Мамаше и Папаше, обязательно с большой буквы, тестю и теще, которых искренне почитал и которые очень уважали его, взяли на все годы войны в свой ветхий домишко в Сибири, в Горной Шории, всю семью, в ней трое малолетних – год, три и четыре. И в каждом письме: «...береги себя и детей, жив-здоров, обо мне не беспокойся».

Без его разрешения, конечно, процитирую то, что касается всех нас, что не бесполезно знать о том поколении наших защитников.

17.7.41. Письмо с фронта *(эта приписка потом в каждом письме. – Н. М.)*

...Немец веселит каждую секунду. Прошу обо мне не скучать, не волноваться. Страшного здесь ничего нет. Пока всё хорошо. Нахожусь на Минско-Смоленском направлении.

Воевать нам придётся долго и упорно, но немца мы разобьем и вернемся с победой. В этом будь уверена, сохраняй спокойствие... Положение на фронте значительно улучшилось в нашу пользу. Немец остановлен и, безусловно, будет уничтожен. Будь уверена... мы победим.

Ната, милая, мне, возможно, придётся пробыть в окопах всё лето и зиму. Это нелёгкая жизнь, но она почётная и необходимая... Ты только подумай о тех зверствах, которые творят человеческие изверги над детьми, девушками, жёнами, стариками. Такого варварства не делает ни один зверь, ни одно животное, а только фашисты.

Ната, знала бы ты, как скучно и какая любовь пробуждается, и горит она в сердце к тебе, к детям. Ещё за всю свою жизнь я не испытывал такой. Вот в этой обстановке вырабатывается настоящий человек с высшей нравственностью и моральными качествами. Здесь вырабатывается высшая любовь и ненависть.

Придёт время, когда я вернусь к тебе. Мы снова будем в семейном уюте... Наточка, прошу тебя, пиши чаще письма, пиши каждый день, ибо они очень редко и не все попадают ко мне. Прошу, сфотографируйся с детьми и вышли мне, только побыстрее *(эти просьбы потом в каждом письме. – Н. М.)*. Опиши свою жизнь и как ты устроилась.

24.8.41

...Я твой адрес узнал случайно по носовому платку из общей посылки и сразу услал два письма авиапочтой. Пиши чаще... шли авиапочтой, если есть деньги... буду высылать всё до копеечки, только живи хорошо и воспитывай детей, люби родину, свой народ, партию, ненавидь врага. Буду жив – встретимся. Будет много интересного, сказочного. Борису расскажи все подробно, пусть он всё-всё знает, пусть помнит, растёт смелым, ничего от него не скрывай. Я хочу, чтобы он вырос таким, как я, даже лучше, смелее, веселее, был твёрд, вынослив и решителен. Я хочу только такого сына и дочерей.

Верю в нашу победу, мы победим.

26.8.41.

...Мне кажется, я от тебя никогда не слышал столь теплых и патриотических слов, как в этом письме. Читаю твоё письмо, и те пламенные чувства, которые ты стремишься передать, воодушевляют меня на подвиги во славу Родины.

Я могу тебе обещать никогда не быть трусом. Нигде я не терялся, страху у меня перед смертью нет. Ты это знаешь. Жизнь я свою зря не отдам. Наша задача сначала победить фашизм, и если потребуется отдать жизнь, то отдам её умело и гордо...

Я, Ната, счастлив, что сын рабочего класса, сын партии, счастлив тем, что послан на защиту нашей любимой родины. Я горжусь этим и горжусь тобой как женой, достойной советского командира. Я уверен, что ты воспитаешь наших детей мужественными, стойкими, такими же, как их папа.

19.9.41

...Настроение бодрое, правда, немец его пытается испортить, да пока не удаётся. Бывают случаи, когда почти целые сутки поливает нас из автоматов, засыпает минами и снарядами. Но разве можно сломить волю русского человека, который бьётся во славу родины?! Мы смеёмся над его губительным огнём, потери у нас незначительные. Ну а когда мы начинаем бить, то он бросает всё оружие, боеприпасы нам, поле устилает трупами своих солдат и офицеров и бежит в такой панике, какую не опишешь. Ты не грусти, будь уверена в нашей победе. Немец скоро побежит по всему фронту от натиска Красной Армии, не выдержит и русской зимы.

23.9.41

...Фашистов громим в пух, а они, одичав до безумия, пьяные, лезут, как черви. Прижмёт свой автомат к животу и бежит, строчит, куда попало. Но наша пехота и артиллерия славно рассчитываются. После такой атаки всё поле чернеет трупами немцев.

Ананенко и Ускова представили к ордену Красного Знамени, Белослудова наградят или орденом Ленина, или присвоят звание Героя Советского Союза. Так что всё пока хорошо.

Сегодня мы получили уже третью посылку от рабочих Москвы и других городов. Сколько теплоты и пламенных слов в письмах советских патриотов к нам, защитникам родины, лютая ненависть и злоба кипит в наших сердцах и страшная месть к фашизму.

3.10.41

...Наточка, я сегодня необычайно рад, на рассвете уничтожил две артиллерийских батареи, вчера взорвал склад с боеприпасами противника огнём своих гаубиц и в довершение всего получил 5 писем. Какая все же у военных чудесная жизнь, она полна тревог, страха, любви, ненависти, смеха и веселья, она так разнообразна, что непривычному человеку трудно разобратся и понять глубину её. Немцев мы бьём хорошо.

5.10.41

...Наточка, как я рад, что у нас растут такие скромные, умные дети. От большой радости у меня невольно очи заполняются слезой. Как мне хочется их увидеть, обнять наших крошек! Но не могу. Всё эта гитлеровская свора, а она пока ещё не уничтожена, но настанет время, когда её разобьем... За отличное воспитание детей я тебе обязан многим... Тебе, Ната, спасибо. Я горжусь тобой как женщиной, достойной современного общества. Ната, ты хозяйка. Хочешь, купи корову для детей. Но живи так, чтобы было что покушать и надеть.

28.10.41

...Письма я тебе не писал больше месяца и от тебя не получал, ибо... бились... в лесах и болотах... идут жестокие бои. Снаряды моих гаубиц один за одним уничтожают вражеские пулемёты, миномёты и артиллерийские батареи. Ненависть к врагу каждый день крепнет.

Привет от Ускова, Ананенко, Ревякина, Шмакова. Уткин, Муромцев, Сотан, Хрущёв и другие прорвались на Москву, и связи с ними уже не имеем с полмесяца... Ната, мы бьёмся героически. Честь русского оружия, честь рабочего класса и твою, мой друг, я не опозорю, и если погибну, то героически во славу родины, ибо ты должна ясно представлять: я командир Красной Армии, моя специальность воевать... я учился воевать и считаю это великим почётным делом — биться за свободу.

Наточка, ты, наверное, думаешь, что здесь страшно. Верно, без привычки неудобно немного... Но мы привыкли к шуму моторов авиации и танков, к разрыву гранат, мин и бомб, визгу пуль. Вся эта смертельная музыка стала для нас обычной, как шумовой оркестр в городском саду, с той лишь разницей, что в саду слышны звонкий девичий смех и нежные разговоры влюблённых пар, а здесь громовое красноармейское ура и стоны раненых.

9.11.41

...То обещание, которое я давал тебе, уходя на фронт, я выполняю с честью. Слава обо мне идёт хорошая, можешь гордиться своим фронтовиком.

9 ноября был мой день рождения... исполнилось 24 года. Поздравительные тосты мне преподносил немец из своих миномётов и артиллерии, а я давал им ответные свои да по-русски, да по-праздничному, долго он их будет помнить.

15.12.41

...Наточка, как давно, не помню, сколько времени, я не писал тебе и не получал от тебя ничего. Так сложилась обстановка. Было некогда. Нас из Калинина, когда мы остановили наступление немцев, бросили под Москву, и здесь начался жуткий бой. Мы сдержали немца, опрокинули его, заставили бежать. Он бросает всё: танки, машины, тысячи убитых и раненых и бежит без памяти. Мы преследуем его. В такие жаркие бои разве есть время писать? Я горжусь тем, что умею бить немцев по-советски.

Я представлен к ордену Красного Знамени. Наша дивизия сейчас гвардейская. Мы получаем полуторный оклад... Тебе вышлю аттестат в ближайшие дни. Зарплаты я не получал 2 месяца и выслать тебе не смог.

...Надеюсь, что дадим немцу последний решительный бой, и в январе будет территория очищена полностью, и если останусь жив, то возвращусь с победой...

17.12.41

...30.12 сын Борик именинник, ему исполняется 5 лет. Сделай от меня ему самый лучший подарок, устрой детям новогоднюю елку, самую лучшую. Денег не жалея. Израсходуй сотни три. Но чтобы они повеселились хорошо. Собери ему побольше товарищей.

2.1.42

...Поздравляю тебя с Новым годом... Желаю счастливых и радостных дней.

Хочу тебя обрадовать, что мы немца бьём по всем правилам сибирского обычая, враг бежит. Мы заняли города Калуга и Малоярославец. Успехи наши прекрасные.

8.1.42

...Вчера у меня была большая радость: я вернулся из госпиталя в свою батарею и получил от тебя посылку и два письма, за что сердечно благодарю. Бьёмся мы хорошо... Но здоровье у меня подкачало, получилось расстройство центральной нервной системы. Врачи сказали: могут быть плохие последствия... Головная боль может отразиться на зрение или мозг. В госпиталь я попал без сознания... Хотели отправить лечиться вглубь страны, в Новосибирск. Но я отказался и не поехал, а ушёл на передовую. Разве можно сейчас лежать в госпиталях, когда надо гнать немцев? И батарею потерять очень жаль. Я с ней шесть месяцев. Все бойцы знают и верят мне. Мы одержали десятки героических побед.

8.3.42

...Поздравляю тебя с праздником 8 Марта и дочку с днём рождения. Правда, опоздал... Обо мне не скучай. Ничего опасного нет. Просто немного приболел, вот и всё. Я же здоров. Что ещё лучшего желать?

27.3.41

...Немцев бьём хорошо... Жизнь весёлая. Каждый день с немцами: или смотришь, как они умирают, или обороняются, или идут в контратаку, или бьёшь их из пулемёта, а иногда и кулаком.

8.4.42

...Скоро 10 месяцев, как я в непрерывных боях, в суровых нервных битвах и боевых походах. Они многое отняли у меня, но зато зарабо-

тали во мне настоящего волевого человека, воспитали к строгости и внимательности, к чуткости и любви, к такой любви, какой ты ещё никогда не знала.

Наточка, как хочется жить, видеть тебя, детей и никогда не расставаться... Я почти каждый раз, когда мне удаётся спать, вижу во сне тебя. Сегодня с тобой ругался. Ты потеряла Лилу. Я требовал, чтобы ты её нашла. Не знаю, чем кончилось, но я проснулся от разорвавшегося снаряда вблизи меня. Так было досадно, что прервал сон.

...Ната, сын Чапаева, Чапаев А. В., служит в нашем полку пом. ком. полка по строевой части. Он майор.

Наточка, у меня сегодня большой праздник, я получил от тебя письмо и от моего отца с Камчатки. Это за 10 месяцев первое. Они живут хорошо. Тебе за письмо большое спасибо... Я легче переживаю свинцовый ливень и артиллерийскую канонаду, чем не получать писем от тебя и скучать о детях.

Я имел свободное время и сфотографировался со своими боевыми товарищами в сосновом бору и отдельно один... Ната, не обижайся, что строгий взгляд. Во всём виноват немец... побеспокоил нас.

Наточка, 24 апреля исполняется нам с тобой 6 лет совместной жизни. Не знаю, какой он будет, но я прошу тебя, отметь его.

Привет тебе от Ананенко, Иноземцева, Бершадского, Шмакова. Вот и все мои старые боевые друзья. Хрущёва и Хомутова в нашем полку нет, Муромцев ранен, Дорофеев ранен вторично, а остальные в разных местах... Немцев бьём хорошо, гибнут... от нашего артогня и всё же сопротивляются жестоко.

18.4.42

...Наточка, что ты беспокоишься о работе? Разве тебе не хватает средств для жизни? Надеюсь, хватает, и пока я буду жив, тебе будет хватать, ты сумей воспитывать детей достойно, так, чтобы они не обижались на нас с тобой и были полезны нашей родине. Ну а когда меня не будет, сама примешь решение.

Из моих боевых товарищей остались Портянников, Иноземцев, Коваленко, Ананенко и кое-кто ещё. Хрущёв убит, Муромцев ранен, находится в Барабинске, Хомутов в другом полку, Артеменко переведён, Хрущёва работала политруком или в Барабинске, или в Новосибирске, а

про остальных, если буду жив и увидимся, то расскажу. Гриша Саенко был ранен под Москвой, сейчас не знаю, где он.

Нам... нужно, чтобы наши дети росли не в таких условиях, как мы, и вспоминали нас, и мы это сделаем.

Мне очень радостно, что ты поправилась... Я не хотел тебе признаваться, но ты и дети должны знать обо мне всё это подробно. Я был три раза контужен снарядами и миной, чувствовал себя паршиво, был без сознания и даже хуже. Но вылечился. Сейчас жизнерадостен и бодр, такой, каким ты меня знала раньше. У меня хватит сил и знаний, чтобы дойти до Берлина и дальше, так что не беспокойся. Ты должна это прочитать совершенно со спокойным сердцем...

Наточка, как хочется повидаться, хотя бы один день побыть вместе. Сильно скучаю о Борике, Наде, Лиле, и о тебе особенно. Надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся вновь. Какая будет чудесная встреча, сколько радости... Тысячи смертей смотрели в течение 10 месяцев боёв мне в глаза, но пока я брал над ними верх. Не знаю, как дальше... Наточка, прочти письмо Боре.

Борик, мой любимый сын, мой боевой заместитель, тебе я пишу свой наказ.

Я хочу, чтобы ты рос крепким, здоровым и сильным.

Я хочу, чтобы ты был умным, красивым, как твоя мама.

Я хочу, чтобы ты был строгим к себе, уверенным в своих действиях, смелым, сильным волей и со спокойным сердцем, таким, какое у меня. Я хочу, чтобы ты любил свою Родину, свой народ.

Страшно хочется Бориса воспитать мне самому, но не удаётся. У него великий природный талант поэта. Я прошу тебя, Наточка, читай Борису и Наде побольше стихов и разных книжечек. У него прекрасная память.

Обнимаю я тебя и крепко-крепко целую поцелуем артиллериста-фронтовика. Твой муж М. Гущеваров.

5.5.42. Зап. фронт.

Л-нт М. Гущеваров.

...Наточка, можешь меня поздравить со званием «Старший лейтенант», присвоенным 18 апреля 1942 г. Воюю в Смоленской области...

Я согласен, чтобы ты купила корову и кабана, от них — молоко и сало, но я страшно не хочу видеть тебя с лопатой на огороде и чтобы

твои нежные ручки были в мозолях. Я думаю, что ты проживёшь у Папаши, пока я возвращусь, ну а если погибну, ты взрослая, сама примешь решение.

Чуть не забыл, хотя и поздно, поздравляю с 1 Мая. Я не мог поздравить и праздновать, потому что был на одном из заданий.

12.5.42

...Сравнивая свою настоящую жизнь, жизнь непрерывных боевых походов, страшных битв, мокрые, холодные окопы, тёмные прокопчённые махоркой блиндажи, суровые, но уверенные и спокойные лица моих боевых товарищей с твоей нежностью и жизнью, конечно, это большая разница. Но и эта жизнь, и наши скрытые хижинки стали родными... Немцев бьём так, что они не успевают подтягивать резервы.

...Передай привет Журавлёву, он в Сталинске, у жены, отпущен на 6 месяцев лечиться. Съезди к ним. Он, вероятно, помнит бои под Москвой и кое-что расскажет про меня и те боевые дни, о которых писать не хочу, да и нельзя.

30.5.1942

Здравствуй, друг жизни Наточка... Получил от тебя два письма, за что сердечно благодарю. Сколько в этих простых, давно мне знакомых строках таится любви, теплоты и ласки, как эти простые слова давно мне знакомого почерка дышат бодростью и благородством, патриотизмом и той решимостью, которая сейчас необходима и от которой зависит наше будущее...

Да кто же из нас, из артиллеристов, скучный? Это люди особого склада характера, а особенно артрзведчики... Ты спрашиваешь о моем любимом Коне (*так у него, с большой буквы. — Н. М.*), его, Наточка, нет, он убит ещё в конце октября под Калинином, с тех пор я не имею коня, который был бы таким любимцем, как мой Раскат. Случилось это так: я тогда ещё командовал батареей, вёл огонь по мин. бат. противника, сидел на крыше одного дома. Немец произвёл огневой налёт, и один снаряд попал в крышу дома, на котором был я, снесло крышу и меня вместе. Через трое суток я стал говорить и слышать... В госпиталь не поехал, хотя мне и приказали... Вызвал своего Раската и со своим адъютантом поехал в тыл своей батарее... День был ясный и ничуть не напоминал осень. Я ехал шагом. Конь танцевал какой-то фокстрот. Я мечтал о тебе... Мина разорвалась впереди коня метрах в трёх.

Меня и коня кинуло в сторону. Мне поцарапало ногу и снова сильно оглушило. Коня убило насмерть, ему разорвало грудь. Но эта грудь спасла мне жизнь, осколки застряли в его груди, шее, голове. Адъютант мой остался цел и невредим, он ехал сзади, только воздухом выбило его из седла...

Это была моя первая слеза, пролитая на фронте за моего любимого коня. Я его похоронил на горке, откуда Калинин просматривается хорошо, ибо я часто с этой горы за ним наблюдал. И вторую слезу я пролил, когда моему боевому другу и комиссару моей батареи Грише Саянко ранило глаза. Я довёл его до машины, мы обнялись с ним, поцеловали друг друга. Я хотел ему что-то сказать, но мои глаза залились слезами, горло сдавило, сердце замерло, и он произнёс только два слова: «Миша... Миша...» — и уехал. Я стоял при 40-градусном морозе без шапки, как шальной. Ведь 7 месяцев боёв с ним, каких боёв, которых не описать и не представить...

Наточка, я прошу тебя, сохрани все мои стихи и письма, и когда Боре и Наде исполнится 10, 9 лет, ты им прочитай их, пусть они знают обо мне всё подробно... Жизнь-то наша нечеловеческая, иногда хочется спеть, сплясать и выпить, вспомнить все счастливые веселые дни... Но ты на меня не сердись.

26.7.42

...Передай Мамаше, пусть она не беспокоится о Ване, что он разведчик. Это я знал давно, но не писал Вам по его личной просьбе. Разведчик — это самая почётная работа, он всегда впереди или в тылу у немцев, никто больше его не знает противника, никто больше его не бывает в опасностях, ни в ком нет и не вырабатывается столько воли, бесстрашия, ловкости и смекалки, военной хитрости, ни в ком не собирается столько благородных чувств, как в разведчике, только разведчику доверяется самая почётная и ответственная задача. О его жизни пусть не беспокоятся. Я, начальник, и то бываю чаще от немцев на расстоянии 50–40 метров, а иногда и ближе, но я до сих пор жив, а это уже второй год. Умная пуля не убьёт, а только шальная, а от шальной можно укрыться. Ну, а если погибнем, то не грустите о нас, мы погибнем честно и стойко во имя родины, погибнем гордо, без подхалимства и лжи и уверенные в нашей победе.

...В отношении твоей болезни я очень беспокоюсь... лечись... не жалея денег.

7.8.42

...Как я рад, что здоровье твоё хорошее. Но всё равно ты береги его, я боюсь, что ты с этой проклятой литовкой в горах Шории погубишь себя...

Сегодня познакомился с противником, которого придётся бить... Проклятый, закопался здорово, но наши гаубицы умеют стойких закапывать на месте, а не очень стойких выкидывать и прогонять. Мы применим оба способа.

23.8.42

...На сколько хватает моего ума, такую и дают должность.

В отношении подарков с фронта... я, Ната, не оберлейтенант грабармии и не шкурник, я ст. л-нт РККА, артиллерист, я прежде всего командир и никогда не позволю что-нибудь выслать тебе, не волнуйся об этом. У меня много было золотых часов в одном бою, когда я был впереди пехоты, много оружия, разных костюмов, шёлка и прочей дряни, и пленных, и фотоаппаратов. Но я всё сдал, ибо это принадлежит государству; я ношу часы наши, Кировского завода, ибо я не хочу надевать на себя бандитскую культуру. Мой долг бить врага, и я его бью, я год и 3 месяца в боях и за эти дни ни на шаг нигде не отступил без приказа, я расстрелял до последнего снаряда в батарее, до последнего патрона, из своего пистолета резал потом врага, но не отступал. Со мной были мои бойцы. Они верили мне, и мы побеждали.

13.9.42

...Живу по-старому, блиндажи и окопы заменяют мне квартиру, простыни заменяет сено, одеяло — шинель, которую недавно получил, а ту, в которой выехал на фронт, ещё в декабре разорвало снарядом. Зимой провёл в фуфайке. Надеюсь, и эту зиму выдержу.

Ната, ты, быть может, слушаешь маловеров-паникёров и сама перестала верить в наши силы и в нашу победу, ибо в тылах всегда страшнее, чем на передовой, а мы вот здесь в окопах верим в нашу победу, и мы её добьёмся... на Западном фронте мы имеем хорошие успехи. Воевать придётся долго. Но мы победим. Я в этом не сомневаюсь.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Надо ли говорить, что письма эти стоили и сейчас стоят очень многого?! Каждая строчка полна жизни. Он воспитывал и нас ими, и всех, кто слушал их. А слушали все соседи, они приходили к нам, как только появлялась весточка с фронта. Всем был интересен каждый шаг тех, кто воевал. И в этом было наше огромное всеобщее единение.

Жизнь всё-таки подарила отцу, как он и мечтал, возможность увидеть семью. Радость была безгранична. Ему хотелось подарить нам весь мир. Но воспитывал строго, как солдат, требуя, чтобы заботились и во всем уступали тем, у кого отцы сложили головы на фронте. Это приводило и к перекосам, порой нежелательным, но слушаться его не приходило в голову, стало законом. Сумел дать всем надёжное образование и очень гордился этим. А уж родившегося летом 1954 года, когда отправился на испытание той страшной бомбы, второго сына Александра холлил, лелеял и учил строго и по-своему, стараясь

весь свой опыт, все свои знания передать. Теперь газеты и журналы пишут, каких редкостных способностей строитель-проектировщик его сын. Дождался и внуков.

А вот младший брат разведчик Пётр, скончавшийся от ран, полученных в бою, не успел оставить никого после себя. В память о нём родители назвали новорожденного сына снова Петром. Он погиб солдатом на Байконуре, но оставил сына Олега – мастеровитого, как и предки. А сколько ребят погибло на фронте юнцами, не успев оставить после себя никого. Война выжигает племя, не щадит и тех, которые рождаются потом. Как тут не поклониться всем нашим защитникам, которые не щадили себя, не прятались за чужие спины и не пустили врага на родную землю. Как?! Теперь нам выпало их защищать от злостных наветов.

Подготовила Надежда МИРСКАЯ,

член Союза писателей России,
член Союза журналистов России,
заслуженный работник культуры РФ

Бойцы 311-й стрелковой дивизии в немецком городе Альтдам, центре укрепленного плацдарма на правом берегу Одера, захваченного в ходе тяжёлых боев 14–20 марта 1945 года

«БАТАЛЬОН СЛАВЫ»

Из воспоминаний фронтовика

На фронте молодые солдаты рано выросли, быстро седали. В сорок пятом моему герою было двадцать лет. Возраст человека, только вступающего в самостоятельную жизнь. А у него уже позади боевые пути-дороги, опыт бывалого солдата, не раз смотревшего смерти в лицо, видевшего ранения, увечья, гибель боевых товарищей и командиров.

О наиболее ярком, даже исключительном эпизоде своей боевой биографии он расскажет сам. Я лишь замечу, что в ходе того памятного зимнего наступления, начатого ранее намеченного советским командованием срока по просьбе союзников, 77-я гвардейская стрелковая Черниговская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия освободила польские города Радом, Лодзь и вышла к Одеру.

Особенно отличился первый батальон 215-го гвардейского полка под командованием капитана Емельянова. Своим дерзким, стремительным ударом он обеспечил продвижение вперёд всех частей дивизии на Пулавском плацдарме за Вислой. На заседании военного совета 69-й армии было решено наградить весь рядовой и сержантский состав батальона орденом Славы, а командиров – гвардии капитана Емельянова и гвардии старшего лейтенанта Гуриева – представить к званию «Герой Советского Союза». За всю историю Великой Отечественной войны это единственный случай, когда весь личный состав крупного подразделения – живые и мертвые! – был награждён высшим солдатским орденом – Славы, а батальону присвоено почётное звание «Батальон славы».

В их числе был мой собеседник – бывший главный механик и секретарь парткома шахтоуправления «Физкультурник», в коллективе которого я имел честь работать в 1980–1990-е годы, Василий Семёнович Палкин.

...Здесь, на левобережном плацдарме, разгорелись жаркие кровопролитные бои со свежими германскими частями, переброшенными сюда в основном из Норвегии. В ходе стремительного наступления наши части и аэродромы значительно отстали, дивизия испытывала трудности в боеснабжении, а авиация противника почти безнаказанно бомбила наводимые переправы и боевые порядки частей. В этих сложнейших условиях непрерывные контрата-

ки фашистских войск отбивались всеми средствами и малым составом донельзя уставших солдат и офицеров. Обе стороны несли большие потери.

К 29 августа накал боёв постепенно спал. Фронт стабилизировался. Плацдарм был окончательно отвоёван и укреплён.

В октябре дивизию отвели во второй эшелон на пополнение и отдых. Части расположились вдоль правого берега Вислы, рыли землянки, траншеи, а затем, пополняясь людьми, приступили к занятиям, тактическим учениям с боевыми стрельбами. Несмотря на то, что по этим местам прокатился огненный вал фронта и земля была изуродована воронками, гусеницами танков и окопами, подоспевшая осень принесла и сюда, в Польшу, красоту бабьего лета. Небольшие поля с суслонами сжатого хлеба, фруктовые сады окружали уцелевшие бедные крестьянские хутора и деревеньки. Гражданское население из прифронтовой полосы было эвакуировано, и обильный урожай яблок, груш и слив дополнял солдатский рацион.

Значительные победы, одержанные в недавних боях, хорошие вести от союзников, с открывшегося наконец второго фронта, вселяли в войска высокий боевой настрой. Было радостно и приятно сознавать, что за нашими спинами государственная граница СССР и сотни километров освобождённой советской и польской земли. Полностью освобождена Белоруссия, а на участке прибалтийских фронтов наши войска вышли к границам Восточной Пруссии.

Время шло быстро. Скоро похолодало, облетел лист. Тактические занятия принимали всё большие масштабы. На учениях чаще всего имитировался прорыв укреплённой границы, для чего создавались штурмовые группы из особо оснащённых подразделений, которые обеспечивались различными приспособлениями и усиливались огневыми средствами.

Из трёх стрелковых гвардейских полков дивизии своей организованностью и дисциплиной отличался 215-й полк, первый батальон которого почти всегда отмечался благодарностями командования за отличное выполнение задач в ходе учений.

Командир батальона двадцатитрёхлетний гвардии капитан Б. Н. Емельянов отличался

уравновешенным характером. За чуткость и справедливость его уважали. Забота о подчинённых была его основной чертой.

Надо сказать, что любовь к солдату прививалась большим и малым командирам и самим командовавшим тогда 1-м Белорусским фронтом маршалом К. К. Рокоссовским.

Капитан Емельянов уже длительное время не имел ранений, и командир дивизии генерал-майор Аскалепов на это шутиливо замечал: «Гвардии капитан! Вы поделитесь секретом, как вам удаётся сохранить себя, ведь комбат всегда на передовой, всегда под огнём!». На это капитан Емельянов отвечал: «Я – стреляный воробей, и если в бою, даже в обороне мне надо побывать в той или другой роте, то путь свой зрительно я делю на отрезки для перебежек и поочерёдно на каждом из них высматриваю и замечаю любые укрытия – старый окоп или воронку; и тогда меня любой обстрел не застанет врасплох».

В канун нового, 1945 года дивизия была срочно переброшена на передовые позиции. В зимнем обмундировании по стылому, припорошенному снегом шоссе, в сумерках по деревянной переправе, замаскированной ветками и пучками соломы, перешли на плацдарм. Здесь, в густых лесах и складках местности, было сосредоточено огромное количество войск и боевой техники. Повсюду располагались огневые позиции артиллерии, миномётов, реактивных установок. Штабы полков и дивизий прижались к самой передовой. Трудно было найти место для рытья блиндажей и землянок. А по ночам прибывали всё новые и новые части, зарывались в землю и маскировались. Для скрытности днём запрещалось передвигаться и вести земляные работы. Порядки войск в предстоящем наступлении были настолько плотны, что для прорыва вражеской обороны нашей дивизии выделили полосу для одного полка по фронту. Остальные должны были следовать вторым и третьим эшелонами.

Командование германских войск понимало, что основной удар в предстоящем наступлении Красной армии будет нанесён с плацдармов на реке Висле, и готовило в междуречье Висла – Одер четыре линии обороны. Здесь были сплошные сообщения с дзотами, замаскированные орудия на прямой наводке, вкапывались танки; между линиями траншей располагались обширные противотанковые минные поля и проволочные заграждения в виде строенных спиралей Бруно.

Командование дивизии решило поставить на прорыв отличившийся на учениях 215-й гвардейский стрелковый полк, а ударным батальоном, который первым должен был таранить оборону противника, определило батальон гвардии капитана Емельянова. Задача предстояла сложная.

10 января ударили небывалые для этих мест морозы. Всё заиндевело. По утрам наплывали туманы.

С рассветом 12 января мелко задрожала земля, с перекрытий землянок посыпался песок. Послышался отдалённый гул артиллерийской подготовки. Напряжение нарастало. В ночь на 14 января по подразделениям был зачитан приказ маршала Жукова, вступившего в командование 1-м Белорусским фронтом. В обращении говорилось:

«Мы сильнее врага, так как бьёмся за правое дело, против рабства и угнетения, нас воспитывает, организует и вдохновляет на подвиги наша партия... Наша цель ясна. Дни гитлеровской Германии сочтены. Ключи победы в наших руках... Да здравствует победа!»

В ту ночь никто не уснул. В первом батальоне шла скрытая подготовка к броску. Были приготовлены деревянные щиты для преодоления проволочных заграждений. Каждый участник штурма набирал посильный запас гранат, патронов, пулемётных лент и дисков. Всё лишнее оставалось в траншеях. Солдаты обратились к командиру с просьбой идти в бой без шинелей, в одних ватниках. К началу артподготовки всем выдали для согрева понемногу кавказского вина, которое в качестве подарка привезла к Новому году делегация из Грузии.

Задача прорыва осложнялась тем, что морозная мгла ограничивала видимость и не позволяла провести обработку тылов противника ночной авиацией. Таким образом, вся тяжесть огневого обеспечения легла на артиллерию и танки непосредственной поддержки пехоты.

Утром 14 января, разрывая предрассветную мглу, ударила вся реактивная артиллерия. Слепящие сполохи и неимоверный скрежет перекрыли все звуки. Залпы реактивных установок были сигналом для начала работы всей артиллерии. Задрожала земля, 25 минут обрабатывался передний край противника, а затем, по второму залпу реактивных, огневой вал начал перемещаться вглубь немецкой обороны, и первый батальон двинулся вперёд.

Капитан Емельянов понимал значение быстроты действий и смелого напора. Организуя стремительный натиск батальона, он обеспечивал и взаимную поддержку взводов и рот.

По его просьбе в боевые порядки пехоты было придано несколько лёгких орудий полковой артиллерии, расчёты которых оказали большую помощь в подавлении огневых точек врага. Используя подручные средства и разрывы в проволочных заграждениях, бойцы в считанные минуты достигли первой траншеи противника. На острие атаки билась рота гвардии старшего лейтенанта Гуриева, которая захлёстывала отходящие группы гитлеровцев, навязывала им рукопашный бой. Комбат умело организовал силы для завершающего натиска. Батальон ворвался во вторую линию траншей, и противник, подавленный и ошеломлённый мощью огневого налёта, понёсший большие потери, не выдержал, побежал, группами стал сдаваться в плен.

Ободрённые успехом ударного батальона, стремительно наступали все подразделения 215-го гвардейского полка.

Не ожидая конца артподготовки, в прорыв по проходам в минных полях втянулись колонны танков 11-го танкового корпуса. Выходя на оперативный простор вслед за огненным валом артиллерии, они разворачивались фронтом и с десантами на броне, вздымая снежную пыль, неудержимой лавиной двинулись на Радом, сминая на ходу отдельные очаги сопротивления. Про-

тивник был разбит и деморализован. Мелкие группы – жалкие остатки разбятанных германских частей – потеряли взаимосвязь, разбрелись по лесам и были выловлены в ходе дальнейшего наступления.

Пытаясь остановить наступление советских войск, германское командование срочно перебрасывало на промежуточные рубежи по рекам Бзура, Равка и Пильца резервы с южных фронтов, повсеместно формировало отряды фольксштурма. Но продвижение наших войск было настолько стремительным, что вражеские резервы к месту назначения опаздывали, попадали под неожиданные удары советских частей, терпели поражение и в беспорядке откатывались назад.

Поляки в большинстве своём встречали нас приветливо. На вопрос: «Как дела?» в шутку отвечали: «А добже, пан! Але бордзо зимно, холера! То русские жлнежи принесли Сибирь до Польсцы!»

В ходе этого замечательного зимнего наступления наша дивизия освободила ряд городов, фронт одержал ещё одну блестящую победу в истории Великой Отечественной войны, вышел на последний рубеж гитлеровского рейха. На нашем направлении до Берлина оставалось 75 километров.

Подготовил Владимир МАУРИН,
журналист, г. Кемерово

ДНЕВНИК СОЛДАТА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Передо мной немецкая записная книжка-ежедневник на 1944–1945 годы. Трофейная, ясное дело. С календарём, днями недели и месяцами. Дни недели русский автор дневника, заполнивший все страницы своими записями, сержант Пётр Акадьевич Зорин (родился в 1923 году, окончил 7 классов, учился в педучилище, работал учителем начальных классов, окончил педучилище заочно после войны) слева от немецких напечатанных названий обозначил по-русски с понедельника по воскресенье чернилами.

В дневник вложена красноармейская книжка гвардии сержанта, радиотелеграфиста призванного в феврале 1942 года с учительской работы Петра Акадьевича Зорина. Как и положено, перечисление наград: медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, благодарности от Верховного главнокомандующего на бумажных вклейках и медали «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». Тут же несколько страниц, отведённых вещевому имуществу. А ещё вложены две старые военные фотографии.

Петру Акадьевичу Зорину в начале войны не было восемнадцати лет. В августе 1941 года по путёвке райкома комсомола был направлен в лётное училище, но не прошёл медицинскую комиссию, вернули домой. Затем курсы радистов в Новосибирске. По окончании курсов в июне 1942 года направлен на Воронежский фронт в составе 18-й мотобригады радистом в батарею 76-мм пушек. Батарея погибла в бою, несколько человек, среди них раненный в ноги Зорин, отстреливались, отбивались гранатами и оказались в окружении в окопе, но уже в сумерки были освобождены нашими солдатами. После госпиталя направлен в Уральский добровольческий танковый корпус, принимал участие в Орловско-Курской битве. Корпус включили в 1-й Украинский фронт, освобождали Украину. Участник Берлинской операции и освобождения Праги. Войну заканчивал на третьей рации, две были уничтожены противником.

Воевали отец Зорина и три брата, два брата погибли, отец под Кёнигсбергом в 1945 году потерял руку. После войны Зорин работал директором детского дома, воспитывал сирот войны.

Был учителем начальных классов. Последние годы жил в Кемерове, умер и похоронен здесь же.

Дневник солдата той чудовищной по жертвам войны и великой победы, как мне представляется, достаточно редкое дело. Не до того было солдатам, когда каждый день могли убить. А ещё мой отец рассказывал, что особисты таких «писателей» сразу брали на карандаш, записные книжки отбирали, да и непредвиденные последствия могли грозить: кому нужен лишний риск?

Как бы то ни было, а подлинный документ сохранился, его текст можно прочитать, попытаться вчувствоваться в то, что выражает своим простым языком П. А. Зорин.

Итак, перед вами отрывки из записей очевидца и участника Великой Отечественной войны.

5 января

Сегодня я получил два письма, одно от отца, второе – от незнакомой девушки из Воронежа.

Вечером им написал.

Пока ещё стоим на месте, ожидаем команды тронуться с места. Дни проходят в ожидании этой команды.

12 января

Сегодня рано утром заговорила артиллерия, это артподготовка перед наступлением наших войск. Поднялись сегодня в 5 часов утра. Канонаду было плохо слышно, так как был ветер. <...> Тронулись вперед на Запад, но еще в лесу задержались до 2 часов дня. Авиация наша тоже крепко штурмовала, но видеть не пришлось, так как мы стояли в большом лесу и ничего не видеть.

А после обеда тронулись вперед на Запад. Опять большие колонны. Двигаемся очень медленно, уже проехали первую линию обороны противника, а передовые части быстро продвигаются вперед, а мы не можем нагнать. <...> Работаем на рации на ходу. Дежурируем по 2 часа. Вот уже прошло сутки, а я несколько не спал.

13 января

Сегодня целый день продолжаем двигаться. Вечером остановились в одном большом населенном пункте Печхниуа. Наши части наткнулись на сильное сопротивление противника. Мы работаем в двух сетях, дежурить приходится много, нагрузка большая. Вот уже более суток не спал, то в дороге, то работа. <...>

Сегодня вечером Москва салютовала нам за прорыв обороны.

14 января

С каждым днем продвигаемся вперед. Работаем почти только на ходу.

Все дороги забиты автомашинами, движение поэтому медленное у нас.

Противник яростно сопротивляется. Сегодня вечером подъехали к самой передовой, где шел ожесточенный бой с прорвавшимися «тиграми». Мы с рациями отъехали в сторону. Затем опять тронулись вперед и еще ближе подъехали на расстояние одного километра.

Вовсю было слышно, как строчили автоматы и пулеметы, даже до нас долетали пули, и бил миномет. Нам была подана команда зарядить гранаты и винтовки. Я в то время дежурил на рации.

15 января

Рано утром наши дали небольшую артподготовку, и пошли танки в атаку, сломив сопротивление противника, очистили проход на Запад. Здесь немцы побросали очень много автомашин и другого имущества и целыми партиями сдавались в плен. Наш батальон пригнал несколько исправных автомашин. После обеда тронулись вперед и проехали 30 километров. <...> Сегодня Москва салютовала нашему фронту за Кельце.

16 января

...Продвинулись вглубь Польши. До обеда двигались вперед и остановились в сосредоточении в одной деревушке для нанесения нового удара по врагу.

Польское население встречает приветливо, вышли все на улицы и вслед машут руками.

17 января

</.../>

Остановились в городе Конск. <...> Город еще горит, какой-то мрачный. Недалеко от нашей машины произошел большой взрыв, одного убило из артиллерии, а у нашей машины разбило окна. ...Ночью тронулись опять вперед. Дороги забиты, колонны образуются по 2-3 ряда, едем медленно. Спать приходится мало.

Сегодня Москва три раза салютовала Красной армией.

Сегодня, 17 января, войска 1-го Белорусского фронта освободили столицу Польши гор. Варшаву.

Наступление идет успешно.

18 января

Продолжаем движение, мы почти всю колонну обогнали и ехали одной машиной. Около одного городишка наткнулись на группу немцев, удирающих домой на запад. Подъехали на полкилометра, завязался бой, били минометы, автоматы и стрельнула «катюша». Я тоже из винтовки выстрелил 6 патронов. Все обошлось благополучно. Движение свое продолжили, всюду по дороге оставлены машины, повозки и т. д. Приехали в одно село.

Здесь мы достали много трофеев: масло, консервы, сигары, сапоги, одеяла и т. д. по мелочи. После обеда неожиданно для нас напали на село немцы. Завязался бой. Была небольшая паника. Но скоро немцы ушли, и мы вернулись обратно в село. Снова стало спокойно, тихо.

19 января.

Наши части успешно продвигаются вперед. Недалеко уже от германской границы. Остановились ночевать в гор. Белхатове, недалеко от гор. Лодзь.

Сегодня Москва салютовала 5 раз...

21 января 1945

...Сегодня ночью мы пересекли германскую границу и расположились в немецком городе Шильберг.

Немцев в городе нет, остались только поляки.

24 января

Сегодня утром прибыли в одно немецкое село, население все убежало, в домах все побросали...

...Активно действовала немецкая авиация. В 10 метрах от нас сбросили несколько мин с самолета. Все благополучно обошлось. Зажег несколько домов. Брюзгина легко ранило.

Сегодня первый день такой опасный из всех наших боевых дней.

Вечером переехали ближе к фронту.

25 января

Расположились в немецком городе Винциге. Мы вышли к реке Одер, противник упорно сопротивляется по реке.

...Авиация слабо действовала, погода нелетная...

26 января

Сегодня рано утром переехали ближе к передовой, наши части переправились через реку

Одер. <...> Активно действовала авиация с обеих сторон. Мы расположились в городе немецком.

Где мы расположились, в этом доме живут девушки-украинки, угнанные немцами к себе на работы.

Только эти девушки остались, а немцы удрали.

Вот где молодежь Украины работала на немца!

Смерть немецким оккупантам!

27 января

...Бои идут за переправу, наши части форсировали Одер и закрепляют плацдарм.

31 января

Сегодня в обед переехали реку Одер и расположились на большом плацдарме. Здесь идут упорные бои. Стреляет артиллерия, и слышно, как строчат пулеметы.

Сегодня сбили одного «Фокке-Вульф-190».

Упал недалеко от нас.

2 февраля 1945

...Противник упорно сопротивляется и переходит в контратаки. Ни на минуту не прекращаются орудийные выстрелы и разрывы.

Действует и авиация...

8 февраля 1945

Сегодня в 8:30 утра заговорила наша артиллерия на Одерском плацдарме. Это начался прорыв обороны немцев за Одером.

Стоял несмолкающий гул, тряслась земля от непрерывных разрывов снарядов. Особенно хорошо играли «катюши» и «андрюши». Это продолжалось около часа.

Ровно в 9:00 мы тронулись вперед на запад. Действует и наша авиация, а также и немецкая. Враг отчаянно сопротивляется, идут ожесточенные бои. Продвинулись незначительно.

Уже в первый день повредило рации у нас: у Курала и Клементьева.

А дороги очень грязные, машина в машину, пробило бензобак.

И так до самого вечера штурмовали скопление машин, а еще из леса били минометы. Почти первый день такой в этих и прошедших боях.

11 февраля

Сегодня почти весь день находились в движении, и ночь тоже. Проехали более 60 киломе-

тров и вышли к переправе на приток Одера – Бобер. Авиация противника и сегодня активно действовала, но наша колонна под бомбежку не угадывала. Сегодня по дороге встречали много немецкого населения. Они не успели убежать.

23 февраля

Расположились в населенном пункте недалеко от переправы. Сегодня день прошел весело.

На фронте была тишина, шел снег, авиация слабо действовала.

В одной хате живут девушки с Украины и полячки, были угнаны немцами в Германию.

Вместе с ними и экипажем Клим хорошо выпили. Девчата тоже веселились, говорят первый день такой за 2 года.

13 февраля 1945 г.

Сегодня в 13:00 мы форсировали реку Бобер, т. е. переправились. Ехали под обстрелом. Переправу тоже обстреливали, а мы еще около переправы стояли больше часа, а немец обстреливал из миномета. На берегу расположились в одной деревне. Погода пасмурная, сырая. Авиация слабо действовала.

Вечером наши части сломали сопротивление немцев, быстро начали продвигаться вперед, и мы за ними тоже ехали, кое-где приходилось с боями.

Танк остановится, два-три выстрела даст и дальше.

Сегодня, 13 февраля, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов овладели столицей Венгрии Будапештом.

14 февраля

Всю ночь продвигались вперед, преследуя противника по пятам.

Форсировали последний приток Одера, немцев застали врасплох. В одном городишке еще ходил пассажирский поезд. А пассажиры сидели и ждали отправки поезда на Запад. По городу было много автоматчиков, сидели на крышах в домах. Наши танки выпустили по городу и по станции несколько снарядов, и все утихло...

Сегодня в 9:00 вчера Москва салютовала нашему корпусу, и мы, связисты, тоже отмечены.

15 февраля

Сегодня весь день простояли на месте, ожидаем свои тылы и подкрепление.

Немецкие самолеты весь день летали над самыми домами и обстреливали из пулеметов и пушек, кое-где сбрасывали бомбы.

Сегодня 15 февраля в 11 час. вечера Москва салютовала нашему корпусу за овладение тремя городами.

20 февраля 1945

Сегодня замечательный день, ясный и теплый, как настоящая весна.

К вечеру к нам прорвались наши части, и часть батальона связи уже приехала.

...Стоим здесь уже 6 дней, отрезанные от тыла, т. е. в окружении, но это окружение для нас спокойнее, чем не окружение...

21 февраля 1945

Сегодня целый день идут машины, пушки, танки к нам на участок. День пасмурный, моросит дождь. Я получил сегодня сразу 10 писем, это нас догнала почта...

Сегодня же мне вручили орден Красной Звезды, у меня большой праздник. И сегодня мылся в Бане. *(Последнее слово написано с большой буквы, что, наверное, подчеркивает значение данного события. — В. П.)*

3 марта

Сегодня я ездил в штаб армии на конференцию армейских радистов.

Сегодня же наша рация ездила в ПРБ *(передвижной ремонтный батальон. — В. П.)* на ремонт ходовой части...

15 марта

Сегодня в 6 утра заговорила наша артиллерия. Это начался прорыв обороны немцев.

Артиллерия не умолкала целый день.

В 11 часов мы тронулись вперед, немец по-маленьку отступает, оказывая сильное сопротивление. Авиация наша действовала слабо. Немецкой авиации было тоже не очень много.

День был жаркий. Все дороги забиты машинами и танками.

Мы 10 километров ехали 8 часов...

16 марта

Сегодня тоже день прошел очень шумный. Наша артиллерия не умолкала... Противник яростно сопротивляется. За один населенный пункт были крепкие бои, и много видел подбитых танков и убитых солдат...

17 марта

Сегодня мы форсировали реку Нейссе.

Противник отступает...

Сегодня я получил от отца письмо. Ему оторвало левую руку. Находится в госпитале.

Погода сегодня была пасмурная, а авиация все равно действовала.

19 марта

...Немец яростно сопротивляется. Обстановка сложилась напряженная. Немец старается вырваться из окружения на фланги. Ночью немцы подходили на окраину нашего села. Наша рота ходила занимать оборону.

20 марта

Сегодня обстановка улучшилась. Часть немцев сдалась в плен, остальные убежали. Перед обедом мы тронулись вперед и проехали 8 километров. Остановились в небольшом немецком городе Штейнау.

Тут много осталось гражданских немцев — гражданских...

Здесь тоже немцы близко с востока и запада, слышно автоматную стрельбу.

За последние дни начала активно действовать наша бомбардировочная авиация.

Даем им жизни.

22 марта

...В 9 часов вечера был приказ по нашему фронту, т. е. нам, за наше наступление. Были отмечены Сталиным и мы, связисты.

23 марта

Сегодня в 7 утра сыграли наши «катюши», это началась небольшая артподготовка, наш корпус снова пошел наступать. И к вечеру несколько продвинулись. И мы после обеда тронулись вперед, проехали 8 километров и расположились ночевать. Сюда бросили несколько тяжелых снарядов, и наш РАФ побилло...

24 марта

Сегодня мы овладели городом Найссе.

В 10:30 был приказ нашему фронту и в том числе и нам за Найссе, и еще какой-то город взят.

В 4 часа после обеда тронулись на другой участок. Проехали город Зольц. По дорогам видели много разбитых немецких автомашин и повозок. Во время пути наш танк протаранил пушкой кузов, разбило дверь...

25 марта

...Проехали гор. Леобшульц. Город очень сильно разрушен, еще везде и всюду горят дома.

Этот город только вчера взят. Еще на окраине идет бой.

Мы расположились недалеко от чехословацкой границы, километров 10. На этом участке идут тяжелые бои, наша артиллерия беспрерывно бьет, и активно действует наша авиация, так партия за партией идут. А немец почти не с места. Оказывает сильное огневое сопротивление.

26 марта

Стоим на одном месте.

Сегодня тоже с утра до ночи, и ночью шли ожесточенные бои. Сколько выпустили снарядов и сбросили бомб, а немец еще жив!..

Сегодня, говорят, ранило Орлова. Я уже давно не видел столько самолетов, сколько действует на этом участке вчера и сегодня. Наша Красная Армия наносит все новые и новые удары по врагу. На днях перешли в наступление войска 2-го и 3-го Украинских фронтов.

27 марта

Сегодня рано утром тронулись вперед и проехали 19 километров, по сопкам видел много подбитых наших танков. Здесь шли упорные бои с противником.

Расположились в одном населенном пункте. Это село почти все разбито. Передовая от нас близко, слышно автоматную перестрелку. Наша артиллерия не умолкает ни на одну минуту, бьют «катюши», «андрюши», минометы и артиллерия всех калибров. А немец ни с места. Тоже отвечает таким же огнем. Наш корпус еще <...> не вел таких боев.

28 марта

...Сегодня было три приказа: взяли город и порт Гдыню...

5 апреля

Сегодня утром поехали в ПРБ ремонтировать свою машину. Проехали 9 километров. Здесь очень хорошее место, деревья, сады и стены, все обросшие деревьями *(наверное, не нашел слова для вьющихся кустарников. — В. П.)*. Здесь у немцев был сельхозинститут. Много парников под стеклом. На них работают поляки — девушки и женщины...

10 апреля

Сегодня утром поехали догонять своих, проехали гор. Опельн и Бриг.

Только что проехали Бриг, остановились на передышку. Со мной получился несчастный случай, чья-то машина чуть меня не убила, отбило левый бок и пробило малость голову.

Состояние плохое, не пошевелиться, всего скололо. В таком состоянии пришлось ехать километров 200. Наши из Кляйн-Крихена уже выехали ближе к фронту. Скоро вступим в бой...

11 апреля

Рано утром поехали и проехали гор. Зорпу, и догнали своих.

Меня сразу же отвели в госпиталь пехотной дивизии. Пролежал там сутки... К лучшему сдвигов пока нет.

12 апреля

Сегодня в обед ушел из госпиталя к себе в роту. Госпиталь переезжает на другое место.

...Вечером меня на мотоцикле отвезли в наш МСБ *(медсанбат. — В. П.)* в гор. Зорау...

21 апреля

Сегодня утром с Кривошеевым К. тронулись догонять своих на машине из ГСМ. Проехали реку Нейсе и места боев при прорыве обороны. Здесь все изрыто, побито, пожжено. Проехали гор. Форст, только что его взяли, он еще весь горит. А наш корпус уже далеко впереди.

Едем почти только лесами. Сегодня же переправились через реку Шпрее и проехали город Шпрейберг. Этот город почти весь объят пожаром, рвутся снаряды — это горит склад с боеприпасами.

Опять все леса и леса.

Остановились ночевать в одном селе, далеко уже за Шпрее, а наши еще дальше впереди. Тут тоже стреляет артиллерия — это фланг фронта.

23 апреля

Сегодня утром догнал своих в одном селе, отсюда до Берлина 30 километров. Сразу же приступил за свою работу.

Перед обедом тронулись вперед, опять пробки и скопление машин, наши части продвигаются вперед и сегодня достигли предместья Берлина. Действуют немецкие самолеты, но нас не бомбили, их разогнали наши «ястребки»... Наша артиллерия бьет уже по Берлину.

Сегодня было два приказа: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам, т. е. нам, за прорыв обороны и выход к Берлину.

24 апреля

Сегодня рано утром на нашем участке началась артподготовка. Это начало штурма Берлина. Противник яростно сопротивляется.

Мы после обеда переехали ближе и расположились в пригородных рабочих бараках. Отсюда совсем близко передовая...

25 апреля

Сегодня наши части соединились с войсками 1-го Белорусского фронта и завершили полное окружение Берлина. В 10 часов вечера Москва салютовала нам и 1-му Белорусскому фронту.

Сегодня наша авиация наносила бомбовые удары. Летали Илы, Пет. и Бастоны. В общем, давали жизни.

Сегодня же был приказ 3-му Белорусскому фронту за Пиллау.

26 апреля

Сегодня тоже простояли на одном месте, противник в Берлине оказывает сильное сопротивление. Вечером был приказ 2-му Белорусскому фронту за взятие Штетина и за прорыв обороны и был приказ 2-му Украинскому фронту за овладение гор Брно в Чехии...

27 апреля

Сегодня наши войска соединились с войсками союзников.

Было выступление по радио тов. Сталина.

...Наши части ведут бои за Берлин.

28 апреля

Сегодня мне вручили орден Отечественной войны II степени...

29 апреля

...Наши части ведут бои по уничтожению окруженного гарнизона на островке в предместье Берлина...

Месяц апрель окончился. Это месяц больших побед Красной Армии.

Этот месяц войдет в историю. Войска нашего фронта 25 апреля в 13:30 соединились с войсками наших союзников.

Завтра 1 Мая – Международный праздник.

1 мая

Сегодня для меня день начался с дежурства, с 3:00 до 9:00 дежурил. С 6:00 слушал Москву, передавали Первомайский приказ тов. Сталина № 20 и праздничную передачу...

2 мая

...Немецкие автоматчики прорвались в наше расположение. Сразу же все боевые единицы, танки, зенитки, транспортеры заняли оборону и начали бить по немцам. Это длилось до 9:00 утра. Жертв с нашей стороны не было, а немцев, как зайцев, переловили...

А потом снова стало тихо, только партия за партией идут пленные немцы. Сегодня видел колонну пленных немцев, примерно 2000. Это с острова, за который мы бились несколько дней. А сегодня этот остров очистили.

...Сегодня, 2-го мая, наши войска полностью овладели Берлином – столицей Германии.

А также полностью покончили с окруженной группировкой немецких войск юго-восточнее Берлина.

Сегодняшний день войдет в историю.

Грамота за взятие Берлина. 1945 г.
Пётр Акакиевич Зорин
(первый ряд, второй слева)

3 мая

...Мы тронулись в путь на юг от Берлина. А в самом Берлине так и не пришлось побывать.

На юг проехали 90 километров и остановились в селе, недалеко от города Даме. Пока неизвестно, зачем приехали.

Сегодня войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов соединились с войсками союзников.

5 мая

...Тронулись в далекий путь, опять колонны и пробки, едем на юг Германии...

6 мая

Рано утром снова продолжаем путь, и проехали реку Эльба, и к обеду приехали в район сосредоточения, здесь простояли 3 часа.

В этом районе сегодня убили немцы майора Андреевского, Новожилова и Егорова.

...После обеда тронулись в путь и вступили в бой, вечером встретили сопротивление.

Наступление идет стремительное. Все время находимся в движении, в колонне...

7 мая

Продолжаем быстро продвигаться вперед. С утра до вечера все время в дороге.

Сегодня появлялись немецкие самолеты, но нас не трогали. А также и летали наши самолеты...

Сегодня наши войска покончили с Бреслау и овладели.

8 мая

Рано утром опять тронулись вперед, и сегодня вступили на территорию Чехословакии, и пересекли большой хребет Судетских гор, и сразу же вступили в один чехословацкий городок. Все население вышло с национальными флагами, горячо приветствуют и выносят подарки.

Сколько у них радости! Даже некоторые плачут от радости.

Мы быстро преследуем противника.

Под вечер проехали большой чехословацкий город Лаун. Здесь весь город на ногах, улицы украшены флагами. Сами одели праздничную одежду, машины, танки забрасывают цветами.

И это продолжалось до утра. Даже поздней ночью не спят, выходят на улицу и приветствуют нас. Бегут к дороге несколько километров.

9 мая 1945 года

Сегодня рано утром вступили в столицу Чехословакии город Прагу.

А тут еще больше народу встречают нас, Красную Армию. Сразу же жители города стали оказывать нам помощь. Разбирают баррикады, расчищают дорогу. Мужчины взяли в руки оружие и вместе с нашими солдатами пошли добивать немцев, засевших на окраине города. А девушки надели повязки с красным крестом и оказывали помощь раненым.

Город кипит, город ликует, город украшен флагами!

Они свободны от проклятых немцев!

В 12 часов дня я услышал, что сегодня, 9 Мая, – День Победы, немецкие войска капитулируют. Наконец-то этот день настал, который ждали почти 4 года. Война кончилась.

День продолжается, но здесь немцы еще стреляют.

После обеда поехали по городу и остановились в центре. Проехали через реку Дунай в городе. А здесь еще больше народу. Весь город на ногах, и каждый старается пожать руку, даже дети и те дают руку...

Настает ночь, но город Прага не спит, а идет массовое гуляние.

Никогда я не забуду этот день, который я провел в столице Чехословакии, гор. Прага.

Итак, в 22:30 из Праги выехали и тронулись дальше разоружать немца.

13–16 мая

Стоим на одном месте, снова распорядок и занятия, но наша рация продолжает работать с бригадами.

Мы только дежурируем...

Теперь война кончилась, настала мирная служба.

17–21 мая

Стоим на одном месте, свою рацию смонтировали на немецкую автомашину.

Продолжаем дежурить по первой сети с бригадами. В роте строго соблюдается распорядок дня: подъем, физзарядка, прогулка и т. д.

17 мая 1945 г. Чехословакия. Боевой экипаж.
Пётр Акакиевич Зорин
(верхний ряд, крайний справа)

31 мая

...После обеда тронулись в путь. Этот путь предстоит проехать за 4 дня. Пока едем по чеш-

ской земле. Все населенные пункты целы. Здесь протекает нормальная жизнь. Боев здесь, по-видимому, не было...

1 июня

Начало лета 1945 года, мы находимся на марше. Утром только тронулись, и получилась авария, наехали на машину и разбили радиатор, остановились в городе Вотица и в городе простояли с 11:00 до 20:00, встретили летучку и запаяли радиатор...

В 8 часов вечера поехали догонять своих, проехали больше ста километров, догнали своих в гор. Тушт...

2 июня

Сегодня в 11 часов тронулись дальше в путь по маршруту, и переехали Австро-Германскую границу, и вступили на территорию Австрии.

Здесь уже население нас не приветствует, флаги у них красно-бело-красные...

4 июля

Сегодня утром тронулись дальше по маршруту. Едем по Австрии. Здесь много разрушений. Тут, видимо, шли упорные бои.

9 июня

Сегодня нам выдали грамоты за участие в штурме столицы Германии гор. Берлина.

14–20 июня

Стоим <...> в Венгрии, около города Шопрон.

22 июня

Сегодня исполнилось ровно 4 года со дня нападения гитлеровской Германии на нашу Родину.

Сегодня же нам вручили грамоты за освобождение Праги...

13 июля

Сегодня я вступил в члены ВКП(б).

Сегодня мне исполнилось 22 года.

Свой день рождения отметил вступлением в члены партии ВКП(б)...

9 августа 1945

Вчера в 10 час. вечера по радио было передано важное правительственное сообщение о том, что Советский Союз с 9 августа находится в состоянии войны с Японией.

Значит, опять война!

Добьем и японский очаг на Дальнем Востоке.

Смерть японскому империализму...

3 сентября

Сегодня день победы над Японией.

Вчера японскими представителями был подписан акт о безоговорочной капитуляции вооруженных японских сил.

Вечером Москва салютовала в честь победы над Японией. Был передан указ Президиума о том, что 3-го сентября считать праздником...

27 сентября

...На днях был опубликован Указ Президиума СССР о демобилизации 10 старших возрастов и учителей. Меня было записали в первую очередь ехать домой, но справку еще не получил.

26 октября

Сегодня утром меня с наряда сняли. Сказали собираться домой. А мне еще не верится...

Итак, война окончена. Я жив и здоров, еду домой.

4 ноября

В 12:00 прибыл в Москву, которая дороже всех городов.

В Москве шумно, многолюдно, готовятся к празднику.

Впервые я шел по Москве. Ездил в метро. А как красиво там сделано! Все блестит, как зеркало. Ездил на троллейбусе, проходил мимо здания СНК. Я признал это здание самым красивым. Купили билеты в госцирк. Ходили вручать орден Отечественной войны I степени родителям Новожилова Б. с капитаном Коробейниковым...

8 ноября

Проехали гор. Свердловск. Въехали в пределы Сибири. Тут уже настоящая зима, снегу по колени...

12 ноября

...В 4 часа утра ворвались в с. Субботино. Всего нас ехало 8 человек... Вот так и добрался до дому. Ведь четыре года не был дома. Все для меня незнакомо. Многих позабыл.

Подготовил Валерий ПЛЮЩЕВ,
г. Кемерово

АКСИОС! ХАБЕМУС ПАПАМ! ВИВА, КУБА!*

**Совместное заявление
Папы Римского Франциска
и Святейшего Патриарха Кирилла**

*Документ принят по итогам встречи
Святейшего Папы Римского Франциска
и Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Кирилла, которая прошла
12 февраля 2016 года в Гаване (Куба).*

* * *

*«Благодаря Господу нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца,
и общение Святого Духа со всеми вами» (2 Кор. 13:13).*

1. По воле Бога и Отца, от Которого исходит всякий дар, во имя Господа нашего Иисуса Христа, содействием Святого Духа Утешителя, мы, Франциск, Папа Римский, и Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, встретились ныне в Гаване. Мы воздаём благодарность в Троице славимому Богу за эту встречу, первую в истории.

С радостью мы встретились как братья по христианской вере, увидевшиеся, чтобы «говорить устами к устам» (2 Ин. 12), от сердца к сердцу и обсудить взаимоотношения между Церквами, насущные проблемы нашей паствы и перспективы развития человеческой цивилизации.

2. Наша братская встреча произошла на Кубе, на перекрёстке путей между Севером и Югом, Западом и Востоком. С этого острова – символа надежд Нового света и драматических событий истории XX века – мы обращаем наше слово ко всем народам Латинской Америки и других континентов.

Мы радуемся тому, что сегодня здесь динамично развивается христианская вера. Мощный религиозный потенциал Латинской Америки, её многовековые христианские традиции, реализуемые в жизненном опыте миллионов людей, являются залогом великого будущего этого региона.

* Аксиос (ἁγιος) – с греч. «достойн!», восклицание, которым сопровождается рукоположение. Хабемус Папам (habemus Papam) – с лат. «у нас есть Папа», этими словами возвещают, что избран новый Папа. Вива, Куба (viva, Cuba) – с исп. «Да здравствует Куба!».

3. Встретившись вдали от старых споров Старого света, мы с особенной силой ощущаем необходимость совместных трудов католиков и православных, призванных с кротостью и благоговением дать миру отчёт в нашем уповании (1 Пет. 3:15).

4. Благодарим Бога за те дары, которые мы получили через явление в мир Его Единородного Сына. Мы разделяем общее духовное Предание первого тысячелетия христианства. Свидетелями этого Предания являются Пресвятая Матерь Божия, Дева Мария, и святые, которых мы почитаем. Среди них – бесчисленные мученики, явившие верность Христу и ставшие «семенем христианства».

5. Несмотря на общее Предание первых десяти веков, католики и православные на протяжении почти тысячи лет лишены общения в Евхаристии. Мы разделены ранами, нанесёнными в конфликтах далёкого и недавнего прошлого, разделены и унаследованными от наших предшественников различиями в понимании и изъяснении нашей веры в Бога, единого в Трёх Лицах: Отца, Сына и Духа Святого. Мы скорбим об утрате единства, ставшей следствием человеческой слабости и греховности, произошедшей вопреки Первосвященнической молитве Христа Спасителя: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21).

6. Осознавая многочисленные препятствия, которые предстоит преодолеть, мы надеемся, что наша встреча внесёт вклад в дело достижения того богозаповеданного единства, о котором молился Христос. Пусть наша встреча вдохновит христиан всего мира с новой ревностью призывать Господа, молясь о полном единстве всех Его учеников. Пусть она в мире, который ожидает от нас не только слов, но и деяний, станет знаменем упования для всех людей доброй воли.

7. В решимости прилагать все необходимое для того, чтобы преодолевать исторически унаследованные нами разногласия, мы хотим объединять наши усилия для свидетельства о Евангелии Христовом и общем наследии Церкви первого тысячелетия, совместно отвечая на вызовы современного мира. Православные и католики должны научиться нести согласное свидетельство истины в тех областях, в которых это возможно и необходимо. Человеческая цивилизация вступила в период эпохальных перемен. Христианская совесть и пастырская ответственность не позволяют нам оставаться безучастными к вызовам, требующим совместного ответа.

8. Наш взор устремлён прежде всего к тем регионам мира, где христиане подвергаются гонениям. Во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки наши братья и сёстры во Христе истребляются целыми семьями, деревнями и городами. Их

храмы подвергаются варварскому разрушению и разграблению, святыни – осквернению, памятники – уничтожению. В Сирии, Ираке и других странах Ближнего Востока мы с болью наблюдаем массовый исход христиан из той земли, где началось распространение нашей веры и где они жили с апостольских времен вместе с другими религиозными общинами.

9. Мы призываем международное сообщество к незамедлительным действиям для предотвращения дальнейшего вытеснения христиан с Ближнего Востока. Возвышая свой голос в защиту преследуемых христиан, мы сопереживаем и страданиям приверженцев иных религиозных традиций, становящихся жертвами гражданской войны, хаоса и террористического насилия.

10. В Сирии и в Ираке это насилие унесло тысячи жизней, оставив без крова и средств к существованию миллионы людей. Призываем мировое сообщество сплотиться, чтобы покончить с насилием и терроризмом, и одновременно через диалог содействовать скорейшему достижению гражданского мира. Необходима широкомасштабная гуманитарная помощь страдающему народу и многочисленным беженцам в соседних странах.

Просим всех, кто может повлиять на судьбу всех похищенных, в том числе митрополитов Алеппских Павла и Иоанна Ибрагима, захваченных в апреле 2013 года, сделать всё необходимое для их скорейшего освобождения.

11. Воссылаем молитвы ко Христу, Спасителю мира, об установлении на земле Ближнего Востока мира, который есть *«дело правды»* (Ис. 32:17), об укреплении братского сосуществования между находящимися на ней различными народами, Церквами и религиями, о возвращении беженцев в свои дома, об исцелении раненых и упокоении душ безвинно погибших.

Мы обращаемся ко всем сторонам, которые могут оказаться вовлечёнными в конфликты, с горячим призывом проявить добрую волю и сесть за стол переговоров. В то же время необходимо, чтобы международное сообщество употребило все возможные усилия, дабы покончить с терроризмом при помощи общих, совместных, скоординированных действий. Призываем все страны, вовлечённые в борьбу с терроризмом, к ответственному, взвешенным действиям. Призываем всех христиан и всех верующих в Бога к сугубой молитве Творцу и Промыслителю мира, дабы Он сохранил Своё творение от разрушения и не допустил новой мировой войны. Для того чтобы мир был прочным и надёжным, необходимы особые усилия, направленные на возвращение к общим, объединяющим нас ценностям, основанным на Евангелии Господа нашего Иисуса Христа.

12. Мы преклоняемся перед мужеством тех, кто ценой собственной жизни свидетельствует об истине Евангелия, предпочитая смерть отречению от Христа. Верим, что мученики нашего времени, происходящие из различных Церквей, но объединённые общим страданием, являются залогом единства христиан. К вам, страждущим за Христа, обращает своё слово Его апостол: *«Возлюбленные! ... как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете»* (1 Пет. 4:12–13).

13. В эту тревожную эпоху необходим межрелигиозный диалог. Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии. В нынешних условиях религиозные лидеры несут особую ответственность за воспитание своей паствы в духе уважения к убеждениям тех, кто принадлежит к иным религиозным традициям. Абсолютно неприемлемы попытки оправдания преступных деяний религиозными лозунгами. Никакое преступление не может быть совершено во имя Бога, *«потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира»* (1 Кор. 14:33).

14. Свидетельствуя о высокой ценности религиозной свободы, мы воздаём благодарение Богу за беспрецедентное возрождение христианской веры, которое происходит ныне в России и во многих странах Восточной Европы, где десятилетиями господствовали атеистические режимы. Сегодня окопы воинствующего безбожия сброшены, и во многих местах христиане могут свободно исповедовать свою веру. За четверть века здесь воздвигнуты десятки тысяч новых храмов, открыты сотни монастырей и богословских учебных заведений. Христианские общины ведут широкую благотворительную и социальную деятельность, оказывая многообразную помощь нуждающимся. Православные и католики нередко трудятся бок о бок. Они отстаивают общие духовные основы человеческого общежития, свидетельствуя о евангельских ценностях.

15. В то же время нашу озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся в столь многих странах, где христиане всё чаще сталкиваются с ограничением религиозной свободы и права свидетельствовать о своих убеждениях, жить в соответствии с ними. В частности, мы видим, что превращение некоторых стран в секуляризованные общества, чуждые всякой памяти о Боге и Его правде, влечёт за собой серьёзную опасность для религиозной свободы. Мы обеспокоены нынешним ограничением прав христиан, не говоря уже об их дискриминации, когда некоторые политические силы, руководствуясь идеологией секуляризма, столь часто становящегося агрессивным, стремятся вытеснить их на обочину общественной жизни.

16. Процесс европейской интеграции, начавшийся после столетий кровавых конфликтов, был воспринят многими с надеждой как залог мира и безопасности. В то же время мы предостерегаем против такой интеграции, которая не уважает религиозную идентичность. Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням. Призываем христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией.

17. Наш взгляд обращён к людям, находящимся в тяжёлом положении, живущим в условиях крайней нужды и бедности в то время, когда материальные богатства человечества растут. Мы не можем оставаться безразличными к судьбе миллионов мигрантов и беженцев, стучащихся в двери богатых стран. Безудержное потребление, характерное для некоторых наиболее развитых государств, стремительно истощает ресурсы нашей планеты. Растущее неравенство в распределении земных благ увеличивает чувство несправедливости насаждаемой системы международных отношений.

18. Христианские Церкви призваны отстаивать требования справедливости, уважения к традициям народов и действенной солидарности со всеми страждущими. Мы, христиане, не должны забывать о том, что Бог *«избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом»* (1 Кор. 1:27–29).

19. Семья – естественное средоточие жизни человека и общества. Мы обеспокоены кризисом семьи во многих странах. Православные и католики, разделяя одно и то же представление о семье, призваны свидетельствовать о семье как пути к святости, являющем верность супругов по отношению друг к другу, их готовность к рождению и воспитанию детей, солидарность между поколениями и уважение к немощным.

20. Семья основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной. Любовь скрепляет их союз, учит их принимать друг друга как дар. Брак – это школа любви и верности. Мы сожалеем, что иные формы сожителства ныне уравниваются с этим союзом, а освящённые библейской традицией представления об отцовстве и материнстве как особом призвании мужчины и женщины в браке вытесняются из общественного сознания.

21. Призываем каждого к уважению неотъемлемого права на жизнь. Миллионы младенцев лиша-

ются самой возможности появления на свет. *Голос крови не родившихся детей вопиет к Богу* (Быт. 4:10).

Распространение так называемой эвтаназии приводит к тому, что престарелые и больные начинают ощущать себя чрезмерным бременем для своих близких и для общества в целом.

Выражаем озабоченность всё более широким применением биомедицинских репродуктивных технологий, ибо манипулирование человеческой жизнью – это покушение на основы бытия человека, сотворённого по образу Божию. Считаем своим долгом напомнить о непреложности христианских нравственных принципов, основанных на уважении к достоинству человека, который призван к жизни, согласной с замыслом своего Творца.

22. Мы хотим обратить сегодня особое слово к христианской молодёжи. Вам, молодым, надлежит не зарывать талант в землю (Мф. 25:25), но употребить все дарованные вам Богом способности для утверждения в мире истины Христовой, для воплощения в жизнь евангельских заповедей о любви к Богу и ближнему. Не бойтесь идти против течения, отстаивая правду Божию, с которой далеко не всегда соотносятся современные секулярные стандарты.

23. Бог любит вас и от каждого из вас ожидает, что вы будете Его учениками и апостолами. Станьте светом мира, чтобы окружающие, видя ваши добрые дела, прославляли Отца вашего Небесного (Мф. 5:14–16). Воспитывайте детей в вере христианской, передайте им драгоценную жемчужину веры (Мф. 13:46), которую вы получили от ваших родителей и предков. Не забывайте, что *«вы куплены дорогою ценою»* (1 Кор. 6:20) – ценою смерти на кресте Богочеловека Иисуса Христа.

24. Православные и католики объединены не только общим Преданием Церкви первого тысячелетия, но и миссией проповеди Евангелия Христова в современном мире. Эта миссия предполагает взаимное уважение членов христианских общин, исключает любые формы прозелитизма.

Мы не соперники, а братья: из этого понимания мы должны исходить во всех наших действиях по отношению друг к другу и к внешнему миру. Призываем католиков и православных во всех странах учиться жить вместе в мире, любви и *единомыслии между собою* (Рим. 15:5). Недопустимо использовать неподобающие средства для принуждения верующих к переходу из одной Церкви в другую, пренебрегая их религиозной свободой и их собственными традициями. Мы призваны воплощать в жизнь завет апостола Павла и *«благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании»* (Рим. 15:20).

25. Надеемся, что наша встреча внесёт вклад в примирение там, где существуют трения между греко-католиками и православными. Сегодня очевидно, что метод «униатизма» прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путём её отрыва от своей Церкви, не является путём к восстановлению единства. В то же время церковные общины, которые появились в результате исторических обстоятельств, имеют право существовать и предпринимать всё необходимое для удовлетворения духовных нужд своих верных, стремясь к миру с соседями. Православные и греко-католики нуждаются в примирении и нахождении взаимоприемлемых форм сосуществования.

26. Мы скорбим о противостоянии на Украине, унесшем уже множество жизней, причинившем бесчисленные страдания мирным жителям, ввергнувшем общество в глубокий экономический и гуманитарный кризис. Призываем все стороны конфликта к благоразумию, общественной солидарности и деятельному миротворчеству. Призываем наши Церкви на Украине трудиться для достижения общественного согласия, воздерживаться от участия в противоборстве и не поддерживать дальнейшего развития конфликта.

27. Выражаем надежду на то, что раскол среди православных верующих Украины будет преодолён на основе существующих канонических норм, что все православные христиане Украины будут жить в мире и согласии, а католические общины страны будут этому способствовать, чтобы наше христианское братство было ещё более очевидно.

28. В современном мире, многоликом и в то же время объединённом общей судьбой, католики и православные призваны братски соработничать для возвещения Евангелия спасения, для общего

свидетельства о нравственном достоинстве и подлинной свободе человека, *«да уверует мир»* (Ин. 17:21). Этот мир, в котором стремительно подрываются духовные устои человеческого бытия, ждёт от нас сильного христианского свидетельства во всех областях личной и общественной жизни. От того, сможем ли мы в переломную эпоху вместе нести свидетельство Духа истины, во многом зависит будущее человечества.

29. В безбоязненном возвещении правды Божией и спасающей Благой вести да поможет нам Богочеловек Иисус Христос, наш Господь и Спаситель, духовно укрепляющий нас Своим неложным обещанием: *«Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»* (Лк. 12:32).

Христос – источник радости и надежды. Вера в Него преображает жизнь человека, наполняет её смыслом. В этом на собственном опыте убедились все те, о ком можно сказать словами апостола Петра: *«Некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы»* (1 Пет. 2:10).

30. Исполненные благодарности за дар взаимопонимания, явленный на нашей встрече, обращаемся с надеждой к Пресвятой Матери Божией, взывая к Ней словами древней молитвы: *«Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево»*. Пусть Преподобная Дева Мария Своим представительством укрепит братство всех, Её почитающих, дабы они в Боге определённое время были собраны в мире и единомыслии во единый народ Божий, да прославится имя Единосущной и Неразделимой Троицы!

**Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл**

**Епископ Римский
Франциск**

Куба

**Вера
ЛАВРИНА**

КРЫМ ПРАВОСЛАВНЫЙ: ЮЖНЫЙ АФОН

Писать путевые заметки о паломничестве в Крым не планировала, честно. Во время путешествия не вела записи – просто созерцала и впитывала. Но вот один, другой раз мелькнуло название-именование Крыма: Южный Афон. А ведь год назад я посетила Северный Афон – Валаам и под сильным впечатлением от увиденного и прочувствованного написала очерк «На берегах Северного Афона». Не предполагала такой последовательности в путешествии. Но она сложилась. И потом пришла в голову мысль о том, что впервые со времени крушения Российской империи два важнейших духовных центра Святой Руси – Афон Северный и Афон Южный (Крым) – вновь пребывают в пределах России в своём подлинном статусе и целокупности. Валаам до 1940 года находился в составе Финляндии. Переданный СССР, пережил трагическое разорение и поругание. А когда началось возрождение Северного Афона в 1984 году, Южный тридцать лет находился в составе другого государства. И вот снова, с 2014 года, заблистали в духовном пространстве России с севера и юга два православных светоча. Так возникло желание написать и о Южном Афоне – таком, каким он запечатлелся в памяти.

Мне не удалось найти ответ на вопрос, кто и когда стал называть Крым Южным Афоном, но ясно почему. Как и Афон, Крым окружён водным пространством, многие его монастыри, скиты находятся в горах, в отдалении. Здесь с давних времён были пещерные православные монастыри и храмы, разрушавшиеся в период господства ислама и ещё более в советские богоборческие годы. Сейчас они активно восстанавливаются. Кроме того, Крым имеет очень древнюю, яркую, драматичную историю христианской церкви, простирающуюся от времён Римской империи до Византии и далее. Здесь исток Русской Православной церкви, – та знаменитая купель, в которой принял крещение равноапостольный князь Владимир.

Крым с исторической точки зрения, несомненно, удивительное место. Он пережил практически все исторические сдвиги и периоды, выпавшие на долю

Европы. В архаическую эпоху Крым населялся древними племенами тавров, киммерийцев, скифов, затем он вошёл в греко-римскую ойкумену, пережил нашествие готов, гуннов и других племён, был частью Византийской империи. Являлся улусом Золотой Орды, представлял независимое Крымское ханство, находился под властью Османской империи и, наконец, в XVIII веке при Екатерине II вошёл в состав Российской империи.

Христианская история Крыма началась очень рано, с апостольских времён. Евангельская весть о Христе, по преданию, была принесена в Крым в I веке Андреем Первозванным. Ему недавно был установлен памятник в Херсонесе Таврическом (древнегреческий Херсонес, раскопанный под Севастополем, не следует путать с современным городом Херсоном, расположенным на юге Украины).

Со сменой эпох и перемещением народов, на полуострове появлялись и новые религии. Византийцы утверждали православие, генуэзцы были католиками, татары – представителями ислама, каза-ры и караимы – иудаизма своеобразного толка.

Крымская земля буквально наспигована древностями. Здесь некоторые христианские, мусульманские и другие святыни находятся в предельной близости друг от друга. Например, проезжаешь Бахчисарайский дворец с его медресе, ханской мечетью и минаретами, мавзолеем и через некоторое время по прижимающейся к скале дороге начинается путь к Бахчисарайскому Успенскому монастырю. Слева внизу, на дне ущелья, можно увидеть мавзолей основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея и его сына и Медресе железной цепи. Неподалёку находятся раннесредневековый некрополь христианизировавшихся гот-алан и иудейский караимский некрополь. Эта же дорога далее ведёт к средневековому пещерному городу Чуфут-Кале. И всё это на пространстве протяжённостью около двух километров в ширину и до километра в длину.

Самолёт приземлился в Симферополе в шесть утра.

У выхода из аэропорта никто меня не встретил, хотя было обещано.

Вокруг, как хищники, кружили таксисты.

– Меня встретят, у меня трансфер оплачен, – отмахивалась я от них.

– Много мы таких видали, у которых трансфер оплачен, их же потом и развозили.

– Я буду ждать, я уже связалась с пансионатом.

– Поедем, пока жары нет, – уговаривали они меня. – Потом никто не захочет резину по горной дороге бить.

«За тысячу семьсот рублей, как миленькие, захотите, ещё в очередь встанете», – с раздражением думала я.

Билет до Рыбачьего на автобусе сто пятьдесят рублей стоит, а такси...

Наконец минут через сорок ко мне подскочили два весёлых парня с плакатиком, на котором было крупно написано: «Правда Вера Леонидовна».

– Да-да, я – Правда Вера Леонидовна, давно вас жду.

Максим и Александр – коренные симферопольцы, подрабатывали извозом. Максим оказался ещё и моим коллегой, преподавал в Симферопольском университете, потом перешёл в информационный отдел. С Максимом, приветливым, разговорчивым молодым человеком, мы проболтали всю дорогу до Рыбачьего. Из разговора с ним запомнилось его признание, связанное с референдумом в Крыму:

– Когда провели референдум, и не ясно было, признает его Россия или нет, наступили очень тревожные дни. Тогда было по-настоящему страшно, мы готовились ко всему.

– А что, была возможна карательная операция против Крыма?

– Да, мы и это ожидали.

– А сейчас вы можете ездить на Украину?

– Мужчинам ездить туда рискованно. Могут на улице забрать и отправить в армию. Они же считают Крым по-прежнему своей территорией. Правда, некоторые ребята ездили – и ничего, вернулись.

Пансионат находится в пятидесяти метрах от моря, являет собой пример межконфессионального согласия. Его владелец – почтенный крымский татарин. Над входом арабской вязью начертана сура из Корана. В переходах между ресепшеном и кухней можно увидеть аналой. Принимал пансионат православных паломников да и всех желающих, если были места. Внутри устроен красивый дворик, заплетённый по периметру диким виноградом. Мощные виноградные стебли поднимаются до четвёртого этажа. Во дворик выходят террасы, опоясывающие каждый этаж. Вечерами здесь приятно пить чай и вести беседы с новыми знакомыми.

В первый же день я обошла Рыбачье, всё его побережье, одну главную улицу и прилегающие к ней переулки. Много времени это не заняло. Небольшой посёлок прижат горным хребтом к морю, ограничен с двух сторон скалистыми мысами. Через него вдоль моря проходит автомобильная магистраль, связывающая западное и восточное побережье Крыма. От магистрали вверх отходят несколько улиц, включая и главную – Центральную улицу. На окраине посёлка построены новые гостиничные комплексы. Центральная часть побережья в посёлке представляет собой довольно убогое зрелище. Торопливо отстроенные лоскутные кафе, забегаловки. Над ними ржавые конструкции, которые то ли когда-то были, то ли собирались быть террасами и кафе с видами на море. Но теперь это напо-

минает заброшенную промзону с оббитыми бетонными плитами, блоками, проржавевшими трубами, балками. Рука инвестора ещё не добралась до этой части посёлка. Сочетание азиатской неухоженности, советской простоватости с европейского типа застройками – характерная черта современной крымской городской среды. Кстати, в Рыбачьем пансионаты и дома отдыха советской поры, представляющие собой незамысловатые бетонные корбки, сейчас активно ремонтируются.

Потрясшей меня достопримечательностью Рыбачьего стал нудистский пляж. Я отправилась гулять вдоль берега моря и неподалёку от последних отелей увидела самодельный, но основательно сработанный из железа небольшой щиток с надписью: «Нудистский пляж». Мне казалось невероятным устроить подобный пляж неподалёку от обычного пляжа, на открытом месте, куда беспрепятственно ходят гулять семьи с детьми, подростки. Я продолжала прогулку. Однако вскоре я увидела настоящую «нудистскую бабушку», похожую на туземку, прокопченную, как вобла, с пучком седых волос на голове. Впереди маячили ещё какие-то «туземцы» без набедренных повязок. Я так мечтала прогуляться до дальнего мыса – и вот тебе, пожалуйста, нудистский пляж. Ну почему бы не устраивать свои пляжи в каких-нибудь отдалённых, закрытых для посещения уголках – надо напоказ. Это выглядело дико. Потом я узнала, что нудистские пляжи есть практически во всех курортных городах Крыма.

Несколько разочаровало меня и Чёрное море. Оно бедное по своей флоре и фауне. В нём я видела только редких желеобразных медуз, напоминающих рваные полиэтиленовые мешки, да мелкие чахлые бледные водоросли, выброшенные волной. Не сравнить с роскошью Красного моря, где даже на отмели видишь разноцветные кораллы, звёзды, а берег сплошь состоит из остатков морских организмов. Бегают крабики, прыгают какие-то диковинные рыбки.

Один из гидов позже нам сказал, что на глубине двухсот метров в Чёрном море присутствует много сероводорода, который делает глубины необитаемыми. Но зато вода в Чёрном море неагрессивная, очень комфортная для кожи. Её не надо смывать после купания, она делает кожу мягкой, шелковистой. Говорят, что все нескончаемые морские сувениры в виде диковинных раковин, морских звёзд, ежей, кораллов и прочего привозят из-за границы, с вод Красного и других морей. Я в это охотно верю.

Если говорить о современном, постукраинском Крыме, то атмосфера в нём вполне курортная, расслабленная. Там, во всяком случае во время моего пребывания, не чувствовалось ни напряжённости, ни нервозности. Продуктов в магазинах хватает. Вода холодная и горячая поступает в гостиницы без

перебоев. Лекарства в аптеках с российским разнообразием, автобусное сообщение оживлённое. Правда, билеты на междугородние автобусы очень бойко раскупают – надо приобретать заблаговременно – отдыхающие активно ездят по всему Крыму. Я, например, не смогла съездить в Коктебель, так как в кассах не было билетов на соответствующий рейс. Очередей в обмене валют нет.

Актуальные проблемы – с банкоматами, дорогой сотовой связью (не дороже, правда, чем в отдалённых регионах России). Банкоматов нет, наличные снять невозможно. Тот, кто не взял с собой наличку, вынужден был просить родных перевести им деньги почтой и потом получать их в Алуште.

Не понравилось и общественное питание в Крыму. И уличная выпечка, и питание в пансионате – всё низкого качества. Систему питания в пансионате я бы охарактеризовала как «эконом-эконом в квадрате» класса. Обилия рыбы в Рыбачьем не наблюдалось. Нас кормили какой-то «отстойной рыбой» и... рыбными консервами. В пост рыбные консервы мешали с варёным рисом и из смеси жарили котлетки. Это воистину ноу-хау крымских кашеваров.

Чистотой, ухоженностью могут похвастаться далеко не все уголки Крыма. Крым пока ещё «недоухоженный», недостроенный. Пример с посёлком Рыбачьим это показывает достаточно ярко.

Если говорить о ценах, то можно сказать, что Крым дорогой. Но не во всем. Дорогое питание, как во всех курортных зонах. Фрукты-овощи по цене сибирских. Много ягод, овощей завозят из Турции с фирменным турецким качеством: отличный товарный вид, задревенелость на ощупь и слабо выраженный вкус соответствующих плодов. Сувениры продаются по вполне приемлемым ценам. А уж пляжный инвентарь: парео, шляпы, надувные круги, пляжные сумки и прочее можно купить и вовсе за копейки.

Большое количество отдыхающих, хотелось бы сказать, «со всех уголков России», но это не так. Подавляющее количество туристов из Москвы. Много машин с не крымскими номерами. Но подавляющее большинство таких машин опять же московские.

В начале августа в Рыбачьем было много табличек: «Сдам жильё». Они красовались буквально на каждом доме, потом стали исчезать, исчезла такая табличка и с нашего пансионата. Людям надо зарабатывать за курортный сезон. Поэтому караулят отдыхающих даже на безлюдных перевалах: стоят машины с плакатами о сдаче жилья. Такие же плакаты и на оживлённых перекрёстках городов.

Прежнее украинское присутствие очень мало о себе напоминает. Остались машины с украинскими номерами, кое-где названия улиц на украинском языке, вдоль трасс – щиты с загадочными «для мо-

скалей» надписями: «Дякуємо за чисті узбіччя» (благодарим за чистые обочины). Украинской мовы нигде не слышно вообще. Кстати, гид Татьяна, которая подрабатывала в Ялте в каком-то вузе, рассказала нам, что до присоединения Крыма тем преподавателям, которые читали лекции на украинском языке, администрация доплачивала. Дипломы студенты должны были писать только на украинском. Они писали, конечно, на русском, а потом за деньги им переводили их на украинский язык.

9 августа у нас состоялась первая поездка в Алушту, в Успенский Бахчисарайский монастырь и скит Анастасии Узорешительницы. Надо сказать, что программа поездок была разработана неплохо, каждый выезд был насыщенным, впечатляющим. Правда, мы сетовали на то, что экскурсоводы ни на йоту не отклонялись от программы. Например, мы проезжали буквально в трёх метрах от знаменитого Бахчисарайского дворца – единственного в мире образца крымско-татарской дворцовой архитектуры XVI века, видели красно-коричневые черепичные крыши, стрельчатые окна, минареты ханской мечети. Просили нашего экскурсовода Татьяну остановить автобус хотя бы на минуту, чтобы выйти посмотреть и сфотографировать дворец, но та была тверда, как скала:

– Это не по программе.

В Алуште мы посетили только церковь Феодора Стратилата и всех крымских святых. Это старейший храм Алушты. Вид у него необычный и даже «неправославный». И действительно, как нам сказала Татьяна, строение воспроизводит тип английского сельского готического храма. Церковь возводилась в начале XIX века по решению крымского губернатора, известного англomана графа М. С. Воронцова.

Был воскресный день. Пробыться в храм невозможно, люди стояли даже на улице перед притвором. Мы так и не попали внутрь.

Я спросила у Татьяны:

– У вас так много верующих или так мало храмов?

Оказалось, это практически единственная церковь на пятидесятитысячный город. Второй храм на окраине ещё не достроен.

С сожалением узнала, что мы не попадем в другой очень интересный памятник культуры в Алуште: дом-музей любимейшего мной писателя Ивана Шмелёва. Его без сомнения можно назвать православным писателем.

Он прожил в Алуште четыре трагических года – с 1918-го по 1922-й. Именно об этом периоде написано знаменитое на весь мир произведение «Солнце мёртвых». Его дом в Алуште – единственный в мире музей, посвящённый Шмелёву.

Далее наш путь лежал в Бахчисарайский Успенский пещерный монастырь. Татьяна рассказала

нам, что в Крыму восстановлены многие обители. И сейчас здесь семнадцать действующих монастырей. Успенский монастырь, самый большой на полуострове, именуют Крымской Лаврой. Он относится к числу древнейших обителей, дата его основания теряется в веках. Не все исследователи принимают гипотезу о том, что обитель была основана иконопочитателями, бежавшими в Крым из Византии в VIII веке. Достоверно, что к концу XV века Успенский монастырь стал резиденцией митрополита, центром православия в Крыму. За свою долгую историю монастырь пережил периоды и запустения, и расцвета, полного разорения и возрождения. И последнее возрождение монастыря началось в 90-е годы прошлого века.

Пешая дорога к монастырю начинается от площади, на которой раскинулся живописный татарский базарчик: ряды лавок с восточной богато орнаментированной посудой, расшитой кожаной обувью, чулками, носками, душегрейками, россыпи сувениров. Всё по сходной цене.

При подъёме к монастырю открывается величественная панорама: слева простирается глубокое ущелье, обрамлённое отвесными, будто обрезанными ножом скалами светлого и даже местами белого цвета, очень характерного для Крымских гор, справа дорога прижимается к скале.

Нам хотелось приложиться к главной святыне обители – иконе Одигитрия. История обретения этого образа тоже окружена множеством легенд и преданий. По одному из них, икона Пречистой, появившаяся чудесным образом в Крымских горах, и дала начало Успенскому монастырю. Сама древняя икона утрачена – в монастыре теперь находится её список. Гид Татьяна сказала нам, что доступ к иконе может быть затруднён из-за режима работы монастыря. И нам сильно повезёт, если мы сможем к ней приложиться. Мы начали подниматься по ступеням вверх, к скальной церкви. На одной из площадок увидели живописного монаха в выцветшей заплятанной рясе с длинными волосами, забранными в хвост. Он рассказывал небольшой группе паломников о монастыре, о вере, о последних временах. Мы пристроились к паломникам.

– Держитесь его, – шепнула Татьяна. – Он должен повести паломников к чудотворной иконе.

Так и случилось. По широкой каменной лестнице мы поднялись в верхний ярус монастыря, все помещения которого высечены в скале. Здесь находятся два ныне действующих храма. Главный храм, в честь Успения Божией Матери, сооружён в древней пещерной церкви. Между колоннами в правой стене находится небольшая пещерка, в которой сегодня хранится почитаемый список с чудотворного образа Бахчисарайской Божией Матери. Мы отстояли длинную очередь, приложились к иконе. Монах по-

мазывал всех приложившихся. В руках у него были не обычные кисточка и сосуд с миром, а какой-то специальный карандаш. Вскоре доступ к иконе закрыли.

Интересной достопримечательностью Успенского монастыря является коллекция изображений (в виде барельефов) православных монастырей всего мира. На скале вдоль лестницы, ведущей к скальной церкви, на площади примерно 5 на 10 метров в своеобразных клеймах схематично изображены виды монастырей. Татьяна сказала нам, что можно прислать фотографию монастырей своей местности, и монахи создадут его изображение на стене.

Дальше наш путь лежал в отдалённый скит Успенского монастыря, который располагался тоже в горах, скит Анастасии Узорешительницы. Анастасия Узорешительница – святая, мученица эпохи Римской империи, помогавшая заключённым в тюрьмы за веру Христову, выкупала их за деньги из темниц – освобождала от уз. По преданию, она посещала Крым, поэтому её здесь особо почитают.

Автобус наш остановился прямо на трассе, в довольно пустынной местности, вокруг не было ни посёлка, ни построек. Расположен скит в пещерном городе под названием Качи-Кальон, где с древности было много скальных монашеских келий. К скиту ведёт крутая тропинка из пятисот ступеней. Эти ступени сделаны из забитых бетоном и песком автомобильных покрышек (шин). Таня нас предупредила:

– Дорогие братья и сёстры, подъём будет долгий, по самой жаре, кто не готов к таким испытаниям, плохо себя чувствует – лучше остаться в автобусе.

В скиту находится уникальный, удивительный храм, получивший в народе название «бисерный». В этом храме стены, утварь, лампы, стасидии (особые кресла для монахов), кресты затейливо украшены бисером, бусинами, цветными камешками и другим разнообразным декоративным материалом. Причём лампами завешен весь потолок. Как нам сказала Таня, игумен монастыря о. Дорофей, чтобы поддержать обитель, стал на продажу изготавливать церковную утварь, своеобразно украшая её бисером и бусинами. Ему помогали монахи. И потом изделий стало так много, что ими начали украшать храм. Теперь скитской храм приобрёл необыкновенный, по-восточному цветистый облик. Можно и даже нужно было посидеть на стасидиях.

– Когда встанете, посмотрите, что написано на спинке стасидии, куда вы сели. На каждой из них начертана заповедь. Обратите внимание, какая заповедь вам выпадет, видимо, вы часто её нарушаете, и Господь вам подсказывает это, – пояснила Татьяна.

Мне выпала заповедь: «Помни день субботний». Господь напомнил мне о том, что не следует пропускать воскресные службы.

Была ещё здесь, как мне показалась, местная придумка: в расшитые бисером мешочки, которые продаются в лавке, можно было вложить записочку с просьбой к св. Анастасии. Этот мешочек во исполнение просьб потом вешали на колонны перед входом в храм. В церковной лавке можно было купить «фирменные» вещи монастыря: бисерные лампы, кресты, иконки в богато украшенных рамках и так далее.

Поражает и то, что на сухой каменистой земле скита монахи умудряются выращивать виноградники, плодовые деревья. Воду берут в скудных источниках и собирают во время дождя.

В Крыму темнеет рано. Возвращались в пансионат мы уже при свете звезд. Автобус медленно двигался по крутой горной дороге.

А в голове всё звучали строчки из стихотворения А. Пушкина, которые напомнила нам Татьяна:

*Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш отчий край – пустыня,
Душа – алтарь без божества.*

Следующая наша поездка была в Ялту с посещением храма Архистратига Михаила, Ливадийского дворца, вечерней ялтинской набережной, Никитского ботанического сада. На этот раз у нас был весьма титулованный экскурсовод: кандидат культурологии, доктор философских наук Вячеслав Бойко. Никогда не имела чести отправляться на экскурсию со столь продвинутым гидом. Вячеслав нам понравился: спокойный, выдержанный. Правда, порой он облегчал себе задачу весьма: в переездах, не загружаясь, рассказывал нам всё, что помнил про русскую историю и российских царей в целом. Однако на наши вопросы давал выверенные ответы.

Храм Архистратига Михаила возведён у посёлка Ореанда, возле места, на котором некогда располагался древний христианский монастырь. Его остатки были найдены археологами. С площади храма открывается разнообразная и величественная панорама гор.

Церковь возведена в 2006 году, как я бы определила, в стиле украинского барокко, подобно Софии Киевской. Храм новенький, «с иголочки», блестяще отделан и украшен.

По дороге в Ливадию нас завезли на смотровую площадку полюбоваться знаменитым неоготическим замком «Ласточкино гнездо». Его построил некий немец-нефтепромышленник ещё до революции. Потом, в советское время, чего там только не было: читальня, дом отдыха, ресторан, теперь – выставочный зал. Поскольку близко к замку мы не подходили, его отдалённый вид навевал блёклые романтические переживания – и не более.

Этот и последующие дни показали, что ведущим стилем знаменитых зданий, дворцов в Крыму является архитектурная эклектика, главный приём которой – стилизация под тот или иной ушедший архитектурный стиль. Дворцы знати и членов царской семьи возводились в Крыму во второй половине XIX века, когда господствовал стиль архитектурного выбора. Но это касается даже новых сооружений, что я увидела на примере церкви Архистратига Михаила. В стиле архитектурной эклектики построен и знаменитый Ливадийский дворец – крымская резиденция царской семьи. Он стилизован под итальянский палаццо: белоснежная отделка фасадов, внутренний дворик, обширные парадные залы, украшенные колоннадой. Сейчас его вполне можно рассматривать как место православного паломничества. Здесь несколько летних и осенних месяцев провела семья царственных мучеников. Дворец много раз грабили, «перепрофилировали». Сейчас в экспозицию собрали кое-что из подлинных вещей царской семьи: посуду, фотографии, открытки княжон, их записки. В одном из залов над камином висит большое зеркало, которое сохранилось с дореволюционных времён. Это зеркало, несомненно, отражало подлинный облик самого государя, его жены, княжон и наследника. Я сфотографировала и своё отражение в этом зеркале. На память.

В одном из залов была представлена скульптурная группа, созданная и подаренная Ливадийскому музею «придворным» скульптором Церетели: «Царская семья перед расстрелом». Бездарная. Все члены семьи стоят абсолютно статично и отъединённо друг от друга, с закрытыми глазами. Дескать, они молятся и ждут расстрела. Всё здесь фальшиво! И исторически, и психологически, и эстетически.

Потом мы зашли в домовую церковь царской семьи – Крестовоздвиженскую. Она тоже стилизована под южный закавказский стиль. Очень изящная, красивая, светлая. Внутри на лазурных сводах горят золотые звёзды, что гармонично сочетается с белоснежным каменным иконостасом. В этой церкви молились три поколения императоров: Александр II, Александр III и Николай II. Здесь отпевали Александра III. Здесь же Иоанн Кронштадский совершил чин миропомазания невесты Николая, принцессы Алисы Гессенской, приобщив её тем самым к Русской православной церкви. При этом обряде присутствовала сестра будущей императрицы Елизавета Фёдоровна. Обе они мученически закончили свой жизненный путь и были причислены к лику святых РПЦ.

Церковь эта, как и дворец, сохранилась, но была радикально «перепрофилирована» большевиками. Здесь устраивали и клуб, и склад, и музейное помещение. В последние советские годы в ней была

сварочная мастерская. С 1991 года её вернули РПЦ, начались богослужения и реставрация.

В садах Ливадии мы встретили очень колоритного деда-бандуриста в вышиванке, широченных атласных шароварах, с длинным пучком волос посреди лысой головы.

– Смотри, Бандера, Бандера, – шушукались мои неосведомлённые сограждане.

Наш гид Владислав дал национальному украинскому деду сто рублей.

На обратном пути мы заехали в Ялту, погуляли по набережной. Последним пунктом нашей экскурсии был Никитский сад в посёлке Никита. Сад этот, основанный еще в 1812 году, известен на весь Крым. Здесь роскошные розарии, газоны, каскады водоёмов, пруды с лотосами, пальмовые аллеи, цветники, редкие породы деревьев. Лично мне больше всего запомнились бамбуковые рощи. Бамбук я увидела впервые. Среди этого великолепия мы гуляли небольшими группками, любовались рукотворной и нерукотворной природой, беседовали с Вячеславом, делились тем, кто что видел на своём веку.

Следующая наша поездка состоялась 14 августа. Мы посетили Симферополь и Топловский женский монастырь. В историческом центре Симферополя недалеко друг от друга расположены три главных храма столицы Крыма: Свято-Троицкий собор женского монастыря, самый древний храм Симферополя – церковь равноапостольных Константина и Елены и Петропавловский собор.

Мы первым делом отправились в Свято-Троицкую женскую обитель. В Троицком храме покоятся мощи великого русского святого Луки Войно-Ясенецкого. Этот собор часто так и называют: храм святителя Луки. Здесь находится крымская святыня – обновившаяся чудесным образом икона Божией Матери «Скорбящая». При обители есть музей святителя Луки.

Мы приложились к мощам святителя. Возможно, благодаря этим святыням в атмосфере храма присутствуют сакральная тишина и умиротворение.

Старинный Константино-Еленинский собор известен тем, что в этом храме на обедне молилась Екатерина II. Во время своего знаменитого путешествия по Крыму она некоторое время находилась в Симферополе проездом из Бахчисарая. Сразу же после присоединения Крыма к России в 1783 году в Симферополе был куплен у татарина дом и переделан в полковую церковь. Известно, что императрицу удивила бедность храма. Вернувшись в Петербург, она о нём не забыла и выслала в дар храму церковную утварь. Происхождение храма угадывается и до сих пор: у него простой объём, ничем не расчленённый, прямоугольный в плане, и скромный декор.

Наконец, третий, кафедральный Петропавловский собор является главным храмом Крыма. Построен в XIX веке в эклектичном стиле, соединяющем элементы классики и древнерусского. Здесь покоятся мощи святителя Гурия (Карпова), замечательного просветителя, миссионера. Мы увидели одну из главных реликвий храма: чудотворную икону святителя Николая и отпечаток этой иконы на стекле киота, в который помещена икона. Я сразу вспомнила чудесный образ Богородицы на стекле, появившийся в Новокузнецке в храме Иоанна Воина, на основе которого возникла икона «Чаша терпения».

Далее наш путь лежал в Топловский женский монастырь мученицы Параскевы, который раскинулся на большом пространстве среди тенистых крымских лесов, расположенных на склонах невысоких гор.

По местным преданиям, великая святая римлянка Параскева проповедовала в Крыму, и именно в урочище Топлу ей отсекали голову, после чего на месте казни забил источник, имеющий лечебные свойства. Поэтому с древнейших времён в Крыму почитали Параскеву. В XIX веке был создан Свято-Троицкий Параскевиевский монастырь. Расцвет монастыря связан с именем игуменьи Параскевы (Родимцевой), возглавлявшей монастырь до его закрытия в 1928 году. В 2009 году игуменья Параскева была причислена к местным почитаемым святым. Паломников обязательно водят на могилу Параскевы Родимцевой. У ограды стоит небольшой сундук, куда можно опускать записочки с просьбами.

По дороге, лежащей в тени высоких деревьев, мы поднялись к источнику Святого Георгия. Там сооружены часовня и купель. Купель небольшая, очень простая, выложена галькой. От холодной воды заходится дыхание и кружится голова. Но зато потом чувствуется необыкновенный душевный подъём и бодрость.

Возле купели – звонница с тремя колоколами, в которых можно всем желающим звонить для искупления грехов – по разу в каждый колокол. Я представляю, как распухают от бесконечного звона головы у женщин, торгующих и работающих на площадке возле звонницы.

В Крестовоздвиженском храме монастыря есть мощи святой Параскевы Римской. У родника святой Параскевы устроена часовня и ещё одна купальня во имя Параскевы. Её можно было бы назвать виркупелью по сравнению с Георгиевской. Это обширный глубокий бассейн под куполом, выложенный лазурной плиткой, от чего вода в нём приобретает красивый насыщенный сине-бирюзовый цвет. Вода в нём очень тёплая, чистая. Так что некоторые паломники, позабыв о духовных целях, с наслаждением плавали в нём туда-сюда.

Таня рассказала нам, что в пяти километрах от монастыря находится третий святой источник – Трёх Святителей. Вода из него подаётся по трубам. Её можно набрать из крана на территории монастыря.

Ещё одной достопримечательностью монастыря можно назвать строящийся Троицкий храм. Он возводится на месте недостроенного же Троицкого собора, который был взорван большевиками. По очертаниям уже угадываются громадные размеры храма и знакомый псевдорусский стиль.

Девушки-экскурсоводы, строгие, не улыбочивые, в косыночках и длинных юбках, водят небольшие группы паломников по обители.

Это поездка состоялась в праздник медового Спаса. Повсюду у храмов освещались и продавались мёд, выпечка. В этот же день отмечали и праздник выноса Креста. Я о нём прежде не знала. Праздник этот был установлен в Византии. В самое жаркое время, когда распространялись инфекции, для защиты выносили крест и святтили святой водой.

Из Топловского монастыря мы увозили баночки с золотистым монастырским горным мёдом.

Отправляясь в поездки и возвращаясь поздно вечером в Рыбачье, мы проезжали мимо прекрасного Никольского храма, расположенного в соседнем селёце Малореченское. Это единственный в Крыму уникальный храм-маяк. Как нам сказала Татьяна, подобных храмов в мире насчитывается всего десять. Этот храм посвящён памяти всех погибших на водах. Построен в 2004 году. В цокольном этаже расположен музей катастроф на водах. Храм величественно и эффектно возвышается на выдающемся в море утёсе. Всякий раз я ожидала встречи с этим храмом и провожала его взглядом до самого поворота. Попастъ в храм, к сожалению, так и не удалось, а значит, кроме прочих, будет ещё один повод вернуться сюда.

Во время наших прогулок по Никитскому саду, я спросила у гида Вячеслава:

– Какой, на ваш взгляд, самый красивый и интересный рукотворный памятник Крыма?

Чуть подумав, он ответил:

– Воронцовский дворец.

– А самая главная православная святыня?

В этот раз Вячеслав не задумывался:

– Херсонес.

В Херсонес нам предстояла поездка. А вот в Воронцовский дворец я решила съездить самостоятельно. Путёвки можно было купить на любом перекрёстке. И хотя там никаких православных святынь нет, дворцовый комплекс заслуживает того, чтобы сказать о нём несколько слов.

Строился он около двадцати лет, как бы мы сейчас сказали, дистанционно, что само по себе не-

обычно. Английский архитектор Эдвард Блор, которого нанял англоман Воронцов, в АлуПКу никогда не приезжал. Как нам сказал экскурсовод, ему посылали рисунки местности, и он создал проект. Надо отдать должное англичанину, тот прекрасно вписал дворец в окружающий пейзаж. Одним своим фасадом, стилизованным под английский средневековый замок, дворец обращён к величественным горам Ай-Петри, их светлые ровные скальные уступы величаво нависают над зелёной купиной сада. Сам дворец благородного светло-кофейного цвета. Возникает очень красивая природная цветопись. Фасад, обращённый к морю, выполнен в восточном, мавританском стиле. С моей точки зрения, эклектика загубила этот фасад дворца. На подковообразной арке шестикратно повторяется арабская надпись: «И нет победителя, кроме Аллаха». К чему это на жилище православного, пусть даже вельможи? Лестница, ведущая к морю, украшена скульптурами львов, сделанных из белоснежного мрамора. Их итальянское происхождение написано у них на мордах. Это явная «ренессансная цитата». Она выглядит очень инородно в контексте восточного зодчества. Арабское зодчество вообще не использовало круглую скульптуру в качестве декора. Гармоничного сочетания скульптуры и архитектуры не получилось.

Дворец окружает огромный великолепный парк в английском стиле с романтическими гротами, водоёмами, водопадами, чудесными рощами, своеобразным «садом камней», который мы, горные туристы, называем просто «курум». Доступ в парк всем желающим бесплатный.

На обратном пути мы вновь заехали в Ялту. На этот раз нам представилась возможность погулять по вечерней набережной Ялты. Видимо, набережная Ялты позиционируется как самая фешенебельная улица Крымского побережья. Как нам рассказали, многие художественные коллективы проходят отборочные конкурсы за право выступать на набережной Ялты. Мы там видели клоунов, гимнастов, певцов, музыкальные ансамбли – всё это очень хорошо, достойно. Прохаживаются дивчины в венках и в платьях с кринолинами – они торгуют сладостями с маленьких подносов. Уже обычными для городов Крыма стали живые скульптуры. На набережной стоят матросы, ангелы, нимфы. Но всё же странное впечатление производит набережная Ялты. С одной стороны улицы – ряд дорогих отелей, кафе, фешенебельных магазинов, в которых продаются соломенные шляпки за восемь тысяч рублей. А со стороны моря вдоль набережной возвышаются грубые бетонные блоки, которые являются одновременно и бордюрами, и ограждением – этакий незамысловатый дизайн советских времён. Вид на море переживает огромный пирс, сооружённый в той же

стилистике, что и ограждения. Возле него на прико-
ле стоят старые ржавые суда – унылая картина. И
не скоро, наверное, всё это разберут, разгребут.

Очень понравился ялтинский Монмартр – это
улица Пушкинская, отходящая перпендикулярно от
набережной. Она заполнена многочисленными лав-
ками художников, скульпторов, гончаров, киосками
с сувенирами. Здесь вас нарисуют и с натуры, и по
фотографии, и в профиль, и в анфас, как пожелае-
те. Мне даже показалось, что разнообразие и каче-
ство художественной продукции выше, чем на са-
мом Монмартре. Когда опустились сумерки и за-
жглись фонари, улица волшебным образом преобразилась.
Высокие деревья отбрасывали на тротуар кружев-
ные тени. Свет таинственно заиграл на фасадах до-
мов. Поток беззаботных людей нескончаемо шёл в
обе стороны. Город наполнила тёплая южная ночь.
Эта атмосфера вдруг на миг реализовала какие-то
неясные детские мечты о чудесном городе, в кото-
ром все живут счастливо.

Последняя наша поездка состоялась 18 августа
в Севастополь и Херсонес.

По дороге в Севастополь мы ненадолго заехали
в расположенный неподалёку Инкерманский Свято-
Клементский мужской монастырь – это старейшая в
Крыму пещерная обитель. Помещения монастыря
высечены в крутой, почти отвесной Монастырской
стене. Время его основания теряется в глуби веков.
В эти места на каторжные работы в каменоломни
близ Херсонеса был сослан в I веке будущий свя-
той – епископ (Папа) города Рима Клемент. Сослан
был римским императором Траяном за проповедь
христианства. Кстати, каменоломни эти сохрани-
лись до сегодняшнего дня. Монастырь существует
сейчас на территории промзоны Инкермановских
каменоломен – здесь добывают знаменитый белый
камень, который с античных времён широко ис-
пользуется в строительстве, его вывозили в
Древний Рим. Из инкерманского камня построено
много зданий в Севастополе, дворцы Крыма. Это
соседство, на мой взгляд, отравляет атмосферу мо-
настыря: стоит неумолкаемый грохот от работаю-
щих механизмов, летит белая пыль, вплотную за
монастырской стеной возвышаются краны, линии
ЛЭП, проложена железная дорога. Всё это остав-
ляет тяжёлое впечатление. Бедные монахи! Никакой
тишины и благодати. Какое нужно подвижничество,
чтобы жить и молиться в этих условиях.

Инкерман славится не только древним монасты-
рём, белым камнем, но и вином. Местные жители
сказали нам, что лучшее крымское вино делается в
Инкермане, а лучший коньяк – судакский.

В Севастополе у нас была короткая обзорная
экскурсия по городу. Мы посмотрели традицион-
ные туристические места: памятник погибшим ко-
раблям, памятник командиру Казарскому и брига

«Меркурию», с которыми связаны трагические и
героические страницы истории Русско-турецкой
войны. Затем мы посетили Владимирский собор,
который называют пантеоном четырёх адмира-
лов. М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, В. И. Истомин,
П. С. Нахимов – все они во время Крымской вой-
ны один за другим легли в землю практически в
один год. Рассказ экскурсовода собора об этих
великих сынах России тронул и взволновал. И са-
мым ранящим в этом рассказе было то, что в
1931 году храм был передан Осоавиахим, склеп
вскрыт, а останки адмиралов уничтожены. В
1991 году специальная комиссия обследовала
склеп и обнаружила среди мусора лишь обломки
костей. Эти обломки костей – всё, что осталось от
героев-защитников. В 1992 году останки были
торжественно перезахоронены.

Когда мы подъехали к Графской набережной,
увидели большую толпу людей с российскими фла-
гами. Строем проходили мальчишки в морской
форме – нахимовцы. В городе что-то происходило.
Оказалось, в Севастополь прибыл Путин, как нам
пояснили, разрешать спорный вопрос о мэре Сева-
стополя. Позже по сообщениям СМИ стало ясно,
что вопросов обсуждалось гораздо больше. Мимо
нас проехал кортеж президента. Ни милицейского
оцепления, ни военных мы не видели. Только не-
большая машина спецназа около приёмной прези-
дента. Путина увидеть не удалось. На обратном
пути Таня показала нам резиденцию президента на
берегу моря где-то между Форосом и Ялтой. Сверху
была отчётливо видна стеклянная крыша в виде
расправившей крылья бабочки.

Далее наш путь лежал в Херсонес, который
располагался практически в черте города Сева-
стополя. Древнегреческий Херсонес – это леген-
дарная Корсунь, в которой был крещён Владимир
Красно Солнышко. Раскопанный археологами
древний город оставил, пожалуй, самое сильное
впечатление из всего увиденного в Крыму. Херсо-
нес – это такой хронологический «слоёный пирог»
из эпох – откусывая большими ломтями. Здесь
просто по кладке городских стен можно различить
греческий, римский и византийский периоды. При-
чём это можно увидеть на одной стене, а не на
разных. Отшлифованные и плотно подогнанные
друг к другу каменные блоки в нижней части стен –
это греческий период. Более мелкие и грубо обра-
ботанные камни, скреплённые бетоном, – римская
эпоха. Выше идёт кладка из узких (невисоких) и
широких кирпичей – плинфы – это византийский
стиль. Кстати, я впервые увидела здесь византий-
скую плинфу, о которой много читала в искусство-
ведческой литературе.

С греко-римского периода сохранился амфите-
атр – единственный на территории бывшего СССР,

ну а теперь России. Можно было посидеть на каменных лавках амфитеатра. Судя по висевшим на рекламных щитах афишам, здесь идут спектакли. Интересно, что в этот амфитеатр «врезается» другая эпоха: его крайний левый фрагмент утрачен, на этом месте стоит здание, вернее, его остатки из другого времени.

Мы шли по древнему городу, гид показывала нам фундаменты терм, домов рыбака, красильщика тканей, каменные цистерны для сбора воды, остатки языческих храмов. Археологи определили даже место агоры – центральной площади греческого города, которая сейчас застроена современными домами. Здесь также раскопаны фундаменты базилик – древних христианских храмов византийского периода. От некоторых уцелели колонны с типичным византийским орнаментом на капителях в виде перевёрнутой усеченной пирамиды, мозаичные полы. Вот оно, дыхание истории! Большие фрагменты мозаичных покрытий представлены в протяжённых нишах, забранных решётками, – своеобразное музейное помещение. Здесь же можно увидеть огромные, выше человеческого роста, амфоры для хранения вина и другие виды сосудов. Над одной из купелей, расположенной на территории базилики, установлена сень. Купель в виде круга с четырьмя лепестками, образующими крест, совсем маленькая. Я спросила у гида:

– А почему здесь не написано, что в этой купели крестился князь Владимир? 137

– Музейные работники против этого, – ответила Татьяна.

Почему «против», она не пояснила. В Корсуни был не один христианский храм и не одна купель, возможно, не удалось пока установить, в какой именно крестился Владимир. Поэтому сень стоит, лишь условно обозначая место крещения благоверного князя. Неподалёку в честь князя стоит великолепный, роскошно украшенный Владимирский храм.

Впечатляющий древний город располагается прямо на берегу моря и даже, как утверждают археологи, сполз частично в воду. Под водой тоже ведутся поиски древних артефактов.

В Херсонес приезжает большое количество туристов, привозят много групп из лагеря «Артек». Их можно узнать по форме, синим панамам и логотипу «Артека» на футболках.

Херсонес даёт удивительное по полноте чувство приобщения к древности, вполне сравнимое по ощущениям с посещением засыпанного пеплом и раскопанного древнеримского города Помпеи.

Далее наш путь лежал через Байдарские ворота к Форосской церкви. Байдарские ворота находятся на Байдарском перевале в Крымских горах. Ворота созданы в середине XIX века в греческом стиле. Это

квадратный проезд, напоминающий торец античного храма. Согласно преданию, именно здесь, на Байдарском перевале, Екатерина II, озирая взглядом просторы моря и крымские горные хребты, воскликнула:

– Это лучшая жемчужина в моей короне!

С Байдарского перевала открывается действительно одна из прекраснейших панорам Крыма. С него видна Форосская Воскресенская церковь. Эту церковь-красавицу называют жемчужиной Крыма. Она расположена на выступающем над отвесными скалами уступе. Кажется, что храм парит в воздухе или держится на ладони Бога. Посещение Воскресенского храма тоже входило в нашу программу. Его построил в конце XIX века «чайный магнат» и фарфорозаводчик А. Кузнецов в память чудесного избавления от гибели императорской семьи Александра III во время крушения поезда. Храм стоял на старой дороге от Симферополя до Ялты. Его часто посещала царская семья. В годы советской власти в нём, как всегда, устроили нечто самое неподобающее – ресторан. Теперь храм полностью восстановлен и отреставрирован.

Неподалёку находится Сарычский, или Форосский, мыс – самая южная точка России. Здесь установлен знаменитый Сарычский (Форосский) маяк. Увидеть нам его не удалось.

Наша программа поездок завершилась, впереди были ещё дни отдыха на море и возвращение домой.

В итоге – немного статистики. В Крыму в советские времена отдыхали 6–7 миллионов человек в год. По данным украинских СМИ, в последние годы Крым посещали также около 6 миллионов туристов ежегодно. Традиционно, 65–70 процентов из них – украинцы. Россияне составляли 20–25 процентов. В 2014 году, по данным украинских СМИ, Крым посетил 1 миллион туристов, среди них около 400 тысяч туристов из Украины. Это оценивалось как провал туристического сезона. В 2015 году сюда приехали 4,5 миллиона отдыхающих, при этом украинцев захлопотало около 300 тысяч (по данным российских СМИ). Думается, это большой успех для оказавшегося в сложной геополитической ситуации полуострова.

Посещение Крыма оставило ощущение глубокой наполненности: здесь можно отдохнуть на море, полюбоваться чудесными уголками природы, посмотреть знаменитые резиденции высшей русской знати и императорского двора и, наконец, увидеть и поклониться православным святыням. Крым напоён духом древностей, морским воздухом и хвойным запахом сосен.

Нет, не зря Крым называют не только Южным Афоном, но и полуостровом сокровищ.

г. Кемерово

Вячеслав
ЕЛАТОВ

ЗАЖЕЧЬ СВЕТИЛЬНИК

*Я знаю и твёрдо верую, что всеобщее
просвещение никому у нас повредить не может.*

Ф. Достоевский. Дневник писателя

Мемуаров в чистом виде я не пишу. Хотя время от времени и ссылаюсь на своих университетских преподавателей. Даже статью под названием «Родные филологи» в прошлом году написал. Но тут подспела президентская инициатива о возвращении в школу сочинений по литературе, всколыхнувшая у «бывших детей» волну воспоминаний, не присоединиться к которым было бы просто грех: кому, как не нам, ветеранам педагогического труда, выступить в данной ситуации в роли «свидетелей защиты»?

Помню, какое впечатление произвела на нас статья ректора ЛГУ в университетской многотиражке в начале 1960-х. Александр Данилович Александров напомнил всем нам, студентам и нашим преподавателям, известное изречение древних: учащийся – это не сосуд, который надо наполнить, а свечильник, который надо зажечь. Не противопоставляя одно другому, он сосредоточил внимание на творческом характере нашего труда.

Математику по праву называют гимнастикой ума. Не случайно, очевидно, на филологическом факультете присутствует и математическая лингвистика; а новейшие электронные разработки базируются на цифровых технологиях. И тем не менее первые страницы в школьных журналах так же не случайно отведены русскому языку и литературе: их роль в формировании всесторонне развитой личности уникальна. Именно на этих уроках звучит первая скрипка, будь то творческие диктанты или отзывы о прочитанной книге, сочинения на свободную тему или заметки после диспутов и читательских конференций – с венчающими всю эту методически выверенную конструкцию сочинениями по литературе. Математик Александров это понимал, когда говорил, что филфак – это барометр всей университетской жизни.

Мой непрерывный стаж работы рядовым школьным учителем составил, начиная с 1966 года, ровно двадцать пять лет. Сам я в то время никаких сочинений, разумеется, не писал: хватило бы сил и времени на проверку ученических работ. Однажды, например, мне «посчастливилось» вести в течение

всего учебного года три своих девятых и три выпускных десятых классов заболевшей коллеги: я тогда просто «не просыхал» от проверок классных и домашних сочинений... А моё первое сочинение «На урок к Маяковскому» в жанре литературной публицистики было написано в 1993-м, спустя два года после выхода на пенсию по выслуге лет. С тех пор и занимаюсь сочинительством: за это время мной написано три десятка литературно-публицистических статей, добрая половина из которых дошла до читателя. Теперь мои письменные творческие работы «проверяют» мои бывшие ученики, выставляя мне оценки за содержание и язык. (Да не коснётся хоть этих строк рука всемогущего редакционного корректора!)

Статьи мои, как правило, были откликами на какой-нибудь фильм или театральную постановку, газетную или журнальную публикацию или литературную новинку. В других работах (например, «Мы это проходили», 1994 г., опубликована в Прокопьевске, или «Это мы не проходили», 1995 г., опубликована в Кемерове) я без обиняков отозвался о реформировании преподавания литературы. Так, статья 1995 года заканчивалась следующим образом: «Создана фундаментальная программа «Обновление гуманитарного образования в России», плод совместной работы Министерства образования России, Госкомитета РФ по высшему образованию, Международного фонда «Культурная инициатива» и Международной ассоциации образовательных систем. Цель программы – гуманизация образования, создание нового поколения вариативных учебников и учебных пособий, ориентированных на ценности отечественной и мировой культуры современного демократического общества» (Новый мир. 1994. № 10). Это значит, что запускается мощный механизм формирования общественного сознания в духе буржуазной идеологии. Что ж, это мы, действительно, не проходили.

В предвкушении знакомства с новейшей теоретической продукцией не будем забывать, что действенным противоядием для любой, даже самой экстравагантной интерпретации художественного произведения всегда служил и будет служить его текст, где при внимательном прочтении с читателем говорит без каких-либо посредников сам автор. Именно здесь, в гостях у писателя, «отцы» и «дети» получают счастливую возможность если не согласиться, то уж, во всяком случае, понять друг друга, снимая таким образом остроту извечного конфликта поколений».

Что касается президентской инициативы, то В. В. Путин так объясняет механизм решения проблемы: это только на поверхностный взгляд представляется, что подобные инициативы целиком и полностью исходят от облечённых верховной властью государственных деятелей. На самом же деле

они лишь «во всю Ивановскую» озвучивают и подкрепляют своим авторитетом те плодотворные идеи, которые широко обсуждаются в обществе. Например, о том, чтобы вернуть школьные сочинения, говорил в 2010-м наш кузбасский поэт Борис Бурмистров (Огни Кузбасса. 2010. № 6). На то, что русский язык и литература постоянно урезаются и вытесняются из школьных программ, обратил внимание литератор Владимир Каганов (Там же. 2011. № 3). О том, что без творческих работ по литературе школа выдаст на-гора популяцию исполнительных роботов, предупреждал член экспертного совета Патриаршей литературной премии Алексей Варламов: а может быть, нам именно такие безмозглые и бессердечные «винтики» теперь и нужны? (Там же. 2011. № 4) О нашей безоглядной доверчивости к сомнительному заокеанскому опыту народного просвещения писал в 2009-м Юрий Каграманов (Новый мир. № 6). О сумерках вузовского образования, вспоминая Розанова, сигнализировал профессор МГУ Андрей Ранчин (Там же. 2013. № 7). В качестве обобщающей констатации приведу суждение доцента кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ Ирины Ащеуловой: «...в современной общеобразовательной школе русская литература исключена из обязательных предметов, сдаваемых в системе ЕГЭ; наши выпускники давно перестали писать сочинения и, как следствие, постепенно перестают не только читать и безграмотно, убого писать и мыслят, но перестают и разговаривать на нормальном литературном русском языке. Я думаю, понятно, к чему приведёт процесс постепенного исчезновения литературы из школы: наши дети, молодые люди и в дальнейшем целые поколения будут ведомы и стандартны в своём поведении. Вне зависимости от профиля школы или класса (гуманитарный, естественнонаучный или физико-математический) литература необходима для развития полноценной личности, умеющей не только высказывать свои мысли, но и формулировать собственную картину мира, нравственную и гражданскую позицию» (Огни Кузбасса. 2009. № 6).

В качестве одного из «свидетелей защиты» я, разумеется, двумя руками за президентское «ручное управление». Это вовсе не означает, что учителя-ветераны закрывают глаза на возникающие в связи с этим проблемы. Не оставляем мы без внимания и то, о чём говорил на выездном Всероссийском пленуме Союза писателей России, проходившем в минувшем году в Барнауле, председатель правления Союза писателей Республики Алтай Бронтой Бедюров: «Мы видим, что любое шевеление в этом направлении Президента страны подвергается шельмованию со стороны так называемой свободной прессы» (Там же. 2013. № 5). В этой ситуации патриотически настроенной общественности необходимо сделать всё для того, чтобы нуж-

ная и своевременная инициатива не была бы скопрометирована ни с точки зрения её материального обеспечения, ни в плане организационно-методических мероприятий.

На преподавателей литературы в старших классах ляжет дополнительная нагрузка. Сошлюсь на «Единые требования» к устной и письменной речи учащихся, к проведению письменных работ и проверке тетрадей, на которые нас в своё время ориентировали (Методическое письмо // Русский язык в школе. 1981. № 1). Например, в 8-х классах мы обязаны были в течение учебного года провести три классных и три домашних сочинения (оставляю за скобками другие письменные творческие работы). А в 9–10-х – четыре и три соответственно. Согласно тем же «Единым требованиям», проверить сочинения трёх, например, параллельных классов с наполняемостью в среднем до тридцати учащихся мы были обязаны в течение десяти дней (оставляю за скобками подготовку к урокам: на урок литературы, например, в 9-м классе у меня уходило в среднем четыре часа). Трудно? Безусловно. Но с чем сравнить то удовлетворение, какое испытываешь от успешно завершённой работы, то есть когда ты видишь, как в глазах твоих подопечных появляется тот блеск живой заинтересованности, за который ленинградский учитель Евгений Николаевич Ильин готов был без всякого вызова к доске ставить пятёрки! (Это чувство я вновь переживаю сегодня, перечитывая выписки из читательских отзывов моих ребят и их сочинений.) Эту работу школьного учителя можно сравнить с должностными обязанностями тех сотрудников редакций и издательств, кто первыми прочитывает сочинения прозаиков и поэтов, литературоведов и критиков, вынося на обсуждение коллегий достойные, с их точки зрения, произведения. Трудная работа? Безусловно. Зато какое удовлетворение они должны испытывать, когда их профессионализм становится, с одной стороны, непреодолимой преградой на пути низкопробных поделок и откровенного непотребства, а с другой, является гарантией того, что добротные произведения дойдут-таки до читателя в их первозданном виде. Говорят, что таких квалифицированных работников сегодня в редакциях толстых литературных журналов не хватает, они оседают в материально обеспеченных частных издательствах. Как бы это рикошетом не ударило по школе...

Итак, возвращение в школу сочинений по литературе должно быть материально обеспечено. У рыночно мыслящих прагматиков такая задача, полагаю, затруднений не вызовет. Специалисты безошибочно подсчитают и определят, сколько будет стоить эта переориентация с поставленного на поток воспроизводства мыслящих роботов на воспитание всесторонне развитой личности. Волевых

решений относительно того, сколько нужно будет платить учителям за проверку многостраничных сочинений, здесь однозначно быть не должно. Иначе рынок, сообразуясь со своими экономическими законами, задавит любую благую инициативу. Проманись или поскаредничай мы в этом деле, отток специалистов данного профиля из школы будет неизбежен (в качестве завязанного «узелка на память» сошлюсь на массовый исход из школы учителей-мужчин; моя родная школа превратилась в подобие матери-одиночки со всеми отсюда вытекающими последствиями).

Не стану предугадывать, каким образом наши прагматически мыслящие организаторы школьного образования будут решать эту проблему. Профессор Ранчин, например, подсказывает такие механизмы регулирования оплаты труда преподавателей, как снижение педагогической нагрузки или включение научной работы – в нашем случае проверки объёмных письменных работ по литературе – в педагогическую нагрузку с перерасчётом времени в учебные часы. Это дело ведущих специалистов от народного образования. Наше дело предупредить о том, что всё должно быть учтено и тщательно выверено. Никакой благодушной маниловщины! – таково не только поручение президента РФ, но и социальный заказ нашего поднимающегося с колен общества.

Попутно можно обозначить ещё один резерв времени, необходимого учителю для работы по самообразованию, подготовки к урокам и проверки письменных работ. Во-первых, речь должна идти о ставшей притчей во языцех непомерно разросшейся отчётности, когда учитель не столько работает с детьми, сколько ломает голову над тем, как об этом получше отчитаться (ведь от этого напрямую зависит его зарплата; не понаслышке знаю, каких высоких показателей могут добиваться ассы хорошо усвоенной отчётности; помню и позицию светлой памяти заведующего Кемеровским облоно Крёкова, когда вводилась переаттестация. «Не забудьте, – напутствовал он нас в Прокопьевске, – про Марь Иванну, у которой никогда не будет блистательных показателей, потому что к ней в класс столкнули всех тех малоспособных и трудновоспитуемых, от которых отказались образцовые педагоги, а она и с ними справляется»). Во-вторых, нам следует свести до разумного минимума зрелищность учебного процесса, которая в советском прошлом была заклеимена в учительском быту русским словом «показуха», а в новейшие времена незаслуженно и во вред делу вознесена до англоязычного «шоу». Делу – время, потехе – час.

Специалистам, кому президент переадресовал настоящий заказ, придётся задуматься и над тем, какие проблемы ставит перед школьным учителем

литературы Интернет. Например, учитель Лев Айзерман сообщает, что в октябре 2012-го он получил в 10-м классе два абсолютно одинаковых сочинения, которые были скачаны с одного сайта. Теперь он вынужден проверять сочинения с открытым ноутбуком (Знамя. 2013. № 8). Как быть с такого рода «творчеством»? В принципе, опознать халтуру преподавателю не составит особого труда. Проблема в другом: поди докажи без «педагогического расследования» (по аналогии с «журналистским»), что речь идёт о подлоге! Проблема, с которой мы раньше не сталкивались...

Далее речь уже может идти о том, что со всей определённою обозначила Ирина Ащеулова: сочинения по литературе жёстко связаны с чтением художественной литературы. В идеале произведение должно быть прочитано до того, как о нём заговорит учитель и будут прочитаны соответствующие страницы учебника. Обратная связь в этом случае осуществляется с помощью читательских отзывов или письменных ответов на вопросы учителя. Среди прочего меня, например, интересовало, как шёл сам процесс чтения и, в случае экранизаций, впечатления от того и другого. Предлагаемые читателю выписки были сделаны из работ в 1985/86-м и 1986/87-м учебных годах (их авторы – это родители сегодняшних старшеклассников):

«Авторские размышления [в «Евгении Онегине»] мешали восприятию сюжета. Много иностранных слов, это затрудняло чтение».

«Точно не могу сказать, понравился мне роман или нет. Много не поняла. Мои ожидания не оправдались. Я думала, что Татьяна и Евгений Онегин будут вместе. Я не поняла характера Онегина, когда он старается отомстить Ленскому и увлекает Ольгу. Ещё буду перечитывать».

То, что читали тогда в 8-м классе, сегодня читают в 9-м. Приведу в качестве примера эпизод из книги рассказов Василия Голованова «Лето бабочек» (Новый мир. 2009. № 4):

«В девятом классе, где как раз учится Светка, дочка моей второй жены, сейчас проходят «Героя нашего времени». В своё время эта вещь затронула меня – я со школы помню это поразительное чувство открытия <...> я спросил:

– Ну что? Нравится тебе?

– Не-а, – сказала Светка. Ни малейшей интонацией не подчёркивая этого своего отрицания и именно этим делая его абсолютно безапелляционным. Зря старался Михаил Юрьевич Лермонтов. Молодое поколение высказывает ему своё «фи».

– А нам сказали прочитать что-нибудь одно».

Светка прочла только «Максима Максимыча». Разумеется, лаконичное «не-а» не может заменить письменного читательского отзыва, где Светка объяснила бы своему учителю (а через него и одно-

классникам), почему «Максим Максимыч» не вызвал у неё живого читательского интереса и почему она предпочла именно эту часть романа, например, «Бэле» или «Княжна Мери». Но на нет, как говорится, и суда нет. А вот как воспринимали этот роман восьмиклассники в середине 80-х годов минувшего века:

«*Большое впечатление – «Фаталист». Интересна повесть «Княжна Мери». Сначала Печорин показался очень странным и не понравился. Но потом я поняла. Печорин – лучший человек, которого можно найти в России, а Грушницкий – отвратительный человек. Как тонко Лермонтов разбирается в людях, в жизни! Можно подумать, что писал старый, опытный человек, а ведь он так молод».*

«*Не понравился роман. Может быть, я не поняла смысл. Мне было очень трудно читать. Читала только для того, чтобы написать впечатление (конечно, это очень плохо). [Во время чтения в классе – при этом я никогда не выдавал авторов: дети знали, что я мог даже поменять род у глаголов в прошедшем времени – в этом месте я выдержал паузу и сказал: «Хорошо!»,] Отношусь с презрением к Печорину. Что ему надо было от Бэлы? Мне кажется, что Лермонтов стихи лучше пишет, чем рассказы. Но, конечно, может, это только сейчас. Когда я прочитала «Горе от ума», мне не понравилось, но через некоторое время, сидя на уроках и слушая учителя, мне начало нравиться».*

«*Когда читала, отношение моё к Печорину то и дело менялось. Я не знаю, хороший он или плохой. Вот встреча с Максимом Максимычем. Если бы я читала это, ну, года два или меньше назад, я бы расплакалась. Если он один, без Грушницкого, то мне он кажется всё-таки плохим человеком».*

Специалисты свидетельствуют, что сегодня культура чтения сильно отличается от былой. Например, главный редактор журнала для семейного чтения «День и ночь» Марина Олеговна Саввиных, напоминая нам о том, что наша страна была когда-то самой читающей в мире, с сожалением констатирует, что теперь мы читаем мало (Огни Кузбасса. 2009. № 3). Выступая в прошлом году на пленуме Союза писателей России, председатель Союза Валерий Ганичев обратил наше внимание на то, как сузился пьедестал писателя, «на который он был возведён русской традицией, всеобщей грамотностью, советской уважительностью к книге» (Там же. 2013. № 5). А сегодня со всей остротой встала перед нами проблема массового отказа от чтения. Лев Данилкин, например, говорит о том, что перестают читать даже самые популярные книжки, рассчитанные на самых нетребовательных читателей (Рабор.ру. 2010. 24 апреля). А как читали «бывшие дети» такое непростое произведение, как «Мёртвые души» Гоголя, когда им было всего-навсего 15–16 лет?

«*Я не смогла прочитать поэму. Но мне интересно слушать, как рассказывают о событиях, происходящих в поэме. Когда же я сама под впечатлением от рассказов начинаю читать, то интерес почему-то пропадает. Не могу понять их характеры».*

«*Я очень часто слышу от своих друзей-одноклассников, что «Мёртвые души» очень трудно читать. Сначала мне тоже было трудно читать поэму, я не дочитал первую главу. Однако книгу не забросил. Полистал немного вперёд, стало интереснее. Постепенно я почувствовал, что чего-то не хватает. Тогда я открыл «Мёртвые души» сначала и стал читать заново, ничего более не пропускаю. Мне становилось интереснее. Казалось, книга, словно магнит, тянула к себе, будто в ней была какая-то сила. Что это за сила? Может быть, эта сила – и есть искусство?»*

«*На каникулах взялась было читать «Мёртвые души», но чуть с ума не сошла от такого многословия. В этом, я думаю, и трудность в восприятии «Мёртвых душ».*

«*Есть такие люди, которые совсем не воспринимают «Мёртвые души». На это может влиять только жизненная позиция читателя. Какой ты в жизни? Если ты сам похож на Манилова, то о «Мёртвых душах» мнение будет отрицательным».*

«*Поэма мне показалась скучная и трудная. Может, потом, когда буду старше... У меня уже был такой случай. Я два раза бралась читать «Молодую гвардию», и только потом, в третий раз, я прочла её с удовольствием. Мне кажется, что поэма доступна и не для всех взрослых, не только для нас. В этой поэме мне некому было даже посочувствовать, и это было главным тормозом в моём чтении».*

«*Мёртвые души» не нравятся; а вот когда читала «Шинель», очень понравилось».*

«*Проза Лермонтова понравилась мне, потому что она написана как-то в стиле приключений. А когда читаешь «Мёртвые души», то становится скучно».*

Дальше идут выписки из читательских отзывов девятиклассников. 1986/87 учебный год начинался для них с Островского:

«*Драма Островского потрясла меня; жалость и злость на людей. Пьеса мне очень понравилась. И читается она легко, и всё понятно».*

За Островским последовал Тургенев. В статье 1995 года я тоже вышел на тургеневский роман «Отцы и дети», чтобы с помощью его персонажей прояснить своё отношение к тому, чего мы в советской школе не проходили: «...мы успели-таки познакомиться с образцом постмодернизма – романом английского писателя Джулиана Барнса «История мира в 10 ½ главах» (Иностранная литература. 1994. № 1). Да, нам хватило терпения прочесть его. Но теперь недостаёт храбрости повторить за

Николаем Петровичем Кирсановым его признания брату по прочтении новейшего из сочинений. Он в этом случае так сказал про себя: «Либо я глуп, либо это всё – вздор». И добавил: «Должно быть, я глуп». Что ж, мы тоже воздержимся от утверждения, что «дети» глупее нас.

Конечно же, мы и раньше слышали о существовании триллеров, антисоветской и декадентской литературы. Знакомясь с ними сегодня текстуально, мы, безусловно, расширяем свои познания об этом предмете. К сожалению, новейшие сочинения не ограничиваются собственно изящной словесностью. С тех же позиций – с позиций низкой пробы, антикоммунизма и упадочничества перечитывается и преподаётся «детям» знакомая нам со школьной скамьи классика. Замочная скважина, политическая реакция и идеалистическая философия служат основным инструментарием при анализе жизни и творчества писателя. Так было с Маяковским в юбилейном, 1993 году. Достанется в этом году Есенину. Доберутся к 1999-му и до Пушкина». Но вернёмся в 1986 год, к читательским отзывам, предваряющим и слово учителя, и работу с учебником и дополнительной литературой:

«Прочитала в хрестоматии и теперь хочу взять книгу. Непонятным для меня стал Базаров. Я так и не поняла, к чему он стремился, какие интересы преследовал».

«На первых страницах я умирала от скуки, а в конце было очень жаль, что роман кончился. Очень мне понравилось, как Тургенев показывает Фенечку, мать и отца Базарова, Катю».

«Роман понравился не очень, наверно, потому, что я ещё не всё в нём понимаю. Если бы у меня был выбор прочитать «Отцы и дети» или «Записки охотника», я бы, наверно, выбрала «Записки охотника».

«Описания всегда читать трудно. Это было первое, где описание читалось легко. Возник вопрос: почему Тургенев не оставляет своего героя? Он у него умирает».

Уроки по литературной классике перемежались с занятиями по современной русской советской литературе. Вот что писали те же девятиклассники в том же 1986-м:

«Я вообще люблю читать книги о Великой Отечественной войне, и эта книга [«А зори здесь тихие» Бориса Васильева] будет одной из самых лучших и любимых моих книг».

«Читается [роман Юрия Бондарева «Горячий снег»] намного труднее, чем «Отцы и дети». Кузнецов очень понравился; очень твёрдый, отважный, сильный и смелый человек».

«Не люблю читать такие книжки [«Далёкие зимние вечера» Василия Шукшина], хотя она произвела на меня большое впечатление».

«Вообще люблю читать книги о Ленине. Много не знала» [о романе Афанасия Коптелова «Большой зачин»].

Сочинения по литературе пишут старшеклассники в последние три года обучения в общеобразовательной школе. Вот что поведали первокурсники факультета журналистики МГУ доценту кафедры стилистики русского языка Анастасии Николаевой: последние три года в школе они не читали никаких книг и не писали никаких сочинений. Всё это время старшеклассники тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки (Огни Кузбасса. 2013. № 2). К чему ведёт такая система образования? К тому падению читательской культуры, которое, по свидетельству американского преподавателя Алана Лелчука, обнаруживают сегодня его студенты (Иностранная литература. 2005. № 12). А советская школа в своё время продолжала неутомимо трудиться над воспитанием квалифицированного читателя. Мы помним читательский отзыв юного Ульянова о романе Чернышевского «Что делать?»: «Взялся было читать его, когда молоко на губах не обсохло, и ничегошеньки не понял»; но зато позже этот роман прямо-таки «перепахал» его. Подошло время браться за него и нашим девятиклассникам:

«Я понимаю, что это должно быть прекрасное произведение. Но почему я холодно отношусь к таким романам, я не знаю. Может, потому что я ещё не созрела для такого произведения».

«Больше всех мне понравился Рахметов. Особо восхищает, что он не тратил время по пустякам».

«Совершенно непонятно, зачем Чернышевский ввёл в роман «Беседу с проницательным читателем и изгнание его», зачем он употребил столько страниц на описание Рахметова, хотя он появляется в романе два или три раза».

«Всё запуталось, и при чтении я не осмысливал слова. Я просто не понимаю, что читаю. Некоторые отступления всё путали, и я не мог всё прочитать».

«Очень понравилось то, что писатель начнёт рассказывать и не докончит, даёт тебе самому подумать. И очень радостно бывает, когда твои мысли совпадут с тем, что написано в книге. Я впервые читала такую книгу, где автор не постороннее лицо, а сам с тобою спорит, рассуждает, обвиняет. Это очень интересно. У меня всё время что-то кипело, бурлило в голове. Я мыслила... Я обязательно ещё раз прочитаю этот роман, но только спокойно, разбираясь буквально в каждой строчке».

«Читалось, как бы это правильно выразить, просто, но непонятно... Марья Алексеевна похожа на Кабанову из «Грозы» Островского. Роман понравился тем, что кончился хорошо, а не как в «Грозе» Катерина покончила жизнь самоубийством».

«В романе всё время говорят очень умно, что я ничего не понимаю, герои как-то ходят кругами. Роман «Отцы и дети» мне кажется лучше. Тургенев пишет красиво. На каникулах я ещё раз прочитаю роман, и до меня дойдёт всё внутреннее содержание».

Думаю, что сегодняшним старшеклассникам роман Чернышевского при первом знакомстве доставил бы не меньше затруднений. Но дело в другом. Вопрос в том, предлагают ли вообще Чернышевского сегодняшнему читателю? Судя по тому, как против него ополчились литературовед Ирина Паперно с критиком Михаилом Золотоносовым (его статья «Новый поворот в мифе о Чернышевском» о монографии Ирины Паперно «Семиотика поведения. Николай Чернышевский, человек эпохи реализма» была опубликована в еженедельнике Moscow News. 1996. № 32), его произведения впору изымать с полок общедоступных библиотек. В середине 1990-х в статье «Нет, это не наука» я писал об этом слаженном дуэте: «Какое огромное воздействие на человека оказывают книги, говорит Паперно. Да, да, вторит ей Золотоносов, какое ужасное влияние на человека оказывает литература: стоило Чернышевскому написать о «новых людях», как тысячи читателей последовали их примеру.

Это всё потому, ведёт свою партию учёный-исследователь, что эпоха реализма вызвала к жизни новый тип поведения, основанный на реализации книжных доктрин. Вот-вот, подхватывает журналист-популяризатор, созданные воображением неудачника Чернышевского (который не сумел стать ни порядочным священником, ни чиновником, ни преподавателем!) характеры были бездумно скопированы современниками на примере их собственных судеб. Святая простота! Им и невдомёк было, просвещает нас подголосок трубадура, что в книжках – одно, а в жизни – совсем другое. То ли дело сегодняшние «новые русские»! Их на мякине не проведёшь. Они этим книжным бредням ни в жисть не поверят: «Russia seems to have entered the post-realistic period of disbelief in doctrines. Most people don't like the idea of going to the execution block for them. The art of rhetoric, despite the rhetoricians' efforts, no longer determines human conduct» («Россия, кажется, вступила в пост-реалистический период неверия в доктрины. Большинство людей и не подумают идти за них на плаху. Искусство риторики, несмотря на усилия краснобаев, уже не определяет человеческого поведения». Перевод мой. – В. Е.).

Стоп. Вернём на свои места сдвинутые по фазе идеологического противостояния понятия. Искусство реализма, которое заживо хоронят господа учёные могильщики, действительно, не было последним словом буржуазной культуры. Искусство критического реализма, действительно, имело своим продолжением как социалистический реализм,

представляющий мир в его качественно обновляющемся виде, так и модернизм, свидетельствующий о духовной деградации буржуазной цивилизации, последним визгом которой в наше время стал так называемый постмодернизм. Учёный историк литературы, конечно же, знает об этом, но деликатно умалчивает, давая тем самым возможность своему подпевале довести партию до умопомрачительного экстаза: «Никаких новых «Что делать?». Утопиям больше не верят. Пришло время для научного изучения великих утопистов, не представляющих теперь никакой опасности».

Экзотика – экзотикой, но Паперно с Золотоносовым по крайней мере высказываются по поводу прочитанного. Но даже им, вероятно, не снилось, что можно писать, совершенно игнорируя то произведение, которое послужило отправной точкой для критической, с позволения сказать, статьи. Например, один из молодых профессиональных критиков ничтоже сумняшеся заявил на семинаре, предшествовавшем пленуму Союза писателей России в Барнауле, что получать удовольствие от чтения ему, увы, недоступно: «Никогда не вижу и не пытаюсь увидеть то, что автор хотел передать посредством печатного слова и образов. Книга мне нужна для того, чтобы посредством чтения вытащить на свет какие-то свои мысли, выводы, свои образы» (Огни Кузбасса. 2013. № 5). Ну, во-первых, с таким нетрадиционным представлением о литературной критике ещё в советские времена выступал Лев Аннинский. Именно поэтому он и упоминается в изданной в 1987 году книге для учителя «Современная русская советская литература», подготовленной профессорско-преподавательским составом МГУ. А во-вторых, эта метода – взять какой-нибудь конкретный предмет и написать о нём чушь несусветную – успешно осваивается и беллетристами: так работает, например, современный американский писатель Бен Маркус. В его романе «Выдающиеся женщины Америки» действие происходит в штате Огайо, где писатель не только никогда не был, но о жизни в котором он вообще не имеет ни малейшего представления. Его объяснение такого нетрадиционного подхода к художественному творчеству проясняет и нашу продвинутую в оригинально-маргинальном направлении (такие заскоки сегодня именуются «дискурсами») околелитературную критику: «Огайо был для меня белым пятном на карте. Мне легче сосредоточиться на том, о чём я не знаю ничего, – так лучше выдумывается» (Иностранная литература. 2004. № 4). Если наши старшего школьного возраста сочинители будут следовать такому заразительному примеру – отдыхай, классическая и современная литература, им и без вас есть что навывдумывать! От такой отсебятины уши станут вяннуть не только у их школьного учителя литературы!

Перед Достоевским наши девятиклассники продолжали обмениваться впечатлениями от произведений современной литературы:

«И на уроке об этом поэте [Евгении Евтушенко] говорили, и одноклассники рассказывали – хорошие стихи, нравятся, а до меня не доходит. Может, годика через три почитать ещё раз, авось пойму что-нибудь. Вот как «Дон Кихота». В седьмом классе через силу читала, не понимала. А на каникулах взяла полностью две части и на одном дыхании прочитала – так интересно, так смешно написано!»

«Роман очень интересен, хотя и читается трудновато. Не то что трудно читать слова и предложения, а просто как будто находишься вместе с героями романа Кузнецовым, Ухановым, Сергуненковым, Бессоновым, вместе с их переживаниями. Поэтому я считаю, что очень верно пишет один из моих одноклассников о том, что «Горячий снег» [Юрия Бондарева] читать намного труднее, чем «Отцы и дети» Тургенева.

Роман интересен ещё тем, что можно сравнить своё отношение к героям в начале и в конце. Вот, например, Уханов сначала кажется разболтанным, но в бою совсем не такой. О Дроздовском наоборот: сначала относишься с уважением (после сцены обтирания снегом), а потом, когда по его вине гибнут Зоя и Сергуненков, просто злость берёт. Это очень себялюбивый командир».

«Порой не можешь удержаться от смеха, такие, как «Упорный», а то и бывает заплачешь порой, это такие, как «Солнце, старик и девушка», «Сураз»; бывают и такие рассказы, которые перемешивают все чувства, то есть, как говорят, «смех и слёзы», например, «Земляки». Все рассказы Шукшина, по моему, написаны искренне, просто и справедливы».

В отличие от сочинений, при работе над которыми я настраивал ребят на тщательную доработку чернового наброска, для читательских отзывов у меня была иная установка: не надо переписывать, «причёсывать» написанное. В читательских отзывах меня устраивала именно черновая запись, то первое впечатление от книги, которое порой трудно выразить на словах. И тут всё зависело от уровня подготовки автора: кому-то удавалось сразу, как Моцарту, писать набело, а кто-то должен был в окончательном варианте, когда шла работа над языком, «поверять гармонию алгеброй».

«Действительно, как писал кто-то из одноклассников, в этой книге [«Большой зачин» Афанасия Коптелова] много нового, интересного. Например, я не знала ничего о песне «Варшавянка». Оказывается, эта песня польская, а русские слова к ней подобрал соратник Ленина – Кржижановский. Не знала я и того, как Владимир Ильич познакомился с Надеждой Константиновной Крупской.

Не понравилось в книге описание прибытия Ленина к месту ссылки. То он в поезде едет, то на из-

возчике... Кому как, а мне было неинтересно читать это. И к тому же я совсем запуталась во множестве имён: Базиль, Ванеев, Инсаров, Ляховский...

Читала с трудом, через силу. Если бы не требовала программа и не надо было писать отзыв, я, наверно, не стала бы читать книгу вообще, хоть она и интересная местами».

«Меня всё время сверлила одна мысль: где, когда я могла её [повесть Василия Быкова «Обелиск»] прочитать раньше? Может, рассказывал кто-то, но мне казалось, что я это уже читала, даже могла угадывать то, что будет дальше.

Книга мне понравилась. Кажется, я нигде больше не встречала, чтобы о войне писали так просто, без возвышенных фраз, не описывая подвиги, великих героев. Поразила жизнь простого учителя сельской школы Алеся Ивановича Мороза, который всю жизнь отдал детям, учил их не только школьным наукам, учил жизни».

Интересно, как прочитывается сегодняшними старшеклассниками Достоевский? Не учебник с соответствующей главой о писателе и его творчестве, а тот же роман «Преступление и наказание». Марина Цветаева, например, как-то заметила, что Достоевский ей «не понадобился». Ту же мысль, не помню, о каком писателе, предельно лаконично выразила Татьяна Толстая: «не сошлись характерами». А вот о том, как дети говорят:

«Скажу по правде, роман я читала с неохотой, из-за того, что я должна его читать по программе».

«Лично мне как человек он [Раскольников] не понравился. Всегда какой-то рассеянный, несобранный, главное – без цели. Бросил институт только из-за того, что был зол на всех, хотя были возможности учиться. Читалось не так трудно, как «Что делать?»

«Писатель ставит своего героя в различные ситуации, так что мы видим раскрытую перед нами душу Раскольникова. Его муки изображены так ярко, что иногда мне казалось, что такое переживаю и я».

«Не скажу, что очень понравился, трудно читать эти большие абзацы. Самое большое впечатление произвела сцена, когда Раскольников рассказывал Соне о том, кто убил старуху и Лизавету. Такую книгу я читаю впервые. Обычно в книгах рассказывается о том, как идёт расследование, мысли, раздумья милиции или служителей закона, а здесь, наоборот, говорится о том, как чувствует себя человек после совершения преступления. Жизнь в постоянном страхе, раскаяние в душе, борьба с самим собой, переживания – всё это испытывает главный герой романа. И если обычно к преступнику относишься... ну, как можно отнести к человеку, который убивает другого человека? А здесь, не знаю, жалость, что ли, сочувствие к нему, всей душой на стороне этого человека, потому что он сам себя наказал.

Не поняла, зачем введены Свидригайлов и Лужин. Наверно, для этого надо читать весь роман, а не те обрывки из отрывков, которые у нас в хрестоматии».

Отзывов о романе Льва Толстого «Война и мир» мои подопечные не писали по той причине, что мы все вместе читали и перечитывали его «по диагонали», задерживаясь на отдельных эпизодах и деталях. А что касается чеховских рассказов и «Вишневого сада», то после объёмного романа Толстого вопрос о читательских затруднениях отпал сам собой.

Если вопросы материального обеспечения решаются на государственном уровне, организационно-методические – в министерстве и региональных управлениях, то крайним в этой цепочке народного просвещения оказывается рядовой школьный учитель. Какой представляется сегодня его миссия? Вот как это представляется поэту Юрию Кублановскому: «Замордованный в 1990-е годы нищетой и невыплатами зарплаты, нередко гнуший спину, чтобы прокормиться, на приусадебном участке, современный учитель должен тем не менее – как это ни трудно – осознавать свою миссию, миссию просветителя и педагога. В этом плане его роль сопоставима в чём-то даже с ролью духовного пастыря. Он должен закалять душу человеческую, не давать расфокусироваться совести молодого человека. <...> Русская литература как раз и учит всему лучшему, что есть в человеке как в создании Божьем» (Научно-методическая газета для учителей словесности «Литература». 2008. № 6).

Духовный пастырь должен свято хранить «тайну исповеди». Мы помним, какую роковую роль сыграл в судьбе Овода его духовник в одноимённом романе Этель Войнич. Как тогда, так и теперь я не выдаю тех, кто с великим доверием приходил ко мне в своих читательских отзывах со своими откровениями:

«После прочитанных мной произведений Пушкина («Евгений Онегин») и Лермонтова («Герой нашего времени») мне начинает казаться, что настоящей любви нет вообще. Вот полюбишь человека, как Татьяна Ларина, а он окажется к тебе равнодушен, как Евгений Онегин».

«Зачем она [Катерина в «Грозе» Островского] призналась? Мне её жалко. Все мысли перемешались, одна противоречит другой... Напоминает мне трагическую любовь Анны Карениной, которая кончается так же её гибелью».

«Очень понравился сборник стихов [Николая Заболоцкого]. Вернее, не все, а отдельные стихотворения. Например, больше всего понравилось стихотворение «Седов». Ну, просто трудно описать всё, что во мне творилось. Какой героизм, какое мужество!.. Ещё очень понравилось стихотворение «Смерть врача». А стихотворение «Журавли»? Какую боль испытываешь, читая его».

Вот нам в школе дают в основном классику, а современных поэтов как-то обходят стороной. Так, мельком, на факультативах, на уроках по советской литературе. Я, например, не могу понять, чем Заболоцкий хуже Пушкина? Почему одного изучают в школе десять лет, а о другом порой вообще не знают... А может быть, нельзя их сравнивать?..»

Не помню, что я говорил тогда по этому поводу, но, кроме факультатива по современной русской советской литературе, был у меня и факультатив по основам стихосложения. Стихов я тогда, как и статей, не писал, а вот в «нулевых» посвятил Пушкину два стихотворения. Одно из них было опубликовано в сборнике прокопьевских поэтов и прозаиков, другое предлагаю теперь вниманию читателя (в нём я позволил себе вступить в перекилку с Пушкиным и Митрополитом Московским Филаретом):

*Дар чудесный, дар случайный,
Жизнь явилась на Земле,
Среди стужи лет бескрайной
Мир забрезжился во мгле.*

*Дар волшебный, дар случайный,
Мир проснулся и в тебе;
Не спеши прощаться с тайной,
Благодарен будь судьбе.*

*Сколько было! Сколько будет...
Как тут всех нас перечесать?
Но такой, как он, – пребудет!
Пушкин – с нами. Пушкин есть.*

Автор читательского отзыва, возможно, уловил тогда моё нескрываемое благоговение перед пушкинской поэзией и усмотрел во мне подобие чеховского «человека в футляре», непозволительно глубоко ушедшего в классику. Разговора такого я не припоминаю, но, судя по отзыву, он вполне мог тогда состояться. В таких отзывах и беседах меня не могли не радовать, кроме всего прочего, самостоятельность суждений, готовность отстаивать свою точку зрения и необходимая при этом культура общения:

«У Веры Павловны [в романе Чернышевского «Что делать?】 можно поучиться, быть сдержанной, уметь управлять своим характером, уметь любить по-настоящему, уметь видеть человека в ком-то. Это не всем дано, понимать человеческую душу. Она, подобно Катерине в «Грозе», не имела своего слова. Мать её была очень скверная женщина, а с другой стороны, мне её почему-то жалко. А почему, сама не знаю».

«Врать не буду – стихи [Евг. Евтушенко] не понравились. Может быть, потому, что почти все на одну тему – про север, про море, про охоту... Это

единственный сборник, который мне не понравился. Обычно возьмёшь стихи и обязательно найдёшь много хороших, а тут как нарочно. Правда, попадаются отдельные строчки, которые сами собой запоминаются, вот как эти:

Я не хочу ни половины счастья,
Ни половины горя не хочу!

Или ещё такие:

Надумана задача – стать великим.
Твоя задача – маленьким не стать.

Ну, вот и выдохлась, не знаю, про что ещё написать...

«Роман [«Преступление и наказание»] не понравился. Бегают, прыгают, убивают, и вот тебе конец – объявился убийца...»

«Как ни удивительно, но я Печорину симпатизирую. Хотя Лермонтов показал самого нехорошего человека того времени, но мне всё равно как-то жаль его, что ли».

Уважение к противоположной точке зрения, способность не заикливаться на своём мнении, отказ от безоглядной категоричности суждений – всё это признаки той подлинной культуры общения, без которой нам никогда не избавиться от хаоса вавилонского столпотворения. Я в своей работе колеса не изобретал: во-первых, время от времени напоминал школьникам, что категоричность – это признак ограниченности; а во-вторых, перед началом диспута исключал возможность использования «железобетонного» аргумента: «Вот дура!» – «Сам дурак!» Дети относились к этому с пониманием. Это прослеживалось и в их письменных работах:

«Может быть, я ошибаюсь, но мне показались некоторые эпизоды и сцены [в «Грозе» Островского] лишними. Взять хотя бы Кулигина. Он совсем не принимает участия в главных событиях. Тогда зачем автор ввёл этого героя в пьесу?»

«Не могу сказать, почему «Гроза» мне не понравилась. Во всяком случае, у меня сейчас странное впечатление: как будто я не совсем правильно воспринял это произведение».

После урока-диспута по рассказу Чехова «Ионыч» девятиклассникам было предложено продолжить разговор в письменном виде. В одной из работ автор оттачивает своё умение дискутировать, возражая учителю. Подавая пример, я тоже не всегда был согласен с авторами учебника, предлагая ребятам определить свою позицию. Вот как это выглядело в упомянутом мини-сочинении «Мысли после диспута»:

«Не могу согласиться с ответом на вопрос о жизни Туркиных. Вот вы говорили: «Вы забываете о том, что это самая лучшая, уважаемая всеми, та-

лантливая и образованная семья во всём городе». Ну и что? Шутить, писать о том, чего нет и не может быть, бить по клавишам рояля может каждый, и ни у одного из членов этой семьи нет таланта. И если их считают образованной и талантливой семьёй, то можно представить жизнь остальных обитателей этого городка».

Что оставалось делать учителю после того, как на следующем уроке он озвучил это адресованное ему возражение? Класс ждал, и, выдержав соответствующую паузу и подавая тем самым пример своим воспитанникам, я полностью согласился с доводами оппонента.

Последнее, на чём я хотел бы остановить внимание сегодняшнего читателя, это вопрос об экранизации литературных произведений. Сегодня, как известно, поспешая за всем цивилизованным миром, мы сделали крен в сторону зрелищных мероприятий. «Шоу» сидит на «шоу» и «шоу» погоняет. Помнится, как по этому поводу выражал обеспокоенность наш писатель-сибиряк Валентин Распутин: «Человека лишают возможности побыть одному, ему не оставляют времени на то, чтобы просто отдохнуть от суеты и задуматься. Даже спасительная рыбалка превращается в многолюдное представление». Таким же спасательным кругом до недавнего времени была и книга:

«Больше всего понравилась «Княжна Мери». Раньше я видел кино, но эту повесть, – делится своими впечатлениями восьмиклассник образца 1985 года, – невозможно показать, не всякие произведения можно экранизировать. Можно понять героев тогда, когда читаешь сам книгу и обязательно в одиночестве».

В результате опрометчиво принятого нами курса на развлекательность в качестве основного способа существования изящная словесность прочитывается теперь не в оригинале, а в чём-то пересказе, инсценировке или экранизации. Более того, нас в последнее время стали усиленно потчевать «ремейками», в которых от оригинального текста остаётся порой разве что название. Не случайно поэтому темой третьего по счёту заседания молодёжного дискуссионного клуба, которое состоялось в феврале 2012 года в Кемеровской областной детско-юношеской библиотеке имени Аркадия Гайдара стала именно экранизация литературных произведений. В итоге обсуждения данной темы участники заседания согласились, что экранизировать, конечно, нужно, но делать это следует бережно (Огни Кузбасса. 2012. № 2). За этим «бережно» легко просматривается неприятие вольного обращения с текстом оригинала, за что нам следует благодарить прежде всего работающих сегодня в школе учителей. А как этот вопрос решали для себя родители нынешних старшеклассников?

«Читать книгу [«Отцы и дети»] мне было интереснее, чем смотреть фильм».

«В книге Базаров был как-то мягче, что ли, чем в фильме».

«Фильм мне показался очень скучным в первой серии, потом начала вовлекаться».

«Читала с трудом, а после фильма мне стало многое понятно».

«Фильм мне понравился, но когда я прочитала книгу, то впечатления мои увеличились в два раза. Хотя бы взять маленький эпизод, когда Базаров с Аркадием шли в гости к Одинцовой; я совсем не увидела того волнения Базарова, что описано в книге».

Как видно из приведённых, по выражению одного из одноклассников, «обрывков из отрывков», разброс читательских впечатлений довольно велик: разнятся и сам процесс чтения, и суждения о том или ином произведении. Школьники без малейшего стеснения делились с учителем (а через него и с одноклассниками) своими переживаниями, в которых они и сами порой не могли разобраться. Они откровенно писали о том, что было либо непонятно, либо приводило в полное замешательство. Таким образом была подготовлена благодатная почва для работы с учебником и дополнительной литературой (сегодня хорошим подспорьем на этом этапе работы является Интернет). И лишь после всего этого – непосредственного общения с автором и выучки у написавших учебник литературоведов с привлечением рекомендованной ими дополнительной литературы – мы выходим на финишную прямую: написание классного или домашнего сочинения, которое представляет собой (воспользуюсь сравнением Хемингуэя) лишь одну седьмую надводную часть айсберга.

Итак, наш светильник пробудившегося интереса к изящной словесности зажжён на стадии текстовального знакомства с оригиналами. Этому и была в основном посвящена настоящая статья. Осталось под занавес удовлетворить любопытство читателя

относительно того, не был ли задут этот слабый огонёк мощным дуновением учебной и литературоведческой науки. Сохранился ли первоначальный потенциал, обретённый в процессе общения с писателем? Судите сами. Привожу выдержки из сочинений тех же наших восьми-, девятиклассников:

«Хочется верить, что Печорин – хороший человек, но, увы, не получается. Как может умный, образованный человек так жестоко поступать с людьми? В. Г. Белинский пишет, что он вёл войну не только с княжной Мери, но и со всем тем светским обществом. Не согласна! Герой «Горя от ума» Чацкий действительно вёл упорную открытую борьбу против фамусовского общества, а Печорин нет. Он как будто недоволен той средой, в которой воспитывался, он будто ведёт борьбу, а на самом деле он наслаждается войной с княжной, и не только с ней».

«Наверное, самую точную оценку роману «Отцы и дети» мог бы дать замечательный русский критик Н. А. Добролюбов, но, к сожалению, его уже не было в живых... Вообще, по некоторым вопросам Д. И. Писарев меня больше убеждает, чем авторы учебника по литературе».

Я пишу эти заключительные строки, когда в нашу школу уже вернули единый учебник по отечественной истории XX века. Очевидно, что в связи с этим преподаватели литературы вспоминают время, когда их единое учебное пособие по русской советской литературе дополняли столь же авторитетные книги для учителя и для учащихся старших классов. Но, в отличие от преподавателей истории, мы всегда располагаем, кроме учебников, текстами художественных произведений, которые должны быть доступны школьникам как в электронном, так и в традиционном книжном исполнении. Первое пока что не может гарантированно и полностью заменить второе. Так что реализация президентской инициативы во многом будет зависеть и от того, как мы сумеем в обстановке антикнижной вахханалии сохранить свои библиотечные фонды.

г. Прокопьевск

**Александр
ЯРОЩУК**

КУДА ПРОПАЛА МУМИЯ ФАРАОНА СЕХЕМХЕТА?

Эссе-исследование

Сегодня специалисты не могут толком ответить на вопрос: сколько пирамид находится в Египте? Одни говорят больше семидесяти, другие утверждают, что их более ста. А сколько неизвестных захоронений ещё таят в себе беспредельные египетские пески! И каждая из них – загадка. Но три пирамиды стоят особняком.

От них только головная боль у египтологов. О них в древних источниках нет почти никакой информации, как, впрочем, и обо всём Древнем царстве. В самих пирамидах, кроме пустых саркофагов, нет ничего, что могло бы указать на дату постройки, её принадлежности.

Сколько потребовалось веков этому древнему народу, чтобы сформироваться в столь мощное государство, способное на такие грандиозные постройки, которые не под силу даже нынешней цивилизации? Десять? Двадцать? А может, и все пятьдесят?

Ну, допустим, до нас дошли бы древние записи об этих постройках, как, положим, в Библии о Ноевом ковчеге, тем более что время постройки ковчега и пирамид почти совпадают. И что? Все бы дружно, и египтологи, и учёные мужи-строители, в один голос скандировали: этого не может быть. Быть того не может! И привели бы сотню теоретических обоснований, как в случае с Ноевым ковчегом. Но пирамиды существуют! И даже реально существующие, они повергают учёных и специалистов по строительству в смятение. И нет числа версиям о способах их постройки и назначении.

Пирамиды Древнего и Среднего царств объединяет загадочное обстоятельство – все найденные саркофаги пусты, словно в них никогда и не было мумий, хотя в Новом царстве количество мумий фараонов исчисляется сотнями. Некоторые склонны взвалить вину на грабителей. Но простая логика подсказывает – им это без надобности. Если они вскрывали саркофаги, то только за тем, чтобы забрать ценную вещь, которая обычно в виде самого дорогого символа укладывалась при похоронах в область сердца. Вот в том месте воры и разрезали

мумии. Здесь я обращаю внимание на то, что всё описанное ниже относится только к царским захоронениям.

Великая пирамида Хеопса названа Великой не только потому, что она самая высокая, но и самая загадочная, хотя и изучена лучше всех и в ней больше всего открыто помещений. Кроме того, внутри пирамиды происходят странные, необъяснимые процессы.

Начнём по порядку.

Когда в пирамиду вошли арабы Аль-Маамуна, то кроме пыли, доходившей до щиколоток, ничего не обнаружили. И откуда она взялась в таком количестве? Ни обрывков ткани, ни папируса или какого-то мусора, что обычно остаётся после стройки, а только пыль, пыль, пыль. Позже европейцами были обнаружены мумифицированные трупы случайно попавших в пирамиду зверьков, не сумевших выбраться обратно. Причём без следов гниения.

Стены «Палаты царицы» были покрыты, словно шубой, кристаллами неизвестного происхождения. О назначении этого помещения существует бесконечное количество легенд, рассказанных охотими до сказок местными арабами. Наиболее реальная версия гласит, что в палате находилось множество мумий в прекрасном состоянии. Выглядели словно живые, даже волосы не поседел. Но когда их стали поднимать, они оказались лёгкими, как воздух, и рассыпались в прах. Кроме этого они описывали какие-то круглые колодцы, забитые трупами, и три двери, за которыми находились коридоры, ведущие вглубь пирамиды.

Заслуживает же внимания только та часть легенды, где совершенно достоверно описаны мумифицированные тела. Остальное – явный вымысел, никаких колодцев, коридоров и дверей там нет.

И в настоящее время исследователи отмечают некоторые странности, происходящие в пирамиде.

Известный российский путешественник и исследователь А. Складаров утверждает, что пирамида прямо высасывает воду из организма, от чего её стены влажные на ощупь. Уж кому-кому, а ему я верю безоговорочно.

Другой исследователь приводит пример, как оставленное на время в пирамиде тупое лезвие бритвы вновь стало острым.

Некая группа учёных утверждает, что заложенные на хранение в пирамиде семена проявили повышенную всхожесть по сравнению с аналогичной опытной группой семян. Другие с упорством доказывают прямо противоположное.

Некоторые выражают мнение, что кратковременное пребывание в пирамиде благотворно влияет на организм. По этой причине повсеместно начали возводить мини-пирамиды на территориях дач, городских скверов.

Свидетельствуют, что временами над вершинами пирамид появляются световые столбы. И ещё многое другое, что трудно объяснить.

Попробую и я высказать своё мнение.

Начну с того, что в физике существует такое явление, как сублимация, или сухая возгонка. Процесс характеризуется тем, что вещество из твёрдой фазы, минуя жидкость, сразу переходит в газообразное состояние. Ярким примером является вода, когда снег или лёд при минусовой температуре сразу переходят в пар. Оставили в холодном гараже машину в снегу на зиму, и через пару месяцев снег исчезает сам собой. Замечали? Существует и обратный процесс, десублимация, когда вещество из газообразного состояния, минуя жидкое, переходит в твёрдую фазу. В том же гараже вода, перешедшая в газообразное состояние, выпадает в виде изморози на металлических деталях гаражных ворот.

Интересно, как ведёт себя кристаллический йод. У того вообще нет жидкой фазы, но он тоже переходит в газообразное состояние или обратно из газа в твёрдое. И если йод используют в медицине, то только в виде его спиртового раствора. Возможно, подобный процесс происходит и с металлами, в результате чего изменяется толщина лезвия бритвы.

Все странности в пирамиде, что я до этого перечислял, не только связаны с процессом сублимации, но и с процессом диффузии*, протекающим в первую очередь с мумиями фараонов, находящимися в древних пирамидах.

Остановимся на рассказе о мумиях в «Палате царицы» и на описании «шубы» из неизвестных кристаллов. Для этого приведём сведения о мумификации в Египте, описанные наиболее подробно Геродотом во второй книге «Истории».

Чтобы не травмировать читателя мрачными подробностями, текст заметно упростим.

Мумификация осуществлялась тремя способами. Первый, самый лучший, применялся при бальзамировании царственных особ и особо приближённых. Второй предназначался лицам попроще, и, наконец, третий, самый простой и самый дешёвый. Мы остановимся на бальзамировании лиц, так сказать, по первому классу.

Мумификация проводится с особой тщательностью. Сначала извлекают через ноздри мозг. Затем через разрез в паху вынимают внутренности и вычищают всю брюшную полость. Промывают пальмовым вином, наполняют растёртой миррой, кассией и прочими благовониями и зашивают. После этого тело на 70 дней (внимание!) кладут в натровый

щёлок. По истечении этого срока, обмыв тело, обвязывают бинтами, смазанными камедью как клеем. Затем помещают в деревянный гроб в усыпальнице. Точно так же описывает автор захоронение в «Палате царицы». А мумии фараонов после бальзамирования укладывают в саркофаг.

Выходит, что в пирамидах при совместном воздействии вышеперечисленного возникают какие-то особые условия, которые запускают механизм этих процессов и активируют испарения не только воды, но и тканей, даже металлов, превращая их в пыль.

Вот и мумии в «Палате царицы» превратились в пустые, невесомые оболочки, которые при малейшем прикосновении рассыпались в прах. Попросту говоря – испарились! А щёлок, находившийся в мумиях, сублимировался и выпал в процессе десублимации в виде слоя кристаллов на стенках камеры. Жаль, что никто не смог в то время сделать анализ на состав этой соли. Вполне возможно попробовать и сейчас сделать качественный анализ на состав смыва со стен камеры.

Читатель вправе спросить: а куда всё исчезло из герметически закрытого саркофага, где находилась мумия фараона? Возможно, здесь сработал процесс диффузии.

Вроде бы всё сходится, но есть одно сомнение. Геродот описал способ бальзамирования в более поздние времена, а тот древний способ, возможно, был совсем иным. Хотя есть отрывочные сведения из папируса Ринда, или Эберса, где сообщается, что древние мумификаторы использовали «щелочные растворы». В продолжение этой темы встаёт ещё вопрос: каким мог быть «щелочной раствор»? Самый простой и доступный – это раствор древесной золы в воде. В современной химии используют хорошо растворимые в воде основания ряда металлов, создающие в водном растворе большую концентрацию ионов ОН.

Нашими хозяйками применяется в качестве щёлока всем известная сода. Сода – гидрокарбонат натрия NaHCO_3 используется и в кулинарии как разрыхлитель (разрушитель молекулярных связей). Под воздействием щёлока тело умершего становилось более пластичным (податливым), и из него формировали компактную мумию. Так какой применялся раствор? Какой концентрации? Кроме всего прочего, в настоящее время основным веществом в мастиках, применяемых для ускоренного старения (распада) волокон древесины при изготовлении винтажной мебели, используются как раз щёлоки.

Это всё не досужие вопросы. От того, какой раствор и какой концентрации применялся, зависит скорость распада тканей не только человека.

Я всё более и более склоняюсь к тому, что явления сублимации, диффузии в пирамидах возникли

* Диффузия – распространение, растекание, рассеивание молекул одних веществ между молекулами других или проникновение через пористую перегородку.

сами собой, независимо от намерений египтян, и проявились именно таким образом.

Если исходить из этого, то можно сказать, что всё что было в пирамидах за истекшие тысячелетия, а их может быть и более пяти, превратилось в пыль, прах, тлен.

В подтверждение сказанному я приведу удивительный факт, который почему-то широко не освещён в современной литературе.

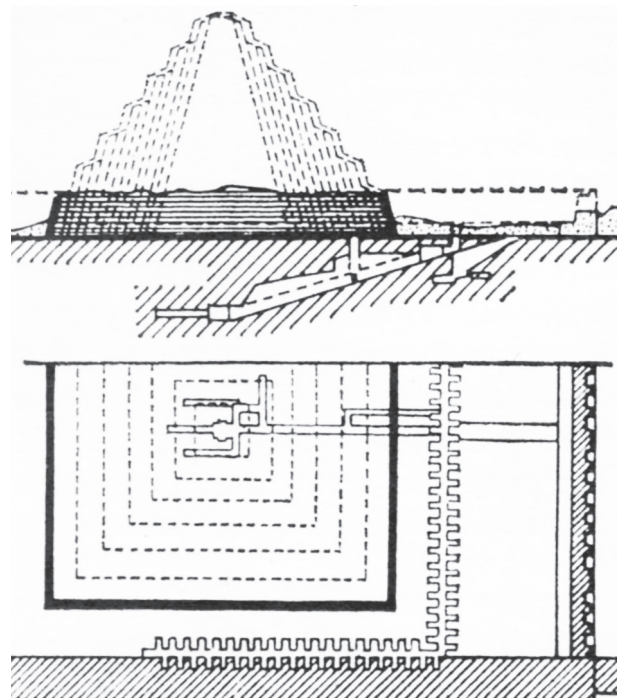
В 1954 году египетский специалист-египтолог Гуссейн Ибрагим откопал в пустыне остатки древнейшей ступенчатой пирамиды. В результате поисков ему удалось установить и имя её владельца – царя Сехемхета, сына и преемника Джосера. От этой пирамиды сохранились только первая ступень и часть второй. Эта пирамида, возможно, была последней, в строительстве которой ещё так широко не применялся природный камень.

Размеры её основания были внушительны – 120 на 120 метров, высота оставшейся части составляла более 10 метров. Здесь же была обнаружена и погребальная камера длиной 9 метров, шириной 5 метров и 5-метровой высоты. Всё это говорило о том, что камера, как и пирамида, одна из древнейших, эпохи Древнего царства. В результате обследования этой пирамиды обнаружилось нечто странное и загадочное.

По периметру пирамиды находился вырубленный в скале коридор, который соединял между собой 132 (!) камеры для погребальной утвари. И чего только там не было: 21 золотой браслет, всяческие шпильки, палочки, сосуды, шкатулка для косметики с печатями Сехемхета. Удивительным было то, что здесь находились и сотни папирусов с текстами на демотическом языке (греческий народный), соответствующем другой эпохе! А возникло это письмо примерно в 600 году до н. э. И между ними 2 тысячи лет! Выходит, что и коридор, и камеры вырезаны в горном массиве намного позже. Возможно, эти строители и не подозревали, что под пирамидой на глубине двадцати метров существует царское захоронение. Как знать, может, древнее наложенное «табу» действовало столь эффективно на протяжении многих столетий.

Но ещё более неожиданное и загадочное событие ожидало исследователей дальше.

Руководил раскопками известный египтолог Гонейм. Он установил, что камера усыпальницы после захоронения не вскрывалась. Все стены, потолок, пол были в первоначальном, девственном состоянии и не носили никаких повреждений. Все печати фараона были нетронуты. Следы воровского взлома исключались. По этой причине было объявлено по всему миру как сенсация о находке погребальной камеры с нетронутым саркофагом.

Пирамида Сехемхета в Саккара. Наверху разрез сохранившейся и незаконченной части; внизу горизонтальная проекция с подземными коридорами и камерами (по Гонейму)

150

В назначенный день при большом стечении специалистов и репортёров со всего мира приступили к вскрытию камеры. И вот долгожданный саркофаг, возраст которого около 5 тысяч лет, перед ними. Когда сняли с него защитную крышку, то он предстал во всём своём великолепии. Предварительный осмотр саркофага подтвердил заверения египтологов. Саркофаг был в идеальном состоянии. Он был изготовлен из редкого алебастрового камня с прожилками, переливающимися всеми цветами – от золотого до красного. Осмотрели ещё раз поверхность саркофага. Ни малейшего повреждения, ни царапины. Волнуясь, приступили к вскрытию.

Дальше я приведу текст из книги «Потерянная пирамида» самого Гонейма: «Двое из моих рабочих начали тянуть верёвку, другие в это время поддевали панель ломом, стараясь просунуть их в щель между нижней частью панели и саркофагом. Люди напрягали все силы. Слышался скрежет металла по камню – и ничего больше. Панель намертво сидела в пазах. Рабочие несколько раз возобновляли свои попытки, однако тяжёлая каменная глыба противостояла нашим усилиям.

Но вот наконец она приподнялась, всего на какой-нибудь сантиметр. В отверстие тотчас были вставлены рычаги... Всего этим делом было занято шесть рабочих, однако панель оказалась такой тя-

жёлый – она весила около 227 килограммов – и была так крепко зацементирована смесью гипсового раствора и клея, что понадобилось почти два часа, прежде чем она медленно поползла вверх. Я встал на колени и заглянул внутрь... Саркофаг был пуст!»

Возможно, на дне саркофага осталась горстка праха. Но, увы, исследователям было уже не до того.

Все стояли молча, потрясённые увиденным. Когда же исследователи выбрались на дневной свет из двадцатиметровой глубины, окружающим стало всё ясно – полное фиаско! Всё было написано на лице человека, который в течение трёх лет пробивался к саркофагу.

От тяжёлого психологического удара он так и не смог оправиться. Поработав еще некоторое время, Гонейм окончательно отошёл от археологических поисков, а вскоре (1957 г.) трагически погиб. Так он пополнил символический список тех, кто так или иначе погиб после проникновения в камеры фараонов.

Совершенно ясно: ворочая ломом между крышкой и нижней частью, рабочие нанесли непоправимые повреждения саркофагу, которые не замечались на нём до вскрытия. Это только подтверждало версию Гонейма, что саркофаг никем не вскрывался до него. Алебастр, увы, далеко не самый прочный материал. Судя по описанию (цветные прожилки, выходящие на поверхность саркофага), он относится к кальциту (карбонат кальция), одному из разновидностей подобных минералов. Твёрдость по шкале Мооса – 3. Плотность – 2,3.

Может, по этой-то причине египтяне и стали отдавать в дальнейшем предпочтение граниту, переходя на изготовление саркофагов из этого материала, который и прочней, и плотность имеет выше, чем у алебастра, 2,6 единицы. Кроме того, неясно из описаний, из какого вида гранита выполнены те или иные саркофаги. В зависимости от формы образования гранита (интрузивной или эффузивной) у них ещё оказывается и разная проницаемость.

Выходит, как бы ни старались египтяне закупорить саркофаги, абсолютной герметизации при таких материалах не добиться.

В пирамиде Сехемхета ещё несколько лет проводились археологические изыскания, но ответить на вопрос, почему саркофаг оказался пуст, так и не удалось.

Если бы саркофаг ранее вскрывался, то возможно выдвинуть версию, что в нём находились письмена с записями древних знаний, которые так упорно ищут некоторые учёные. Можно было бы предположить, что грабители, вскрыв крышку, освободили саркофаг, наполненный папирусами, и ненужные им документы рассовали по камерам. Но саркофаг не вскрывался, да и папирусы, как писал я ранее, со-

вершенно из другого времени. Так эта версия умерла в самом зародыше.

Напомню одну деталь в описании саркофага в пирамиде. Обмазку с внешней стороны саркофага я тогда логически увязал со старанием сохранить целостность внешней отделки этого изделия. Но вот новый факт снова ставит в тупик.

В местечке Абусира, которое располагается между Саккара и плато Гиза, находятся несколько пирамид фараонов, в частности Сахура, Ниусера, Неферефра. Но в данном случае нас интересует рядом стоящая небольшая Птахшепсеса, в которой находятся два саркофага. Оба выполнены из гранита изумительной красоты, которые предназначались, без сомнения, для царских особ. Побутно замечу – тоже пустые. Но вот что примечательно – внутренние стенки не только прекрасно отшлифованы, но и покрыты изнутри слоем алебаstra! Зачем? С какой целью? С целью сохранности самого саркофага, как я предполагал ранее, исключено.

Может быть, египтяне знали или подозревали, что мумии могут с течением времени испариться, и предпринимали меры для их сохранности? В данном конкретном случае обмазали изнутри, а много позже попробовали добиться нужного результата, обмазав его снаружи. Если исходить из этого предположения, то сколько понадобилось времени, чтобы заметить эффект испарения? Во всяком случае, не менее нескольких тысяч лет! Значит, история Египетского государства простирается столь далеко в прошлое, что просто захватывает дух.

Собственно, об этом и повествует древнейший историк Манефон, утверждающий, что человечество в своей истории восходит к тем временам, когда на земле жили и правили «Боги». А это сотни тысяч лет тому назад! Можно как угодно относиться к его писаниям, но открытие в конце XX века храмового комплекса Гёбекли-Тепе заставляет совершенно по-иному взглянуть на нашу историю. Как утверждает немецкий учёный Клаус Шмид, участник раскопок комплекса, некоторые колонны датируются 8 тысячами лет, а некоторые и за все 20!

Хотя здравомыслящий оппонент и тут может возразить, что это просто обмазка в виде штукатурки для заделки сколов. Не складывается. Всем известно, что чем тоньше слой обмазки, тем он лучше держится, а тут целых 5 (!) сантиметров. При этом все очевидцы дружно утверждают, что наружные и внутренние стенки указанных саркофагов идеально отполированы.

Но вот неожиданно появляется ещё одно свидетельство, говорящее в пользу этой версии. Удивительно, но этот факт обнаружился не в Египте, а в... Южной Америке, в древнем майянском комплексе пирамид, названном Паленка.

В 1759 году на затерянный на тысячелетия храм среди джунглей наткнулись заблудившиеся военные. Сейчас он называется Храм Надписей – из-за плиты, на которой нанесено 629 иероглифов. Никаких сведений об этой постройке, кроме множества тут же вспыхнувших легенд, не было. В конце сороковых годов XX века этим храмом впервые серьёзно заинтересовался руководитель мексиканской археологической экспедиции Альберте Рус Луилье. Осматривая верхнее помещение, он обратил внимание на огромную треугольную плиту в центре. При этом плита имела по углам периметра сквозные отверстия, явно указывающие на то, что их применяли при опускании плиты на место. Наконец в 1952 году после долгих и мучительных лет ожидания разрешения на проведение работ от правительства Мексики, приподняв, сдвинули каменную крышку, за которой оказалась каменная лестница, ведущая в усыпальницу.

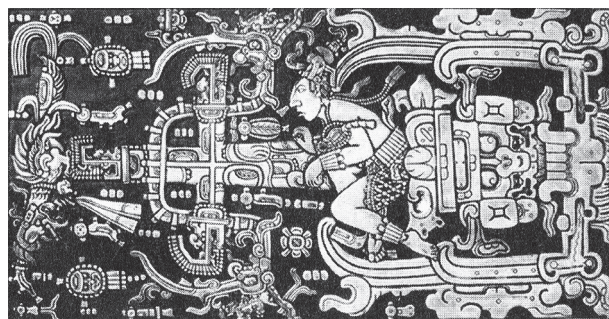
Воды, сочившиеся веками через неплотности кровли, выполненной из известняка, сделали своё дело. Усыпальница напоминала сказочный сверкающий грот. С потолка свисали сталактиты, а навстречу им с пола устремлялись сталагмиты. Вокруг у самых стен выстроились в строгом порядке алебастровые скульптуры. В центре помещения стоял на шести подставках огромный каменный саркофаг. Размеры его впечатляют: 3 на 2,1 на 1,1 метра.

Крышка саркофага представляла собой плиту весом около 5 тонн (!!!) и размером 3,8 на 2,2 на 0,25 метра. Поверхность саркофага была покрыта рельефными текстами и росписями. Но вот то, что было изображено на самой крышке, повергло всех в шок. И до сих пор приводит в смятение современных ученых, давая пищу для бесконечных толкований.

Многие сходятся на том, что на рисунке изображён реальный человек, и в этом трудно усомниться. Художник тщательно, в малейших подробностях выписал его в позе сегодняшнего гонщика на мотоцикле, и всё, что изображено вокруг него, – реальные детали. Перед ним приборная панель, а под рукой – рукоятка управления. Если убрать с картинки фигуру человека, то многим оставшаяся часть напомнит ракетный двигатель на жидком топливе.

А присмотритесь-ка внимательно к тому, что изображено за спиной у водителя. Узнаёте? Две современные канистры для жидких горючих материалов, на плоской поверхности которых рёбра жёсткости. Да и под его ногой деталь, явно напоминающая переключатель скорости, по аналогии с современным мотоциклом.

Американский авиаконструктор Д. Сэндерсон поместил репродукцию этого рисунка в компьютер. Затем преобразовал плоское изображение в объёмное. В результате чего получил... кабину космического корабля с пультом управления и двигательной установкой.

Изображение на крышке саркофага из Храма Надписей

С тех пор нет конца спорам, кто всё-таки изображён на каменной плите: вождь племени майя, мифический герой или настоящий космонавт? Скорее всего, для того времени – простой водитель моносамолёта для линий местного сообщения. Если бы этот рисунок был написан в начале XX века, то мы все с придыханием восхищались бы прозорливостью автора. Но это было написано полторы тысячи лет назад! Это же какая мощная цивилизация могла тогда существовать!

Вот я и подумал: что если так дело пойдёт и дальше, под призывы решать всё военным путём в нашем мире, напичканном термоядерным оружием, то недалёк тот день, когда выжившие вновь начнут обживать пещеры.

152

Но нас в данном случае заинтересовало совсем иное. В просторном саркофаге и вокруг него были обнаружены останки человеческих тел. Поразительно было то, что кости в саркофаге сохранились намного хуже (!), чем скелеты принесённых в жертву вокруг саркофага. Всё это поставило учёных в тупик. По логике всё должно быть как раз наоборот! Казалось бы, всё можно разрешить просто – установить время захоронения тела в саркофаге и тех, кто вокруг.

Оказалось на деле всё не так просто. Опять же, руководствуясь логикой, во все времена и у всех древних народов, где существовал обряд жертвоприношения людей, эта процедура проходила именно в момент захоронения. Об этом говорят и надписи на храме. Но есть ещё и иной способ датировки – радиоуглеродный анализ. Увы, и здесь проблема.

Во-первых, образец для датировки должен быть взят в нескольких экземплярах из устойчиво однородного объекта.

Во-вторых, многие упаковочные материалы, содержащие углерод, такие как бумага, картон, вата, верёвки, являются потенциальными загрязнителями и могут значительно влиять на результат.

В-третьих, транспортировка и анализ должны быть проведены в одинаковых условиях, одновременно и на одинаковых по техническому оснащению установках в разных институтах. И только при

абсолютной схожести результатов можно говорить о датировке объекта.

В-четвёртых, образцы должны быть исследованы в нескольких лабораториях с репутацией, не поддающейся сомнению.

Прошло уж очень много времени, а наука до сих пор молчит. Тут одно из двух: или экспертизу вообще не проводили, или не была достигнута нужная чистота, в итоге получили такие результаты, что они ставят под сомнения не только то, что связано с саркофагом, но и репутацию тех, кто проводил анализ.

Правомерен теперь и такой вопрос: может ли ошибаться радиоуглеродный анализ? Тут можно сказать и да, и нет. Приведу пример, касающийся датировки гибели Минойской цивилизации на Крите в результате извержения вулкана на острове Санторин.

Историки считают, что это событие случилось в 1500 году до Р. Х. Радиоуглеродный анализ органических материалов, оставшихся после извержения, вызвал смятение учёных. Вот что по этому поводу написал профессор археологии К. Думос: «Применение метода радиоуглеродного датирования, к сожалению, не принесло успеха... На протяжении десятилетия (1967–1977) была обработана целая серия образцов... и получен широкий разброс дат. Взятые образцы были разделены на два класса: долговечные (древесный уголь или древесина) и недолговечные (бобы, зерно), и в обоих случаях были получены даты разрушения Акротири с несоответствиями, различающимися от 1100 плюс-минус 190 лет до Р. Х. и до 2590 плюс-минус 80 лет до Р. Х».

Значит, в этом случае скорее нет, чем да...

Другой пример: Туринская плащаница.

«Кто-то просто взял кусок полотна и подделал изображение и следы бичевания...», – профессор Эдуард Холл, оксфордский университет.

Сколько копий было сломано в спорах как среди верующих, так и в среде учёных по поводу всемирно известной христианской реликвии! Сколько книг и статей было написано по этому поводу – не счесть. Важность этого телесного отпечатка на полотне в том, что ничего подобного нет ни у мусульман, связанного с Магометом, ни у буддистов – с Буддой, ни у евреев – с Моисеем. Главное было в этом споре: истинный ли лик Христа на смертном ложе или это искусная подделка неизвестного художника?

И только точная датировка изготовления полотна могла положить конец спорам.

В начале 1988 года от плащаницы отрезали кусочек ткани и передали в три независимые лаборатории. Доктор М. Тайт из Британского музея 13 октября официально объявил о результатах радиоуглеродной экспертизы. По его словам, датировки

всех трёх лабораторий «совпадали друг с другом в пределах ста лет, что создавало 95 %-ную вероятность, что плащаница появилась между 1260 и 1390 гг.». Вывод: плащаница – рукотворное полотно средневекового мастера. На этом главный спор закончился, но по некоторым деталям он всё ещё продолжается.

А вот в этом случае – да-да...

Но всё это относительно. Дело в том, что время распада углерода C-14 заканчивается после 13-го периода, то есть примерно через 70 тысяч лет. В этот период расхождение в датировке объекта может составлять 6 тысяч лет! К примеру – так называемый Тирольский ледяной человек (Эцн), найденный в горах на севере Италии в 1991 году, жил около 3 тысяч лет до новой эры. Какое допустимое расхождение в датах его жизни, можете посчитать сами. Подскажу – где-то в промежутке 500–800 лет. То есть погрешность датировки во всех перечисленных случаях составляет примерно около 10 процентов.

Так что же следует из всего сказанного? А то, что даже в идеальном случае с таким разбросом данных, как минимум в 100 или 200 лет, радиоуглеродный анализ нам конкретно ничего не даёт. Ну получим по результатам экспертизы, что разница во времени захоронения тела в саркофаге с телами в гробнице составляет 100 лет. Это что тогда получается – после похорон вождя ждали сто лет, чтобы, вскрыв гробницу, похоронить жертвы? Опять полный абсурд. Подобный обряд вообще-то не свойствен этим народам. Возможно, по этой причине учёные и не стали настаивать на радиоуглеродном анализе. Но выводы из всего описанного для себя мы всё-таки сделаем.

Судя по описанию захоронения в саркофаге, за 1500 лет тело было на грани распада. Время постройки этой пирамиды учёные относят на первую половину I тысячелетия н. э. Если бы прошло столько тысячелетий, как в пирамидах на плато Гиза, то там учёные вообще бы ничего не нашли.

Выходит, там и тут саркофаг играет значимую роль в сохранности мумий, и не в лучшую сторону. Есть и ещё деталь, которая связывает древнюю египетскую культуру с культурой майя. Кроме саркофага в Храме Надписей, подобный саркофаг найден по соседству в захоронении Красной Царицы. Его размеры точно совпадают с размерами первого. Важно добавить, эти два саркофага, изготовленные из камня, – уникальное явление в культуре майя и единственные среди найденных на всём континенте.

Так что, несмотря на значительную погрешность, радиоуглеродный анализ способен развеять многие тайны и фальсификации. Например, споры вокруг обнаруженных граффити в «Камере Дэвисона» в пирамиде Хеопса. Стоит взять образец краски

(если только она органического происхождения) с этой надписи и провести анализ, сразу станет ясно, подделка это, сделанная рукой Дэвисона, или нанесены строителями пирамид. Почему до сих пор не сделали – это вопрос.

Если и дальше развивать эту мысль, то можно вновь вернуться к саркофагу Сехемхета, но с новой позиции. Допустим, что в саркофаге некоторое время пролежала мумия фараона. Вследствие вышеописанных процессов (окисления под воздействием кислорода, сублимации) или кражи мумии, в результате диффузии в рыхлой массе алебастровой обмазки должны остаться атомы изотопа углерода C-14. Те, которые присутствовали в живом теле царя.

Не вдаваясь в подробности, кратко объясню, в чём суть. Во все биологические организмы входит углерод в виде трёх изотопов: C-12, C-13, C-14. Первые два – стабильные, а вот C-14 – нет. Он радиоактивный с периодом полураспада 5 730 лет. В момент жизни соотношение этих изотопов стабильное, но со смертью начинается необратимый распад радиоактивного изотопа C-14. Зная исходное соотношение всех трёх изотопов и замерив их окончательные значения, можно установить время гибели организма. Вполне возможно, что из-за ничтожно малого количества вещества в алебастровом слое мы не получим нужного количественного результата (когда умер фараон), зато хотя бы качественный анализ (след изотопа C-14) позволит точно установить, находилась ли в саркофаге мумия фараона.

Точно так же можно попробовать установить, в каком тысячелетии построены Медумская пирамида, Ломаная пирамида в Дашуре. Пожалуй, это единственные пирамиды, в которых сохранилась органическая материя в виде крепёжных брёвен в вертикальных шахтах. Осматривая шахту в Медуме, А. Складов достаточно убедительно доказывает, что их установили позже строительства самой пирамиды. Но если они уже в полуокаменевшем состоянии, то сколько же лет самой пирамиде? Вот тут и пригодился бы радиоуглеродный анализ древесины.

Может, для читателя окажется неожиданностью или в какой-то мере чем-то вроде сенсации, но я полагаю, что мумия в пирамиде Сехемхета, как и в других, ей подобных, за 5 тысячелетий полностью распалась, улетучилась, испарилась! Тут уместно вспомнить, что в теле человека находится в среднем 70 процентов воды. Следует учитывать и активные окислительные процессы, происходящие в присутствии кислорода в воздухе, которые протекают как с органическими соединениями, так и с металлами. Но, конечно, главный фактор – это время! Возможно, потому-то на дне саркофага и остаются только пыль да прах.

Немецкий писатель К. Керам (Марек) в своей книге приводит интересную историю, подтвержда-

ющую эту версию: «Римский антиквар А. Яндоло рассказывает в своих воспоминаниях о том, как ему еще мальчишкой довелось вместе с отцом присутствовать при вскрытии этрусского саркофага: «Нелегко было сдвинуть крышку; наконец она поднялась, стала вертикально и потом тяжело упала на другую сторону. И тогда произошло то, чего я никогда не забуду, что до самой смерти будет стоять у меня перед глазами: я увидел молодого воина в полном вооружении – в шлеме, с копьем, щитом и в поножах. Я подчеркиваю: не скелет воина, а самого воина. Казалось, смерть не коснулась его. Он лежал вытянувшись, и можно было подумать, что его только что положили в могилу. Это видение продолжалось какую-то долю секунды. Потом оно исчезло, словно развеянное ярким светом факелов. Шлем скатился направо, круглый щит вдавился в латы, покрывавшие грудь, поножи, лишившись опоры, оказались на днище саркофага. От соприкосновения с воздухом тело, столетиями лежавшее непотревоженным, неожиданно превратилось в прах, и только пылинки, казавшиеся в свете факелов золотистыми, еще плясали в воздухе».

Воин был представителем того загадочного народа, происхождение и родословная которого неизвестны и поныне. Один-единственный взгляд успели бросить на него, на его лицо исследователи, и он рассыпался, превратился в пыль. Почему? Виною тому была неосторожность исследователей».

Позволю себе не согласиться с уважаемым писателем. Дело здесь не в неосторожности археологов. Виною всему время. Замечу, что этот народ жил в I тысячелетии до н. э. и был на несколько тысяч лет ближе к нам, чем мумии с плато Гизы.

Конечно, эта версия эфемерна и, увы, держится только на физико-химических процессах, протекающих в умерших органических объектах, на рассказе А. Яндоло да на обмазке в двух саркофагах. Правда, на эту версию работает и тот факт, что ни одна мумия Древнего и Среднего царств не сохранилась до наших дней. А ведь их могло быть несколько сотен!

И всё же это не версия о грузовом подъёмнике в пирамиде Хеопса, в которой я уверен на 100 процентов, где фактов, доказывающих его существование, больше чем достаточно. Но мне кажется, что и эта версия имеет право на существование. Возможно, многоопытный настойчивый египтолог и в этом случае наберёт достаточно фактов для подобного доказательства.

Однако следует предостеречь того, кто, возможно, когда-нибудь откроет настоящую камеру царя в пирамиде Хеопса или Хефрена. Сдвинув крышку и увидев на дне саркофага только могильный прах, как бы он не упал, в лучшем случае, в обморок.

г. Кемерово

**Маргарита
ДУБЫНИНА**

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ И В УЧИТЕЛЬСКОЙ СУДЬБЕ

Мне было лет двенадцать, когда мама положила передо мной на стол новую книгу. Я знала, что эта книга будет такой же хорошей и интересной, как и предыдущие. Я росла в семье, где любили книги, берегли, брали их только чистыми руками, не разрешали чиркать и разрисовывать, рвать. Уже будучи учителем, я аккуратно вынула из книги о Гайдаре фотоматериалы, которые мне нужно было показать на уроке пятиклассникам. Мама была очень огорчена, боялась, что я испортила книгу.

В нашей семье любили театр, интересные фильмы, радио (люблю его до сих пор), концерты, литературные передачи, а «Театр у микрофона» – любимейшая передача всей нашей семьи.

Достоевский. Автор новой книги был мне не знаком. В детской хрестоматии его произведений не было, в школьной программе младшего и среднего звена тоже. (Я пошла в школу в 1965 году и окончила её в 1975 году.)

Название книги – «Униженные и оскорблённые». Книга мне понравилась. В ней была высказана пронзительная боль автора о человеке (позже его назовут «маленьким человеком»): «...О! Пусть мы униженные, пусть мы оскорблённые, но мы опять вместе...»

Я росла в талантливой семье Астафьевых – Дубыниных, людей, чутких до чужой боли, готовых отдать последнее. Мои близкие умели радоваться чужой радости и сопереживать чужому горю, поэтому мысли автора мне были близки и понятны.

В старших (9–10-х) классах у нас преподавала потрясающая учительница литературы Галина Александровна Шарапова. Уроки были очень интересны не только информативно. Галина Александровна использовала новые методики, например, ролевую игру, посвящённую творчеству Есенина. Обстановка на уроке была предельно раскованная: мы смело высказывали своё мнение о прочитанном, не на оценку, а как понимали произведение, исходя из своего небольшого подросткового жизненного опыта. Нас постоянно водили в театр, на киноуроки,

выставки, прививая тем самым хороший вкус. В нашу школу приезжали артисты из филармонии. Уроки истории, которые вёл директор школы Марк Абрамович Рудник, были нестандартные. Марк Абрамович являлся примером во всём. Было стыдно не прочитать книгу, не посмотреть фильм или спектакль, который порекомендовал нам он или другие учителя. (Скажу, что в трудную минуту моей учительской жизни я обратилась за помощью именно к нему, и Марк Абрамович помог мне. Да и темой своей работы по самообразованию «Нестандартный урок» я невольно обязана ему.)

Творчество Достоевского изучалось в 9-м классе. Потрясла необычная биография писателя. Больница для душевнобольных; литературный успех молодого Достоевского и отзыв о его книге «Бедные люди» В. Г. Белинского; революционная деятельность в кружке Петрашевского; потряс эпизод казни и её отмены, приговор и ссылка.

Личная жизнь Фёдора Михайловича тоже была сложна. Со своей первой женой он венчался на нашей земле – в Новокузнецке.

Я, заинтересованная личностью писателя, стала искать новые подробности биографии Достоевского. Наша классная руководительница Эллура Моисеевна Халамайзер принесла мне из своей библиотеки книгу «Воспоминания». Автор А. Г. Достоевская. Это были дневники жены Фёдора Михайловича.

Кто-то сказал: «Быть женой писателя – это профессия». И судьба. С какой любовью описывает Анна Григорьевна свою жизнь с Фёдором Михайловичем, вспоминая и первую встречу, когда она, молодая женщина, стенографистка, появилась в доме известного писателя и увидела другую сторону его жизни: вечные долги, продажу вещей, сложные отношения с пасынком, неустроенный быт, болезнь, необходимость заниматься вопросами, которые отвлекали его от творчества. И она, хрупкая девушка, мужественно защитила его, оберегла от бытовых проблем, давая возможность спокойно работать, продлила несколько лет счастливой совместной жизни.

Много позже, когда я уже работала учителем, мы с моими учениками посмотрели фильм «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского», где роль Фёдора Михайловича сыграл Анатолий Солоницын, а Анны Григорьевны – Евгения Симонова. Это был великолепный дуэт.

Воспоминания Анны Григорьевны... Её ошибки: неумение вести хозяйство – вдруг во всём доме исчезли спички; глупый розыгрыш 1 апреля, чуть не закончившийся трагедией (Достоевский был очень ревнив); смерть двоих детей, воспитание Феди и Любы, трудная жизнь (Достоевский почти до самой смерти выплачивал долги брата) и благодарности

Богу за то, что он свёл её с таким неповторимым человеком. Всю оставшуюся без него жизнь Анна Григорьевна посвятила памяти Фёдора Михайловича: изданию его книг, созданию музея.

10-й класс. Нужно готовиться к экзаменам, а я читаю дневники Анны Григорьевны. Позже я купила эту книгу. Она и сейчас стоит у меня на полке в книжном шкафу, вся в закладках.

Параллельно с этим я с головой ушла в творчество Фёдора Михайловича: «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». Творческий учитель Галина Александровна Шарапова своими уроками дала хороший толчок для работы мысли и души, открыв нам неповторимый мир писателя: психологизм его прозы, тема двойника, которая является отражением одной судьбы в другой: Раскольников – Лужин; Раскольников – Свидригайлов; пьяная девочка – Соня – Поля – Дуня; роль снов (в «Преступлении и наказании» их четыре). Очень важен для Достоевского религиозный мотив. Иисус Христос – его идеал. Так рождается образ князя Мышкина.

В 1977 году я стала студенткой филологического факультета Кемеровского государственного университета. Филфак «болел» Достоевским благодаря кандидату филологических наук (теперь доктору филологических наук) Натану Давидовичу Тамарченко. Натан Давидович – филолог милостью Божией. Я помню, с каким нетерпением мы ждали его лекции и семинары по «Введению в литературоведение». Он затмевал всех преподавателей филфака глубиной понимания слова, умением читанное и перечитанное раскрыть по-новому, оттачивал в нас умение слышать и слушать писателя, вырабатывал у нас навык скрупулёзного, глубинного анализа текста, а не только его верхних слоёв. Помню его семинар по «Преступлению и наказанию», помню, как тонко он подвёл нас к вопросу «вплетения» авторской речи в монолог Раскольникова в начале романа.

Не трудно догадаться, что дипломную работу я писала по «Преступлению и наказанию».

И вот в 1982 году я окончила университет. Каким учителем стану я?

Уроки по Достоевскому (теперь уже в 10-м классе) мне особенно дороги. Как донести до ребят сложность судьбы писателя, пронзительный нерв темы его произведений – умение пострадать за другого? Я начала урок с рассказа о самом ответственном, сложном, переломном моменте в жизни

Фёдора Михайловича: казни петрашевцев, когда за несколько минут Фёдор Михайлович вспоминал всю свою жизнь: «...эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё... рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты ещё положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть...»

Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный... Потом, когда он простился с товарищами... он знал заранее, о чём он будет думать: ему всё хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, так кто же? где же?.. Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил...».

Помогли и воспоминания Анны Григорьевны.

А потом начали читать «Преступление и наказание», читать медленно, вдумчиво. Во время анализа текста я использовала материалы своей дипломной работы. Потряс образ Раскольникова, которого великолепно сыграл Георгий Тараторкин. Это уже киноурок. Сделала опорный конспект с рисунками и записями, предложила провести в классе ролевую игру: «Вопросы к литературному герою». Выбрали Раскольникова. Класс был сильный. Думала, что роль возьмет крепкий ученик, а вышел троечник Саша. Ужас на моём лице:

– Саша, они тебя забудут вопросами, нужно очень хорошо знать текст.

– Я смогу, Маргарита Викторовна.

Сорок пять минут. Это была творческая удача: Саши, класса, моих дорогих учителей и моя. Ни одного прокола, блестящие ответы на все вопросы. Приятно вспомнить. Думаю, такие минуты вдохновения и торжества есть у любого учителя.

Весной этого года в нашем городе была выставка великолепных картин Ильи Глазунова, рассказы-вающих о Куликовской битве, и четыре работы, посвящённые творчеству Ф. М. Достоевского. Меня особенно привлёк портрет старца Зосимы. В его лице я увидела и черты Достоевского, и черты «постаревшего» князя Мышкина. Вспомнилось детство и книжка, которую мне положила на стол мама: Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»...

ХУДОЖНИКИ О ВОЙНЕ

В 2015 году в Кемеровском областном музее изобразительных искусств прошла выставка «Художники о войне», посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Это была шестая из моих «военных» выставок, начиная с 2000 года. Казалось, сила личного чувства, вдохновляющего к работе, должна бы иссякнуть. Но этого не происходит. Наоборот, чем чаще обращаюсь к этой тематике, тем проникновенней и осмысленней моё отношение к ней.

Первые четыре выставки, посвящённые художникам Кузбасса военного поколения, я готовила, движимая благодарностью к ним. О тех, с которыми сотрудничала долгие годы, которые стали почти родными, об уходивших из жизни горевала и помнила. Последние две выставки, предыдущую и нынешнюю, показавшие произведения о Великой Отечественной из собрания КОМИИ (Кемеровского областного музея изобразительного искусства), неожиданно восприняла с неведомой прежде проникновенностью – через себя. Именно тогда появилось новое восприятие войны, уже не казавшейся далёкой историей, а близким событием, сопричастным мне.

Вдруг вспомнилось то, что казалось прочно забытым, растворённым в далёком детстве – настолько раннем, что уже похоже на сон, проступающий расплывчато и бессвязно, краткими эпизодами, с щемящей пронзительностью. Вспомнилось, что улицу, на которой жила в родном мне Иваново, называли вдовьей, поскольку никто из мужчин, ушедших на фронт, не вернулся. Вспомнилось, что мои оба деда, которых не знала, тоже погибли, а из близкой родни уцелел лишь один – безрукий калека с изломанной психикой. Вспомнилось, что в одном из писем, отправленном дедом по материнской линии из Сталинграда (там и убитом), он написал, как месит ногами землю, в которой смешалось всё: снег, кровь, детали орудий и... части человеческих тел.

Вспомнилось, что мои обе бабушки, ставшие вдовами, когда им не было тридцати, так и остались одинокими до конца жизни; что в военные годы у одной из них было четверо малых детей (последний родился в 1941-м), и за ними присматривала самая старшая – моя мама, которой тогда не исполнилось десяти лет (не представляю!).

Эта кровная связь с Великой Отечественной, роднящая поколения через поколения, стала вдруг вызывать во мне живую реакцию – мгновенную, обострённую, пронимающую насквозь. Например, говоришь о войне и внезапно, на полуслове – ком в горле, парализующий речь. Или – смотришь кадры военной кино- и фотохроники, показывающие смерть с безжалостной откровенностью – просто и

прямо, и, не выдерживая, обрываешь просмотр. Или – читаешь поэтические тексты фронтовиков, беспощадно оголявших окопную правду, и вздрагиваешь, как от полоснувшего лезвия. Вот один из таких, пожалуй, самый шокирующий и при этом – Господи, помилуй! – понятный:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

И. Л. Деген. 1944 год

Генетической памятью, открывшейся с возрастом, обусловлен посыл той выставки, посвящённой юбилею Победы, которая больше чем выставка. Это дань памяти участникам фронта и тыла Великой Отечественной, познавшим школу мужества и страдания – до самых глубин. Это выражение личной сопричастности к их поколению – от лица потомков, внуков и правнуков, сплотившихся в акции «Бессмертный полк», чтобы так утверждать незыблемость истины: бывшей войны не бывает.

157

Прошло семьдесят лет, как завершилась Великая Отечественная война (1941–1945), самая безжалостная и кровопролитная в XX столетии. Освобождение от фашизма, длившееся целых четыре года, стоило СССР миллионов человеческих жизней. На поле брани оставались лучшие – самые храбрые, сильные духом, и эти потери невосполнимы не только для родных и близких – для генофонда нации. Поэтому День Победы для нашей страны есть праздник священный, выстраданный, поистине всенародный; это День памяти защитников Отечества, воевавших на фронте и трудившихся в тылу, легендарных и безымянных, павших и выстоявших.

Даже невозможно было представить, что придут времена, когда заслуги советских солдат, отстоявших не только свою многострадальную Отчизну – благополучную Европу, будут оспариваться, причём европейцами! Сегодня эти времена наступили: стремительно нарастает тенденция к пристрастному пересмотру истории и итогов Великой Отечественной, Второй мировой. Оскверняются наши памятники, перечёркиваются наши заслуги, попираются наши святыни.

Поэтому ныне, как никогда прежде, празднования годовщин Победы 9 Мая особенно важны. Это нравственный долг всех и каждого, кому победители Великой Отечественной обеспечили мир, а теперь уходят из жизни, неумолимо и безвозвратно.

Чтобы так, укореняя традицию, отдавать им дань уважения и славить их беспримерный подвиг. Чтобы так, проникаясь уроками мужества, учиться у них защищать свою Родину – самоотверженно, преданно, бескорыстно. Чтобы так, воспитывая граждан страны, прививать им высокие качества, какими обладали они: чувством достоинства, патриотизма, национального единения. Чтобы так, противостоя поветриям времени, защищать нашу правду и память.

Миссия государственной важности и особая роль в ней принадлежит музеям, хранящим подлинные свидетельства ушедших эпох, в том числе о Великой Отечественной войне. В такой миссии участвуют все музеи без исключения: военно-исторические, мемориальные, краеведческие... а также художественные, представляющие произведения искусства, среди которых есть произведения о войне, показанной через духовные образы – воспоминания и откровения, размышления и чувства.

К семидесятилетию Великой Победы, которое отмечалось в 2015 году, Кемеровским областным музеем изобразительных искусств (КОМИИ) была подготовлена выставка, названная «Художники о войне».

Для нашего музея тематические выставки о Великой Отечественной войне – традиционны, поскольку проводятся регулярно, чаще, чем раз в пять лет. Вспомним некоторые из них, наиболее значительные: «Художники Кузбасса – участники Великой Отечественной войны» (1985), выставка-конкурс к 50-летию Великой Победы (1995), «Художники Кузбасса: военное поколение» (2000), «Чтобы помнили...» (2005), «Свет жизни» (2008), «Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается» (2009), «Художники о войне» (2010).

Все перечисленные выставки, за исключением последней, связаны с искусством Кузбасса – родного края. Одни из них представляли творчество художников-фронтовиков (1985, 1995, 2005) и военного поколения в целом (2000); другие – творчество фронтовиков-юбиляров, в память о них (2008, 2009); третья была областным конкурсом, объединившим произведения о войне, созданные современными художниками, кемеровскими и новокузнецкими (1995). Примечательно, что все эти выставки включали экспонаты как из фондов КОМИИ, так и других кузбасских музеев, а также из собраний авторов, их наследников.

На открытии первых выставок присутствовали сами художники – ветераны фронта и тыла Великой Отечественной: Александр Михайлович Ананьин, Яков Тимофеевич Буймов, Александр Николаевич Кирчанов, Иван Александрович Чермянин, Павел Афанасьевич Чернов, Николай Михайлович Шемаров... С годами их ряды убывали, пока не остался

один – Иван Данилович Лячин*, и тогда вместе с ним, продолжая традицию, на открытия выставок приходили вдовы, просившие называть их по-прежнему – жёнами: это Нина Тимофеевна Буймова-Ступак, Зинаида Ивановна Кирчанова, Людмила Ивановна Алексеева, Анастасия Архиповна Борисова. Всех чествовали, всем вручали подарки, устраивали для них чаепития, где они вспоминали, вспоминали...

Принципиально иной стала выставка «Художники о войне» (2010). Она показала произведения военной тематики – только из собрания КОМИИ. Это была их первая масштабная презентация, неожиданно открывшая целостную коллекцию – многочисленную, ретроспективную, разнообразную по видам и жанрам.

Вторая выставка «Художники о войне» (2015), развивая замысел предыдущей, имела с той одинаковое название, свидетельствуя о преемственности, о едином музейном проекте, актуальном на все времена. Представляя «военную» коллекцию из собрания КОМИИ, она демонстрировала её гораздо обширней, включая новые произведения: и те, что не экспонировались в 2010 году, и те, что поступили в фонды за последнее пятилетие, в частности живописные произведения О. А. Качарова (Москва)**, весомо пополнившие не только данную тематическую коллекцию – собрание в целом. Или: впервые не частями, а целостно, раскрывая полноту авторского замысла, были показаны графические серии: «Памяти Твардовского» И. Л. Бруни, «Памятники, разрушенные войной» Э. Б. Бернштейна, иллюстрации к рассказу Е. И. Носова «Красное вино Победы» С. С. Косенкова.

Военно-тематический комплекс (коллекция) из собрания Кемеровского областного музея изобра-

* Иван Данилович Лячин ушел из жизни 6 августа 2015 года.

** В мастерской О. А. Качарова (Москва, Цветной бульвар, 21, строение 6), куда я пришла летним днём 2013 года, уже после смерти художника, находилось немало его работ, сиротливо расставленных вдоль оголённых стен – на выбор. Молниеносно пронзили те, которые автор посвятил Великой Отечественной войне, осмысленной очень лично, эмоционально, несмотря на условность стили, тяготевшего к геометризации форм. Две работы были обращены к родителям, к матери («Первая снежинка») и отцу, погибшему на фронте («Памяти отца»), третья («Синий платочек») – к самому себе, ведущему диалог со временем, непрерывный и напряжённый. Примечательно, что на изображении каждой из данных работ, в смысловом контексте, вклеены фотографии военных лет (из семейного альбома), усиливающие образное звучание, исповедальные интонации. Сразу подумалось, что именно они, эти работы, достойны быть в музейной коллекции и... остаться в истории.

зительных искусств насчитывает около двухсот произведений живописи, графики, скульптуры. Не предусмотренный изначально, он сложился с годами, сам по себе, свидетельствуя об актуальности и непреходящем значении избранной темы – Великой Отечественной войны. Постепенно, по мере осознания ценности этого комплекса, в том числе исторической, его комплектование стало целенаправленным, и, конечно, особое внимание уделялось фронтовым работам – подлинным документам военного лихолетья.

Формирование комплекса осуществлялось преимущественно двумя способами. Это целевые закупки Министерства культуры РСФСР (РФ) с выставок, посвящённых Великой Отечественной, – с их последующей передачей в фонды российских художественных музеев, в том числе КОМИИ. Это закупки, сделанные собственно музеем на бюджетные средства из мастерских художников, реже с городских и областных выставок.

Начало военно-тематическому комплексу положил «Портрет генерал-лейтенанта Ф. Я. Лисицына» Н. И. Дрючина, поступивший из МК РСФСР в 1969 году (год основания музея). Последними приобретениями на сегодняшний день являются работы О. А. Качарова – триптих «Синий платочек», «Первая снежинка», «Памяти отца», закупленные в 2013 году на средства МК РФ по индивидуальной заявке нашего музея.

Источники поступлений, неизменные на протяжении четырёх с половиной десятилетий, обусловили географию авторской составляющей. Так, поступления по «министерской» линии – это чаще всего работы столичных мастеров, нередко весьма известных; поступления по «музейной» линии – это большей частью работы кузбасских художников, прежде всего участников Великой Отечественной. Но были исключения: некоторые произведения классиков советского искусства появились в коллекции благодаря усилиям научных сотрудников музея: это литографии из серии «По дорогам войны» (1942–1944) В. И. Курдова, «Портрет В. А. Васильева» (1942) Ю. И. Пименова, «Домны Кузбасса» (1944) А. Н. Самохвалова.

Хронологически военно-тематический комплекс делится на два раздела: один составляют работы, созданные в годы войны, в тылу и на фронте (более семидесяти), другой – работы, созданные в мирное время (более ста). Самая ранняя датирована 22 июнем 1941 года («Львов. Первый день войны» Я. Т. Буймова), самая поздняя – 2001-м (триптих «Синий платочек» О. А. Качарова). В этом сочетании, контрастном и неразрывном, заключается содержательная основа комплекса, отражающего два взгляда на Великую Отечественную – ее современников и потомков, раскрывающего образ войны в ретроспективе – в контексте прошлого и настоящего.

Особенно ценны (бесценны) работы военных лет, имеющие не только художественное – документальное значение. Созданные с натуры, они, подкупая пронзительной искренностью, показывают время, как оно есть, фактически достоверно, просто и ясно. Ценности не снижает даже тот факт, что это работы «второго» ряда (этюды, зарисовки, наброски), причём небольших размеров, иные с ладонь. В подавляющем большинстве это чёрно-белая графика – рисунки и акварели, выполненные на случайных листках, уже пожелтевших от времени, ветхих (около шестидесяти); живопись малочисленней – всего шестнадцать работ, написанных в тылу. Тогда, в ходе войны, времени, как известно, едва хватало на мобильные жанры.

Прямым свидетельством о Великой Отечественной войне являются фронтовые работы. Их авторы – участники войны или художники, специально выезжавшие на передовую, чтобы запечатлеть ратную хронику. Последние чаще принадлежали Студии военных художников им. М. Б. Грекова (В. А. Арлашин, В. Н. Гаврилов), однако были и такие, которые трудились в тылу (Ф. С. Богородский) и даже в блокадном Ленинграде (В. И. Курдов).

Созданные между боями, чаще в один сеанс, фронтовые работы тем не менее разноплановы: портретные рисунки однополчан и наброски пленных японцев, зарисовки вражеской техники и акварели пылающих городов, сожженных деревень; и даже этюд мартовской оттепели, с талым снегом и тонкими деревцами – этюд наивный и трепетный, который, выпадая из общего ряда, отражает великую силу жизни, неизбывную несмотря ни на что («Оттепель» Я. Т. Буймова).

Документальную значимость фронтовых работ усиливают сопровождающие их авторские надписи, очень конкретные, датирующие и поясняющие изображенное. Иные из них поистине исторические. Так, на акварели Якова Тимофеевича Буймова, названной «Львов. Первый день войны», справа внизу читаем: «22.VI.41 Я Буймов Львов».

Преобладают среди фронтовых работ портреты, чаще всего рядовых солдат, с точной передачей их внешнего сходства. Одни из них академичны и тщательны («Артиллерист», «Однополчанка-связистка», «Фронтовичка» П. А. Чернова), другие, наоборот, на скорую руку («Портрет адъютанта Круглова и командира звена», «Портрет лётчика-истребителя Белякова» А. Н. Яр-Кравченко), третьи, напоминая фотографии*, исполнены с заметным усердием, чтобы непременно было похоже («Старший лейтенант

* «Эти портретики, – вспоминал художник-фронтовик И. Л. Бруни, – солдаты вместо фотографий посылали в письмах домой. Я даже отладил соответственный стандарт – под конверт» (Иван Бруни: альбом / вступ. ст. М. Н. Яблонской. М.: Сов. художник, 1986. С. 4).

Кулинич», «Командир взвода сапёров Балясников» К. А. Цветкова).

Запоминается «Автопортрет» (1943) И. Д. Лячина, даже притом что скромнее других, меньший из всех по своим размерам. По словам самого Ивана Даниловича, он выполнен в Харькове после второго освобождения города, в здании, где только что разместили штаб. Там висело большое зеркало, как-то уцелевшее, и собственное отражение в нём, увиденное внезапно, поразило настолько, что побудило взяться за карандаш. Нельзя не заметить, как, внимательно всматриваясь в себя, художник рисует старательно и неспешно, однако портретный облик, мне кажется, всё-таки не вполне узнаваем. Потому что в нём невольно проступает нечто большее, чем только внешнее сходство – самоощущение автора, находившегося на передовой уже целых три года. Перед нами военный человек – серьёзный, опытный, взрослый, которому – даже не верится – лишь двадцать четыре года! Смотришь и понимаешь, что война как суровое испытание заставляла юношей рано взрослеть.

Все перечисленные портреты, такие несхожие между собой, объединяет время, точнее война, придающая им внутреннее родство. Лишённые пафоса, они «поражают уважительным отношением автора к модели – ни иронии, ни гротеска, ни шаржирования. Не о себе заявляет своим рисунком фронтовой художник, а о коллеге, с которым вместе изживает беду, который в любой день может погибнуть, как и он сам. Художники рисовали около смерти».

Справедливость безжалостных слов подтверждает портрет Семёна Пикалова (1945), исполненный К. А. Цветковым. На блокнотном листке нарисован профиль солдата – молодого, мужественного, с правильными чертами лица (только ваять). Внизу, под изображением, ближе к центру авторская надпись карандашом: «1945 г. 211 ОАПБ л-нт Пикалов Семен (погиб 12 августа)».

Работы военных лет, созданные в тылу, передают суровый быт времени (бремени). Это тесные интерьеры с печкой-буржуйкой («В годы войны. Интерьер» О. В. Чистякова) и женские портреты, показывающие немолодые лица – неподвижные, напряжённые, сосредоточенные («Женский портрет» Н. И. Бачинина, «Портрет матери» К. Д. Китайки); это пейзажи сельской окраины («Осенняя распутица» Г. П. Татарникова), разрушенных городов («Могилев», «Прифронтовой Вильнюс» В. А. Арлашина), шахтёрского посёлка (серия графических работ М. Н. Скуляри), железнодорожной станции, едва проступающей сквозь дымку морозного утра («Илецкая защита» С. В. Герасимова).

Несмотря на жанровое и тематическое разнообразие, все «тыловые» работы – неуютны, безрадостны, непросторны. Они скупы в выразительных

средствах, чаще тусклы и блеклы, почти бесцветны, даже если исполнены в живописи. Так проступает ощущение скорбного времени, погружённого в атмосферу тревожного ожидания, преисполненного бед и лишений, уносящего жизни – день за днём, и... всё-таки мужественного.

Особую ценность среды «тыловых» работ представляют те, что непосредственно связаны с нашим краем – Кузбассом. Это рисунки и акварели рабочего посёлка в Анжеро-Судженске (1941–1942), выполненные М. Н. Скуляри – ленинградским художником и одновременно инженером-конструктором дизельных двигателей и именно в этом качестве командированным на далёкую шахту; это «Домны Кузбасса» (1944) А. Н. Самохвалова – известного советского мастера, тоже ленинградца, эвакуированного с трупной Академического театра драмы им. А. С. Пушкина в Новосибирск и по службе не раз приезжавшего в город Сталинск (ныне Новокузнецк Кемеровской области), где находился Московский театр оперетты.

Примечательно, что оба художника показали Кузбасс индустриальным краем, однако увидели его каждый по-своему. Величественным гигантом, огненным и дымящимся, предстаёт в «Домнах Кузбасса» знаменитый на всю страну Кузнецкий металлургический комбинат – он впечатлил Самохвалова так, что и годы спустя в своих воспоминаниях он писал об этом восторженно*. И наоборот: крохотным островком, затерянным в снежной пустыне, выглядит шахтёрский посёлок, обнесённый, как тюрем-

* «Это был интересный городок, выросший около металлургического комбината, где основным звеном был громадный узел доменных печей, который поражал своим величием и чисто живописными огненными эффектами <...>».

Металлургический комбинат находился как раз напротив театрального здания, в котором разместилась оперетта. И входя, и выходя из театра, я видел этот доменный огненный пафос. Он каждый раз был иным, он жил, и каждый час соответствовал какому-то этапу его жизни. То он весь собранный, овеянный пробивающимися отовсюду чуть гудящими дымками, то таинственный и затихший, с белыми огнями сверкающей электросварки в разных местах. Он попутно залечивал раны. Причем людей, постоянно занятых ремонтом сложнейших конструкций этого гиганта, никогда не было видно. Их невозможно было разглядеть в этом фантастическом сплетении ферм.

То он, пылающий огнем плавки, весь скрывающийся в тучах багрово освещенного снизу пара – совсем уж фантастический, как своего рода сооруженный руками людей Везувий. Я сделал три этюда и две небольшие картины: «Домна Кузбасса» и «Чугун идет» (Самохвалов А. Мой творческий путь: автобиография / А. Н. Самохвалов. Л.: Художник РСФСР, 1977. С. 274–276).

ная зона, колючей проволокой, убогий и сырый, вселяющий чувство сиротства и неизбежного одиночества.

Символично, что «обрамляют» раздел произведений военных лет два натюрморта, не имеющих, казалось бы, к войне прямого отношения, за исключением того, что один из них создан накануне, а другой почти сразу по окончании Великой Отечественной: это «Натюрморт с незабудками» (1941) Ю. В. Разумовской и «Дачный натюрморт» (1945) Т. Н. Яблонской. Безмятежные и лиричные, они пронизаны дыханием мирной жизни, самой обыденной, частной: весеннее слепящее солнце и незабудки на подоконнике; летняя лесная прохлада и грибы на дачном окне. Примечательно, что оба натюрморта написаны женщинами, которые, не приемля насилия по своему естеству, особенно чутки радостям бытия, непреходящим в своём значении, тем более после разрушительных бедствий.

Второй раздел «военной» коллекции, состоящий из произведений, созданных в мирное время, более многочисленный по сравнению с первым (примерно на треть) и более разноплановый. Здесь не только живопись и графика, но и скульптура; не только портреты и пейзажи, но и картины, натюрморты, книжные иллюстрации; не только реалистические образы, но и метафорические, экспрессионистские, даже абстрактные (диптих «Фронт и тыл»

А. В. Суслова). Здесь произведения широкого тематического контекста, представляющие не только ветеранов Великой Отечественной и воспоминания о ней, но и глубокое осмысление таких лейтмотивов, как победа и подвиг, жертвы и разрушения, война и мир, добро и зло...

Авторами этих работ являются художники разных поколений: это участники и очевидцы Великой Отечественной, раскрывающие правду о прошлом, к которому мысленно возвращаются снова и снова (И. Л. Бруни, Э. Б. Бернштейн, О. А. Качаров, В. Н. Минаев); это художники, родившиеся после войны, но ощущающие ей личную сопричастность, размышляющие о судьбах прадедов, дедов, отцов, о преемственности, об исторической памяти (О. Ю. Яхнин, Р. В. Пантелеева, С. С. Косенков).

В целом военно-тематический комплекс (коллекция) из собрания КОМИИ представляется весьма содержательным, многогранным в отражении события, ставшего грандиозной вехой в истории нашей страны, нашего народа. Его развитие продолжается, поскольку тема Великой Отечественной войны неисчерпаема, и наша задача, оставляя коллекцию потомкам, придать ей большую полноту. Чтобы помнили.

Марина ЧЕРТОГОВА,

искусствовед, заместитель директора КОМИИ
по научной работе, г. Кемерово

ЛЕТОПИСЕЦ СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ, СУДЕБ ЗЕМЛЯКОВ

О героях книг Антонины Некрасовой

Общие события находить и описывать легче,
а вот историю каждого отдельного
человека – непросто.

«Я родилась в деревне Бердовка Барзасского района (территория современного города Берёзовского). На начало войны в семье было восемь детей. Мне, самой старшей, семнадцать лет, самой маленькой – два месяца. Все мужчины деревни ушли на фронт. Приехали из Барзасского военкомата и к нам, за отцом. Предложили: «Николай Игнатьевич, может, вас оставить пока? Хотя ребяташки немного подрастут!» Отец на это ответил: «Я не могу так поступить. Я должен идти на фронт и защищать Родину и моих детей. Ведь у нас немало многодетных семей. Если все отцы останутся в тылу, кто же тогда будет защищать страну?» Вот таким честным партийцем был мой отец. А в 42-м пришло извещение, что он умер от тяжёлых ранений в Орловской области.

После проведённой мобилизации нехватку кадров вынуждены были заполнять в основном женщины, старики, подростки. Сначала я работала в колхозе, отвечала за сбор урожая. Приходилось и принимать хлеб, и самой ездить за ним на жеребце. Из-за этого меня не мобилизовали на работу на военный завод в 1943 году. Чуть позже был объявлен призыв на работу в шахты. Из деревень Барзасского района собрали нас, около 30 девушек, будущих шахтёрок. Всех привезли в Кургановку (так назывался рабочий посёлок шахты «Южная»). Провели инструктаж. Потом повели в поселковую столовую. Накормили. Выдали спецовки и после обеда – в шахту. Было это 25 сентября 1943 года, в 16 часов, четверг. Попали мы на первый участок, где начальником был Иван Петрович Абызов – пожилой, умный и добрый человек, который жалел нас. Не кричал. Всё объяснял по-хорошему. Он провёл меня на рабочее место, в лаву, где работали забойщики. Я получила лопату и пошла грузить вагоны. Работали рядом со мной и молодые женщины, и в возрасте, работали и дети – рассыльными, лампоносами, коногонами...

В шахте была конюшня из двадцати лошадей, к каждому угольному участку прикреплялось по две лошади. Каждая лошадь имела своего коногона. Лошадь везла пять вагонов по девятьсот килограммов угля в каждом. Лошадь хорошо чувствовала этот груз, и если в вагонах подавали другое количество угля, то стояла и не двигалась с места, как бы не принимая эту тяжесть...

Моей первой работой в шахте была работа отрёбщицей. Оттрепали уголь от забойщиков, чистили пути, нагребали вагоны. В 1944 году я получила серьёзную травму – тяжёлая стойка упала прямо на шею. Так как больницы в посёлке не было, увезли меня на телеге в Кемерово. Два месяца провалялась в больнице. Помню, постоянно хотелось есть. Ведь нам, шахтёрам, давали в день тысячу двести граммов хлеба, а тут – всего два кусочка. Тем не менее молодой организм пошёл на поправку. Вернулась на шахту и снова грузила вагоны.

На предприятии было развёрнуто социалистическое соревнование стахановцев. Стахановцами считали тех, кто выполнял дневное задание на сто пятьдесят процентов. Победителей соревнования в магазине обслуживали вне очереди, хотя продукты были те же. Что давали?

В месяц четыре килограмма крупы, килограмм сахара, четыре килограмма мяса (или рыбы). Зарплату выдавали чётко, а вот отпусков, выходных за четыре года не было совсем. Условия жизни и работы тех дней были очень суровые. Лопата, обушок и кирка, ручные воротки и бабьи – основные орудия труда и виды подъёмных механизмов. Кроме того, карточная система на все виды продовольствия, отсутствие одежды и обуви, разруха, зверски стужённые зимы, продолжающаяся война, похоронки с фронта... И всё же уголь шёл на-гора! (Именно в первые годы военного лихолетья была освоена проектная мощность шахты.) Добытыми тоннами угля мы приближали Победу. И вот наконец наступил май 1945 года. Победа. Мы были на смене. Пришёл мастер, сообщил эту весть. Все повывлазили из своих забоев, выслушали и... почему-то молчали. Наверное, не поверили или не осознали. Пошли зарабатывать. И только когда спустилась вторая смена, поняли, что действительно кончилась война...

После победы я продолжала работать в шахте. 31 января 1948 года случилась ещё одна беда: я попала под завал. До конца смены оставалось пять минут. Мы загрузили свои пятьдесят вагонов. Вдруг сверху звонят, что надо обязательно ещё три вагона заполнить. Пока мужчины ходили за вагонами, я очищала уголь с рельсов. Вдруг шум. И больше ничего не помню. Огромный купол угля упал на меня. Вернувшиеся шахтёры поняли, что случилось. Говорят, на мне не было ни обуви, ни головных уборов – каски, платка. Две девушки сняли с себя куртки, накрыли меня. Выбрали уголь из длинных белых волос. Они посчитали меня умершей. О случившемся сообщили матери. Как подняли из-под земли, не знаю. Перелом позвоночника, руки, ноги... Полгода лечилась... И снова молодость брала своё. Я поднялась – и опять в шахту.

В 1957 году вышло постановление Совмина СССР и ВЦСПС «О мерах по замене женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений». В 1958 году женщин вывели из шахты. У меня подземный стаж – пятнадцать лет восемь месяцев вместо положенных десяти. До 1987 года работала на подъёме. Спускала в шахту людей. Общий трудовой стаж составляет сорок пять лет», – читаем воспоминания Клавдии Николаевны Степановой, ветерана труда шахты «Южная», переданные с её слов Антониной Некрасовой.

А вот другая судьба того же трагического времени, также записанная Антониной Некрасовой. Тоже труженика шахты «Южная», но в силу жизненных обстоятельств, политической ситуации, определённого общественного мнения военной и начала послевоенной эпохи начавшаяся не столь героически.

«Николай Павлович Жужупал родился на Украине. Когда окончил семь классов, началась война. В 42-м немцы заняли его родное село. Все взрослые мужчины из рода Жужупалов ушли в партизаны.

– Отец погиб, – рассказывает Николай Павлович, – остались с матерью я и две сестрёнки. Жили бедно, было голодно. Немцы нас не трогали, пока не пришёл приказ: всех мальчишек двенадцати – шестнадцати лет отправить на работу в Германию. Два раза меня забирали местные полицаи. Матери чем могли откупали сыновей. А в третий раз заявились гестаповцы на бронемашинах. В деревне рёв, детей уводят, матери бегут за ними. Страшно вспоминать...

Ростом Николай был маленький. Всё равно забрали. Оказался он в пересылочном пункте города Дуйсбург. Колю с тремя десятками мальчишек направили на мест-

ную фабрику. На ней ребята делали ящики для снарядов. Работали по двенадцать часов в сутки. Много времени занимали переходы от жилья до фабрики. Колонну сопровождали полицаи. На ногах у ребят были кожаные ботинки с деревянными подошвами, которые прилипали к асфальту и не сгибались. Поесть давали один раз в день: сто тридцать граммов хлеба, литр баланды, заваренное древесной корой питьё. В 1944 году мальчишек перевели на военный завод. Там труд был тяжелее. Подростки переносили снаряды весом пятьдесят – сто килограммов. Покачивало от усталости, но нельзя было сесть и отдохнуть: рядом стража. Однажды мальчишки забастовали. Немцы вывезли подростков в лес.

– Думали, конец нам, расстреляют, – вспоминает Николай Павлович, – высадили на поляне у озера. Стали угрожать: «Расстреляем, сбросим в воду». Но рабочей силы у немцев уже не хватало. И они стали распределять нас на разные работы. Меня и ещё семерых пацанов прикрепили к огороду, где росли салат, огурцы. В апреле 1945 года нас освободили американцы.

Николая и всех ребят передали советскому командованию. Мальчишек посадили в товарные вагоны и повезли на восток: на работу в Сибирь. Поэтому особой радости от освобождения не было. Несколько человек попали на шахту «Южная» в Кургановке. На работу водили колонной под конвоем. Работу давали потяжелее, где больше воды и грязи. Обували в чуни, касок не выдавали. После смерти Сталина жизнь ребят постепенно наладилась. Стали обычными рабочими. Николай Павлович трудился на «Южной» до 1989 года. В тридцать два года он стал Почётным шахтёром. Награждён юбилейными медалями. А ещё – медалью «Непокорённые».

Легендарная шахта «Южная» – промышленный тыл Великой Отечественной... Наряду с другими предприятиями угольной и оборонной промышленности Кузбасса ковала общую Победу, а после её наступления восстанавливала разрушенное в стране войной хозяйство.

Труженики этой шахты, жители рабочего посёлка, педагоги и учителя, самые обычные люди – земляки, те, что живут совсем рядом, через дорогу, с кем встречаешься в каждом дне своём труде – герои воспоминаний и книг Антонины Некрасовой.

Антонина Александровна – человек в городе Берёзовском известный. Бывший учитель, краевед, внештатный корреспондент городской газеты с самого дня её рождения, автор нескольких книг, одна из которых – «Воспоминания о шахте «Южная». В её книге шахта предстаёт не просто предприятием, а родным домом для тех, кто оказался связанным с ней всей своей судьбой.

Сама Антонина Некрасова более сорока лет проработала в школе № 2 г. Берёзовского учителем, а потом директором. Школа эта начиналась с Крохалёвской начальной школы, потом называлась Кургановской средней школой (выпускницей которой была и сама Антонина), школой № 22 Рудничного района, школой № 70 г. Кемерово и лишь с 1965-го – года образования города Берёзовского – стала школой № 2 этого города. Семидесятилетнюю родную школу посвящена книга Антонины Некрасовой «Школа – моя жизнь». О школьной жизни кургановской рабочей молодёжи другая книга – «А вы учились в ШРМ?». В этой школе ей также довелось проработать директором – семь лет, и она пишет о «своих далёких вечерниках, которых выпускала ежегодно до 100 человек».

Последняя из книг Некрасовой вышла в 2010 году – «Судьбы страны и моего рода». В ней автор прослеживает

её свои исторические корни, своё родословное древо с конца XIX века, показывает взаимосвязь судеб своих предков с происходящими масштабными событиями всей страны: Октябрьской революцией, Гражданской войной, отступлением Колчака, раскулачиванием, Великой Отечественной войной, перестройкой...

«Родители моей матери и их малолетние дети проживали в деревне Барановка. Происходило в этой деревне историческое событие – отступление колчаковских войск. Мама оставила много записей... Было ей в ту пору четырнадцать лет. Военные-белогвардейцы два дня жили, ели, спали в деревне. Мама помнит такой факт: один из офицеров оставил полуторогодовалого ребёнка, мальчика, на попечение деревенских жителей, сказав, что вернётся за ним, но впереди был знаменитый бой у Дмитриевки, из которого никто не вернулся, а мальчик так и остался в деревне. В ней и вырос...».

В 2014 году Некрасова приступила к написанию новой книги – «Дети войны». Её герои – дети восьми – двенадцати лет из Кургановской школы, пришедшие работать на шахту «Южная». Директор шахты, конечно, не мог принять малолетних детей на такой тяжёлый труд. Но, жалея семьи и самих детей (ведь работающим на шахте полагался продуктовый паёк), принимал, придумывая разные специальности: «лампонос», «письменос», «коногон»... Например, девочки доставляли шахтёрам под землю письменные сообщения, телефонов ведь не было. А лампонос выносили сгоревшие лампы из шахты, а шахтёрам передавали заправленные. Взрослым во время смены нелегко было по пять – шесть раз ходить по ходкам в шахту, а дети бегали.

163

Отдельная группа героев книги – дети, собранные с освобождённых территорий, которых отправляли в детские дома, где растили, учили, давали профессии, многие из таких детей потом оказывались на работе в шахте. Также автор прослеживает судьбы детей, попавших в немецкие лагеря, это касается истории поволжских немцев.

Стиль книг Антонины Некрасовой, по мнению читателей, особенный. Ведь почти со всеми героями своих книг она прожила большую часть жизни вместе. В своих сочинениях автор предстаёт не сторонним наблюдателем, а исследователем, глубоко переживающим за всё, что происходило и происходит в её родном крае. А потому строки её книг «не простые, а выстраданные», в них особая атмосфера воспоминаний – «глубоко личных, берущих за душу с первых строк». Полвека существует берёзовская городская газета, столько же дружит с ней внештатный корреспондент Антонина Некрасова – «рабкор рабочей окраины», с которой город Берёзовский, собственно, и начинался. Многие из её газетных публикаций вплетены в нить повествования её книг. Отсюда живость изложения, свежесть впечатлений. Как будто сам присутствуешь на месте описанных событий, а герои книг – родные тебе люди, настолько понятно в них тебе всё. Вот как сам автор говорит об этом: «В городскую газету писала статьи о жизни школы, посёлка, о людях. Писала много, и всё печатали. Думаю теперь, как здорово, что удалось собрать рассказы старших поколений, живших в войну. Ведь жила среди этих людей... Листаю сейчас страницы моих книг, рассматриваю фотографии – почти никого в живых нет. Но хотя память о них останется в книгах».

Марина ЦЫПКАЙКИНА,
г. Кемерово

БЕРЁЗОВСКИЕ МЕЛОДИИ

Вопреки всем предсказаниям скептиков и злопыхателей, что литература сдаёт свои позиции, а печатное художественное слово становится всё менее востребованным, это далеко не так. Так, только у нас, в Кузбассе издаются альманахи: «Образ» (Ленинск-Кузнецкий), «Тайгинские зори» (Тайга), «Берёзовские мелодии» (Берёзовский), «Университет культуры» (Кемерово) и прочие.

Уже не одно десятилетие город Берёзовский славится не только своими горняками, но и творческими людьми. В нём прошли литературную школу многие наши писатели, среди которых Борис Бурмистров, Владимир Иванов, Владимир Соколов, Леонид Гержидович, Валентина Минькова, Юрий Михайлов и другие.

Вот и теперь, к 50-летию города Берёзовский журналист и поэт Юрий Михайлов (недавно пришло из Москвы известие, что он принят в Союз писателей России) подготовил номер альманаха «Берёзовские мелодии» (2015). В этом хорошоизданном номере напечатаны стихи и проза восемнадцати берёзовчан.

Ну а далее – сам бог велел: большая подборка стихов ветерана кузбасской поэзии и певца родного края Леонида Гержидовича! Здесь нашлось место и его ранним стихам, и новым. Не может не взволновать читателя небольшое стихотворение, в котором Леонид Михайлович с негодованием и горечью говорит о давних попытках онемечить и офранцузить русский народ, а теперь американизм, да так, «глядишь, и окитаемся, ояпонимся, как есть...».

Читателям Кузбасса небезызвестно и имя Нины Красовой – верной спутницы и музы Леонида Михайловича.

Наш журнал «Огни Кузбасса» печатал подборки стихов и прозу Юрия Михайлова. Тему истории Древней Руси и принятия ею христианства продолжает Юрий Михайлов в эпической поэме «Захват Киева князем Олегом. 882 г.».

Известный берёзовский автор нескольких книг стихов, песен и рассказов Алексей Сергеев предложил альманаху на сей раз басни.

Татьяна Цуприкова, учитель русского языка, давно пробует себя в поэзии. И её стихи появлялись на страницах «Огней Кузбасса». Здесь же – небольшая подборка стихов для детей.

На страницах альманаха – бывшая учительница Галина Мальцева, журналист Валентин Роков и бывший шахтёр Олег Степанов (Николаев). Преемственность поколений в литературном процессе Берёзовского видна на примере стихов Оксаны Роковой и Алёны Слепченко. Теперь о прозе, назову Анатолия Горипякина, Владимира Ковригина, Тимира Фёдорова, Халила Фаттахова – шахтёра, Светлану Попурий – пресс-секретаря главы Берёзовского городского округа. В заключение сего обзора подытожу. Данный номер альманаха – получился. Это и впрямь весьма хороший подарок и городу Берёзовский, и всем читателям, взявшим его в руки! Так держать!

Виктор АРНАУТОВ

ВОЙНА КАК ГЕНЕРАТОР ЛИТЕРАТУРЫ

О книге «Непридуманные рассказы о войне», составитель Н. Н. Васютина

В русской литературе, как и в других мировых литературах, явление войны породило целые поколения поэтов, писателей, публицистов, журналистов.

Война как катализатор выявляла в воинах сочинительский талант. В разведке или в наступлении удача операции зависела и от фантазии, нестандартности мышления и командира, и рядового. Нетипичные ходы, неожиданные решения в гибельной, казалось бы, ситуации помогали остаться живым и продолжать движение вперёд.

В сборнике документальных материалов «Непридуманные рассказы о войне» представлены письма, фотографии, открытки, отправленные с фронта кузбассовцами родным, друзьям, коллегам, родителям погибших товарищей, а также обращение фронтовиков к землякам через редакцию областной газеты «Кузбасс».

В «Непридуманных рассказах о войне» обращают на себя внимание детали в письмах, ушедших на передовую. Кемеровчанин Геннадий Гавин (1926–1944) мечтал стать художником, оттого у него в слове – внимание к мелочам и образность: «Здесь к письмам из родных мест относятся так, как относится маленький к конфетке». Он применяет творческие способности в армейской жизни: «Я почти каждую неделю выпускаю боевой листок». В одном из следующих писем, адресованном сестре, Геннадий как начинающий писатель делится впечатлением:

167
«Вечером объявили, что где-то в нашем районе спустились четыре немецких парашютиста. И в эту ночь как раз была моя очередь стоять часовым. Ну, значит, я стою. Вдруг часа в два ночи с немецкой стороны загремели орудийные выстрелы, где-то недалеко запели снаряды, и взметнулось к небу красное пламя разрывов. Затем сзади нас поднялась и осветила всё кругом белая ракета, и сразу же земля содрогнулась от оглушительных выстрелов, то уже стреляла наша артиллерия, над головой, где-то совсем близко, прогудели наши снаряды. И тут началось. По небу, как метеоры, носились с шипением и свистом, оставляя за собой огненный след, трассирующие снаряды. Прохотали наши пушки. Всю местность окутал густой чёрный дым, около меня на земле чиркнули два осколка. Это длилось около получаса, затем постепенно всё стало стихать. В соседней землянке открылась дверь, это вышел сменять меня наш повар Никита Иванович. Я отдал ему винтовку и пошёл спать».

Подобных историй на войне – тысячи. Война прессует, уплотняет, концентрирует пограничные ситуации, которые побуждают к подвигам, становятся основанием легенд, мифов, героическим содержанием времени.

Любопытно, что и визуальная сторона книги подкрепляет восприятие текста – фронтовые письма отсканированы. Почерк бойцов передаёт эмоциональный накал, сопровождающий их в пути освобождения Родины от немецких захватчиков. А чувства здесь яркие, раскалены до температуры солнца и дышат праведной ненавистью.

Комок в горле встаёт, когда читаешь письмо 1943 года Михаила Недыбина своему сыну Павлу, Герою Советского Союза на фронт:

«Дорогой сын!

Крепко обрадовал ты всех нас. Вижу, что ты строго выполняешь мои напутственные слова и не осрамил отца, старого солдата.

Много немецких голов покосил я в своё время. Не зря в прошлую войну наградили меня двумя Георгиевскими крестами и медалью. Ненавижу проклятую немчуру от всей души.

Знаю, что эта ненависть помогла и тебе разбивать танки и бить фрицев. Пусть чувствуют проклятые поганцы нашу недыбинскую хватку.

Весть о присвоении тебе звания Героя Советского Союза всколыхнула весь наш колхоз. Старые колхозники и молодёжь приходили к нам перечитывать твои письма и письма твоего командира. Колхозники говорили: «Недаром Павел Недыбин был у нас лучшим трактористом». И директор МТС всегда ставит в пример другим. Особенно гордятся тобой комсомольцы».

Книга «Непридуманные рассказы о войне» будет востребована всеми, кто интересуется историей Кемеровской области: студентами, школьниками, краеведами, не оставит равнодушным и широкий круг читателей.

Александр МУХАРЕВ

ВОЙНА НЕ ЗАКОНЧЕНА, ПОКА НЕ ПОХОРОНЕН ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

В редакцию журнала «Огни Кузбасса» пришли два письма с примерно одинаковым содержанием. Одно письмо – от Клавдии Ивановны Коньшиной, второе – от военной прокуратуры Юргинского гарнизона:

«Главному редактору журнала «Огни Кузбасса»
Донбаю С. Л.

Военная прокуратура Юргинского гарнизона.

Уважаемый Сергей Лаврентьевич!

В адрес военной прокуратуры Юргинского гарнизона поступило обращение Коньшиной К. И., в котором она указывает на отсутствие ее отца капитана Трубикина Ивана Васильевича в Книге Памяти.

В связи с изложенным, в рамках взаимодействия, а также в целях увековечивания памяти погибших при защите Отечества или его интересов, прошу оказать содействие по включению отца заявителя в данное издание.

Одновременно направляю копии имеющихся документов по данному вопросу.

О принятом решении и мерах прошу сообщить в военную прокуратуру Юргинского гарнизона.

Заранее благодарен за оказанное содействие.

Заместитель военного прокурора Юргинского гарнизона майор юстиции А. Я. Арифуллин».

«Коньшиной К.И.

Уважаемая Клавдия Ивановна!

Мы получили письмо от Вас, а также из военной прокуратуры Юргинского гарнизона, в котором сообщается, что Вы указываете на отсутствие вашего отца капитана И. В. Трубикина в Книге Памяти. Отвечаем, что журнал «Огни Кузбасса» не издавал Всекузбасскую Книгу Памяти. Это многотомное издание (20 томов) собирала и редактировала З. П. Верховцева.

Мы сделали запрос в Областную библиотеку им. В. Д. Фёдорова, и пришел ответ, что сведения о Вашем отце есть во Всекузбасской Книге Памяти. Посылаем Вам копии страниц из этой книги с текстом и фотографией Вашего отца.

В журнале «Огни Кузбасса» есть похожая рубрика – «Книга Памяти». Материал, присланный Вами в военную прокуратуру Юргинского гарнизона о Ваших мытарствах в поисках места захоронения отца, нас заинтересовал, и мы постараемся отредактировать и опубликовать его в одном из номеров журнала, если Вы не возражаете.

С уважением, главный редактор журнала «Огни Кузбасса»

Сергей Лаврентьевич Донбай».

Выписка из Всекузбасской Книги Памяти:

«Трубин Иван Васильевич, 1906, Кузнецкий р-н, призван Кузнецким РВК, капитан, командир пулеметной

роты, 75 стрелковый полк, 26 стрелковая дивизия, погиб в бою 27.01.1945, похоронен сев.-зап. госп. двора Гросс Хаенгаген, р-н Аплау, Вост. Пруссия».

Клавдия Ивановна Коньшина написала в редакцию «Огней Кузбасса» такое письмо:

«Донбаю Сергею Лаврентьевичу, главному редактору журнала «Огни Кузбасса», от Коньшиной Клавдии Ивановны.

Здравствуй, Сергей Лаврентьевич и весь ваш коллектив. Примите сердечные пожелания наилучшего здоровья, счастья, успехов в работе, благополучия на жизненном пути.

Получила от Вас приятное для меня письмо. Спасибо, значит, еще не перевелись у нас люди, способные помочь.

Вы сообщили, что присланный материал заинтересовал Вас. Я высылаю сейчас письмо в защиту отца, гвардии капитана Трубикина Ивана Васильевича, с действительными доказательствами и объяснениями. Надеюсь, это еще больше Вас заинтересует. Помогите народу России узнать о ложной правде. Святой долг живых помнить о погибших воинах, защитниках России. Правительством России созданы поисковые отряды для спасения, перезахоронения останков погибших воинов. Война не закончена, пока не похоронен последний солдат. На самом деле это вранье. Останки солдат оставляют в земле догнивать.

По телевизору, каналу «Россия-1», в программе «Вести» Дмитрий Киселев заявляет: «Пора говорить всё как есть, хватит мямлить. Пора всё называть своими именами».

<...>

С уважением, Коньшина К. И.».

Вот материалы, предоставленные Клавдией Ивановной:

«Министру обороны Российской Федерации
Шойгу Сергею Кужугетовичу,
Депутату Государственной Думы
Жириновскому Владимиру Вольфовичу,
Редакция журнала «Человек и закон»,
Военному Комиссару Калининградской области
С. Мальцеву, А. Мальковичу,
«Военный комиссариат» Кемеровской области
В. Воробьеву.

«Поисковое движение России». Руководитель регионального отделения

Баляскину Юрию Михайловичу.
от Коньшиной Клавдии Ивановны,
г. Новокузнецк Кемеровской области.

Моё объяснение чиновникам всех рангов. Я, Коньшина Клавдия Ивановна, дочь гвардии капитана Трубикина Ивана Васильевича. Начала искать отца в 1984 г. Главное управление кадров г. Москва выслало мне справку 8 октября 1984 г. 4/121035 № 173, где похоронен отец. Северо-западнее господского двора Гросс Хаенгаген, р-н Анлау

(б. Восточная Пруссия). Переписывалась с областным архивом г. Калининграда, Военкоматом, старалась узнать место, где захоронен отец. Положительного результата не добились, т. к. этих данных нигде не оказалось. Военкомат выслал адрес поискового отряда «Память» Будаева Александра Валентиновича. Получила от Будаева письмо и схему захоронения отца (северо-запад от господского двора Гросс Хаенгаген), заверенную похоронной военной комиссией. Начала готовиться ехать за прахом отца в г. Калининград. Губернатор Тулеев А. Г. выдал на проезд за отцом 30000 рублей. Военкомом Шеманским Александром Степановичем оказано внимание, он должен был торжественно встретить нас и принять участие в похоронах.

Кладбище Трубиных – п. Металлург, здесь отец работал директором, вёл большое хозяйство, кормил Металлургический завод и Сталинск (Новокузнецк) мясом, овощами, молоком. Всех родных хоронили на одном кладбище, все рядом. Я разгородила две ограды, сделала одну. Он будет лежать рядом с родными.

Приехав в Калининград, я оказалась одна в чужом городе. Надеюсь, что оценят мой приезд за прахом отца. Оперативно, целеустремлённо сделают работу и отправят нас в Новокузнецк. Мне было 75 лет, инвалид 2 группы, с заболеванием сахарный диабет.

Оперативного общения с руководителем п/о (поискового отряда) «Память» Будаевым А. не состоялось. Время проходило в ожидании его в кабинете. Я начала сама искать место господского двора Гросс Хаенгаген. Печатала во все газеты с надеждой, что кто-нибудь подскажет, где эта территория. В газетах помещала фото отца с надеждой, что узнают командира и я уже не буду одна в Калининграде. Ездил по городам, встречалась с комитетами участников войны в надежде что-нибудь узнать об отце. Стучалась в кабинеты, и откликнулись. По немецкой карте территории Калининградской области нашли место господского двора Гросс Хаенгаген. Дальше это место определили по Калининградской карте. Установили территорию пос. Комсомольск Гвардейского района. Поехала в этот посёлок.

Показывала всем схему захоронения, определили территорию двора Гросс Хаенгаген, от дома уцелела середина, и там проживает семья. Они подтвердили, что эта усадьба господского двора Гросс Хаенгаген. Дальше общими силами определили территорию захоронения отца. Северо-запад от Господского двора. Будаев А. договорился с машиной, поехали определять место захоронения отца согласно схеме военной комиссии. Присутствовал председатель сельсовета Галустьян В. А. Позднее я поняла, что пригласили Галустьяна В. А., чтобы создать убедительную ситуацию работы поискового отряда «Память». Ребята металлоискателями и щупами обследовали небольшую территорию около дороги. Это юго-запад господского двора Гросс Хаенгаген. Отец захоронен на северо-западе от господского двора, около дома давних лет, где проживают две семьи. Щупами и металлоискателями было трудно работать. Большая трава и сильно уплотнённая земля. Захоронение не обнаружили. Ездили по деревне, встречались с пенсионерами в надежде, что

кто-нибудь скажет о захоронении. Будаев А. понимал, что работает на территории захоронения отца. Это юго-запад от Господского двора. Такая работа положительного результата не дала.

Общение с Будаевым стало ещё труднее. Я стала искать п/отряды. Мне подсказали п/о «Русичи», руководитель Бобровский Олег Валерьянович. Он начальник Военно-мемориальной службы Балтийского флота. Консультант «Русичи» – Сушин Сергей Валентинович, командир п/о «Русичи» Зибров Юрий Павлович. Встречались в кабинете Бобровского, через несколько дней они свозили меня на место бывшей немецкой хозпостройки, от которой остался один фундамент и развалины. В дальнейшем Бобровский О. В. вручил отчёт о проделанной работе по поиску могилы отца. С такой работой я не согласилась. Отец лежит там, где его похоронила военная комиссия. По данным отчёта Бобровского О., обследовали четыре территории, не принадлежащих к действительной территории захоронения отца. Пятая – это территория, где захоронен отец военной комиссией.

Умным прибором надо было определить нахождение могилы, где лежит отец, аккуратно вскрыть могилу и забрать останки отца. Но работники поискового отряда «Русичи» не захотели исполнять свой святой долг, за который взялись. Причина была одна для всех: я помучаюсь и уеду. Согласно данным отчёта поискового отряда «Русичи», искали захоронение отца 70-летней давности из космоса.

<...>

167

Дальше по рекомендации Бобровского О. ребята ездили искать могилу отца в лесу на территории Господского двора Гросс Хаенгаген. Они узнали по наводке жильцов, что среди деревьев орешника был самодельный памятник с красной звездой из железа. Место проверили щупами, металлоискателями, захоронение не обнаружили. Их прогулка закончилась, разгребали мусорную кучу, с надеждой найти немецкие сувениры, но довольствовались пустыми флаконами. <...> А памятник с красной звездой сохранился много лет человеком, знающим, что здесь похоронены погибшие воины. Он надеялся, что воины не будут брошены, их найдут и перезахоронят на кладбище и будут помнить о них. Итак, поисковым отрядом «Русичи» искали захоронение отца в четырёх местах, на территориях, не принадлежащих к действительной территории захоронения отца военной комиссией. На действительной территории захоронения отца согласно схеме захоронения военной комиссией, где они должны были определить место могилы с отцом, умным прибором, который у них есть и был. Но они не захотели. Шестую могилу искали из космоса. Седьмая могила на территории господского двора Гросс Хаенгаген среди деревьев орешника. Всего семь могил, в которых должен был находиться прах отца.

Чиновники всех рангов Калининграда оценивают такую работу положительно. В письмах сообщается мне, что оказана помощь в поиске могилы отца.

Я не уехала, встретила п/отряд «Сокол», руководитель Кисель Николай Григорьевич. Встреча состоялась поло-

жительно. Он пообещал найти могилу отца. О себе сообщил, что в бога верит, ходит в церковь. Кисель Николай начал работать, искать захоронение отца по ложному пути, на окраине леса. Когда-то здесь находился крест захоронения. Я приехала к ним. Он стал с сыном делать разметку умным прибором. На следующий день я приехала, Кисель работает рядом с территорией, которая была размечена умным прибором. Копают землю экскаватором. Захоронения не оказалось. В письме Кисель пишет, что по моей просьбе экскаватор проверил место, где якобы был крест. Я попросила, чтобы проверили это место, может, ещё сохранились останки человека, которого здесь захоронили. Останков не оказалось. Кисель Николай обнаружил бетонную плиту и решил, что здесь захоронили отца, но на этом месте захоронения останков не обнаружили. Решил, что останки отца перезахоронили на кладбище пос. Берёзовка. Эта территория не относится к действительной территории захоронения отца военной комиссией согласно схеме захоронения. Военная комиссия захоронила отца на пригорке в сухом месте, чтобы останки отца дольше сохранились, оставили схему захоронения, чтобы могила с отцом не потерялась. Они знали, у него пять детей, и кто-нибудь будет искать могилу отца. Честь выпала мне. Уже пять лет я воюю с чиновниками всех рангов, защищаю отца, чтобы забрать останки домой в Новокузнецк. П/о «Сокол», Кисель Николай решил, что военные захоронили отца в лесу. Захоронение отца сроком 70 лет ждёт Киселя Николая на окраине леса. Эта ложь чиновников всех рангов Калининграда не удивляет, а оценивается положительно. Сообщается письмо от 18.11.2014 и 463/МСК Министром М. Ю. Коломиец. По показаниям свидетелей, на территории площадью три гектара, в месте проведения обследования, находилось два захоронения, одно капитана Трубикина Ивана Васильевича, второе – групповое. Останков не обнаружено. Значит, их перезахоронили на кладбище пос. Берёзовка.

Как можно найти захоронение на территории три гектара, даже умным прибором, без признаков захоронения, без останков, кого захоронили? В письмах мне делают отписки. Оказана помощь п/отрядами, проведены работы по поиску захоронения останков отца на предполагаемых территориях захоронения отца согласно схеме захоронения военной комиссии. Останков капитана Трубикина Ивана Васильевича не обнаружено, значит, перезахоронили на кладбище пос. Берёзовка. Эта ложь сообщается мне во всех письмах чиновниками всех рангов Калининграда.

<...>

Сообщаю количество мест захоронения отца п/отрядами г. Калининграда на предполагаемых ложных территориях.

П/отряд «Русичи» 7 захоронений

П/отряд «Сокол» 3 захоронения

П/отряд «Память» 1 захоронение

П/отряд на бывшем коровнике 1 захоронение.

Всего 10 захоронений отца.

Все сообщают, что останков Трубикина Ивана Васильевича не обнаружено, есть предположение, что его перезахоронили на кладбище п. Берёзовка. По данным п/отрядов, прах отца находился в 10 захоронениях. <...>

Газета «Кузнецкий рабочий», 14 мая 2015 года (№ 53):

«<...> Иван Васильевич Трубикин был награжден орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени. На сайте «Подвиг народа» представлены копии документов, подтверждающих его героизм на поле боя: «10 марта 1944 года тов. Трубикин при прорыве обороны немцев правильной расстановкой огневых средств и сил умело прикрывал огнем станковых пулеметов наступление нашей пехоты. В результате чего стрелковые подразделения батальона успешно прорвали линию обороны, нанеся противнику большие потери в живой силе и технике. Во время отражения контратаки противника 15 марта 1944 года под дер. Горки тов. Трубикин лично сам из станкового пулемета уничтожил до 15 немецких солдат...»

Найти точное место захоронения Ивана Васильевича Трубикина не удалось: проведенные поисковые работы показали, что на указанном на схеме участке могилы отца Клавдии Ивановны нет. Имя Ивана Васильевича увековечено на мемориальной плите, установленной на месте братской могилы советских воинов в поселке Березовка Гвардейского района Калининградской области».

Понятно, что спустя 70 лет после захоронения останки воинов найти чрезвычайно трудно. Но и усилия дочери Ивана Трубикина вызывают глубокое сочувствие. Ничего удивительного, что она в одном из документов признается: «Я продолжаю воевать, защищая отца и себя, уже пять лет. В загробной жизни есть загробный ад. А я живу в земном аду».

Подготовила Агата РЫЖОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

25 декабря редколлегией еженедельника «Литературная Россия» (Москва) были определены лауреаты литературной премии за 2015 год. Среди восьми лауреатов – новокузнецкий прозаик и публицист Николай Ничик. Звание лауреата 2015 Н. Н. Ничик получил за цикл публицистических размышлений.

7 января в Мысах прошёл традиционный открытый городской поэтический фестиваль-конкурс «Рождественская звезда». Фестиваль проходил в шестой раз, около 60 участников приехало из городов и районов Кузбасса. В жюри также вошли поэты В. Угрюмов, Т. Николаева, В. Турнаев, библиотекарь С. Демидова. Победителями в различных номинациях стали: Л. Ермакова, Е. Еремеева, А. Реин, О. Шмакович, А. Козликин, А. Громик, О. Чмыхалов, И. Воробьева, Д. Нагорнова.

14 января прошло представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса». На представлении были вручены дипломы лауреатов журнала за 2015 год. Свои подборки представили на суд зрителей поэты Агата Рыжова, Борис Бурмистров, протоиерей Сергей (Адодин). Людмила Чидилян рассказала о романе, публикацию которого журнал начал в этом номере. Галина Карпова представила материал о поэте Игоре Киселёве. О своих публикациях рассказали Виктор Арнаутов, Нина Инякина, Елена Елистратова. Участники рубрики «Поэтическая почта» Тереза Щербинина и Николай Башев прочитали свои стихи.

16 января в Каминном зале Ленинск-Кузнецкой библиотеки состоялась творческая встреча с поэтом, прозаиком, журналистом ленинск-кузнецчанкой Юлией Сливиной (Бельмасовой).

23 января в Ленинске-Кузнецком, в Каминном зале Центральной городской библиотеки им. Н. К. Крупской, прошло представление первого номера альманаха «Образ» за 2016 год. В номере проза Юлии Лавряшиной, Михаила Тарковского, стихи поэтов из городов Ленинска-Кузнецкого, Полысаево, Петушки, Каменска-Уральского и др.

25 января в библиотеке «Надежда» (пр. Шахтёров, 2) состоялась творческая встреча «Мы нарисует город словом» с поэтом С. Донбаем. На встрече присутствовали читатели библиотеки и учащиеся МБОУ «Лицей № 89».

25 января, в Татьянин день, на петербургском радио «Мария» в авторской программе книгоиздателя Евгения Жукова «Поэтический поцелуй» прозвучали стихотворения кузбасских поэтов – Татьяны Кравченко (Кемерово) и Татьяны Николаевой (Новокузнецк).

27–28 января в Новокузнецке, в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского, прошли Дни Любви Никоновой.

Проект был приурочен к 195-летию великого романиста Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) и 65-летию члена СП России, известной кузбасской поэтессы, прозаика, публициста, педагога, руководителя детско-юношеских литературных студий Любви Алексеевны Никоновой (1951–2012).

Дни Любви Никоновой открылись 27 января выставкой «Обжигающее имя – Достоевский!». Название ей дал яркий эпитет из авторского очерка, посвящённого городу Новокузнецку. Второй день проекта, 28 января, был посвящён культурно-просветительской акции «Читаем Никонову». Она была направлена на популяризацию творчества нашей талантливой землячки и прошла в формате «Громких чтений».

Участники проекта «Дни Любви Никоновой» предложили администрации музея Достоевского продолжить подобные творческие встречи и в следующем году.

29 января в Доме литераторов Кузбасса прошла встреча учителей Ижморского района с главным редактором журнала «Огни Кузбасса» Сергеем Донбаем. После разговора о журнале читали стихи А. Катков и Д. Мурзин. Встречу организовал М. Шеховцов.

29 января поэт Вера Лаврина встретилась с учениками школы № 77 в рамках празднования 80-летнего юбилея детского поэта Валентина Берестнева.

1 февраля под эгидой акции «Писатели детям» прошла встреча поэта Веры Лавриной с учениками школы № 36.

8 февраля в Доме литераторов Кузбасса прошёл литературный вечер в честь юбилея писателя Людмилы Чидилян.

12 февраля в Доме литераторов Кузбасса прошёл литературный вечер. В начале альманах «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий) представили главный редактор Дмитрий Филиппенко и член редколлегии Светлана Уланова. Кемеровский автор Татьяна Кравченко прочитала свои стихи. Эдуард Кактоман рассказал о народном проекте памятника «Фёдор Михайлович Достоевский в Сибири – навстречу любви!». В третьей части свои подборки в иногородних журналах представили поэты Борис Бурмистров («Литературный меридиан», г. Арсеньев), Сергей Донбай («Орёл литературный», «Родная Ладога», г. Санкт-Петербург), Елена Елистратова («Начало века», г. Томск), Дмитрий Филиппенко («Плавучий мост», г. Москва).

16 февраля в библиотеке «Надежда» (пр. Шахтёров, 2) состоялась творческая встреча «Когда мы под самой Москвой за землю свою умирали...», приуроченная к празднованию Дня защитника Отечества, с поэтом, членом Союза писателей России, главным редактором журнала «Огни Кузбасса» Сергеем Донбаем. На встрече присутствовала группа ветеранов во главе со специалистом по социальной работе КЦСОН Рудничного района г. Кемерово Светланой Васильевной Грибовой.

14 февраля в Доме литераторов Кузбасса состоялось обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2015 год.

19 февраля коллектив школы № 16 Киселёвска пригласил члена Союза писателей России Василия Феданова на празднование своего 80-летнего юбилея. В июне 2016 года исполнится 60 лет, как Василий Феданов окончил эту школу. Приглашённые выпускники разных лет делились своими воспоминаниями. А В. Феданов вспомнил о том, как они, школьники, заработав на сельхозработах машину зерна, обменяли его на пианино. Юбилар подарил школьному музею свой сборник стихов и прозы «Пасутся голуби в траве».

25 февраля в Доме литераторов Кузбасса состоялась встреча литературной студии «Вдохновение» под руководством поэта Г. Горюнова из Анжеро-Судженска с поэтами Б. Бурмистровым, А. Катковым, А. Иленко, С. Донбаем, Д. Мурзиным и прозаиком В. Арнаутовым. Чтение стихов переросло в обсуждение и разговор о роли литературной студии в становлении поэта.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Арнаутов Виктор. Пхукет – остров спасённый: дневниковые заметки кемеровского туриста. – Кемерово, 2015. – 84 с. с ил.

Михайлов Юрий. Герои Великой войны: сборник очерков об участниках Великой Отечественной войны. – Кемерово, 2015. – 126 с.

Неунывахин Владимир. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. – Кемерово, 2015. – 559 с.

Светлаков Юрий. Время, назад! – Кемерово, 2015. – 184 с. с ил.

Светлаков Юрий, Нилова Ирина. Таинственная Сибирь. Из цикла «Шаг за горизонт». – Кемерово, 2015. – 159 с. с ил.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

№ 4 «Начало века» (г. Томск) напечатал подборку стихов **Елены Елистратовой** «Вечность в руках разминая».

Ежегодник «Орёл литературный» за 2015 год напечатал подборку стихов **Сергея Донбая** «Воля воздуха, влаги, земли и огня».

Вышел в свет очередной номер альманаха «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий), в номере проза **Ю. Лаврышиной**, **М. Тарковского**, **А. Устиновой**, стихи **Д. Верясовой**, **В. Кузьминой**, **С. Логиновой**, **А. Пермькова**, **Т. Травченко**, **Т. Тарковской** и др.

Юбилейный, 100-й номер «Литературного меридиана» напечатал подборки стихов **Б. Бурмистрова** «Пошли мне ангела, Господь!» и **В. Иванова** «Стихия стиха».

В первой книжке журнала «Родная Ладога» за 2016 год, посвящённой 100-летию великого русского композитора Георгия Свиридова, опубликована подборка стихов **Сергея Донбая** «Верую в землю родную...».

В № 3 журнала «Плавучий мост» (Москва) напечатана подборка **Дмитрия Филиппенко** «Древняя детства».

В сборнике «А. Т. Твардовский: исследования и материалы. Вып. 2» (Смоленск, 2015) опубликованы письма А. Т. и М. И. Твардовских кемеровскому поэту М. А. Небогатову (из фондов Госархива Кемеровской области) и статья **Г. И. Карповой** «Александр Трифонович и Мария Илларионовна Твардовские – литературные наставники сибирского поэта М. А. Небогатова».

В сборнике «Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений» (Смоленск, 2015) напечатана статья **Г. И. Карповой** «И некуда от родины единственной лететь» (рассмотрен образ России в поэзии Владимира Поташова, младшего современника и последователя Александра Твардовского).

В № 1 всероссийского литературного журнала «Лифт» напечатаны стихи **Алексея Петрова**, **Дмитрия Мурзина**, **Татьяны Кравченко**, **Александра Гуменного** и рассказ **Татьяны Ильдимировой**.

Вышел юбилейный номер журнала «После 12», посвящённый 20-летию со дня основания.

Кузбасская литература понесла тяжёлую утрату. 27 февраля 2016 года на 87-м году ушёл из жизни Михаил Петрович Гоголев, член Союза писателей России, полковник

в отставке. Известный автор многих книг для детей и юношества: «Мельница моего детства», «Дедушкин чай», «Сель», «Заложники», «Другой день Ивана Денисовича», «Прости меня, Рекс», «Взрослое детство войны». М. П. Гоголев был частым гостем в читательских аудиториях и дети всегда с благодарностью слушали его рассказы и о военном детстве, и о нашем времени. М. П. Гоголев был лауреатом литературной премии им. А. Н. Волошина, награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «65 лет Кемеровской области». Михаил Петрович надолго останется в памяти писателей Кузбасса, его благодарных читателей.

Выражаем соболезнование родным и близким.

Светлая память.

Кузбасская литература понесла невосполнимую утрату. 4 марта 2016 года на 82-м го-

ду ушёл из жизни замечательный сибирский поэт, член Союза писателей России Леонид Михайлович Гержидович. Он автор более десяти поэтических книг, публикаций в центральных и региональных журналах.

Любовь к родной сибирской природе, боль за всё живущее на земле прошли красной нитью через всё творчество поэта, начиная с самых ранних стихов. И не случайно одна из главных книг так и называлась «Пихтовая родина».

Леонид Гержидович имеет награды администрации Кемеровской области, лауреат главной литературной премии Кузбасса — им. В. Д. Фёдорова.

Творчество Леонида Михайловича навсегда останется в литературе Кузнецкого края.

Вечная ему память.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Поэта.

Кузбасская литература, российская культура понесли невосполнимую утрату. 7 марта 2016 года на 79-м году после продолжительной болезни умер поэт Геннадий Евлампиевич Юров. Его по праву считают певцом города Кемерово и Кузнецкого края.

Песня «Рабочая мелодия Кузбасса» (слова Геннадия Юрова, музыка Евгения Лугова) с декабря 2002 года стала гимном Кемеровской области.

Творческий путь начинался в газетах Томской и Кемеровской областей, он являлся корреспондентом «Магаданской правды», был редактором Кемеровского книжного издательства, руководил литературной студией «Притомье». В середине восьмидесятых руководил Кемеровской писательской организацией.

Вся его творческая жизнь была посвящена родному краю, защите природного и духовного поля провинции.

Член Союза писателей России. Лауреат премии Союза журналистов СССР, дважды лауреат премии Кузбасса, лауреат премии Министрства России по делам СНГ за большой вклад в дело духовного сближения народов. Заслуженный работник культуры России. Почётный гражданин города Кемерово. Почётный гражданин Кемеровской области. Награждён орденом Почёта Кузбасса, медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» II и III степени, «60 лет Кемеровской области», «За веру и добро». Удостоен юбилейной серебряной медали им. В. И. Вернадского. Награждён юбилейным гражданским орденом «Серебряная Звезда «Общественное признание» в связи с 60-летием Великой Победы.

С книги Геннадия Юрова «Труженица Томь» началось экологическое движение в Кузбассе.

Стихи, поэмы, очерки Юрова публиковались во многих центральных журналах Российской Федерации: «Наш современник», «Москва», «Роман-газета» и др., а также в других странах.

Он автор многих поэтических и публицистических книг: «Синий факел», «Убегающая даль», «Берега», «Долина в сентябре», «Песня о городе», «Прогулка», «Стихи для детей», «Абориген», «Доверчивое русло», «Альма-матер», «Товарищеский круг», «Лирические поэмы», «Планета Кемерово», «Музыка снега. Избранные стихотворения и поэмы».

Творчество и гражданский подвиг этого выдающегося деятеля российской литературы и культуры навсегда сохранится в благодарной памяти потомков.

Выражаем искреннее соболезнования родным и близким покойного.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40, в Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 25.04.2016. Дата выхода в свет 05.05.2016. Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 58. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью
«Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru